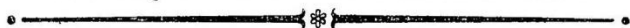

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

СТАЛЬНЫЕ ПТИЦЫ

*Антология
фантастических и приключенческих
произведений советских авторов
20-х — 30-х годов XX века*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»

2021

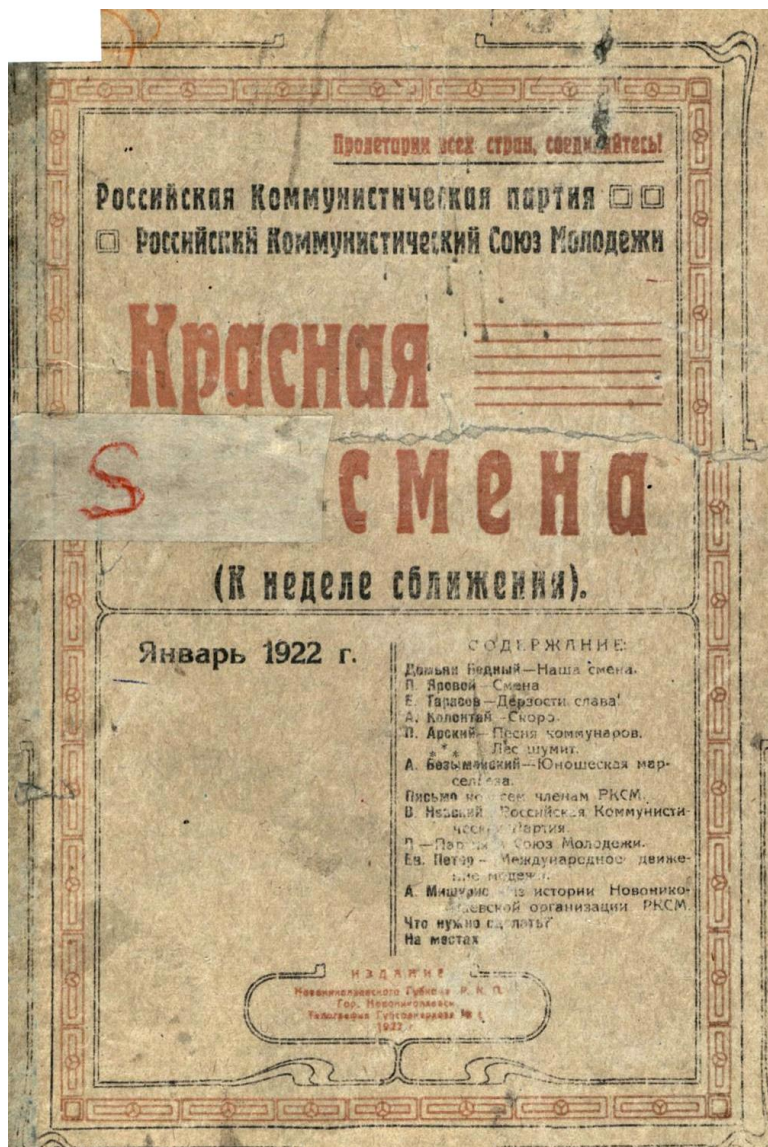
П. ЯРОВОЙ

СМЕНА

(Сон под Новый год)

Фантастический рассказ

Журнал «Красная смена» (Новониколаевск), 1922 г., № 1

С м е н а.

(Сон под Новый год).

Ткач только что рассказал детям сказку. Излюбленную, короткую, которую очень часто рассказывал и взрослым.

Где-то далеко живет в своем гнезде из золотых пушинок диковинная Жар-птица. Немало людей отваживалось поймать ее — не дается. Многие даже не могут найти то место, где она живет. И вот недавно от бедной сироты родился смелый человек. Прозвали его Охотником, за то, что он был охотник до диковинного. Он сказал себе: «Не я буду человеком, если не найду то место, где живет чудодейка. Пойду». И пошел. Смотрит на компас и идет на восход. Долго шел.

И вот чудесный лес. Березы, как серебряные свечки, сосны, как сосульки золотого дождя, а на соснах не кора, а синева небесная. Верхушки в лучах солнца и горят разными цветами. Пошел Охотник по мягкой тропинке. В ушах нежная музыка. И вот коренастый дуб. Диковинный дуб. Ствол, как мрамор, а шапка листьев в золотых перьях. На самом верху розовый венок. «Здесь», сказал Охотник и полез в гнездо.

Сунул в него руку, — обжегся, и еле устоял на мраморном сучке. Сунул еще, — меньше жжет, сунул еще, — еще меньше. С четвертого раза зацепил за горячее перо и дернул. Яркий свет ослепил Охотника. А в это время из гнезда вылетела Жар-птица и по всему лесу рассыпала искры. Охотник остался с одним пером, но он и тем был доволен, потому что перо было доказательством, что Жар-птица не сказка, а быль. Когда узнали люди о небывалом чуде, то они по всей земле разнесли весть о чудесном пере, превращающем сказку в быль.

— Теперь ложитесь спать, — сказал ткач детям.

Дети не торопились.

— Папаня, а ты что не поймал Жар-птицу?.. Я хочу ее, — сказал Ванятка, старший.

Ткач улыбнулся, а потом вздохнул.

— Ладно... поймаю... Она от нас не улетит... А теперь спите...

Легли дети и скоро уснули. Лег и ткач, но заснул не скоро. «Завтра Новый год. Что он принесет нам?», думал ткач, и незаметно с этой мыслью заснул.

И видит он сон, и хочет проснуться и никак не проснется. Он за столом в просторной и светлой комнате. Ее освещает ярко перышко Жар-птицы. У него в жизни только одна дума: собрать побольше охотников и поймать Жар-птицу. Сейчас об этом он и думает.

«Надо ее с гнездом перенести прямо в город. Вырастет в городе чудесный лес и будет отсюда расти во все стороны. Пусть гремит музыка день и ночь, а солнце пускай себе горит на вершинах леса самоцветными камнями. Пусть разольются по земле чудеса. Без чудес жить скучно — не хочется, а главное чудо в Жар-птице».

Ткач, рассуждая сам с собой, хочет сейчас же пойти к товарищам, и отворяет дверь. Но в эту минуту на пороге встает Незнакомец, седой старик. Лицо у него израненное, платье старое, изодранное. С боку мечи, а с другого — мешок с костями, и в руке — огромная книга.

— Пусти меня, — сказал гость,

Ткач попятился назад.

— Кто ты?

— Разве не узнаешь меня?

— На тебя страшно смотреть. Откуда вышел ты, такое чудище? Куда бредешь в неурочный час?

— Я сяду... устал... Ты спрашиваешь, откуда я и куда бреду... Неужели я чудище?.. Ха-ха... Ты, наверно, меня похоронил, а взял другого... Да... Так и я его жду... Он придет сменить меня.

— Но зачем у тебя этот меч и эта страшная сума?

— Мечом этим ты и твои товарищи достали себе право на экспедицию за Жар-птицей, а мешок... смотри, здесь кости

погибших за это право... А к тебе я зашел сказать: «Идет сильнее меня, красивее меня. Но берегись обольщаться временем. Оно еще неустойчиво. Он придет с новыми силами, но груз на плечах его слишком велик. Приготовься к его встрече. Он идет. Слышишь? Это он стучит в окно».

Раздается стук в окно. Сначала тихо, потом громче... умолкает. Стук раздается у двери. Ткач в нерешительности, а старик показывает костлявым пальцем на дверь:

— Отвори, это Он.

Дверь сама собой отворяется. На пороге красивый Юноша. На плечах его тяжелый груз, Он под ним слегка согнулся. На лице вздулись жилы.

— Ты кто? — спрашивает ткач.

— Я — смена, пришел его сменить.

Юноша показал на старика.

— Ну, зачем ты пришел ко мне?

— Затем же, зачем и он. При тебе и с твоим участием мы решим вопрос о Жизни и Смерти... Помоги мне снять груз!

Ткач напрягает мускулы, чтобы удержать на руках тяжесть, но груз тащит вниз.

— У меня не хватает сил.

Быстро подходит старик.

— Я имею опыт... Ну, вдвоем... Ну, ну... Р-раз, два!

Груз упал на пол. От тяжести звякнули стекла и задрожал пол. Юноша выпрямился, сверкнул глазами и обратился к старику.

— Ну, старик, что ты передашь мне?

Старик усмехнулся.

— Нравись ты мне, юный герой... А принес я тебе прежде всего свой опыт... Он больше всего в этом мече. Я не любил его таскать с собою, но он был нужен. Нужен ли он будет тебе — посмотришь. Возьми его и не бросай, пока ты несешь этот груз. А вот мешок с костями погибших за право жить. Их не выбрасывай. Они все перечтены в книге, которую я написал для тебя. Пусть они напоминают всем, что жестокий век еще не кончился. Наконец, даю свой завет. Я обливался кровью, слезами и потом, корчился в судорогах,

от голода и холода. Ты осуши реки крови, пота и слез. Прикажи земле быть плодovитой и горячей. В судорогах отчаянной борьбы я забыл о чудесном лесе и о Жар-птице, ты кликни клич к ткачу, — сотки алые полотна. Когда твои товарищи оденутся в одежды огненного цвета, чудесный лес примет их, как гостей. А Жар-птица полетит им навстречу. Я уже побывал у коvачей, молотобойцев, у пахарей, — везде говорил свои заветы... А теперь, юноша, я вручаю тебе остатки моего груза и дарю мой прощальный поцелуй. Подойди ближе. Так... Не бойся груза... Мой был больше, но я донес его и теперь спокойно передаю его остатки... А ты так силен и молод... Счастливый путь, Юноша...

В одно мгновение старик исчез. Юноша взвалил на плечи свой груз и сказал ткачу:

— Ну... скажи своим товарищам, что мой лозунг — беспреcтанно ковать.

Ткач проснулся и вскочил.

— Но кто он? Кто? Он был у меня.

И, очнувшись окончательно, усмехнулся:

— Вот так сон... Не в бровь, а в глаз.

И долго, долго не мог потом заснуть, все думал о чудесном сне и, наконец, решил, что сон этот пророческий.

П. Яровой.

А. ТЮЛЬМИН

**МАРС, СТАРШИЙ
БРАТ ЗЕМЛИ**

Отрывки

*Тюльмин, А. Марс, старший брат Земли / А. Тюльмин. —
Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1925. — 24, [1] с. :
ил.; 17 см. — (Библиотека юного пионера. Научная серия).*

БИБЛИОТЕКА
ЮНОГО ПИОНЕРА
ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНАЯ СЕРИЯ

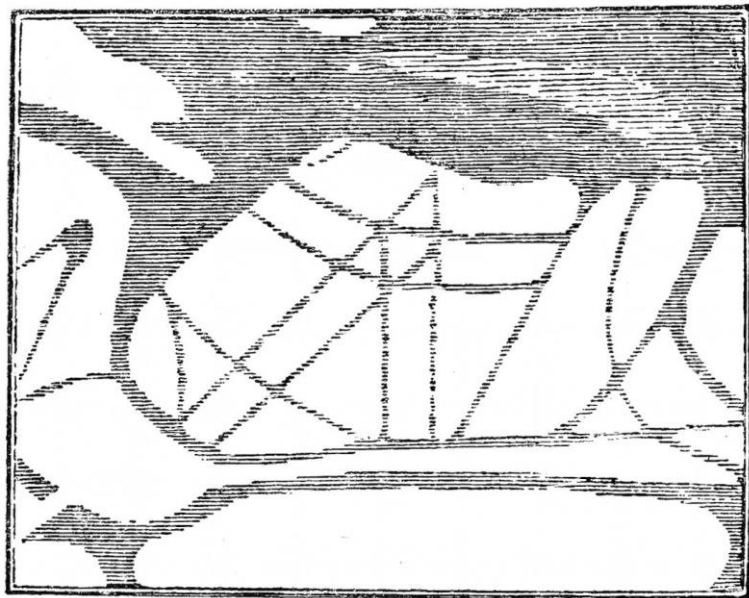

МОСКВА ДАЯ ГВАРДИЯ 1925г.

Сев.

Часть каналов Марса.

ЛЮДИ НА МАРСЕ

То обстоятельство, что Марс очень похож по своим условиям на некоторые части Земли, и позволяет предполагать, что на Марсе существуют такие же разумные существа, как люди на Земле. Сказать, что их там не может быть, мы не можем, так как знаем, что и на Земле живут люди и в глубоких снегах и льдах на крайнем севере, и в жгучих и безводных песках наших пустынь, как, например, в Сахаре, тем более, что воздух, вода, тепло и растительность на Марсе есть.

Но утверждать, что там обязательно должны жить существа разумные, как люди, тоже мы не имеем твердых оснований. Будем надеяться, что наблюдения, которые продолжатся, в конце концов раскроют нам тайну Марса так же, как человек силою знания раскрыл уже не одну из загадок

природы. Одно можно утверждать, что жизнь на Марсе есть, но в каком виде — не знаем пока.

БУДУЩЕЕ ЗЕМЛИ

В заключение скажу, что та участь, которую сейчас переживает Марс, когда-то, через много, много миллионов лет постигнет и Землю. Так же, как и на Марсе, пустыни завладеют сушей; вода постепенно уйдет в глубину, а часть ее улетит в пространство навсегда. На земле будет становиться холоднее и холоднее. Воздух тоже постепенно будет улетать в пространство, и делаться все реже и реже. Одним словом, Земля будет стареть так же, как и мы постареем с тобой, и наконец, умрет так, как умерла наша Луна. Когда-то и она была молода, но теперь это скелет когда-то живого тела. Марс, в сравнении с Землей, уже прожил те года своей жизни, когда он был так же полон сил, как и Земля, и поэтому дадим ему имя: старший брат Земли. Да, Марс старше Земли и, по-видимому, очень быстро стареет, и если на нем есть люди, то они, наверно, знают, что вместе со смертью Марса наступит и их конец.

ЛЕВ НИКУЛИН

КОШАЧЬЕ СЧАСТЬЕ

Фантастический рассказ

Иллюстрации Б. Ефимова

Среди важных изобретений и открытий, которыми обесмертил себя мой покойный друг доктор Симов, был один необыкновенный прибор, называемый «переключатель мысли». Скоропостижная кончина Симона, трагическая гибель изобретателя от взрыва примуса, не дала ему времени зарегистрировать патент на это изобретение. Мне, как ближайшему другу Симова, остается поделиться воспоминаниями о замечательном опыте Симова, свидетелем которого я был в его лаборатории в Суконном переулке.

1. ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЬ МЫСЛИ

— Зачем усложнять жизнь?.. Зачем покидать город летом?.. Что может быть очаровательнее города летом?.. Поздние северные сумерки, переходящие в белую ночь... Теплый воздух, дыхание остывающих, нагретых за ночь домов. Право, можно простить мелкие обиды: придирки управдома, настойчивость фининспектора, капризы месткома, служебные неурядицы и обиды. Вечер, досуг, тишина... Шорох шагов на улице, обрывки смеха, шепот и даже эта гармоника и кошачий визг. Кстати, о кошках...

Мой друг Симов запнулся, задумчиво поглядел вокруг себя. В хаосе приводных ремней, проводов, колб и реторт он искал то, что заставило его прервать плавно льющуюся речь. Наконец, он встал и, обдергивая чесучовый, кургузый пиджачок, вытащил из-под стола с приборами блюдо с мо-

локом. Затем он прошел в кухню, которая вместе с чуланом составляла дополнительную площадь жилья Симова, и шумно открыл дверь на черный ход.

— Минуту, — сказал Симов из кухни. — Кстати, о кошках...

Самодовольно и не слишком громко мяукнув, в лабораторию Симова вошел кот. Обыкновенный, серый, с белыми лапами и белым носом кот. Несколько темная шерсть вокруг желтых топазовых глаз образовала как бы полумаску и придавала коту интригующую, лукавую внешность.

— Прежде всего, пейте, — вежливо сказал Симов коту, придвигая блюдце с молоком.

Кот беззвучно мяукнул, мельком взглянул на Симова и, не совсем твердо переступая, прошел мимо блюдца и лег на пол.

— Очень странно, — сказал доктор Симов, поправляя очки. Затем он обратился ко мне:

— С некоторого времени меня беспокоят крысы. Я не возражал, когда они разгружали меня от испорченных продуктов. Но они грызут приводные ремни, которые являются орудиями производства. Но они грызут переплеты научных трудов. Поэтому я призвал на помощь это прирученное существо...

Симов провел указательным пальцем под подбородком у кота. Кот слабо потерся головой о брюки Симова и беззвучно мяукнул.

— Очень странно, — сказал Симов, — вы равнодушны к ласкам, вы не пьете молока, что же случилось, мой уважаемый собеседник?.. — и затем Симов повернулся ко мне. — Вы смеетесь, вас смешит — «уважаемый собеседник»...\

И тогда мой друг встал и взял со стола довольно сложный прибор. Сначала я принял его за подобие слухового прибора — резиновый шлем с проводами и металлическими пластинками и нечто вроде ременного браслета, к которому вели провода. Отдельный толстый провод был прикреплен к верхушке шлема и заканчивался электрическим штепселем. Симов надел прибор на голову и, подняв кота с пола, посадил его на колени.

— Друг мой, — сказал Симов, воткнув штепсель в один из одиннадцати выключателей на стене, — друг мой... Есть ряд мелких открытий, которые мне удалось сделать, так сказать, проходя, мимоходом... Я сделал эти открытия только потому, что они так или иначе связывались с моей основной и сложнейшей работой. В частности, вот эта штука...

Он щелкнул ногтем по шлему, надел его на голову и взялся за ременный браслет, к которому вели провода. Затем, погладив кота от хвоста к переносице, он осторожно надел ременный браслет на голову кота и слегка затянул ремень так, чтобы браслет не сваливался. Кот лениво мяукал и обхватил лапами руку Симова.

— Ну, ну, — продолжал Симов, — не будем чрезмерно скромными. Это мой друг, у меня нет тайн от него. Можете говорить, что вам взбредет в голову. Одну минуту... — теперь Симов обращался ко мне, — опыт требует некоторого пояснения. Эту штуку я называю переключателем мысли. Нет никакого сомнения в том, что млекопитающееся, которое сидит у меня на коленях, — мыслящее существо. У него несколько упрощенное мышление, но оно мыслит, оно здраво располагает своими мыслями, как всякое другое живое существо...

Слегка наклонившись вперед, Симов смотрел мне прямо в глаза:

— При помощи этого прибора я переключаю мысли кота, то есть мой мозг делается приемником мыслей этого животного. Это один из самых совершеннейших способов передачи мыслей на расстояние, не имеющий ничего общего с гипнозом или эстрадным шарлатанством. Когда я включу ток, я перестану говорить, будет говорить не Симов, а кот.

Характерный треск повернутой кнопки. Лицо Симова было неподвижно. Неподвижно лежал кот на коленях Симова. Губы Симова как бы произвольно раскрывались, и я услышал тихую, отчетливую речь. Слова складывались в фразы и предложения, но явно говорило другое существо. Бешено крутился диск электрического счетчика в стеклян-

ной щелке. И Симов говорил медленно и раздельно, как говорящий заводной автомат.

2. РАССКАЗ КОТА

— Я помню себя почти тысячу солнц. У людей солнце называется днем. Но мы, коты, не замечаем ночи. Мы одинаково видим днем и ночью и различаем время по теплему желтому кругу в небе. Почти тысячу раз появлялся и прятался круг-солнце, и вы можете считать, что я живу около трех лет. Мы привыкаем к месту, и для вас ясно, что я очень привык к квартире четыре в бельэтаже, где я открыл глаза, чтобы видеть днем и ночью. У меня мягкая, удлиненная шерсть и пышный хвост. Из этого вы можете судить, что я кот хорошей породы. Можно сказать прямо — я сибирский кот. Я помню себя котенком на коленях у мягкой и круглой дамы. Я помню скользкий очень чистый пол, в котором я в первый раз увидел себя. Разные вещи на четырех ножках тоже отражались в нем. У стен стояли другие холодные плоские вещи, в которых я видел себя удивительно ясно. Потом я узнал, что это особого рода стекло, — оно называется зеркалом. Я жил очень недурно. У меня была подушка и ящик с желтым песком. Кроме круглой дамы, был длинный человек с шерстью на лице, который иногда наступал мне на хвост. Но днем он был в других комнатах и назывался муж. Я рос и толстел.

Однажды я попал на черную лестницу. Там было темно и страшно. Короткий человек, вдвое тоньше мужа, затопал на меня и закричал: «Буржуйская кошка!» Я убежал домой, но меня все же тянуло на лестницу. Там были еще коты. От них пахло дымом и несъедобными вещами. Так шли дни. Я вырос на коленях у мягкой дамы. Иногда меня показывали другим мужам и дамам, и они говорили: «Прямо — картинка!». Однажды круглая дама весь день мяукала. Лицо у дамы было мокрое, муж ходил по комнате, хлопал себя по ногам и тер шерсть на лице. Она и муж говорили разные странные слова. Я хорошо запомнил такие: «нэп», «процесс», «губсуд», «изоляция».

Затем все пошло навыворот. Мужа с шерстью на лице увели двое в сапогах. Мягкая дама взяла с собой небольшой ящик и тоже ушла. Пришло много людей в сапогах и галошах. Один стучал молотком, читал бумагу и говорил: «Кто больше?». Другие говорили вместе и врозь. Затем произошло ужасное. Разные вещи унесли вверх ножками, холодные, плоские стекла тоже. Пришли еще люди, и один сказал: «Поделим между членами жилплощадь». Несколько дней стучали молотками. Я спрятался в ванной, а когда вышел, то увидел совсем другое. Много деревянных стенок, и там, где была мягкая дама, сидел человек в фартуке, с сапогом в руках. Он поднял меня за шерсть, встряхнул и сказал:

— Жил у нэпача — поживи у кустаря-одиночки.

Затем стало плохо. Я ел невкусные вещи, и люди хотели, чтобы я ловил мышей. Мыши — пыльные и очень хитрые звери. Сначала ловил их неохотно. Человек с сапогом меня не кормил, и тогда я с трудом поймал мышь. Затем, на лест-

нице, крысу. Это было труднее. Человек с сапогом сказал: «Молодчина!» и дал молока. Я стал привыкать. Мыши ушли в подполье. Мы жили мирно с человеком в фартуке. Он изредка гладил меня и говорил: «Васька», «Стервец» и «Не зевай»... Так шло время. Из соседней мясной лавки пришла большая крыса и съела кусок кожи. Признаться, я кое-что слышал, но мне было тепло и просто хотелось спать. Утром человек с фартуком взял меня за шиворот, ткнул в изгрызенную кожу и больно ударил ремнем. Я удрал на чердак и очень грустил. Затем я вылез на крышу. Почему-то я вспомнил о мягкой коже, о молоке и ящике с песком. Я очень огорчился и не помню, как очутился на краю крыши. Затем мне захотелось спать долго, очень долго, всегда спать. Я разжал лапы и упал. Воздух ударил меня в нос. Земля прыгнула на меня, хвост выровнял меня в воздухе, я вытянул лапы и упал на белое и мягкое и, подпрыгнув, свалился на улицу. Затем я побежал под ворота и долго не слышал и не понимал.

Приказчик из книжной лавки крикнул: «Сапожников кот убилися!». Я хотел мяукнуть, но не мог, у меня сел голос. До вечера я лежал под водосточной трубой. Вечером я вышел и по черной лестнице пришел к дверям квартиры четыре. Крыса из лавки мясника нагло вылезла из щели. Меня считали мертвым. Я загнал ее в угол. Она пошла на меня. У меня слегка болела спина, и вообще мне было не по себе, но я

был зол и перекусил ей шею. Был шум и открылась дверь. Человек в фартуке увидел меня и дохлую крысу, всплеснул руками:

— Жив, стервец! Твое счастье!..

Я бросил крысу и пошел домой. Вокруг собрались люди и качали головами: «Кошачье счастье!». Потом меня кормили, гладили, но пока не было аппетита. Вот и все.

ЭПИЛОГ

Щелкнула кнопка. Электрический счетчик остановился. Симов снял шлем с головы, вынул штепсель и снял ременный браслет с головы кота.

— Бывает, — сказал Симов, — бывает... Бывает так, что матерый и бывалый кот раз ошибется, огорчится и возненавидит новую для него жизнь. И вдруг прячутся когти, и старый, разочаровавшийся кот, зажмурив глаза, сорвется с крыши шестиэтажного дома, рассчитывая брякнуться на асфальт и подохнуть. Но кошачье счастье — инстинкт, правильный животный инстинкт. Хвост, который инстинктивно рулит в воздухе и направляет кота прямо на полотняный тент книжной лавки и, наконец, четыре лапы, четыре крепких мускулистых лапы, пружины, на которые падает кот... И обошлось, — кошачье счастье. Браво, кот!

Симов зажег свет. Электрическая лампа в двести свечей осветила самые дальние углы и разогнала все тени. Симов сидел против меня и гладил серого мурлыкающего кота. Кот мурлыкал и потягивался.

Сон или не сон? Вероятно, сон.

ИВАН СЕРП

КАК БУДЕТ

Фантастический рассказ

*Журнал «Даешь Сибири красные крылья!», 1925 г., № 3(4)
Художник не указан.*

Как будет,

— Ах, раз'язви их, сатаны окаянные, оглох совсем от них — прошамкал беззубым ртом лысый дед Андрон. Он только что встал и вышел на улицу. Утро смеется. Воздух свежий — сам в грудь так и льется, а над деревней тихий мелодичный звон стоит. Глянешь на небо, а там будто десяток быстрых птиц выются. Но дед Андрон знает, что это не птицы, а аэропланы. Вот, в течение двух лет, каждый раз, выходя на улицу, видит их. В его старческое сердце всегда залезает какая-то дикая злоба. Не любит он аэропланов.

Рано еще, 6 часов недавно ударило, а деревня живет уж.

Сосед деда Андрона — здоровенный мужчина Емельян Мотористов, громко зевая и почесывая поясницу, вышел за ворота.

— Здорово, дедушка, — пробасил он.

Дед Андрон встрепенулся, поглядев на Емельяна мутными удивленными глазами.

Емельян был мужик деловой. В правлении потребиловки состоял, в бюро ячейке был, а кроме того в сельсовете работал. Работы у него было тьма-тьмушая.

— Пропеллером не проворотишь — так говорил он. А говорить страсть как любил. Вот и сейчас начал:

— Горячий день у меня сегодня будет. Надо в волисполкоме побывать, в город на склад съездить — товаров привезти, а к вечеру на октябрины в Ермоловку звали.

Не успел Емельян закончить, как на полянку, легко шурша, спустился маленький двухместный аэроплан, из него вылез почтальон Егор — молодой парень, и передал Емельяну газету и журналы.

Затем снова сел на аэроплан, который, жужжа как шмель, взвился вверх.

Емельян развернул «Сельскую Правду», и погрузился в чтение.

— Ммм... — потянул он, — нужно будет к крестьянскому адвокату залететь. Вызывает...

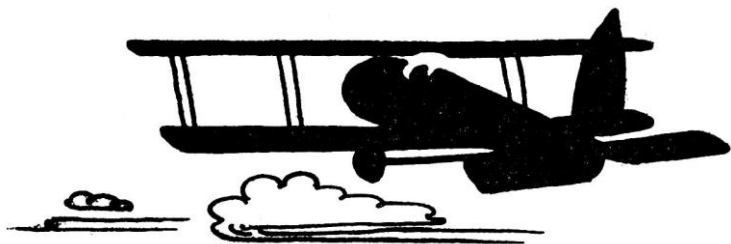
Наскоро пробежав газету, Емельян взялся за журналы. В это время, в выси что-то зазвенело. Дед с Емельяном, как по команде, подняли головы. Плавнo спускаясь над деревней, крутил большой аэроплан.

— Пассажирский, — пробормотал Емельян. Спускается, пойдем. Кто-то из наших, должно быть, приехал.

Дед с Емельяном пошли на площадь. Там уже, спустившись на землю, стоял пассажирский аэроплан „Красноярец“. Аэроплан был большой, сажень десять в длину.

Летчик сошел на землю.

— Из вашей деревни кто-то есть, — сказал он. — Да спит наверно, идите-ка, разбудите, а то нам стоять долго нельзя.

Емельян и дед отворили стеклянную дверку и вошли в узкий коридор, освещенный электричеством. Они подошли к доске, где мелкими электрическими лампочками были написаны имена всех пассажиров.

— Авдотья Крылова — каюта № 2, — прочитал Емельян. Дед подпрыгнул прямо.

— Ну и скоро. Понимаешь, третьего дня к сыну в Самару поехала, а сегодня уже дома. Здорово.

Они живо отыскивали каюту и постучали.

Дверь отворилась. Перед нами была маленькая комнатка с кроватью, столиком, стулом и шкафом. На кровати сидела сморщенная старуха.

— Скоро же ты, — еще раз удивился Андрон.

Все вместе вышли обратно. А через минуту гигант-самолет поднялся на воздух.

На этот раз Андрон не сплюнул и не обругался, а ласково пробормотал:

— Хороша все-таки штука — аэроплан.

***

У Марьи заболела дочь. Не то чтоб даже заболела, а прямо отравилась.

Выпила чего-то, и ну девку скручивать. На всю деревню орет:

— Помираю!

Пришли в избу мужики: «В чем, мол, дело?».

Плачет Марья, записку показывает, а в записке написано: отравилась я, Ванька виноват. Вчера, когда я в город к тетке летала, его с Анюткой на ероплане видела.

— Доктора надо, — решили мужики...

А доктор за 50 верст.

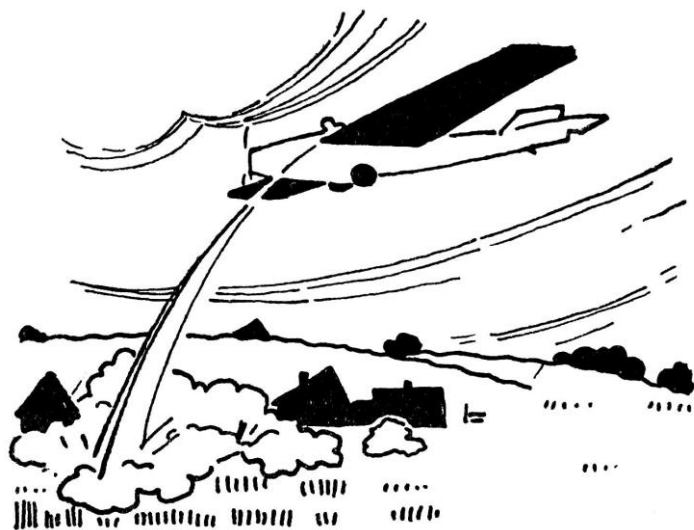
— Антип Федотыч, возьми мой аппарат, да слетай, я бы сама, да боюсь, дочке плохо будет, — обратилась Марья к одному из мужиков.

Антип Федотыч зашел в сарай, выкатив небольшой самолет за ворота, сел, сынишку с собой посадил и быстро понесся вверх.

А через час около посиневшей Марьиной дочери суе-тился врач.

— Ежели-б еще час прошел — умерла бы, — сказал он.
— А теперь ничего, пройдет.

Марья со слезами радости вышла на двор и долго, с любовью, смотрела на сверкающий на солнце самолет. Ведь если б не было его, умерла бы дочь-то.

В это время Ванька, виновник отравления Марьиной дочери, занимался делом. На маленьком самолете он медленно кружил над своим полем, а его братишка, сидящий рядом, из короткого насоса брызгал на пшеницу вонючую жидкость.

— Коли бы ты не заметил, весь бы хлеб, окаянная, съела, — бормотал он. — Теперь, шалишь, всю изничтожим, — говорил он, выбрасывая из насоса снопы брызг над тревожно мечущейся саранчой.

***

Емельян возвращался из города.

Большой самолет летел быстро, чуть-чуть покачивая. Емельян сидел на мешках в большой просторной каюте. Он поминутно поглядывал на часы. Сейчас пять, а к семи нужно попасть на октябрины, а до этого, в деревне сдать товар. Емельян тревожно смотрел в маленькое круглое окно. Внизу быстро мелькали поля и леса, змейкой вилась речка Уранка. Изредка невдалеке пролетали большие и маленькие аэропланы.

— Хорошо теперь стало с аэропланами-то, — думал Емельян. — Раньше было вот 70 пудов товара, из города за 60 верст надо б было бы на трех лошадях вести, да два дня время затратить. Теперь без лошадей на аппарате в два часа доставлено будет. Хорошо!

Емельян высунул голову в окошко. В ушах свистел ветер.

Приблизительно на одном уровне с его самолетом летел другой, такой же большой самолет — навстречу.

— Новый какой-то. Не примечал раньше-то...

И когда летевший самолет поравнялся с грузовым самолетом, на котором летел Емельян, то стала видна надпись: „Анжерец“.

— Молодцы горняки. Еще один новый построили.

Но вот и деревня. Летчик повернул руль. Аэроплан накренился и медленно, кругами, стал спускаться.

А в деревне происходило следующее: дочь Марьи, встав с постели, опять захотела травиться: развела сулемы и выпить хотела, да не удалось только — Иван пришел.

— Чего, Клаша, глупишь? — испуганно пробормотал Иван, уже узнавший об отравлении.

Клаша молчала.

— Уж не знаю, чаво это ты? — удивлялся Иван.

Клаша заплакала.

— Не плачь, Клаша, я, брат, тебе подарок сделаю. Хочу тебе ероплан подарить. У меня уж в кассе сберегательной на книжке кое-что есть. А плакать будешь, пропью.

Клаша не выдержала:

— Где ж ты вчера вечером, вихрастый, был?

— Я-то Анюту в волость, на делегатское собрание возил. Ей очень нужно было. А отец-то, вишь, на ихнем самолете с братом на смычку вчера от ячейки в Судженку улетели. А ей надо было. Шибко просила, и свозил ее.

— А я думала... Ну ладно, — пробормотала она. — Ох, из-за тебя все. Скажут, комсомолка, быт новый, а из-за мужиков травмишься. Со стыда умрешь...

***

Деревня Ермиловка — небольшая. Всего лишь 120 дворов.

Сегодня в Ермиловке праздник. Новый быт вводят. Октябрины устроили. У крестьянина Фадеева родилась почка.

На площади стол стоит. За столом Емельян сидит, родители и еще кое-кто. А кругом мужики, бабы, ребята. Невдале стоит большой самолет с надписью: „Ермил“, а внизу написано: „Для общественного пользования“

Рядом другой самолет маленький, двухместный — на нем Емельян приехал.

— Итак, товарищи, — говорит Емельян, — значит, девчонку, в честь Розы Люксембург, Розой назовем. А теперь разрешите вам о новом быте сказать, а вы мне вопросы зададите, — проговорил Емельян, вставая из-за стола.

Недолго Емельян говорил, да понятно. Не только насчет семьи, но и насчет общественного быта сказал.

— А какие у кого вопросы?

— Вот-ка, товарищ Емельян, ты скажи, почему у нас хлеб плохой, а у вас хороший? — задал вопрос кудлатый мужик.

— Эх вы! Это все новый быт сделал. Ведь ежли ты жену не бьешь — это не есть новый быт. А ты вот по всем направлениям живи по-новому. Вот, к примеру, нашу деревню взять: 300 дворов в ней — у нас пять общественных

аэропланов, да почти у каждого собственный есть, а у вас вот 130 дворов, да один общественный только, а собственных вовсе нет.

Вот ты говоришь про хлеб: у вас кобылка, да саранча ест его; а мы ее, с аэропланов да химической жидкостью. Мы вот на ероплане и товар возим, и на пуд товара за провоз одна копейка обходится, а вам на лошадях 10 копеек. Одним словом, куда не кинь, а на ероплане — все дешевле, да быстрее, да лучше.

Ежели у вас новый быт, ежели лучше жить хотите, еропланы стройте. Всего-то он триста рублей стоит, да рассрочка на четыре месяца, а хозяйство теперь без него вести нельзя никак. Вот и судите.

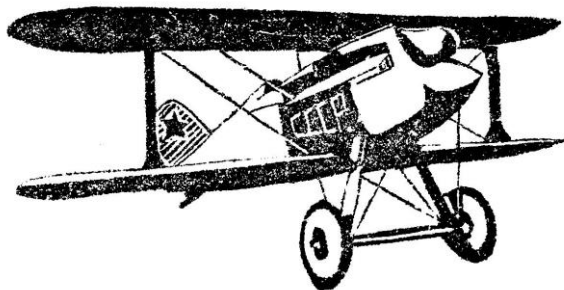
Долго судили мужики.

— Вот они второй год на аэропланах разъезжают. А мы что, лыком шиты? Купить надо, — как один решили все.

— Вот это так, — обрадовался Емельян. — Во всей волюсти одни вы были, что только один ароплан имели. Теперь, значит, вместе, в ногу. Давно-ль, товарищи, об этих аэропланах только слыхом слыхали. Всего десяток лет. А как взялись, денег не пожалели, и на военный, и на гражданский флот, вот теперь и живем,

— Великая это братцы штука, аэроплан, — заключил Емельян.

Иван Серп.

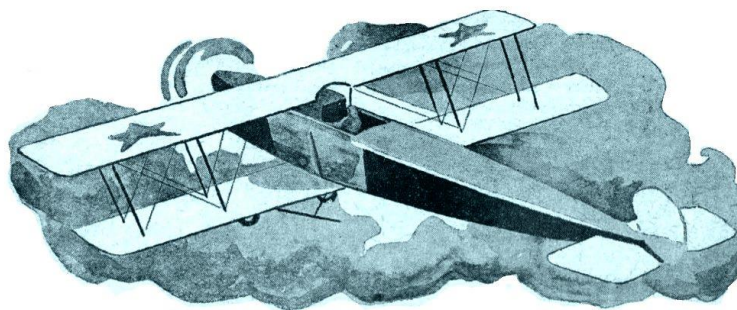

Г. В.

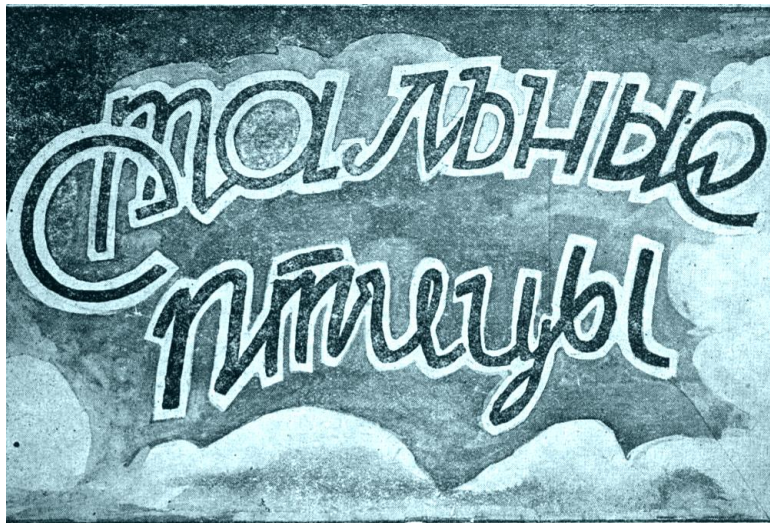

СТАЛЬНЫЕ ПТИЦЫ

Фантастический очерк

Происхождение файла не установлено, не позднее 1927 г.

554 КИЛОМЕТРА В ЧАС

40 лет тому назад, в 1890 году, человек впервые поднялся на аэроплане в воздух: это был француз Клеман Адер. Он пролетел всего лишь триста метров. Ему не повезло: машина при спуске разбилась. Буржуазное французское правительство отказало Адеру в денежной помощи:

— Никакого толку из этого дела не выйдет, — сказал министр финансов. — Ради трехсот метров не стоило строить аппарат!

Этот министр, очевидно, не решался и думать о том, что через 20-30 лет стальные птицы будут свободно пролетать тысячи километров над всем земным шаром. Недальновидны буржуазные правители...

И поистине поразительны успехи авиации!

Высота полетов поднялась за последние годы до 12 тысяч метров.

Скорость по полтора-два-три километра в час считается обыкновенной. Английский летчик Грей добился скорости 554 километра в час.

Быстро развивается аэропочта. В той же Франции в 1919 году на аэропланах перевезено 9 тысяч писем, в 1922 году — полтора миллиона, в 1927 году — семь миллионов.

Одновременно с этим росло и пассажирское воздушное сообщение. На первом месте в этом отношении стоит Германия. В ней уже в 1922 году было перевезено на аэропланах и дирижаблях (воздушные корабли) 9 тысяч человек, в 1924 году — 49 тысяч, в 1927 г. — больше 100 тысяч. За эти же годы в СССР перевезено воздушных пассажиров, в среднем, в 30 раз меньше.

Сейчас наша задача: догнать и перегнать капиталистические страны.

ВОКРУГ СВЕТА ЧЕРЕЗ СИБИРЬ

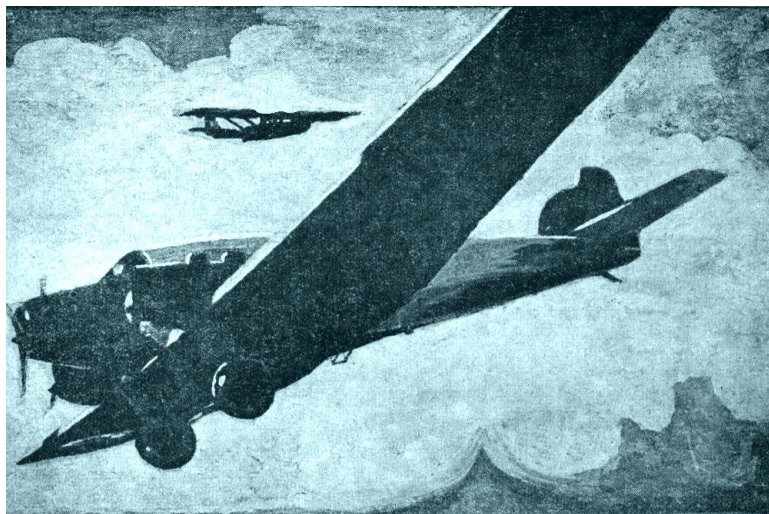
Воздушными путями связаны уже почти все страны мира.

Посмотрите на глобус или на мировую карту. Слева от СССР, на запад, лежит Англия и другие европейские страны и Атлантический океан. Справа, на восток от нас, Китай и Япония, Великий океан, Америка. Если лететь вокруг света с запада на восток или обратно, не минуешь СССР, а в частности, Сибири.

Сибирь представляет собою крупнейшее звено в цепи воздушных сообщений, крупнейшую часть мирового воздушного пути. Но до сих пор она являлась для летчиков загадкой, пустым и страшным местом, где их ждет неизвестно что...

Сибирь была мало исследована и совершенно неподготовлена к этому новому виду связи. Потребовалось несколько лет для разведок и обследований, потребовались десятки пробных полетов на Алтай, в Туруханск, на Лену, на Дальний Восток, к границам Монголии.

Теперь все эти пути пройдены, и в наиболее важных пунктах сооружены аэродромы и посадочные площадки. Теперь можно из Германии лететь прямо в Японию (через Владивосток) и в Китай (через Монголию).

Путь от Берлина до Владивостока, протяжением в 10 тысяч километров, займет всего лишь 74 часа. Путь от Берлина до Пекина, протяжением 8.700 километров, можно проделать в 65 часов. Это при средней скорости 135 километров в час и при условии полета днем и ночью.

Главные станции этих путей: Москва, Казань, Новосибирск, Иркутск.

Прибавьте сутки или полтора суток на остановки в этих городах. Тогда из Германии во Владивосток или в Пекин вы попадете в конце пятых суток, т.-е. в 3 раза скорее, чем по железной дороге.

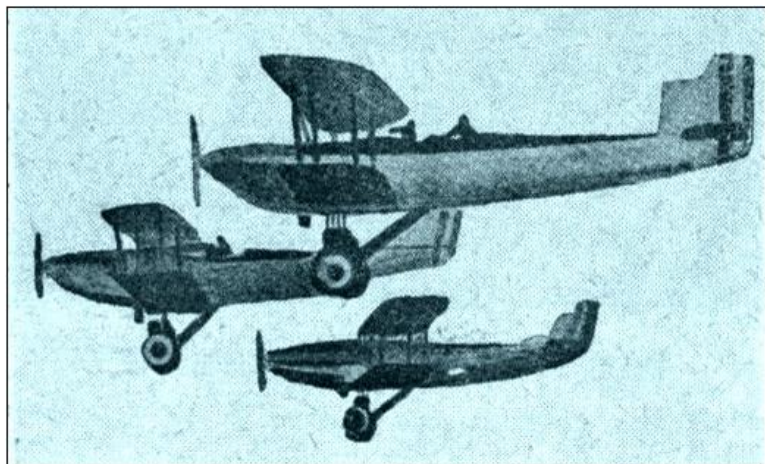
Еще более интересный путь намечает немецкий летчик Брунс — он разработал проект постоянного пассажирского движения цеппелинов (гигантских воздушных кораблей) по линии: Париж-Берлин-Ленинград-север Сибири-Япония. Воздушные корабли Брунса будут освещаться электричеством, иметь столовую, каюты с мягкими койками и прочие удобства. Перелет цеппелинов из Франции в Японию займет также 5 суток, считая остановки в Берлине, Ленинграде, Благовещенске и Харбине. А весь путь вокруг света можно

при таких условиях проделать в две недели. В 24 часа из Новосибирска в Москву.

Воздушные путешествия вокруг света — дело будущего, задачи ближайших двух-трех лет. В настоящий же момент нам гораздо важнее решить задачу сегодняшнего дня: освоить линию Москва-Иркутск и линию Новосибирск-Кузнецк.

Эта сегодняшняя задача, можно сказать, уже решена.

15-го мая открылось постоянное движение почтовых аэропланов от Москвы до Иркутска и обратно. На это дело двинуто 20 аэропланов. Письмо из Сибири в Москву летит меньше суток. Также может быть доставлена и небольшая посылка или денежный перевод.

1-го августа открывается по этому же пути пассажирское воздушное сообщение. С пассажирами будут летать 6 самолетов, каждый на 9 чел., не считая летчика и механика. Скорость та же, что и у почтовых самолетов. Если вы в 5 час. утра вылетите из Новосибирска, то в 11 час. вечера в тот же день спуститесь в Москве. Так как перелеты решено производить и ночью, то в Новосибирске необходимо создать постоянный воздушный порт — для спуска и вылета аэропланов не только днем, но и в ночное время. Работы по

сооружению ночного аэродрома уже идут полным ходом: в 3 километрах от города, за речкой Ельцовкой расчищаются и выравниваются 50 гектаров земли. Площадь эту, чтобы избежать пыли и грязи, засеют низкорослой травой. Здесь же воздвигается мощный неоновый маяк (неон — газ, дающий яркий свет), который будет виден даже в ночном тумане за десятки километров, и не позволит летчикам заблудиться. Рядом с маяком устраивается большое подземное хранилище бензина на 200 тысяч килограмм, дабы у самолетов не было перебоев с топливом и не приходилось бежать за бензином в город.

В июне этого же года открывается другая, совершенно новая, воздушная дорога: Новосибирск-Кузнецк. На ней будут работать 3 четырехместных аэроплана, причем перелет в один конец будет совершаться в 2-3 часа.

ВОЗДУШНЫЙ ПУТЬ УСКОРИТ ТЕМПЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Необходимы ли нам воздушные пути?

Может быть это лишняя роскошь, на которую нет смысла тратить деньги? Ведь мы сейчас строимся, экономим каждую копейку, а новое дело требует сотен тысяч рублей.

Главное средство передвижения — железная дорога. Чем гуще железнодорожная сеть, тем удобнее и выгоднее для населения. Сибирь не может похвалиться развитием железнодорожных путей. В то время, как в европейской части СССР на 1000 кв.километров приходится 8 километров рельсовых путей, в Сибири на ту же площадь приходится только 1 километр, т.-е, в 8 раз меньше. Только половина рек Сибири судоходна, да и время плавания на них весьма ограничено: с ноября до мая реки скованы льдом, а северные участки их находятся подо льдом по 7-8 месяцев. Число пароходов и барж тоже значительно меньше, чем на Днестре или на Волге.

Словом, Сибирь нуждается в новых путях и средствах сообщения гораздо больше, чем Европейская Россия.

Что мы будем перевозить по воздуху?

Прежде всего — почту. При огромных сибирских расстояниях обыкновенная почта передвигается очень медленно, особенно там, где нет железной дороги: в Туруханском, крае, в Якутии и других местах, Письма, деньги и разные деловые бумаги, даже срочные, идут неделями, а иной раз и месяцами. А на аэропланах почта будет доставляться, самое большое, через несколько дней.

Затем — пассажиры. Мы вовсе не намерены устраивать воздушные прогулки для непманов. Мы хотим перевозить только деловых людей: партийных и советских работников, красных командиров, ученых, специалистов, техников, агрономов, врачей, корреспондентов, и т. д. В любом месте могут срочно понадобиться такие люди — и мы их перебросим в 24 часа. Срочные командировки по важнейшим делам станут, конечно, осуществляться тоже воздушным путем.

И наконец — переброска ценных товаров. Золото, пушнину, медикаменты (лекарства), научные и технические приборы и т. п. вполне возможно и целесообразно перевозить на аэропланах.

Прибавьте к этому те услуги, которые может оказывать авиация в сельском и лесном хозяйстве: борьба с вредителями полей (опрыскивание их с аэропланов), наблюдение за лесными пожарами.

Воздушные пути нам нужны, и чем шире станут они развиваться — тем больше пользы получит народное хозяйство. Особенно выиграют от этого наши отдаленные окраины, куда никаким другим способом скоро не проберешься. Весьма важное значение живая и быстрая воздушная связь имеет также для такого района, как Кузнецк — центр Кузнецкстроя, будущей гигантской фабрики железа, угля и стали.

Стальные птицы советской авиации ускорят темпы нашего строительства и теснее свяжут нас с трудящимися всех стран.

БОРИС РЕНЦ

С ТОГО СВЕТА

Фантастическая юмореска

С того света.

Борис Ренц.

В одно весеннее утро, прекрасное, как улыбка девушки с голубыми глазами, и золотыми, как Псковский лен, кудрями, на одном из захолустных кладбищ, захудалого, серенького и, конечно, как вывод — типично-провинциального сибирского городка, затерявшегося в таежных дебрях, покосившийся на бок металлический крест на одной из кладбищенских могил, зашатался... Со звоном слетела с него прожавевшая дощечка с надписью:

— «Здѣсь покоятся тѣло городского головы, куца первой гильдіи, непремѣнного члена общества поощрения кролиководства, члена общества торговли и промышленности, Александра Васильевича Мурашева, отошедшего въ лоно вѣчности на 65 году отъ рожденія. Сей скромный памятникъ воздвигнутъ признательными...»

Конец надписи стерло неумолимое время.

Что то крякнуло... Вернее треснуло... Как дерево в сильный сибирский морозец: «кряк», «кряк»... Земля намогильного холмика, покрытого дерном, расплзлась в стороны, и из могилы с шумом вылез...

Да, да, вылез!..

Не шутя!..

Покойник, достопочтенный городской голова Александр Васильевич Мурашев. Он вылез, стряхнул с себя прах земли после двадцатисемилетнего пребывания в ней, оглядевшись по сторонам (на его счастье, на кладбище в то время никого не было) быстрыми, торопливыми шагами, такими же, как, бывало, шел в городскую управу или на преферанс к отцу Василию, направился к выходу.

Его влекло к живым людям, к жизни.

А городок только что просыпался.

Сине-сизый дым, признак благополучия граждан, струями восходил к небу из труб домов.

Блеял где-то пискливо рожок пастуха.

А городской голова все шел и шел. Удивленно поглядывал он по сторонам. Он не узнавал своего городка, где он был столько лет «головою», «отцом родным».

За те 27 лет, которые он провел в земле, после своей смерти от аппендицита, городок значительно вырос и изменил свою внешнюю физиономию.

В городе появился довольно большой городской корпус, фонари на улицах, хотя и стоявшие без употребления, торговые ряды, баня, ряд колодцев, какие то трибуны на площадях, и Мурашев, шагая, думал:

— «Да, жизнь идет все вперед и вперед. Чувствуется прогресс, веяние науки. При жизни мне это было как-то незаметно. Глядите-ка, как городишко-то вырос!...»

Ему страшно захотелось встряхнуть с себя, с мертвеца, набежавшую, как это и не странно, тоску по жизни, живым людям и прочему, что ее составляет.

И когда мимо него прошел кто-то с об'емистым портфелем под мышкой, шелкая семечки как попугай, Мурашев остановил его и спросил:

— Скажите-ка, любезный, где тут по близости ресторан?! Ну, что-нибудь в этом роде, где можно было бы выпить?..

«Некто» с об'емистым портфелем удивленно вытаращил на него глаза.

— Ресторан?! Казенка?! Выпить?! Да вы, что, с того света, что ли пришли, товарищ?! У нас казенок и тому подобных, официальных водочных монополий, уже как несколько лет нет. Да, и к тому же, еще рано. А декретом Совнаркома, как я знаю, разрешена продажа только слабых вин. Из-под полы разве что достанете, так лимоны надо».

Мурашев удивился.

— Как так казенок нет?! В России, да чтобы казенок и водки не было?! нет... нет... не может быть... 65 лет на све-

те жил... Ка зенки и водочная монополия были, а теперь?.. А теперь слышу, что казенок нет! Да на Руси ли я святой? Декрет Сов...наррр... ко...оо . ..ома. Что такое Совнарком? Не понимаю ничего! Какие-то лимоны?!».

И пошел дальше.

На следующей улице встретил он женщину, несшую на базар молоко и шаньги с творогом. Мурашев обратился к ней:

— Скажи-ка, ты не знаешь, где тут бывший дом купца пер вой гильдии Мурашева, Александра Васильевича? Бывшего городского головы? Ну, не его теперь, так наследников?

Женщина обвела его своим взглядом с головы до ног таким взглядом, каким обыкновенно осматривают подозрительных, нечистых на руку людей, и спросила:

— А вы откуда приехали? У нас с революцией купцов-то нетути. Таперь у нас алэндатери да камисаанеры. Красные купцы, как их прозывают. А насчет дома-то вы, гражданин, обратитесь в чижики или коммунхоз. Там, наверное, знают. Дом-то муниципализован, что ли?

Лицо Мурашева изобразило на себе знак вопросительный, в полном смысле этого слова.

— Как купцов нет!.. Какой че...же...ка...?! Ей-богу, ничего не пойму?! Не может этого быть, чтобы у нас в городе купцов не было. Да куда ж девались-то купцы?! Ты, матушка, ошибаешься. Какие-такие красные купцы?! Может быть, еще желтые, голубые, оранжевые, черные, зеленые, белые? А?! Не понимаю.

И не оглядываясь, Мурашев пошел дальше. Женщина долго стояла на месте и смотрела ему вслед, качая головой.

— Ряхнулся, бедняга! Наверно, от жисти тяжелой. О, Господи, Царица ты небесная, Параскева Мученица... Наверно, за сокращением штатов откуда-нибудь уволили. О, Господи, помилуй...

На смежной улице Мурашев спросил первого попавшегося ему на глаза пешехода, по-видимому военного, с револьвером в кобуре, с какими-то непонятными для него красными значками на груди, на френче, фуражке и рукаве:

— Скажите, пожалуйста, господин-офицер, как мне пройти на городскую площадь?

Пешеход, почти не оборачивая к нему головы и продолжая идти, бросил на ходу фразу;

— Офицер!? Какой я вам офицер!? Я — краском! Вы что, с ума, что ли, спятили, товарищ? Ведь в России живете, а не за границей! А площадь — сейчас направо, три квартала.

Мурашев остановился и задумался.

— С тех пор, как я умер, жизнь стала неузнаваемой. Купечества не стало, как говорят; водочной монополии тоже; офицеров тоже. Что за история?! Не понимаю, что случилось? В чем дело? Явиться сейчас с того света на этот свет и вникнуть сразу в смысл жизни — задача трудная даже для городского головы. Что за история? Что такое крас... ком... ком? Русский язык, кажется, знаю, а такого слова не понимаю! Иностранные слова! Новшества!

В первой попавшейся лавчонке Мурашев захотел купить хлеба.

Зайдя к лавочнику, он спросил:

— Сколько стоит у вас хлеб?

— 120 тысяч черный и 190 тысяч белый за фунт.

— Сто двадцать тысяч!? Мне не надо несколько вагонов Я вас спрашиваю, сколько стоит, всего-навсего, один фунт хлеба?

— Я уже вам говорил, гражданин, черный хлеб стоит 120 тысяч фунт, а белый 190 тысяч, — улыбаясь, с недоумением ответил лавочник, внимательно оглядывая Мурашева.

— Как 120 тысяч и 190 тысяч фунт?! Да ведь на сто девяносто тысяч рублей, мой дорогой, можно купить несколько домов, несколько поездов хлеба! В свое время я с несколькими тысячами рублей дела делал!! Мне, повторяю, нужно всего-навсего три фунта хлеба. Сколько стоит фунт хлеба? Ведь, наконец, не дороже же десяти копеек фунт. А?

— Я вас не понимаю, гражданин! Повторяю, что фунт хлеба черного стоит 120 тысяч рублей, и белого 190 тысяч рублей. А копейки мы ведь и считать разучились. Нонче мы все миллионщики, а в драных штанах ходим.

— Я ничего не пойму. Фунт хлеба — сто девяносто тысяч рублей! Да я в свое время за сто девяносто тысяч рублей... тьфу...

Мурашев запнулся. Лицо его выражало страх.

На лицо лавочника можно было заметить величайшее удивление. И тот и другой глядели друг на друга, и не могли, в конце концов, понять, в чем дело, кто кого не понимает.

Несколько минут продолжалось молчание, а затем Мурашев выбежал из лавчонки.

Лавочник долго думал над его недоумением и вопросами, несколько раз повторяя про себя:

— «Вот чудак-то!.. Первый раз такого вижу! Как с луны свалился! Право!».

А Мурашев, избежавший из лавки, бежал несколько кварталов, не переводя, как говорят, духу, обращая на себя внимание прохожих.

Наконец, устав, остановился перед театральной афишей, наклеенной на заборе, и стал ее внимательно читать.

И тут его опять охватило недоумение.

Он несколько раз перечитывал афишный текст, и — о, ужас! В словах не было ни твердых, ни мягких знаков, ни же, во многих случаях, ни буквы ять, этой традиционной буквы старого времени.

На Мурашева нашел столбняк.

— «Что за диковина!? Что такое творится кругом, не пойму!.. Не пойму!.. Хожу, как помешанный, стараюсь понять, в чем дело, и ничего не понимаю?! Я попал, как будто, в какой-то заколдованный круг! Не узнаю людей, не узнаю жизни?! Что?.. Русский язык, и тот изменился. Скорей, скорей надо бежать опять на тот свет!..

В это время с Мурашовым поравнялась проходившая по улицам городка демонстрация.

Пестрели на солнце десятки красных флагов.

Слышались звуки революционных песен.

Этого Мурашев не мог вынести.

Глаза его выскочили из орбит, лицо побагровело; он задрожал как осиновый лист, с'ежился, и громко, на всю улицу, закричал:

— Караул! Городовой! Крамола! Лови! Держи крамольников!

И спотыкаясь, сбивая с ног прохожих, побежал на кладбище, опять на тот свет. В могилу!

ЮРИЙ МАРК

АВИАСТРАНА

Фантастический очерк

А В И А С Т Р А Н А

Очерк Юрия Марк

Рис. Г. Фитингофа

1

В западном конце аэродрома группа первокурсников занималась «рулежкой». Работали на старом «Фармане», ободранном, похожем на ошипанную курицу. Крылья аэроплана были разодраны, с фюзеляжа снят каркас, с мотора — крышка-капот. Ученик садился на место пилота, его товарищи провертывали пропеллер и, дав газ, курсант уносился в поле.

— У меня было пять «заливок» (остановок)! — доложил только что руливший ученик инструктору. — В моторе избитый карбюратор и слабое магнето. И я вообще сомневаюсь, что рулежка принесет нам пользу! — закончил он пессимистично.

Инструктор задумчиво пожевал губами.

— Пользу-то она принесет! - ответил он. — Но ученик должен внимательно следить за собой, чтоб отучиться от грубых и резких движений, применяемых при рулежке и абсолютно неприменимых в воздухе. Рулежка, т. е. бег аппарата по земле, набирание им скорости для того, чтоб оторваться от земли или стать против ветра, принять то или иное положение, крайне необходима. Не умея управлять самолетом на земле, нельзя научиться управлять им в воздухе.

— Но вы же не станете отрицать, — не уступал ученик, — что сложные маневры, выполняемые в воздухе, невозможно изучить на земле?

— Не все сразу! Например, разворот при рулежке и разворот в воздухе — абсолютно разные маневры. На земле вы

работаете ногой, а если сделаете это в воздухе, разворот получится без крена, и аппарат потеряет устойчивость. Но для того-то вас и учат газовать без крыльев, чтобы вы имели ясное представление об управлении самолетом.

Тем временем в другом конце аэродрома, у ангаров, готовились к полетам. Группа выпускников с инструкторами Петровым и Наливайко выкатила из ангаров два самолета Бреге и принялась за проверку их состояния. Когда самолеты были тщательно осмотрены, Петров полез на место наблюдателя. Сзади него, на место пилота, уселся курсант Михайлов. Оба надели летные шлемы, соединенные меж собой телефоном, и Петров отдал последние распоряжения:

— Помните, что у нас ручки двойного управления. Взлет делаю я, вы внимательно, по своим ручкам, следите за моей работой. В воздухе по данному мной сигналу начинаете пилотировать вы. Работайте уверенно, — не забывайте, что в случае вашей ошибки я могу моментально исправить ее. Снижение произвожу я.

— Понял!

— Не забывайте следить за приборами на распределительном щитке.

— Да!

Инструктор подал сигнал механикам. Взревел мотор. Бреге подрулил немного в сторону, а потом на полном газе понесся навстречу ветру. Михайлов наскоро пристегнул себя к сидению ремнем и взялся за рули и ручки управления.

Аппарат слегка встряхивало на неровностях почвы, рывками бросало вперед. И неожиданно он пошел мягко-плавно, еле-еле покачиваясь.

Михайлов взглянул в сторону и увидел вереницу придорожных деревьев, убегающих под крыло. Их заменили зеленокрышие дачи, мелькнувшая чешуя реки, потом самолет резко задрал нос и слегка сбавил скорость, набирая высоту.

— Передаю управление! — донеслось по телефону. — Готовы?

— Готов! Принял управление! — прокричал в ответ Михайлов. И сразу же весь как-то подобрался, насторожился.

Он поставил аппарат горизонтально и вел его на восток, ориентируясь скорее по заметным городским зданиям, чем по компасу. Далеко внизу проплыл купол Исаакия, узкой лентой блеснула Нева.

— Поворачивайте! — скомандовал инструктор.

Михайлов осторожно потянул на себя ручки и нажал ногами на педали. Слегка кренясь, аппарат плавно завернул влево. Через минуту он уже несся в обратную сторону.

— Хорошо! — одобрил Петров.— Чисто сделано! Попробуйте на снижение!

Аппарат, послушный Михайлову, слегка задрал хвост и навстречу ему с ужасающей скоростью понеслась серебристо-зеленая мозаика приневских островов.

— В горизонталь! — скомандовал инструктор. — Курс на аэродром!

Стиснув зубы, Михайлов снова развернулся.

— Снижайтесь! — неожиданно приказал Петров. — Не забудьте, против ветра. Помогать не буду.

Как бы в подтверждение своих слов он поднял руки вверх. Михайлов с ужасом взглянул сперва на спину Петрова, потом на плывущий навстречу аэродром. Снижаться самостоятельно ему приходилось впервые. Он хотел крикнуть об этом в телефон, но сжал губы. Инструктор оказывал ему доверие, — нужно было его оправдать. Он отыскал глазами дым сигнального костра, развернулся и осторожной глиссадой (планированием) пошел на снижение.

Руки Петрова по-прежнему спокойно лежали на борту фюзеляжа. Земля буквально падала на аппарат, и Михайлов осторожно потянул на себя ручку. Почувствовав, что самолет пошел ровнее, он быстро измерил взглядом высоту и потянулся к распределительному щитку. Выключил мотор. Через несколько минут колеса самолета коснулись земли. Он подскочил и, покачиваясь, покатился к ангарам, замедляя ход.

Вылезая из машины, Петров снял шлем и, улыбаясь, поглядел на Михайлова:

— Молодцом! Приземлился отлично. Страшновато, небось, было?

— Малость страшновато! — признался курсант.

— Люблю откровенность! — хлопнул его по плечу Петров. — Я тоже не схитрю. Секрет заключается в том, что, задрав руки, я мог вертеть рукоятки коленями!

Окружавшие их летчики захохотали.

Но тут их внимание привлек бежавший к ангарам инструктор Наливайко.

— Куда торопишься?

— Да сигналить надо дьяволу! — ткнул кверху пальцем Наливайко. — За флажками бегу!

— Зачем же сигналить! Сам спустится!

— Спустится он! — обиженно крикнул Наливайко. — Чорта с два он спустится.

Оказывается, один из учеников старшей группы был отпущен полетать самостоятельно. По словам Наливайко, он прилично взлетел, сделал вокруг аэродрома несколько кругов и довольно гладко пошел на посадку, но почему-то взмыл кверху. После же нескольких неудачных попыток приземлиться, видимо, отложил мысль о посадке до того момента, когда у него кончится весь бензин, и продолжал кружить над аэродромом.

— Вот чортова песочница! — орал взбешенный Наливайко. Он кинулся в ангар и, захватив два сигнальных флажка, побежал по полю.

— Снижайся, — сигналил флажками.

Ему пришлось бегать минут двадцать. Когда же ученик нашел наконец в себе смелость и удачно приземлился, стоявшие у ангара летчики увидели, как Наливайко, бежавший в центре аэродрома, сперва сел на землю, а потом, подложив под голову фуражку, лег.

— Упарился, — ухмыльнулся Петров.

— Я думаю, — поддержал его наблюдатель Ильин. — Поди, километров 15 выбегал.

Резко задребезжал телефонный звонок.

Инструктор Петров соскочил с кровати и стремительно ринулся к столу, волоча за собой простыню.

— Слуш-шаю! — рывкнул свирепо в рупор.

— Можно к телефону инструктора Петрова

— Я у телефона.

— Говорят из областного управления гражданской авиации. Примите телефонограмму.

Петров недовольно хмыкнул и потянулся за блокнотом.

— Я готов.

— Телефонограмма номер 7051. Обуга — Петрову. 24-го июля в 11 ч. 30 м. в доме культуры комсомола (Ул. Стачек, 290) назначен ваш доклад на тему: «Прошлое и настоящее советской авиации». Передано: 9 ч. 05 м. 24 июля 1933 г. Семенов. Точка. Прошу повторить, тов. Петров.

Через полчаса кичдоклад уже крутил баранкой юркого Наги, выбираясь из центра города к Путиловскому району.

По гладкому асфальту Проспекта юного пролетария дал третью скорость. Мимо автомобиля стремительно проносились скверы, рабочие дома, укутанные в гнезда садов, широкооконные универмаги, прятавшие блеск стекол под полосатыми тентами-жалюзи, квартальные фабрики-кухни и тенистые детские парки. У площади Максима Горького (б. М.-Н. ворота) продвигаться вперед из-за скопления автомобилей стало труднее. Петров сбавил скорость. Обогнул овальное здание станций электропоездов и метрополитена и затормозил машину на поворотном круге. После поворота, снова дав полный газ, ворвался в Улицу Стачек.

Невысокими бетонированными парапетами дорога делилась на три полосы. Первая, у тротуара, предназначалась для бесчисленных стай велосипедистов. Вторая, средняя, для грузовых автомобилей, и третья, у рельс электродороги, исключительно для легковых машин и мотоциклов.

Петров взглянул на часы. До начала доклада оставалось 7 минут. Он переставил рычаг зажигания, выключил глуши-

тель, и машина с воем понеслась вперед, оставляя позади грузовые автомобили и чешуйчатые, поблескивающие на солнце электропоезда.

***

— Товарищи! — Петров внимательно оглядел притихнувшую аудиторию. — Советская авиация создана нами из такого жалкого наследия царской России, о котором нельзя сказать ни одного хорошего слова. Советская авиация зародилась в исключительно трудных условиях, повела свое начало от нескольких десятков дряхлых Фарманов, которых тогда называли «летающими гробами». Никаких кадров, авиапромышленности, оборудованных аэропортов не было. Промежуток между 1920 и 30 годами смело можно назвать десятилетием, создавшим нашу авиацию.

Обширная территория СССР по своему географическому положению крайне нуждается в воздушном сообщении. Необозримая тундра, безводные пустыни, мощные складки горных хребтов, а за ними непроходимая тайга, края рек и озер, болот и песка, — все это в изобилии раскинуто на нашей территории. И наши города, и наше строительство остро нуждались в развитии авиации — самого быстрого и экономичного вида транспорта. Первые годы прошли под знаком исканий, подготовки кадров и промышленности, оборудования воздушных путей и аэропортов.

Не нужно думать, что последнее было легким делом. Под воздушной линией разумеется такая организация, которая позволяет регулярно и планомерно переправлять по воздуху людей, грузы и почту. Аэролинии необходимо трассировать специальными «перелетами»^{*)}, воздушные пути обставлять ориентирами. Ибо большинство воздушных аварий вызывают необходимость садиться на низовую поверхность для устранения неисправностей. Из этого вытекает нужда в оборудованных перелетах — посадочных площадках и обозначении опасных точек, напр. электролиний с током высокого напряжения, оврагов, болот.

---

^{*)} *Запасные посадочные площадки.*

Кроме того, на аэролиниях необходимы точные воздушные дороги, ширина которых не превышает 400—600 метров, и необходимы абсолютно точные правила передвижения. Глубоко заблуждались те, кто думал, что полет производится «напрямик»,— благо места много. Наоборот, воздушные правила гораздо точнее, чем земные. Как пример, можно привести хотя бы то, что обгонять судно нельзя ни проходя над ним, ни под ним, а обязательно справа, на известном расстоянии. Отступление от правил влечет за собой немедленную дисквалификацию пилота.

Вышеприведенное является одной сотой частью тех организационных работ, которые проведены за последнее десятилетие.

Советская авиация росла бурными темпами, рядом ответственных перелетов доказала свои высокие летные качества. Кто не помнит исторического перелета Москва—Пекин? Кто не помнит перелетов Москва—Тегеран, Москва—Ангора и др.? Кому не известна работа летчиков Чухновского, Бабушкина? Кто забыл молниеносный рейд на аэроплане «Пролетарий» заслуженного летчика Громова, который в 34 часа посетил Германию, Францию, Италию, Австрию, Чехо-Словакию и Польшу, заставил мировую печать единодушно подтвердить наши летные успехи? И все это было три-четыре года назад. Я помню, в конце 1930 года в газетах появилась небольшая заметка:

«В Баку в летную школу поступили две тюрчанки — Лейла Мамедбекова и Эйбейда Ахмедова. В текущем году школа выпустит первую летчицу-тюрчанку».

В настоящем же, тридцать третьем году мне пришлось быть в Москве в новом аэропорту. Кстати, при нем оборудован аэровокзал, в котором помещаются большой ресторан, залы ожидания, комнаты отдыха для пассажиров и летчиков, души, а на крыше, приспособленной для ожидающей публики, размещены буфеты, оркестры, киоски. Я сидел, ожидая начала фигурных полетов, которые устраиваются там подекадно. Начались они без опоздания. Первым номером прошли групповые, а во втором отделении вверх пошел

юркий, быстроходный «Спад». Пошел уверенно, бритвой. И, поднявшись на высоту около двух тысяч метров, приступил к работе.

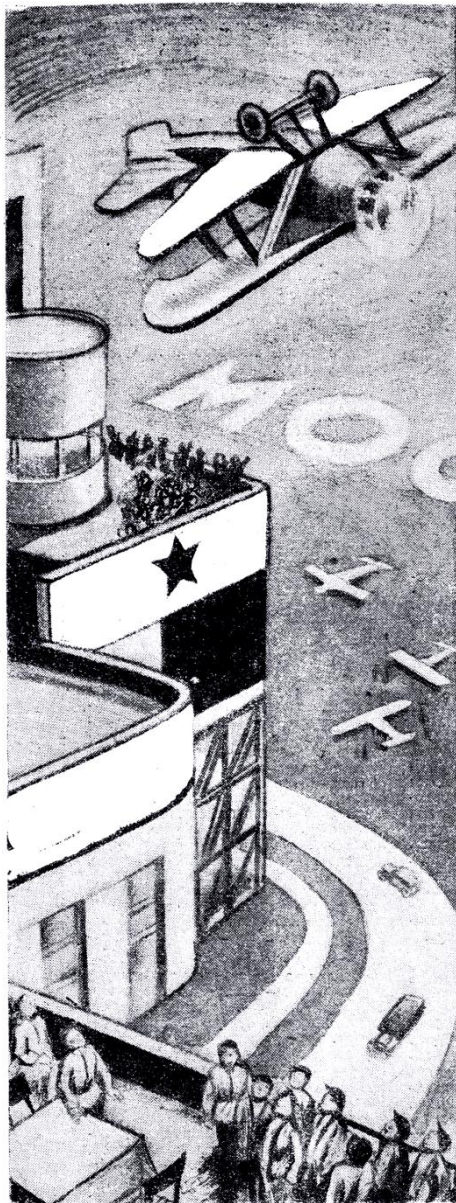
Первый раз в жизни видел я такой пилотаж, а мне приходилось задирать голову на лучших мировых летчиков. «Спад» для начала дал тройную мертвую петлю, а потом начал выписывать восьмерки, вертикальные виражи, спирали, штопоры и бочки^{*)}. Потом пошел на снижение, а в ста метрах от земли перешел в штопор и, наверно, задев колесами траву, снова взмыл кверху. Там «Спад» завертел такое, что и передать трудно. Он вертел в общем 1 час 18 минут, а надо вас предупредить, что лучшие виражисты не выдерживают больше часа. Это было что-то поразительное!

Как вы думаете, кто управлял «Спадом»?

Эйбейда Ахмедова.

---

^{*)} Бочка — боковой переворот на 360°

Собравшиеся на аэродроме впервые видели такой пилотаж...

Только три года назад была напечатана та заметка, а теперь обе они работают на магистрали Европа—Дальний Восток.

Но я отклонился от темы. В области авиации нами были взяты необычайные планы. Например, в 1929 г. пятилетка ГВФ намечала к 32—33 гг. длину всех наших воздушных линий в 52.000 км, а, между тем, уже в 1931 г. мы добились 53.978 км. На конец пятилетки мы поставили себе задачей довести длину воздушных линий до 140.000 км, а количество действующих самолетов до 9.000 штук, но мы ошиблись. В настоящее время мы имеем 184.567 км воздухопути и 10.500 действующих самолетов.

— Да! Мы обогнали Америку! У нас организовано единое объединение по гражданской авиации и воздухоплаванию, существующее на правах особого наркомата. Оно ведет научно-исследовательскими институтами, школами по подготовке кадров гражданских авиаторов и воздухоплавателей, гидростроением, строительством новых аэропортов, всей авиационной промышленностью и эксплуатацией воздушных линий. Важнейшие районы СССР уже связаны между собой воздухопутями, Например, магистрали Москва-Иркутск-Хабаровск-Владивосток, ответвление от Хабаровска на Камчатку, вторая магистраль Баку-Красноводск-Ашхабад-Чарджуй. Менее крупные линии ведут к Днепрострою, шахтам Донбасса, Керченским заводам, Соликамским фосфоритным копиям, Карагандинскому угольному бассейну, Риддеру, Эмбинским нефтяным промыслам. Большинство этих линий работает круглый год.

В 30—31 году у нас только намечалось применение авиации в различного рода изыскательских, разведочных и пр. работах, а применение авиации в земледелии считалось чем-го несбыточным. В настоящее же время мы имеем при помощи авиации громадные достижения в области механизации посевов риса. Мы производим посевы риса с аэропланов. В 1932 году рисовые участки Дальнего Востока были затоплены, к полям не было почти никакого доступа. Но в короткий срок с высоты 20 — 30 метров было засеяно не-

сколько десятков тысяч акров. Этот способ дал возможность сеять семена риса непосредственно в воду. Кроме того, при «воздушном» посеве посев получается чрезвычайно ровный, и сберегается очень много времени. Этот способ дал возможность производить на Дальнем Востоке ранние посевы риса и экономить рабочие руки.

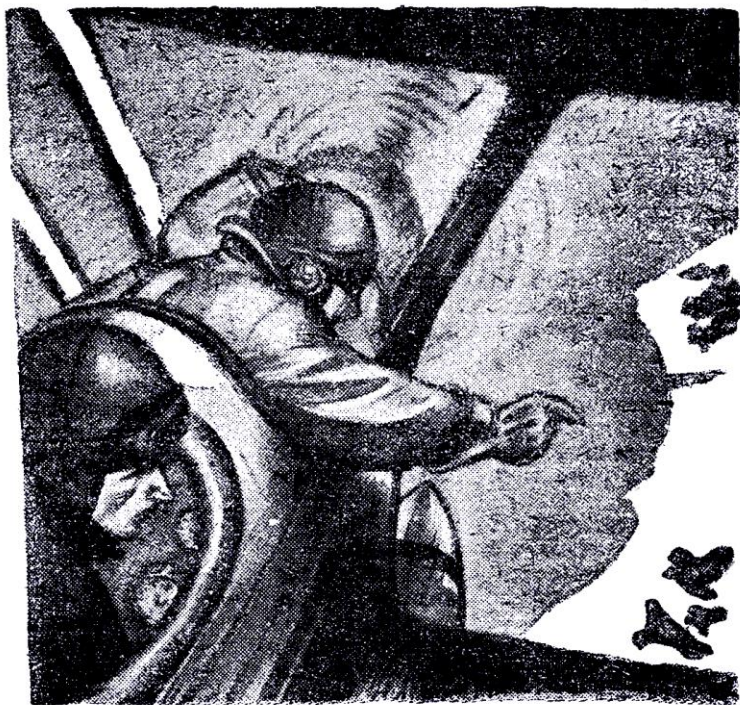
Самолеты употребляются нами для борьбы с вредителями посевов и лесными пожарами. Сейчас, например, в Туркестане ведутся грандиозные работы по истреблению саранчи, долгоносиков и малярийного комара. Летчик в течение двух-трех часов полета облетает площадь в несколько сот гектаров и сбрасывает небольшие снаряды со специальными, легко распространяющимися на большие пространства газами, или просто производит опыление особым составом.

Огромные лесные массивы советского Севера сильно страдали от лесных пожаров. В настоящее же время прикрепленные к определенным лесным участкам летчики ежедневно облетают свой, состоящие из десятков тысяч гектаров леса районы, и как только заметят где-либо начинающийся пожар, тотчас же забрасывают это место огнетушительными бомбами. В случае же расширения площади пожара несколько самолетов, летая непрерывно и сбрасывая бомбы, все же, в конце концов, ликвидируют распространение огня. За лето 1932 г. специальными самолетами нашей лесной службы было обнаружено более полутора тысяч лесных пожаров и спасено леса на 150.000.000 р.

Особо интересный случай произошел в Якутии. Летчик-наблюдатель обнаружил сразу несколько пожаров и вызвал по радио соседние лесные участки. На помощь ему прилетело 5 аэропланов. Соединенными усилиями они принялись тушить пожар, но радиус действия огня раскинулся на добрых две сотни километров, и попытки их не увенчались успехом. Тогда по радио же они запросили помощь от Якутского центрального аэропорта. Через два часа прилетела эскадрилья в 60 аппаратов, а вслед за ней явилась дюжина пассажирских фоккеров, груженных противопожарными бомбами.

Разделившись на два отряда по 33 аппарата в каждом, летчики повели наступление регулярными налетами. В то время как один отряд работал над тайгой, забрасывая огонь бомбами и, главное, стараясь отрезать для него путь к нетронутым еще участкам леса, другой отряд «заправлялся» снарядами, которые подвозили из Якутска 12 пассажирских фоккеров, борьба была нешуточной. Безветрие мешало рассеяться дыму, который стоял сплошной массой почти до облаков, работать пришлось в респираторах. Эта работа продолжалась с небольшими перерывами три дня. К началу четвертого огонь был сбит.

Нет того или иного рода человеческой деятельности, в котором полностью или частично не играла бы роль авиация. В виде последнего примера обрисую помощь ее рыбо-

С самолета открыли новые лежбища морского зверя...

и зверопромысловому делу. Давно уже установлено, что с самолета, летящего на небольшой высоте над морем: или рекой, можно видеть все, что творится под поверхностью воды на сравнительно большой глубине. Это обстоятельство позволяет успешно применять самолеты для наблюдения за ходом рыбы. А по указаниям самолета идет тральщик. Зверобойный — тюлений, котиковый и китовый промыслы тоже работают, ориентируясь исключительно на воздушную разведку. Совсем недавно в южной части Охотского моря ею открыты громадные лежбища морского зверя; по побережью Ледовитого океана установлен ряд районов, изобилующих нерпой и тюленем.

Что ж мы имеем в итоге? Каких-либо три года назад мы не смели мечтать даже о широкой сети планерных школ, теперь же у нас налицо мощные авиапарки, стройная система воздушных путей, систематическая подготовка летных кадров...

***

Резко задребезжал телефонный звонок.

Петров ругнулся и натянул на голову одеяло. В полусне пробормотал: — Наши молодые... летчики...

Звонок задребезжал снова, — назойливее. Петров несколько секунд пролежал без движения, потом нехотя опустил ноги на пол. Звонок трещал, не переставая.

— Слушаю!

— Идол! — прошипел в трубке голос Наливайко. — Ведь сегодня проба моторов!

Петров машинально повесил трубку на рычаг и почесал в затылке. Оглянулся. Комната была такой же, как и вчера. На полу валялись окурки, сор, на табурете около кровати лежал помятый «Вестник воздушного флота».

— Значит, это был сон? — задал себе вопрос Петров.

Воткнул вилку электрочайника в штепсель и поспешно стал одеваться. Причесываясь, снова повторил:

— Сон? — и расхохотался. — Здорово! — Внезапно перестал смеяться и вполголоса закончил: — Хотя... В 1931 году это сон; а в 33-м году уже будет действительность!

БОРИС ЖИТКОВ

ЧУДАКИ

Фантастический очерк

Иллюстрация на обложке А. Щербакова

*Использованы также иллюстрации из очерка «Чудаки»(б\а)
из журнала «Еж», 1928 г., № 12.
Также использованы иллюстрации из книги: Дейнека.
В облаках; ГИЗ, 1930 г.*

БОРИС ЖИТКОВ

ЧУДАКИ

ОБЛОЖКА А. ЩЕРБАКОВА

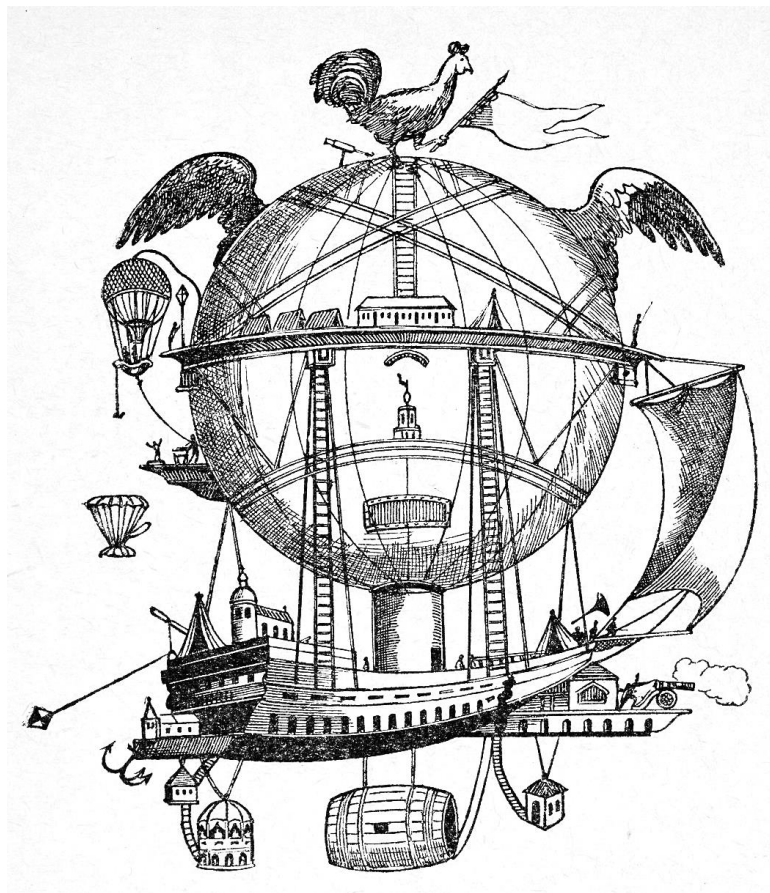
1   9   3   1

ОГИЗ „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ”
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО

В ШКОЛЕ
ФЗУ ОГИЗа
имени АРТЕМА
ХАЛАТОВА
Москва, Колпачный, 13.
Главлит А-85815. Гиз 43768.
Д.21. Зак. № 153. Тир. 20 000. 1 п. л.

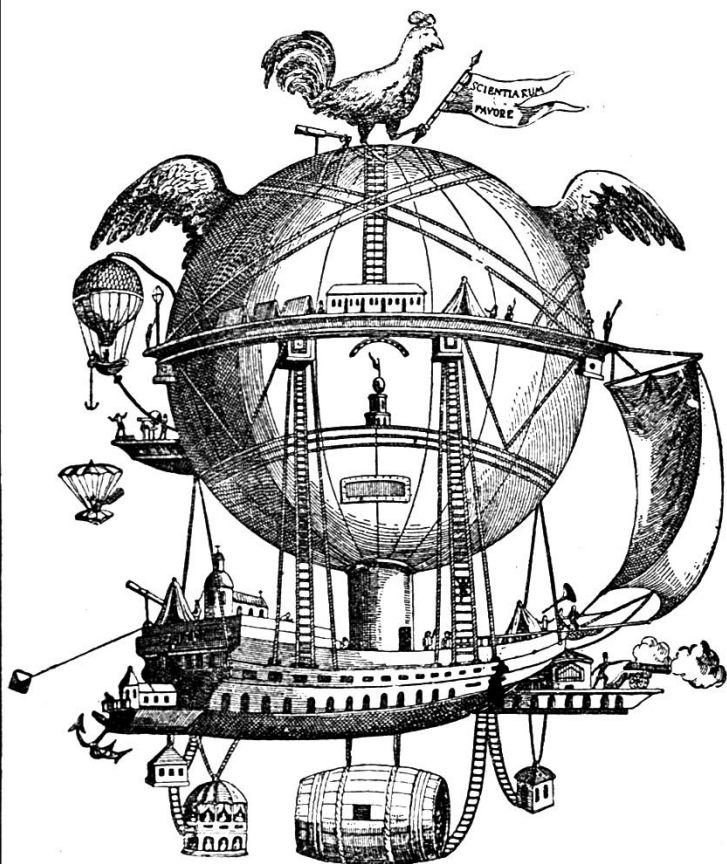

Когда сто двадцать пять лет тому назад увидели такой рисунок люди, они стали говорить:

— Вот здорово! Вот где бы пожить! А главное — лечу, куда хочу. И нечего бояться: сядешь на землю — не провалишься, а в море опустишься — тоже не беда: внизу корабль, на нем и поплывешь по морю. Есть парашют, чтобы тихонько спустить на землю пассажира. Есть и маленький шарик, — он как спасательная лодка при корабле.

Разглядывали и каждому окошечку радовались.

А другие говорили:

Проект этого воздушного корабля придумал в 1803 г.
бельгийский физик Робертсон.

ДИРИЖАБЛЬ

Иллюстрация из книги: Деймекс "В ОБЛАКАХ", ГИЗ, 1930 г.

— Хи-хи, вот так чудаки! Их надувают, а они облизываются. Это враки, выдумки, и никогда этого не может быть.

Эти люди кулаком стукали по рисунку. Плевали в сторону и уходили вон.

А прошло время, вывелись у этих детей внуки. Стоят внуки на площади, заломили головы, слезы из глаз идут, глядят вверх на блестящую сигару. Под сигарой домик приделан. А там и окошечки, и моторчики, и кухня, и уборная, умывальничек, зеркальца и креслица, а на столе, говорят, там и цветочки поставлены.

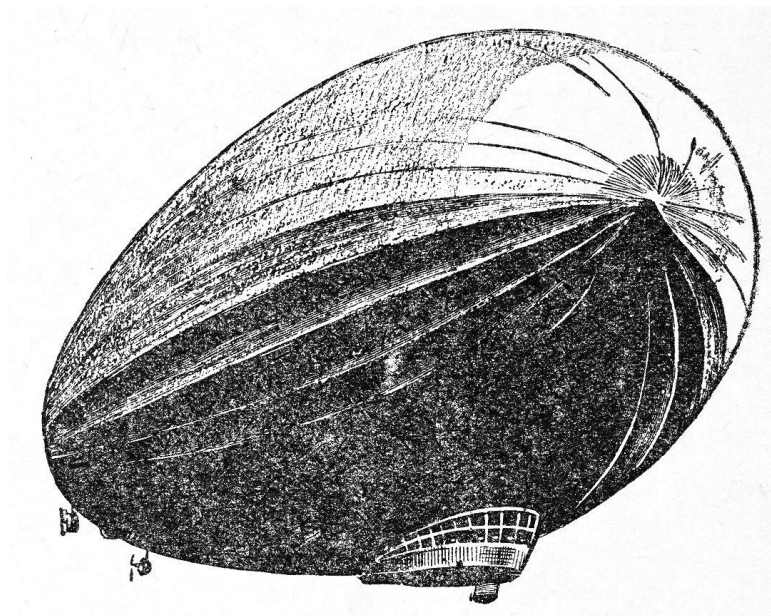
Вот где бы пожить!

Глядят внуки и дедушке показывают:

— Гляди-ка: вон они, чудаки-то!

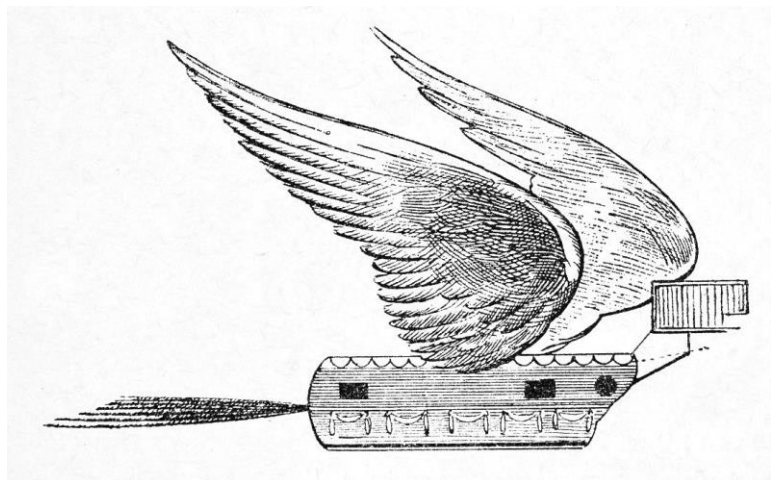
А сигара рычит в небе и ходит над городом кругами. А в сигаре люди сидят и говорят:

— Летим, куда хотим.

НА ВОЙНЕ

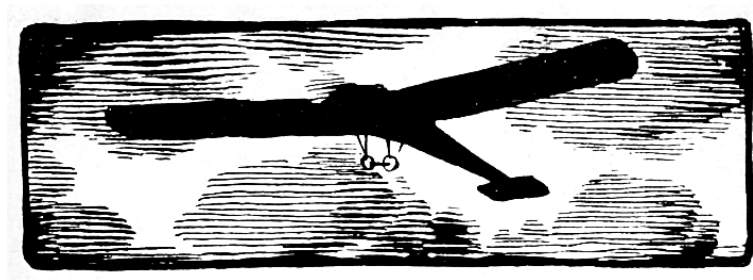
Еще был один чудака. Когда он в книжке поместил вот этот чертеж, люди говорили:

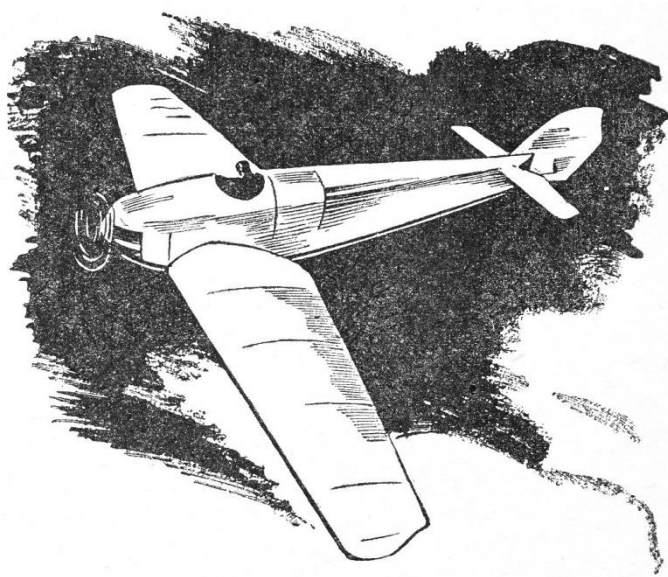
— Чем летать на таком чучеле, уже проще сесть на живого гуся верхом да подгонять метелкой во всю ивановскую. А прилетел домой — гуся в суп, а сам на печку.

Так говорили всего полтора ста лет назад.

Теперь как рванут эти гуси с аэродрома, да не в одиночку, а стадом, — ежятся люди на земле: не капнул бы гусь с неба капельку, от которой полгорода в пыль развеет, и где дом стоял, только яма останется.

А то, гляди, как начнет поливать с неба ядом, смрадом смертельным — три года на том месте и трава расти не будет.

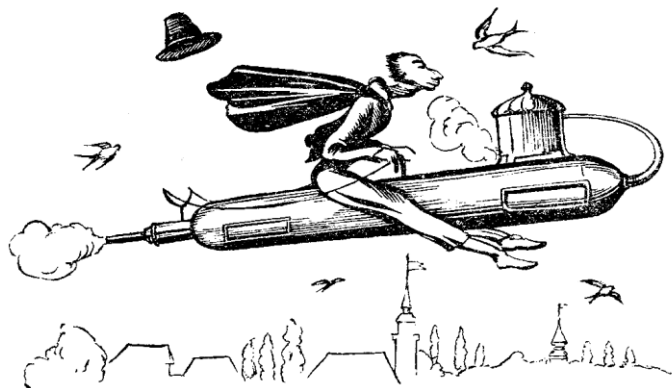

Вот этой картинкой тыкали когда-то в самый нос и приговаривали:

— Погляди, рожа-то, рожа, один лоб-то какой: кошек бить можно. Вообразил, чудак, что если сесть на самовар и сзади пар выпускать, так его унесет за тридевять земель. Не дожидаться ему такого счастья.

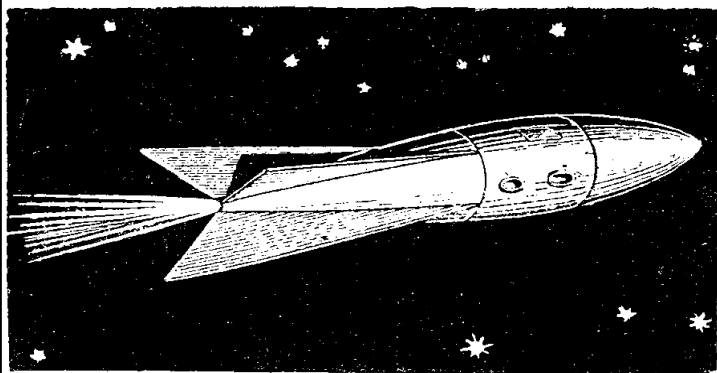
Во всех газетах, в последних журналичках, кто во что горазд, ругали горемычного инженера.

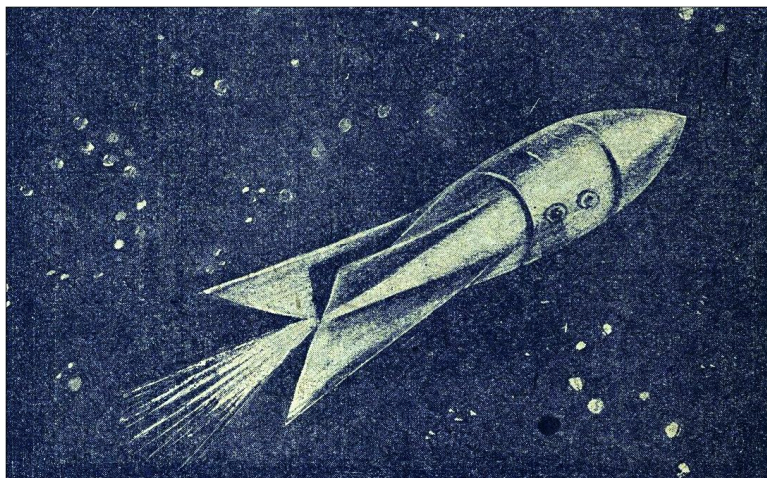
И действительно, неужто такая вот спринцовка может подскочить, как блоха, и ракетой унести в небо?

Чудак, что ее выдумал, решил так: дай только силу, которая толкнет аппарат, все равно как порох толкает ракету — и оторвется тогда от земли человек. Ведь если привязать таракана к ракете — унесет таракана туда, откуда он и дороги домой не найдет. Он думал и не знал, что осмеянным чудачком летит он на журнальной картинке.

Теперь в Германии строят ракету, на которой немецкие ученые думают полететь на луну.

А вчера еще дыхание у людей в зобу спирало, глядели в небеса и целились в звезды. Вот туда, в черное небо, прямо в светлую звезду, нацелить бы великанской ракетой.

Рванет ракета ввысь, взлетит, оторвется от земли. и пойдут теми полями, куда ни орел, ни пуля не залетали. Куда не дострелить и дальнобойной немецкой пушке, где и воздуха нет, а в черном небе горит, как раскаленный камень, солнце.

И мелкой пылью посыпано звездами небо.

Мороз стоит, какого на земле не видано. Вот из этих мест и дует стужа в полюс, леденит океан и крушит северный гранит — новоземельские камни.

— И в первый раз бородатый человек замечтал, как маленький: „Эх, слетать бы мне на луну!“

А в ученых журналах печатают теперь формулы, чертежи, цифры, счета, расчеты.

Инженеры скребут седые затылки.

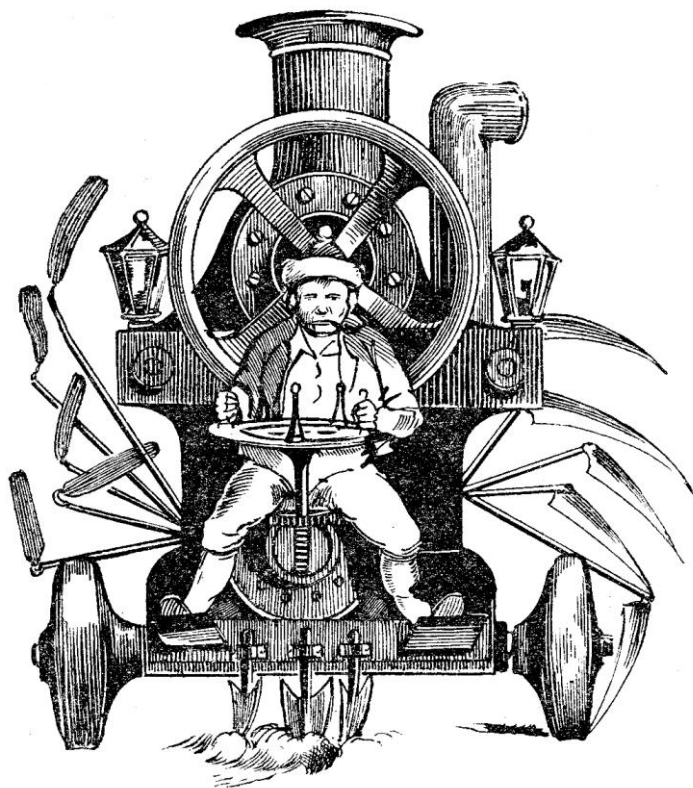
Считают, сколько веса, сколько стали, железа и какого пороха, какого заряда надо на эту небесную ракету.

Заморился на работе немецкий мужик. Пашет и пышет, как паровоз. Вытер пот и подумал:

„Пар от меня, будто от паровоза. А запрячь бы, и в самом деле, паровоз в нашу мужицкую работу, — сидел бы я с трубочкой на передке, знай, только табачок покуривай. И пахал бы у меня паровоз, и косил, и молотил, и веял“.

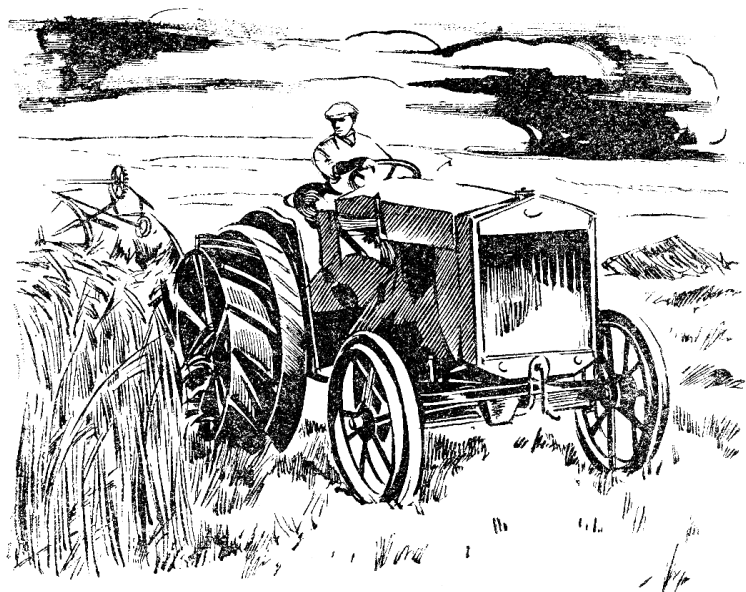
Так полсотни лет тому назад размышлялся немецкий мужик.

Ну и прописали же ему порцию: срисовали портрет, трубочку в рот сунул, посадили на машину и выставили на посмешище во всех газетах. Задразнили, затюкали, из дому не выходил. Немец этот давно спит в земле сырой. Так с обидой и помер.

А по советской степи урчит мотором, рвет лапчатыми колесами землю путиловский трактор. Не плуг, а двадцать плугов бегут за сильным трактором.

Почернела сзади, взъерошилась земля; пни, корни выворотит трактор, все поле переверотит.

А пахарь сидит на креслице, во рту трубочка, набоку кепочка, рулем покручивает, в сторону сплевывает — хватило б керосина до вечера.

Запряги трактор к косилке — выкосит.

А можно заставить трактор и молотилку вертеть. Зарычит машина, станет хлеб обмолачивать.

Осенняя ночь на дворе, холодная грязь липнет на улице, а в сарае урчит трактор, вертит динамо и гонит белый свет по мазаным хатенкам.

Светло и весело. А всего два провода, две жилки по деревне протянуты.

Алхимик Гермий Трижды Великолепный.

**В поисках золота алхимики открыли очень много
важного и нужного для теперешней химии.**

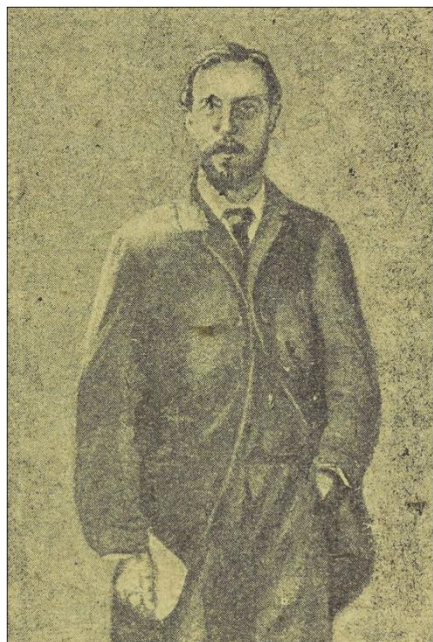
Тридцать лет только прошло, а было вот что.

В каждом университете по всей земле стоял на кафедре седой профессор и, как утюгом по доске, долбил резким голосом:

— Из железа всегда получается только железо. Меди из него не сделаешь. Из свинца — всегда свинец, а золота из свинца не выплaviшь. Правда, в старину жили обманщики, которые хвалились, будто могут обратить свинец в золото. Имя этим обманщикам — алхимики.

Студенты-химики слушали и смеялись: чудаки-то какие были алхимики!

Английский химик Рамзай уже тридцать раз начинал так свой доклад.

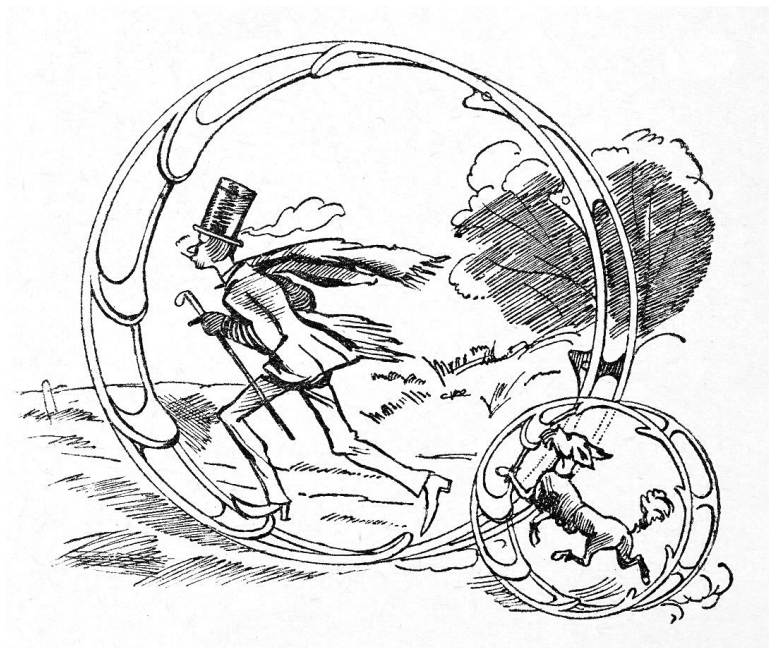

И вдруг на ухо признался немецкому химику Оствальду:

— Недавно, неделю тому назад, я убедился ясно, как вижу вас перед собою: у меня в трубке один металл превратился в другой. Поклянитесь мне, что вы будете молчать, пока я еще раз не проверю...

Прошел год, и зашумела наука. В каждом университете, по всей земле, на кафедре стоял седой профессор и, поглаживая бороду, говорил мягким голосом:

— Химику Рамзаю удалось превратить один металл в другой... Может быть, и в самом деле... кто знает... не поддельное, а настоящее золото делали некоторые алхимики. Наверно, знаете ли, сказать нельзя...

Смотрели люди и на этого чудака и смеялись. Действительно, придумал игрушку: люди на колесах ездят, а ему заладилось навыворот: самому в колесо залезть. Уж коли все наизнанку, так надел бы сапоги на голову и ходил бы вверх ногами. И всякий отец показывал сыну своему смешную картинку и приговаривал:

— Вырастешь, никогда такой ерунды не выдумывай — круглая лента и выше головы ходит. Сумасшедший какой-то.

А вырос сын и сидел в окопах на войне. Перед самыми окопами туча колючей проволоки, прочно на кольях растянута. А еще дальше лесок, там, далеко за лесом, неприятель. Люди сидели, прислонив винтовочки, трубочки покуривали: „Доберись-ка до нас“.

ЕЖ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ

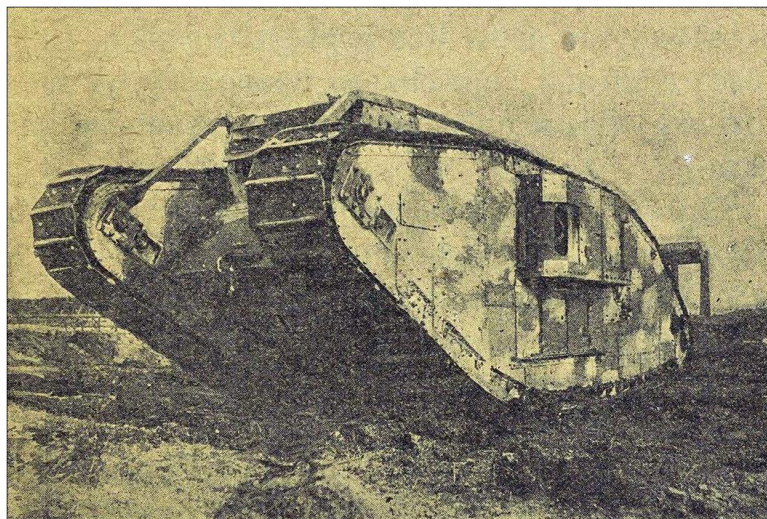
№12
1928

Объяснение к рисунку см. на обороте.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

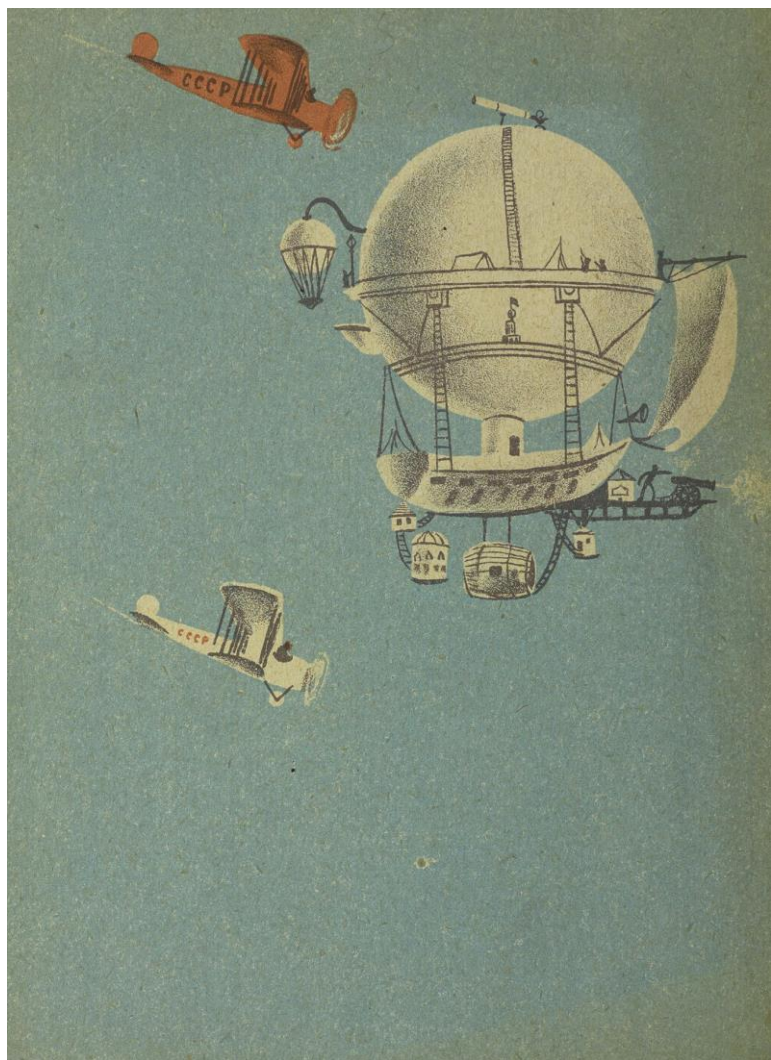

— И вдруг затрещало все вокруг, и из лесу выполз „чорт“. У этого чорта на колесах накинута были рельсы. Они лентой шли по ободьям — замкнутая цепь. Как медведь сквозь паутину, пролез стальной чорт сквозь проволоку. А люди в окопах обомлели, и винтовка в руках не держится.

Самый храбрый офицер германской железной дивизии выскочил из окопа и стоял, как столб. А чорт подъехал, отворилась в нем дверца, и самая простая человечья рука поймала офицера за шиворот, втащила чорту в брюхо, и захлопнулась дверца.

И грянули пулеметы и орудия. Пошли поливать и вкось, и в лоб. А храбрый офицер забыл вспомнить, как папа его тыкал пальцем в картинку и приговаривал: „Вырастешь, никогда вот такой ерунды не выдумывай... — чтоб лента вокруг ходила“.

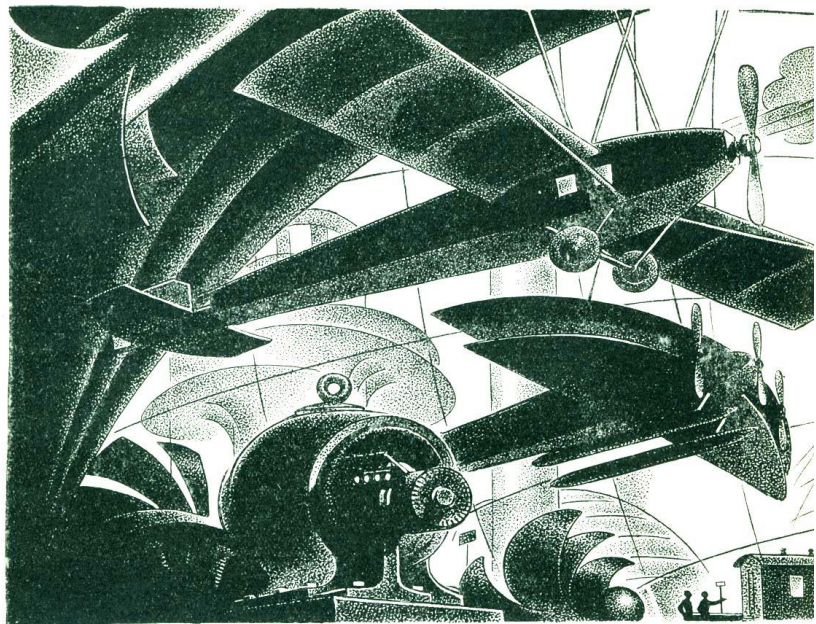

БУДУЩЕЕ

Фантастические эссе («анкеты») писателей
20-х годов.

Журнал «30 дней», 1927 г., № 11

Вступительная
статья Ю. Ларина

БУДУЩЕ

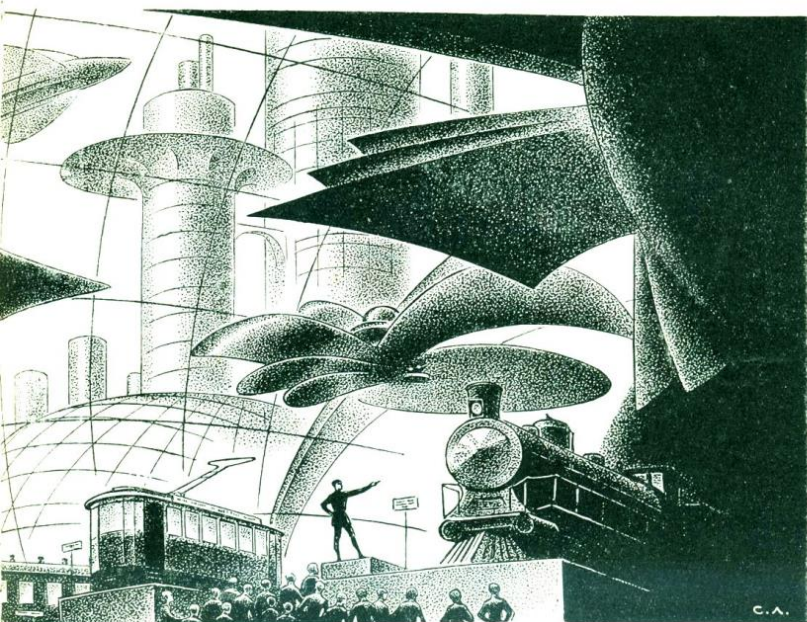
Анкеты о далеком будущем интересны не представлением, какое они дают о нем, а представлением, какое они дают о взглядах определенного круга современников на это будущее.

Столетие теперь не то, что было когда-то. На заре человеческой истории и даже много позже, отношения между людьми и в связи с этим степень овладения человеком природой менялись сравнительно столь медленно, что действительно можно было бы хоть до некоторой степени пытаться нащупать конкретные общественные и технические очертания и через грядущее столетие.

Но прогресс общественных отношений и овладения природой все убыстрялся. Теперь мы вступили в эпоху, когда через такой промежуток, как столетие, можно ожидать встретить и принципиально, в основном но-

вое, выходящее за рамки современных представлений. Возьмите предлагаемую анкету. Ответы написаны писателями, то-есть теми, кому по штату полагается наибольшее количество фантазии. Вокруг чего вращается их фантазия? Да вокруг того, что мы видим и начинаем уже теперь: более полный разгром капиталистов, более многочисленные и удобные средства передвижения по воздуху, большее овладение силами радиа и атомного распада вообще, более обширный территориально СССР, до всего земного шара включительно, и т. п. Для мечтаний, уходящих вперед на столетие и столетия, это немного: это задачи, поставленные уже в сегодняшний день.

Творчество освобожденного от классового гнета человечества должно быть так же разнообразно и неисчерпаемо, как сама природа. Мы создаем СССР, даже в мировом масштабе,

Ще

(см. стр. 80)

не навеки. Освобожденное социализмом и освободившееся в социализме человечество найдет новые общественные формы бытия, которые сейчас трудно себе представить конкретно. Одно мы знаем — станет ненужным, исчезнет государство, этот орган угнетения и обороны против враждебных классов, ибо не будет и самих классов, — оно сменится, как переходной формой, государством-коммуной, и затем уступит место каким-либо еще более современным формам общественного бытия — лишь настолько простирается наше предвидение.

То же относится и к технике, к овладению природой. Последние полтора века принесли людям неведомую им раньше силу электричества, потом энергию атомного распада, не получившую еще, впрочем, применения (крме медицинского использования

распада радия и т. д.). Совершенно невозможно даже предвидеть, что принесет в этом отношении следующее столетие, но одно можно сказать с уверенностью: оно несомненно принесет нечто новое, такое, чего мы сейчас еще не можем предвидеть. Ибо научное изучение природы почти только еще начинается по-настоящему. Освобожденное от классового гнета человечество возьмется за научное овладение природой с несмысланно большей силой, чем до сих пор, с чрезвычайно возросшими возможностями, в своего рода „плановом порядке“.

Вывод из всего этого прост: действительное будущее несомненно окажется ярче, богаче и разнообразнее всех современных „самых смелых“ мечтаний о нем.

Ю. ЛАРИН.

Федор Гладков.
(Шарж.)

Всякая мечта о том, что будет когда-то, в отдаленные времена грядущей истории,— всегда пустая игра воображения. Из этого источника— всякое утопическое сочинительство. Все утопические романы прошлого столетия, это— с одной стороны, мечта угнетенных и обездоленных о свободе, например, «Вести ниоткуда» Морриса, а с другой— бред уstraшенного ростом пролетариата буржуа (Уэллс) и, наконец, маниловские грезы после обеда (Беллами).

Мы как-то не привыкли предаваться пассивной мечтательности, занятые напряженной, необычайно трудной работой по строительству своей жизни, новой, невиданной, в прошлых веках, невероятно сложной во всех ее становлениях.

Но иногда, в момент волнений, когда идеал ослепляет мозг, как молния, невольно хочется осмыслить и оживотворить наше будущее, обогатить слишком медленное движение нашей планеты и создать легенду о временах, плывущих из бесконечности. Ведь они уже горят впереди, они уже осязаемы.

Мечтать о том, что реально, что неизбежно вытекает, как живой образ, из нашего конкретного идеала— потребность всякого революционера.

Мечта старается обнять будущее и воплотить его в настоящее.

Что скажу я о своей мечте о грядущем?

Я думаю о том, чего не будет в эпохе XIX века. Не будет того, что повелевало жизнью миллионов, что творило законы общечеловеческого: не будет рабства во всех его разнообразных видах, т.е. не будет господства человека над человеком: не только на людях, но и на лошадях не будут ездить верхом. Это значит, что фетиш нашей истории— собственности, будет уничтожена и самое слово забудется навсегда, и капли человеческой крови будут видеть только хирурги на операционном столе. Но эти капли крови будут струиться не навстречу смерти, а навстречу жизни.

Мы забудем о войнах, как о первобытном варварстве, и самое воспоминание о тюрьмах померкнет в блеске чудесных дворцов искусства.

Уже не зазвонят больше металлом недолгие, глупые по своему уродству, колокола поповских капищ.

Двери жилищ не будут вооружены замками (вообще исчезнут всякие запоры и не-

сгораемые кассы), исчезнут кухни в домах, и унизительные семейные гнезда, где женщина и по сие время подъяремная невольница,— будут только предметом изучения историков, объективное спокойствие которых будет нарушено изумлением и гневом перед многовековым распытием матерей.

Исчезнет свирепая вражда между городом и деревней— между человеком и природой. Города не будут тюрьмами для людей, а деревни— медвежьими логовами. Всякие грани, перегородки, межи и сроднения порастут цветущими садами, и в лабораториях, и дворах искусств и изобретений забудут слова: «мужик», пролетарий», интеллигент».

Творческое соревнование испепелит последние остатки всяческого неравенства между людьми.

Я не принадлежу к тем скептикам и пессимистам, которые считают, что наши шаги по пути к социализму изменяются столетиями и что этот самый социализм, это— только нечто «чаемое» и «ожидаемое» то, что называется «отдаленным идеалом». Социализм, это— реальность, это— фаза, в которую уже мы вступим обеими ногами. Я убежден, что в 2027-м году СССР будет только частью планеты, где социализм воплотился в жизнь раньше, чем в других долготях и широтах. Через сто лет на всем земном шаре будет уже развернут социализм,— и человечество уже вступит в новую фазу— в коммунистический строй. Ибо эта переходная ступень будет очень мала и, пожалуй, даже незаметна.

А раз так, то человеческая личность вырастет неизмеримо. Не будет уже согбенных спин и измученных лиц, испытанных работой. Человек будет единственным владыкой и творцом земли. И тогда искусство (наравне с наукой) будет полно чудес: им будут жить миллионы— от младенцев до маститых старцев. Впрочем, слово «старость» утратит свой современный нам смысл: стихийная насильственная смерть будет устранена,— она будет естественным и желанным успокоением. Навная мечта Мечникова превратится в реальный обыденный факт большой важности: омоложение старости будет таким же распространенным массовым явлением, как, скажем, прививка оспы ребятишкам.

Мечтать приятно и полезно, но— в меру: излишества в мечте влекут за собой те же последствия, как и всякие излишества.

ФЕД. ГЛАДКОВ.

Борьба за будущее

На пути нашего развития слишком много препятствий. Предстоит еще невиданная борьба, усажающая по своим размерам и жестокости.

Суметь угадать, что будет через сто лет, приблизительно можно, но нужно принять во внимание следующее:

Первое. Наше будущее, наша судьба связана с судьбой пролетариата всего мира,—значит приходится говорить не только о СССР.

Второе. СССР долго, очень долго будет находиться в условиях крайней напряженности, бдительности, готовности к защите и готовности к нападению, ибо положение наше нас обязывает.

Надо полагать, что классовая борьба в недалеком будущем примет такие размеры, что наша планета буквально будет корчиться и трещать, как старая пересохшая шкура. Буржуазия всего мира объединится для последней схватки с пролетариатом. Буржуазия будет бита—это закон падения,—но сила сопротивления буржуазии будет такова, что от культурных завоеваний человечества может остаться одна неопишная видимость. В этом случае, единственное спасение и сохранение того, что имеет человечество, заключается только в крепкой сплоченности и решительности рабочего класса в своем наступательном движении.

Третье. Победившему пролетариату будет предстоять еще ликвидация некультурности масс, а это в сто раз труднее, чем ликвидировать простую неграмотность и займет не мало лет. Развитие наше пойдет, вследствие указанных причин, скачками с большими подъемами и падениями.

Будущее, все же, представляется мне так:

Жизнерадостный—60—70 лет—ученый, молодой и сильный (омоложение-то, ого, куда скакнет!), проходя по залам музея и остановившись перед паровозом на рельсах, будет объяснять:

— Вот это, друзья мои, паровоз и, так называемый, рельсовый путь. На моей памяти, лет пятьдесят назад, люди только что освободились от этого громоздкого, прими-

тивного и крайне неуклюжего способа передвижения.—Здесь же, переходя в другой павильон и указывая на шестиместный аэроплан, будет говорить он:—вы видите летательный аппарат системы Юнкерса, это уже некоторое достижение тогдашней авиации...

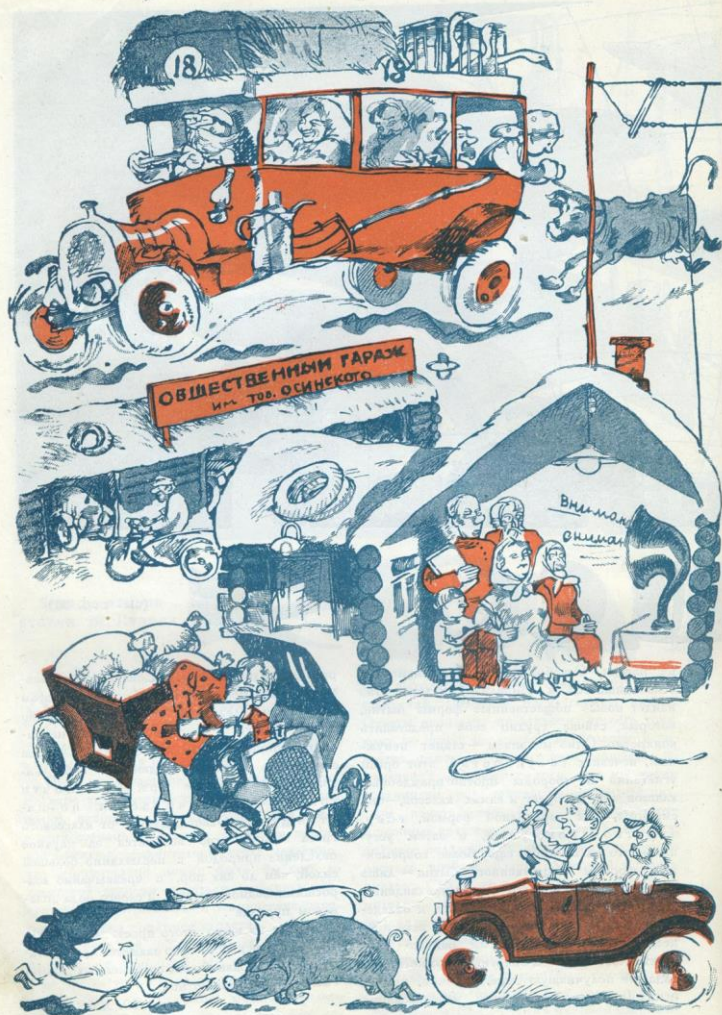
Г. Никифоров.
(Шарж.)

— Помилуйте, профессор,—возразят ученики,—ведь это же очень неповоротливое сооружение, неужели тогда рисковали на таком аппарате летать? И какое же это достижение, аппарат на шесть человек? Странно слышать даже!

— Разумеется,—отвечает профессор,—теперь, когда мы используем в нашей авиации электронную энергию, нам чрезвычайно трудно представить себе, как на таком аппарате летали. Наши современные воздушные поезда перебрасывают тысячи людей, кругосветное путешествие в 12 часов считается обычным, но тогда эта штука, этот аэроплан, был гордостью. В то время электричество было использовано в незначительной степени, ради был еще загадкой. Тогда были еще в ходу паровые машины, фабрики и заводы питались нефтью, бензином и керосином. Сжатый воздух, сила планетного движения,—все это шло мимо человеческого ума. Нынче обыкновенная человеческая речь слышна со всех точек земли. Все вот эти музейные предметы я могу демонстрировать перед глазами всего мира. Меня в любой момент могут видеть и слышать. Наши фабрики ушли под землю и не отравляют воздуха. Человечество руководствовалось тогда писанными законами, люди не знали единого закона культуры, было много такого, чего вы не можете себе представить отчетливо и ясно. Не удивляйтесь, друзья мои: прежде чем прийти к тому, что мы имеем, мы должны были пройти длинный путь упорной борьбы, и радость жизни была доступна очень немногим.

Г. НИКИФОРОВ.

АВТО-РАДИО-ВЫТ. КАРТИНКИ НЕДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО.

Карикатура К. РОТОВА.

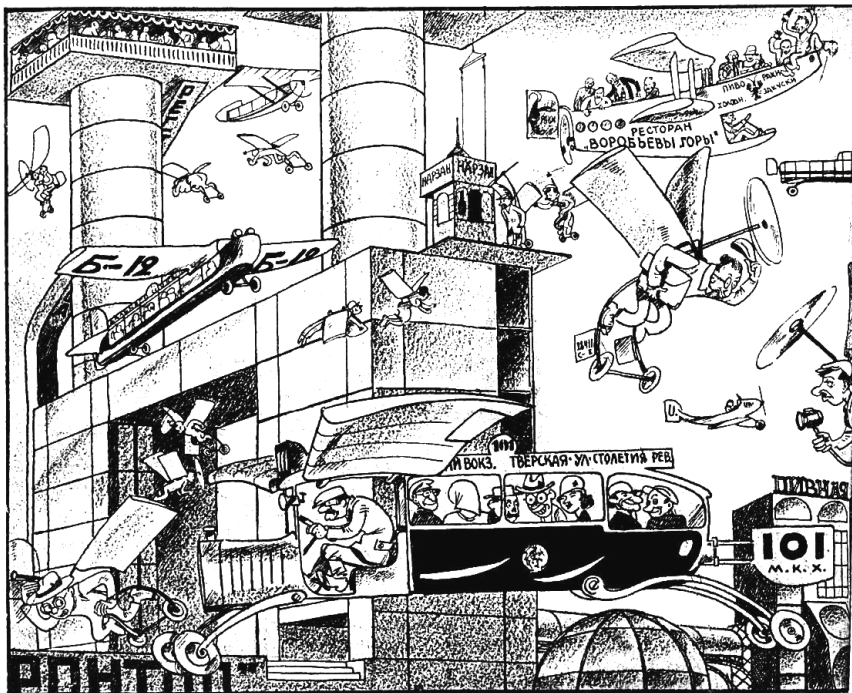

Рис. худ. К. Ротова.
МОСКВА БУДУЩЕГО.

В 2022 году рухнет бывший дом Нирензее в Б. Гнездиновском переулке.

Руины этого большого дома будут спрессованы, что образует площадку для спуска и подъема аэропланов. С этого момента начнется настоящее развитие туризма в Москве. Каждого туриста будет возить отдельный мягко режущий аэропланчик, одинаково удобный как на большой высоте, так и на высоте одного-двух метров от земной поверхности. Он будет залетать в музеи и там превращаться в стул—этот замечательный аэропланчик,—а на туристских базах он же будет превращаться в удобную постель. К каждому туристу, естественно, будет приставлен отдельный гид и, самое главное, он будет говорить только правду. Достоверно известно, что через сто лет гиды перестанут врать.

Несколько

И вот что, приблизительно, увидят эти счастливые туристы будущего:

Вылетев с дома Нирензее в сторону бульвара—они тотчас же наткнутся на 50-этажный дворец. Легко догадаться, что это будет отстроенный и приспособленный, наконец, к нуждам литературы дом Герцена. В нем будет жить 50.000 (по тысяче на этаж) талантливых писателей. Бездарностей не будет. Драк тоже не будет. И. Алексей Иванович Свирский, у которого через сто лет, наконец, отрастет седая борода, будет поглаживать ее с большим удовлетворением.

Дальше, среди всевозможных дворцов и прекрасных садов, внимание туристов, несомненно, обратит гигантское здание, имеющее вид угодливо согнувшегося человека.

— Что это такое?—спросят туристы.

предсказаний

— Это общежитие для подхалимов,—ответит гид.—Они не нужны больше и их, по возможности, изолируют. Подобных домов несколько в Москве: для подхалимов, для проныр,—вот, между прочим, их дом, он по заданию архитектора сделан похожим на обыкновенный кусок мыла,—затем, есть дома для пошляков и вообще для всяких, как говорится, людшек с присоволючю.

— А что это? Кто живет в этом мрачном саду, окруженном рвом и даже стеной с решоткой?

— О, это самое мрачное место в современной Москве. Это воров.

— Как так?—ужаснутся туристы.—Ведь давным давно нет частной собственности! Откуда же воров?..

— Совершенно верно. Это не материальные воров, а духовные. Они крадут чужие

идеи, выдавая за свои, крадут чужую инициативу, выдумку, чужой блеск и радость чужого творчества.

— А что же они делают в этом саду?

— Они стыдятся! Чувство стыда у таких воров появилось только с 1941 года и с каждым годом крепло.

Тут аэропланчик сделал резкий поворот, и начиналась неисчислимая область положительных явлений. Чего только не было в Москве 2027 года!

Замечательно то, что ни один фантастический беллетрист не предсказал правильно будущего. Даже самые проверенные догадки и предположения ученых и то оказались неверными.

Ф. Золотарев.
(Шарж.)

Будущее

Города-сады—эта излюбленная мечта социальных мечтателей—оказались весьма неудобной штукой. Гений свободного изобретательства нашел лучшие виды благоустройства. Дело в том, что в 2027 году изменилось самое представление о смысле оседлой жизни вообще. В Москве жили только те, кто отбывал гражданскую повинность по участию в производстве. Это были молодые люди в возрасте от 21 до 25 лет. В этом отношении и оправдались социалистические предположения Баллода. Население в возрасте до 21 года пребывало в различных институтах воспитания и образования, которым незачем было находиться в Москве. Институты воспитания и все учебные заведения были разбросаны в лучших местах СССР, который расширился далеко за пределы Европы и Азии. Население же старше 25 лет, свободное от участия в производстве, занималось туристско-ко-

чевым образом жизни, путешествуя, развезая, летая и всячески передвигаясь по всему СССР и получая ту неслыханную радость, о которой мы сейчас только мечтаем и к которой медленно, но верно, преодолевая неслыханные трудности, идем.

Таким образом, численность крупнейших центров СССР, в том числе и Москвы, не была уж так велика. Но не в численности дело. Они все-таки были прекрасны, эти города, прекрасна была и Москва. Ах, как она была прекрасна!

И если б мы хотели описать хоть какую-нибудь незначительную часть ее—описать серьезно, как в ней работали, как творили и жили,—это должно было бы занять много толстых томов.

Лично я не оставляю радостной надежды дожидаться этой счастливой возможности...

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ.

~ Будущее Крыма ~

Пишу, сидя у себя в Крыму, назыбком основании: еще сегодня утром ходунном заходил подо мною пол, затрепщали стены. И сейчас, сию минуту, я одновременно решаю два вопроса: что будет в СССР через сто лет и что будет с ее автономной частью -- Крымской ССР—через минуту: провалится или устоит. Откровенно признаться, этот вопрос нас, крымских граждан, волнует несколько больше: поэтому пусть будет простительно мне, если я дам ответ только на один этот вопрос, вопрос буквально трепещущий.

Вот уже 2 месяца как мы трепещем и дрожим над ним, тщетно ища указующий перст судьбы и вместо него видим только гадающие пальцы Павлова и Обручева, которые спасительно расходятся сегодня, чтобы пагубно сойтись завтра. Но пока геологи поставили нам твердый неизменный диагноз: „все может быть“.— Мы не теряли даром времени и за месяц успели трепетно подняться из моря на хорошую человеческую голову (24½ см.). А вы говорите провал! А что если таким темпом дело пойдет и дальше, и за сто лет мы подинемся на тысячу двести голов?!

Как тогда будет выглядеть нынешний маленький Крым—об этом можно судить и

не учась в геологической семинарии.

Дело в том, что нам, крымчанам, эти метафоры не впервой. Когда десять лет назад крымская земля трясла вместе со всей Россией и трещали дворцы и майораты—тоже многие ждали провала, а люди бросались в море и временно уплывали за море. Но

вот прошло десять лет и Крым—четыре маленьких уезда отдаленной царской провинции—вырос в отдельную Советскую социалистическую республику. Кто же после этого станет утверждать, что бывшие четыре уезда через сто лет не превратят Черное море в четыре Советских республики. Может, кому покажется—многого захотел. А что ж, нынче мы, трясущиеся крымчане, люди до земли жадные, катастрофические. Притом, это ведь через сто лет, а сейчас мы хотим немногого: не трясло бы то, что есть.

К. Тренив.
(Шарж.)

К. ТРЕНЕВ.

Будет вот что...

Ф. Березовский.
(Шарж.)

Жизнь СССР нельзя отделить от жизни всего человечества, населяющего нашу планету, ибо и в прогрессе, и в регрессе человечество движется одновременно всей своей массой, с той лишь разницей, что одни племена и расы уходят далеко вперед, а другие отстают и некоторое время плетутся в хвосте.

Сто лет во всемирной истории — ничтожный срок! Но и за этот промежуток времени человечество так далеко уйдет вперед по пути культурного развития и политической зрелости, что изживет к тому моменту формы государственных объединений, и ни в одной области своей деятельности люди не будут нуждаться в принудительной силе государственной власти. К тому времени начнут стираться и расовые особенности, и даже расовые признаки. Мировой совнарком будет еще существовать для подавления последних политических судорог американской буржуазии и для поддержания порядка — только на американском материке.

Грандиозно прекраснейшей перестройке мировой жизни, народы, населяющие сейчас СССР с их неиссякаемым творческим

пафосом, будут и тогда, через 100 лет, в авангарде человечества.

Нечего говорить о том, что в нынешнем СССР к тому времени будет все механизировано по последнему слову технического прогресса — вся промышленность и все сельское хозяйство; нечего говорить и о том, что по электрифицированным железным дорогам будут тогда развозить только не спешные товары и продукты по распределителям; все остальные массовые сообщения и перевозки будут совершаться на гигантских воздушных кораблях со скоростью от 500 до 1000 верст в час; а для домашнего обихода почти у каждого человека будет авиэтка и автомобиль.

Самое интересное будет — перемещение центров материальной и духовной культуры. Интересы развития производительных сил и прогресса вынудят человечество сосредоточить лучшие достижения материальной и духовной культуры в одном центральном месте. Таким местом будет Азия, а не Европа, и даже не Америка.

Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ.

Гован дикано

А. Жаров.
(Шарж.)

Будет все... Не будет только нас!

Столетия лет... она пройдет не даром,
Этот век и этот срок велик,
Будет —
Совнарком Земного Шара
И — всемирный председатель ЦИК...

Будет сжато техникой пространство
День — от Миссисипи до Оки,
Будут ездить в гости к мексиканским
Володимирские мужики.

Преватится в мирный круг семейны
Круг враждующих людей и стран...
Будет редкостью почти музейной
Бюрократ, растратчик, хулиган.

Будут искриться здоровьем дети
Всей огромной радостной землей.
Будут только, только в оперетте —
Фабриканты, принцы, короли.

Будет то, что в зиму не застынет,
Если надо, воздух ни на час.
Будет — к сто десятой годовщине —
Будет все...
Не будет только нас!

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ.

Рис. худ. Ю. Ганфа.

== Так будет! ==

Пассажирский вертолет падал по вертикали, падал как камень с высоты одиннадцати тысяч метров. Аппарат остановился и замер в воздухе над странным сооружением, занимавшим несколько десятин. Стены из прозрачного, радужного металла окружали гигантский бассейн, наполненный сапфирово-синей водой. Золотой песок был вокруг бассейна, и тысяча, десять или двадцать тысяч обнаженных, загорелых детей лежали, бегали, боролись, ходили по золотому песку вокруг бассейна. Тысяча солиденосных дам пре-

вращали это место в побережье Крыма. Стены из прозрачного металла ограждали и изолировали этот искусственный пляж от ноябрьского свежего ветра и осенней сырости.

Воды Черного моря передавались в бассейн по трубам в две тысячи верст длиной. Морская вода сверкала и кипела внизу под вертолетом.

Как называлось это место раньше?— спросил пассажир у своего спутника.

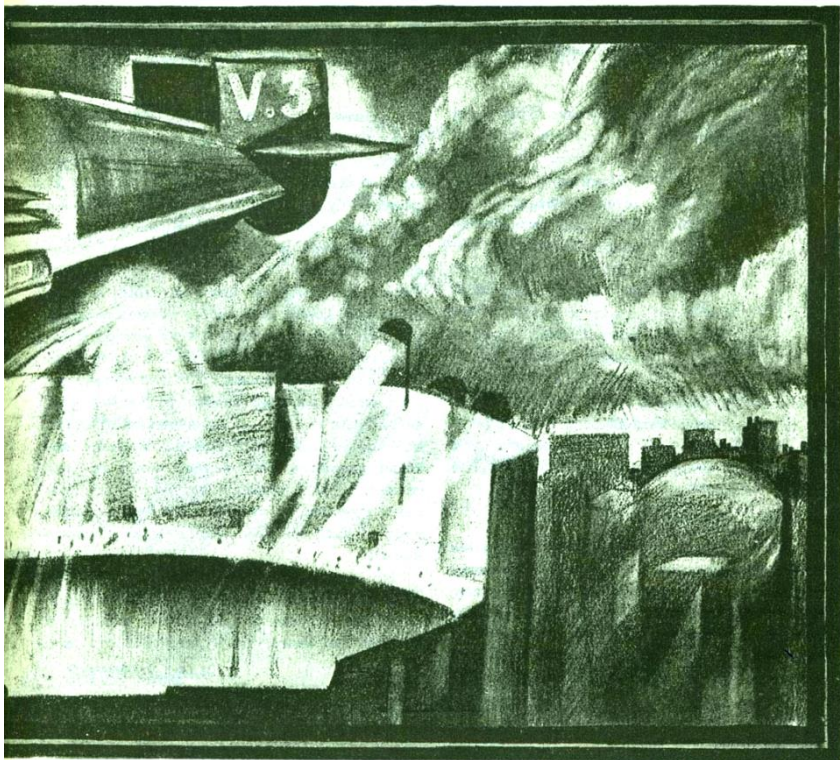
— Болото!— ответил спутник.— Болотная площадь! Мы над Москвой.

Л. НИКУЛИН.

Лев Никулин.
(Ш прже.)

И. Ясинский.
(Шарж.)

Не сказка...

Советская звезда, взметнувшись над Землею, разгорается все ярче в своем неуклонном полете и привлекает к себе взоры и угнетаемых и угнетателей, чующих, что близок день, когда она всем воссияет и разгонит тому неволи, и когда падут, взыв от ужаса, ослепленные светом, международные бандиты.

Когда же наступит этот день?

И неужели в этом вопросе есть что-нибудь фантастическое?

Хотелось бы рассказать не сказку о том, что будет через сто лет, а благовествовать действительность...

Но чье перо, однако, в силах в нескольких строках художественно изобразить не достижения, через сто лет, грядущего материального прогресса, нет; а главное, те высшие общественные чувства, крайнего развития которых должно достигнуть человечество, свободное от борьбы с себе подобными за жизнь, свободное от власти природы и предоставленное естественному своему стремлению к совершенствованию, какое только мыслимо для гения в области идей и чувств

И. ЯСИНСКИЙ.

Провинция через 100 лет

Л. Завадовский.
(Шарж.)

можно будет не держать кровжадных собак во дворах и не вешать на дверях пятифунтовых железных замков и не заставлять окон с пяти часов вечера ставнями из верхковых досок.

В этом я уверен!

Думаю также, что хомутовские мужики перестанут, наконец, со злобной завистью глядеть на рыжие залатанные сапоги горожан, и внуки мои не испытуют никогда желания провалиться сквозь землю от неловкости и какого-то стыда. Бабы перестанут носить молоко за 10—15 верст в наш городок, а бу-

Городок Усмань, в котором я живу, будет вымощен булыжником, не придется счастливым в 2027 году натягивать болотные сапоги и прощаться с семьей прежде чем отправиться в поход к почте, чтобы сдать пакет, адресованный издательству „Земля и Фабрика“.

дуг сдавать в какой-нибудь „молочный союз“, будут получать нечто вроде месячного жалованья, будут членами союза со всеми преимуществами, вытекающими из этого. И главное—будут оставлять молоко и для своих ребятишек,—не все отдадут в „союз“.

Думаю—соха и деревенская борона наконец успокоятся в „музее местного края“ Ребятишки не будут мчаться, сломя голову на другой конец села, чтобы увидеть трактор, а будут, прислушавшись к гулу мотора, безошибочно определять: „Это № 3 в Долинский клин пошел пар метать“. По шоссе на дороге, между золотых хлебов, будут мелькать автомобили с парнями и девушками, едущими на работы. Сорванные крылом машины колосья ударят в лицо зерном тяжелым, как свинец. Спины парней и девушек будут прямыми и стройными, не изуродованы непосильным трудом, руки красивы. Песни будут какие-то новые.

Но одного не будет—и поэтому так ленива моя мечта,—не будет в живых ни одного из тех, кто мечтал, так много страдал и работал для всего, что будет через сто лет.

Л. ЗАВАДОВСКИЙ.

Отвечая из глуши, хотя и недалеко от Москвы, но мало в чем уступающей каким-нибудь Тетюшам. Здесь улицы зарастают бурьяном и крапивой, всюду лишь повалившиеся заборы, и неторопливый житель у каютки будет тебе часами рассказывать о том, как в прошлом году соседская собака придушила его гусенка. Словом, здесь знаменитая „вековая тишина“. Эту заколдованную тишину ревниво охраняет прежде всего состояние грунтовых дорог. Но уже потревожена матерая одичалость и коеность. Обыватель из-за поваленного плетня, задравши голову, ежедневно утром и вече-

ром наблюдает гуляющую стальную птицу—на запад и обратно. И невольно по ней угадываешь, что высокая индустрия, наука и всеобщий культурный подъем через сто лет

совершенно свернут шею „вековой тишине“ с бурьяном и крапивой, с бесконечной беседой у каютки о том как и чем можно сводить мозоли.

Очень жаль, что не придется увидеть нам, ныне живущим, СССР через 100 лет. Но мне, сидящему сейчас в этой глуши, уже не зазорно мечтать о том, что авось еще на своем веку я буду летать отсюда в Москву на собственной авиатке...

Ив. Касаткин.
(Шарж.)

ИВ. КАСАТКИН.

Что будет?

Н. Асеев.
(Шарж.)

В самом деле:	что будет.	как для нас —	
Межзвездные рейсы?	Крылатые люди?	шалаша допотопные.	
Искусственный климат?	Живительный газ?	На радиовышках —	
Машины веселья?	И сны на заказ?	радиовспышки:	
Вот повод	для лирика сирого.	Бриан,	Чемберлен
Приветать на носки	и пофантазировать!	Затем,	и тому подобное.
За точность ответа	я не боюсь!	взгляды попри-	я прекращаю
И верю,	что этой достаточно	стальной,	этих строк
Чтоб шар земной	превратился в союз	трубы, кровли	возможную
Советских Социалистических	Штатов.	морских портов	фантазию.
И вот,	оглянувшись	и пристаней	И говорю себе:
оттуда назад.	и в нынешнем прошлом,	изломанные профили.	держись,
заметное видела,	мечтаю о том,	И, наконец,	крепись,
что увидит глаза	тогдашнего	под крышами,	несчастный лирик,
беспристрастного	жителя?!	людскою	ведь все равно
Вопервых, конечно,	радиовышки	черной лавищей,	настанет жизнь,
они —		найдет	фантазий всяких
		скользящих	шире.
		лыжами,	Пусть будут
		шагающих	в воздухе дома
		и плавающих.	летать,
		А вдруг найдет	спускаясь плавно,—
		меня еще	жизнь
		и врущего,	выдумает их сама,
		и путающего,	а жить
		и грубо изменяющего	и нынче славно.
		чудесный облик	А жить
		будущего.	не плохо и теперь.
		Вот почему	Лишь длились
		безмерно строг,	жизни б звенья,
		за век вперед	лишь ощущались бы в тебе
			эпохетий
			изменянья.

Н. АСЕЕВ.

Главное, чтобы люди были счастливы!

Конечно, техника СССР через сто лет сделает сказочные успехи. Те несметные богатства, которыми мы располагаем, будут, наконец, вынуты из-под спуда и пущены в оборот. Жизнь внешне станет удобной и легкой.

Но этот успех будет так же безрадостен, как безрадостны успехи техники сейчас. Люди и тогда будут мало замечать их, как мало замечают в наши дни.

Ал. Яковлев.
(Шарж.)

Другое дело — науки и искусства, этот корень истинно человеческой жизни. Я хочу верить, что они небывало расцветут. Освобожденные от всяких гнетов религиозных, национальных, политических и других — они засияют, как солнце, и, может быть, принесут человечеству счастье. Главное, чтобы люди были счастливы. А какой ценой — все равно.

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ.

Огромная комната с полуоткрытой балконной дверью. На улице—вечер. На темном глубоком небе то и дело вспыхивают светлые точки и быстро бегут по небу; изредка протягиваются шарящие лучи прожекторов.

В комнате — ни одной лампы, — свет мягкий, голубоватый, похожий на дневной, невидимо двется с потолка и с верхней части стен. В кресле, откинувшись на спинку, сидит человек. Он всего несколько минут назад прилетел со станции Москва-центральная Всемирной компании воздушных сообщений.

Дорога все-таки утомляет. Он сидит сейчас немного усталый, прикрыв глаза. Протягивает руку к радиотелефону. Звонок, сигнальная вспышка красной лампочки — и на маленьком экране появляется сухое деловое лицо мужчины. Мужчина говорит коротко, ясно, сухо и быстро исчезает. Снова звонок и вспышка. На экране новое лицо и новая речь. Эти люди звонили в отсутствие хозяйина, и телефон записал их речи.

Хозяин комнаты повернул выключатель другого аппарата. Раздался ровный, четкий голос вечерней радиогазеты:

„Последние новости. Европейские Соединенные Штаты. Лондон. На сталелитейном заводе 273 — САВ сегодня переплавлена последняя гигантская пушка, из которой Англия стреляла по Парижу. Позорная страница человеческой истории прочтена и перевернута...“

„Германия. В штате Либкнехта, на 5-е августа назначена всемирная воздушная олим-

пиада. Слет чемпионов старого и нового света...“

„Москва. Проф. Ивановым, разрешившим проблему долговечности, произведены удачные опыты оживления уже разложившейся клетки...“

Хозяин комнаты опять протягивает руку к выключателю. Можно бы послушать Миланскую оперу и посмотреть заседание нового парламента в Токио, — здесь же, не поднимаясь с кресла, но у него нет сейчас настроения. Ему нужно также продиктовать маленький рассказ для „Вечернего журнала“. „Пишут“ теперь не как в старое время: пером на бумаге или машинкой. Гораздо проще и менее утомительно — диктует в аппарат, и это произведение передается голосом автора во все концы мира.

Писателю вспомнилась сейчас одна женщина, которую он не видел уже неделю.

„...Да, да, — мысленно он говорит ей. — Мне очень хочется тебя видеть... Я только что вернулся. У меня сегодня есть несколько часов свободных.“

И чувствует ее ответ:

„Уже возвратился? Я рада, очень рада. С первой же аэромашинной. Жди...“

Я открыл глаза. Сажу за письменным столом у себя в комнате. Так это — минутный сон после утомительной работы. Никак я не лезал, не слушал очеловеченные машины, не внушал мысль свою через стоверстное расстояние... Пожалуй, и лучше...

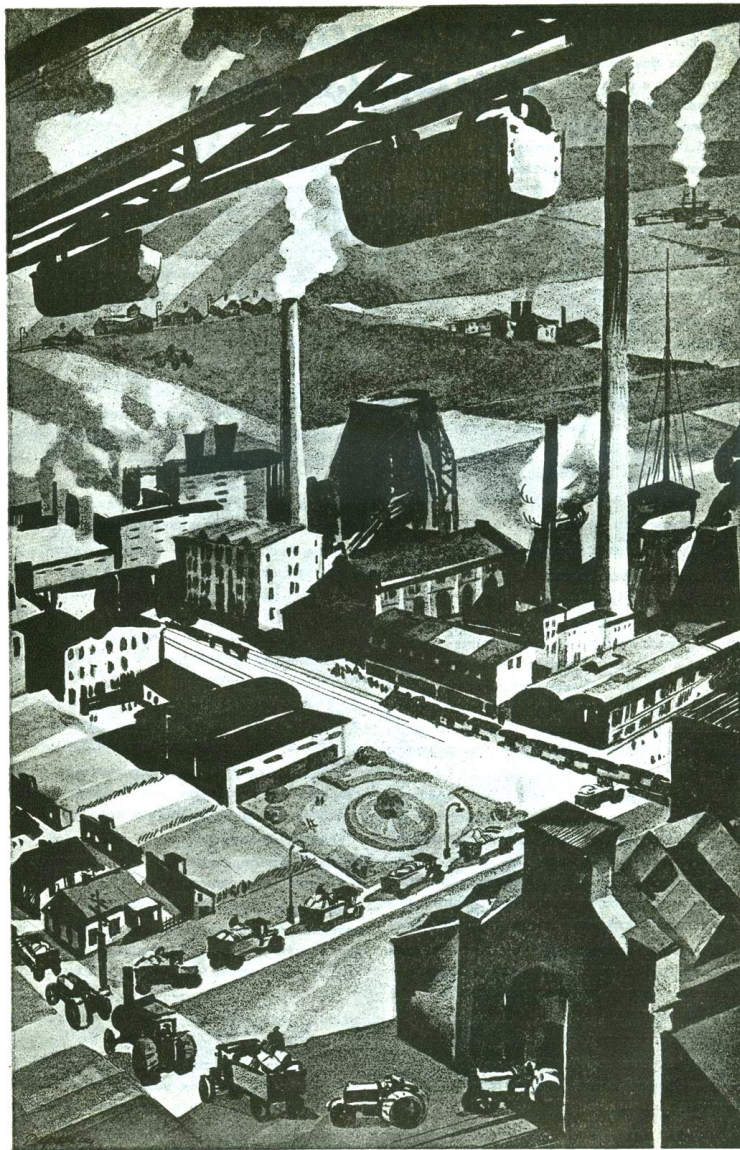
Я ничуть не завидую своему собрату-писателю, который будет жить спустя сто лет после меня.

ПАВЕЛ НИЗОВОЙ.

Павел Низовой
(Шарж.)

Индустриализация.

Рис. Р. Френца.

Я не люблю мечтать, т.-е. строить планы без данных, имеющихся в реальной действительности.

Здесь тоже можно было бы пойти от действительности и, приняв во внимание наше современное строительство СССР, начать мечтать о том, что через сто лет весь СССР покроется огромными электрическими станциями, рассылающими свою энергию всюду. Но мне хочется начать не с вещей, а с человека, источника и создателя всех вещей.

Начну с реальности. В тот день, когда редакция „30 ДНЕЙ“ попросила меня написать эту статью, мне нужно было купить винтиков для прикрепления розетки на электрической лампочке. Я отправился в первый попавшийся магазин приборов электрического освещения:

- Винтиков не имеется.
- Винты у вас должны быть.
- Мало чего — должны.

Винтики я не нашел во всей Москве.

И другая реальность!

На вывеске, занимающей собой весь забор, огромными буквами сообщается, что во дворе, начиная с 4 часов, будет производиться осмотр и аукцион вещей, вывезенных из каких-то дворов. Часы показывают 6, на воротах на пустом дворе гремит оркестр, толпа любопытных осаждают ворота. В щель ворот видна сидящая на дворе кассирша с билетами.

После нескольких скандалов с требованием открыть ворота, на что музыканты только весело и добродушно смеялись, ворота открываются заведующим, [который только смущенно улыбается. (Хороший человек, даже не кричит на посетителей и даже не оправдывается: действительно неловко получилось.)]

И третья реальность: у окна магазина стоят несколько человек и, рассматривая выставленное сукно, хохочут, хлопают себя по бокам и говорят:

— Хорошенькое сукно о ни выставили.

Три маленькие черточки — что греха таить — общего нашего характера.

— Не мое дело.

А если это дело плохо, то является потребность еще поиздеваться над ним.

Гражданин Будущего

Пант. Романов
(Шарж.)

Видя теперь ту активность, ту энергию и внимание во все стороны жизни нашего комсомола, я начинаю верить, что пожалуй не сто лет, а гораздо меньше потребуется СССР для того, чтобы в характере каждого гражданина появились черты хозяина.

Когда обыватели негодуют на комсомольцев и говорят с досадой:

— Что они всюду лезут? Какое им дело?

Я тут вижу, что они усиленно сбавляют столетний срок.

Обычно русский человек отличался тем, что он не лез даже туда, куда обязан был лезть, а теперь он „лезет“ туда, куда и не обязан лезть. Это великий признак!

И мне грезнится, что через сто лет (я говорю здесь только о русских, так как не знаю основных черт характера наших меньшинств) в характере русского человека — я имею в виду трудящихся — произойдут следующие изменения (я буду скромнен и буду мечтать только о небольшом):

Он почувствует себя хозяином (а не „служащим“), лично ответственным за всякий недочет в общем хозяйстве страны.

Он не будет ждать приказания и указания со стороны, глаза его получат способность самостоятельно видеть дело.

Он совершенно оставит дурную рабскую привычку злорадствовать над прорехами в собственном „хозяйстве“.

Он, как бережливый хозяин, будет внимателен ко всяким мелочам, помня, что все великие вещи складываются из бесчисленного количества мелочей (вроде винтиков).

Он совершенно оставит привычку откладывать на завтра дело, которое, ему кажется, потерпит.

Он будет заинтересован в движении не только своей части, над которой он непосредственно работает, а и в движении всего целого.

ПАНТЕЛЕЙМОН РОМАНОВ.

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

ТАК БУДЕТ

Рассказ из жизни будущих людей

Иллюстрации К. Ротова

Ефим Зозуля.
ТАК БУДЕТ.

Рассказ из жизни будущих людей. Иллюстр. К. РОТОВА.

Благополучных описаний будущего у нас уже есть достаточно. Известно, что в будущем будет хорошо; если мы возьмемся за рассказ из будущего быта, то только потому, что в нем тоже будут неблагополучия. Описанию одного из таких неблагополучий и посвящен настоящий рассказ.

Началось, как всегда, со слухов. Один из граждан, принимавший солнечные ванны на авиэтке, встретил на другой авиэтке знакомого и передал ему при помощи воздушного телефона, что на 57-й улице Тишины, в доме-общежитии № 35, выходящем западной стороной на 5-й проспект Покоя, случилось несчастье. В чем оно заключалось, гражданин, принимавший солнечные ванны, не знал хорошо, но, по сведениям Бюро Самочувствия — самочувствие одного из обитателей общежития было неважное. Гражданин, принимавший солнечные ванны, имел обыкновение заходить по утрам в это Бюро и справляться о самочувствии граждан своего района. В это утро в Бюро было большое смятение. Не имея возможности подробно разобраться в его причинах,

так как час для солнечных ванн настал, гражданин поднялся на своей авиэтке и рассказал о случившемся несчастье встречному знакомому. Тот был счастливее. Ему не было предписано принимать солнечные ванны. На авиэтке он летел просто так, чтобы наблюдать утренний туман на реке, и поэтому имел возможность спуститься на 57 улицу Тишины перед домом № 35.

Лжи в обиходе давно уже не было, и гражданин, принимавший солнечную ванну, конечно, не лгал. В доме № 35, действительно, случилось несчастье. Перед домом даже собралась толпа. Для того, чтобы она не мешала уличному движению, она, состоявшая, вероятно, уже из трехсот или четырехсот любопытствующих граждан, была приглашена встать на стальной мост и была поднята на высоту двадцати метров. Новые любопытствующие граждане могли присоединиться к толпе совершенно свободно. Для этого с моста были спущены две лестнички.

Толпа живо обсуждала событие и обменивалась мнениями, предположениями и наблюдениями.

— Надо полагать, что несчастье случилось в шестой квартире. Там до сих пор не раздвинуты занавески. Очевидно, людям не до солнечного света.

— О, вероятно, несчастье очень глубокое и необыкновенное!

— А вы не знаете, в чем оно заключается?

— Трудно сказать. Бюро Самочувствия только недавно получило материал. Он сейчас разрабатывается.

— Простите, гражданин, вы говорите «сейчас». По моим сведениям, уже прошло более получаса, как материал поступил в Бюро Самочувствия.

— Получаса?! По-моему, прошло больше целого часа. Это небывалая медлительность!

— Да, очень странно! Прошло достаточно много времени, а бюллетень еще не готов.

Действительно, большинство любопытствующих граждан обращало свои взоры на квадратный купол помещения Бюро Самочувствия, над которым возвышался громадный

экран дневного кинематографа. Ни текста, ни фотографий на этом экране еще не было.

— Что же это может означать?

— Странно. Умер ли кто-нибудь? В смерти Бюро Самочувствия разбирается сравнительно скоро.

— Ну, конечно, когда человек умер, то вопрос о его самочувствии отходит на второй план. Не правда ли?

— О нет, тут не смерть. Вероятно, тут нечто худшее.

Между тем, толпа любопытных росла, и мост уже не вмещал всех. Внизу служащие Бюро Уличного Движения принимали меры, чтобы поднять другой мост, так как любопытствующие прибавлялись.

Толпа выражала в довольно явных формах нетерпение. Ее уже два раза фотографировали для того, чтобы увидеть по снимкам, насколько велико ее возбуждение и представляет ли оно какую-либо опасность. А на экране все же ничего еще не появлялось. Занавески на окне шестой квартиры все еще были сдвинуты.

Часа через два они, наконец, раздвинулись, и в окне появилась довольно унылая физиономия неизвестного гражданина.

Почти одновременно она же появилась и на экране.

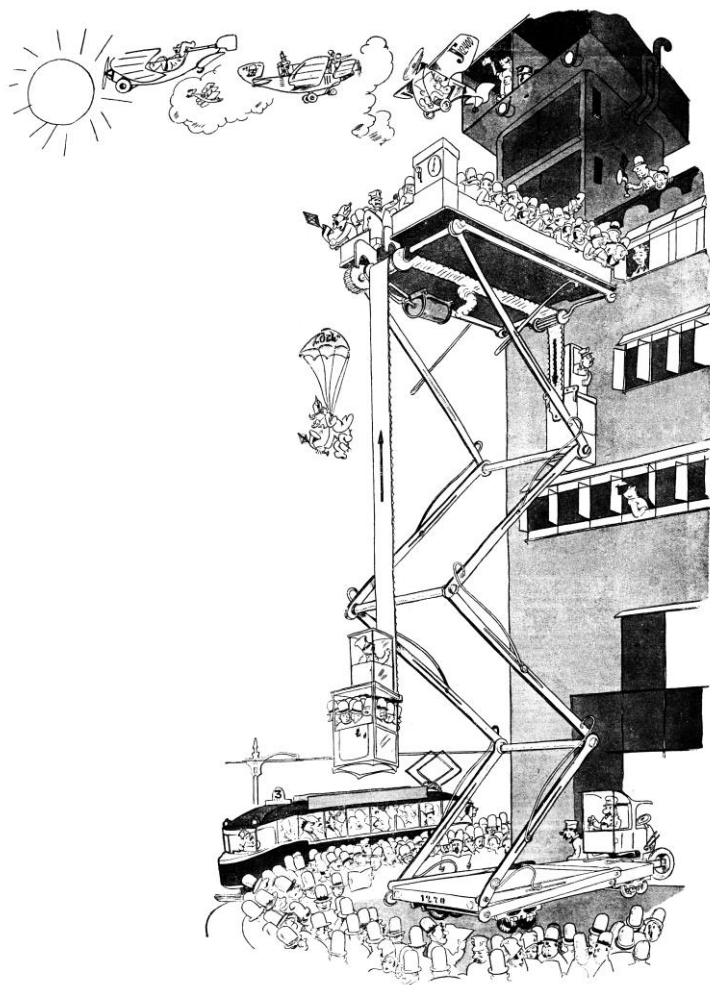
По-видимому, она имела центральное отношение к событию, потому что на экране она простояла минут пятнадцать.

Особый звонок возвещал весь район о необычайном происшествии.

Неизвестный гражданин, изображенный на дневном экране, привлек к себе внимание не только своего района, но и значительных частей близлежащих районов.

Углы его губ были опущены. Глаза смотрели растерянно и удивленно. Брови были слегка сдвинуты. Цвет лица — кино было, конечно, цветное — был довольно бледный. Было ясно, что человека постигло горе. Толпа на двух надличных мостах не расходилась.

Портрет неизвестного гражданина передавался во все концы города.

Он печатался в журналах и газетах, представляя собою все ту же загадку. Всего через какой-нибудь час — полтора лицо этого человека было знакомо всему городу. Однако, причина его опубликования не была еще известна. Во всевозможные инстанции, следящие за порядком, работой и жизнью граждан, посыпались запросы.

— Что случилось? — спрашивали на улицах.

Радио повторяло вопрос на многих площадях и общественных местах.

Наконец, к часу дня Бюро Самочувствия об'явило причину крайнего огорчения гражданина из шестой квартиры дома № 35 с 57 улицы Тишины.

Его оскорбили.

Человек, имени которого ни за что не хотел назвать пострадавший, обозвал его непонятным словом „Swolozc“.

Пострадавший только по тону догадался, что это было оскорбление. Значения же слова он не знал. Между тем, самочувствие его резко ухудшилось, и Бюро Самочувствия вынуждено было заниматься им с самого раннего утра.

Непонятное слово поставило в тупик наиболее опытных работников Бюро. Были запрошены лингвистические институты, институты древних языков. Но ответы не получались.

Слово было слишком древнее.

В жизни Бюро это был едва ли не первый случай по сложности и загадочности. Его нельзя было упрекнуть в бездеятельности или в равнодушии к самочувствию граждан своего района. Бюро всеми способами мягкого и деликатного воздействия старалось вывести у пострадавшего имя обидчика. Но это оказалось невозможным.

Поведение пострадавшего продолжало в течение всего дня волновать широкие круги населения.

Обед был с'еден им без необходимого оживления. Повторная порция сладкого, которую он обычно требовал, на этот раз затребована не была. Прогулка его была короче на 12 минут. От развлечений пострадавший отказался, ограничившись одним только домашним концертом.

Но есть все основания предполагать, что к утру его самочувствие улучшилось бы, если бы таинственное слово раскрыло таящийся в нем непонятный смысл.

Бюро Самочувствия сделало все, приняло все меры, чтобы раскрыть смысл неизвестного слова. Наиболее заслуженные ученые-лингвисты и знатоки древних языков — делали всевозможные предположения, но смысл слова не был раскрыт.

Только через два дня среди старых букинистов нашелся один, взявшийся об'яснить значение таинственного слова.

Он обещал это сделать к вечеру, и в течение всего дня его портрет мелькал на всех экранах, передавался по радио и печатался в периодической прессе. Это был действительно человек необ'ятных знаний. Он знал язык древних народов почти в совершенстве.

Он не только об'яснил значение этого слова, но и в виде бесплатного приложения добавил целый ряд других слов, бывших в обиходе в том же, по его предположению, ледниковом периоде.

Вот некоторые из этих слов, не во всех случаях полностью восстановленные.

Cholera
Sukin syn
Sterwa
...sobaczcie
...twoju mat
Zyd
Zydowskaja morda

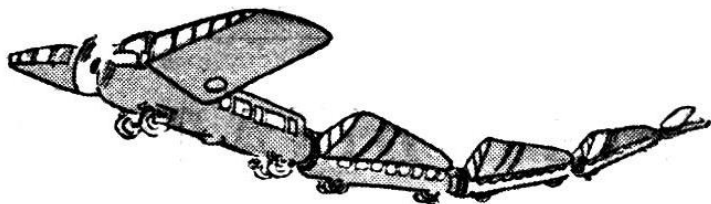
Schkurnik
Burokrat
Wolokitschcik
Swinjatsja charja
Parschiwetz
Rastratchik
Wor

Однако, двум археологам удалось поправить букиниста и блестяще доказать, что слова, значение которых он передал правильно, были в обиходе не в ледниковом периоде, а значительно позже в Европе, в стране, носившей название России.

Когда событие было всесторонне обследовано, пострадавшему было оказано общественное сочувствие. Многие газеты, радио-журналы и периодические громкоговорители удивлялись его благородству по поводу того, что он не называл и, несмотря на настойчивые просьбы, так и не назвал обидчика.

Пострадавший был доволен проявленным в отношении его сочувствием, и в ответной речи заявил, что его самочувствие поправляется, и он надеется на то, что со временем оно совсем поправится.

Однако, Бюро Самочувствия довольно продолжительное время продолжало следить с особым вниманием за квартирой № 6 дома № 35 по 57-й улице Тишины.

Ю. А. 1923.

Специальный рисунок для «Кр. Нивы» худ. Ю. Айзенгова.

ЯКОВ ШКЛОВСКИЙ

**ПОИМКА ФАШИСТА,
ИЛИ ГИБЕЛЬ НАДЕЖДЫ**

Рассказ

Газета «Пионерская правда», 1925 год, №№ 1, 4, 9, 10

Поймка фашиста или гибель надежды.

Саша Рыжий и пикор Коган шли по Кузнецкому мосту, оживленно разговаривая. Пикор Коган держал в левой руке 1 и 2-й номера газеты «Пионерской Правды» и изредка тыкал ими в нос сконфуженному Саше и во все горло кричал:

— Разве это фельетон? Разве это смешно? Прочтет кто-нибудь из новичков; подумает — вправду пионеры такие! Эх, Саша, Саша! Писал бы ты уж лучше «Барабанную Палку», и не лез бы не в свое дело.

— Да, да, нет... — пробовал отговариваться Саша, но пикор Коган был неумолим.

— Нужно думать, молодой человек, над тем, что пишете в газету, тогда толк какой-нибудь получится.

Саша молчал. Крупные слезы катились по его побледневшим от волнения щекам, и он тихо пролепетал: «Н-не буду больше».

Коган дружески потряс его руку, подпрыгнул от удовольствия и нечаянно наступил на самый любимый мозоль шедшего сзади высокого мужчины с черными усами. Мужчина так взвыл, что шофер на проезжавшем автобусе завистливо подумал: «Вот бы сирену такую!».

Саша Рыжий и Коган обернулись, желая извиниться и... под распахнувшимся пальто сверкнула стальная «свастика».

— Шафист! — закричал Саша и бросился бежать.

— Да не шафист, а фашист... Граждане, держи... — Коган бросился на мужчину, и схватил его за пальто.

С тех пор их больше никто не видел. Прошло около недели, и проходящий случайно по улице пикор Крекшин поднял три рисунка, в которых все узнали руку пикора Когана. Было созвано экстренное собрание всех пикоров, на котором присутствующие попытались дать об'яснение исчезновению пикора и Саши, и разгадать значение и смысл рисунков.

И собрание решило, пусть каждый пионер, читатель «Пионерской Правды», напишет к этим трем рисункам рассказ и пришлет его в редакцию. Три лучших рассказа будут напечатаны в ближайших номерах. Так, пионеры, читатели, пионеры, школьники и прочие; редакция ждет ваших коротеньких (не более 2-х столбцов) рассказов.

Рассказ Я. Шкловского, г. Минск, 5 отряд.

Увидевши „свастику“, пикир Коган и Саша Рыжий ринулись вперед.

По обоюдному их мнению всегда нужно стремиться вперед, и теперь так же, несмотря на то, что мужчина шел сзади.

Один крикнул: „Граждане, держи!..“, а другой: „Шэфист!!!!“, но этот крик, как по уговору, у обоих застрял на полпути — в горле... Как видно, от ветра.

Отбежали малую толику, колотье около селезенки заставило Сашу остановиться и толкнуть Когана в бок. Оба остановились.

— Уф... Видал?... Настоящий... Уу... Крест с... У-у-уф... С крючками... Уф, отдышаться не могу,

— Слушай, Саша, не иначе он взорвет ЦИК, или, может, свинцовый блеск с приемника в отряде стащит, трубу срежет... О-о-о!!!!... Наш долг...

Оба сразу вспомнили все свои подвиги и переплеты, в которых им приходилось пребывать, и им показалось, что поимка фашиста ничто в сравнении с делами „давно минувших дней“.

Коган вспомнил, как ему ставили „банки“ и давали „макаронеры“ пионеры соседнего отряда после заметки в газете:

„Таким не место в пионер-организации“ и подпись, „Пикор Коган“,

Саша вспомнил, как его ругал в понедельник редактор...

На углу мелькнула знакомая фигура фашиста: клетчатые штаны, короткое пальто. Коган, стремительно рванувшись, ухватился за пальто фашиста. Тот обернулся, и Коган, к своему изумлению, увидел совсем не черные усы, а рыжую бороду. Теперь только он заметил, что у „того“ пальто было серое, а у этого черное,

Рыжебородый человек пробормотал:

— Хулиган! Вот уж эти пионеры...

Бег „вперед“ и все прочее совершалось по НОТ'у — „настоящий фашист“ далеко уйти не мог... „Ах, да вот же он идет!“

— Сашка, валяй!

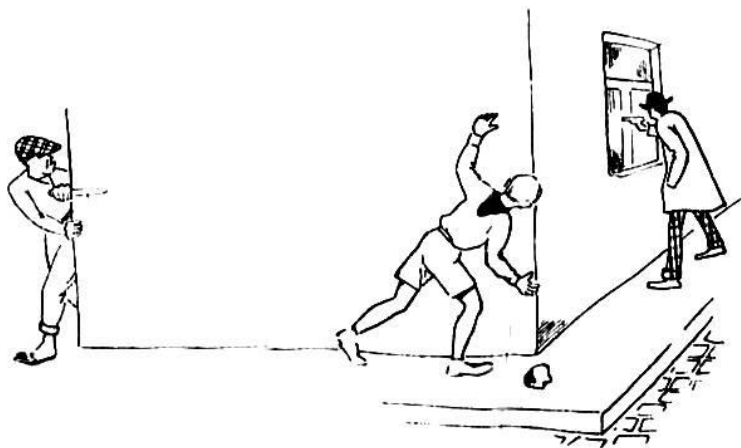
Фашист вошел во двор. Коган и Саша осторожно последовали за ним. Они обратили внимание: во многих местах пальто и штанов были красные пятна, сильно напоминавшие кровь.

Предположение перешло в уверенность.

Во дворе фашист, подойдя к стенке, подтянулся слегка на веревке, висящей сверху, и полез на невысокую крышу (причем Коган и Саша Рыжий поразились высотой подъема и смелостью фашиста). Саша Рыжий решил не выпустить его из рук, и подхватив тут же лежащую палку размахнулся, чтобы нанести решительный удар, но вовремя задержался, благоразумно решив, что фашист при падении может остаться жив и невредим, вследствие чего... мало ли что может случиться.

Фашист влез. Наверху послышалась возня, и фашист, спрыгнув с крыши, с окровавленными руками пробежал мимо остолбенелых героев. Коган первый очнулся и побегал вслед, оставив Сашу с разинутым ртом.

Фашист, обогнув два угла одного и того же дома, оставался у окна.

Коган глядел на действия фашиста из-за угла.

Фашист взял из стоявшего невдалеке старого ящика небольшую банку, как видно, с динамитом, приготовленную заранее, и, кроме того, что-то, очень похожее на револьвер.

Потом, повернувшись к Когану спиной, он проделал какие-то манипуляции, после чего уставился револьвером в окно, водя им для взятия прицела. Смелый пнкор и активист наклонился и ухватил увесистый булыжник на всякий „пожарный“ случай.

Тем временем Саша Рыжий, очнувшись от дум, выхватил из ножен свой финский нож. Будучи сильно заинтригован поведением фашиста плюс отсутствие Когана, он решил пойти вслед за ними, для чего направился к углу дома, за которым они скрылись.

Высунув нос из-за угла, он узрел Когана, усиленно наблюдавшего за чем-то. Саша подошел к Когану как раз, как тот поднимал булыжник. Не понимая, в чем дело, он осторожно тронул Когана за плечо.

Тут произошла двухсекундная драма...

Рука Когана, сжимавшая камень, при неожиданном прикосновении, описала дугу в 120 градусов и тяжело опустилась Саше на темя.

Не ожидая такого действия со стороны Когана, Саша бессмысленно двинул финским ножом в воздух, результаты чего оказались очень плачевны — из распоротого правого бедра Когана обильно свистнула кровь...

— А-а-а-а!!! — вопил благим матом Саша.

— А-а-а-а!!! — солидно взвизгивал Коган.

Неожиданно появилась фигура: клетчатые штаны, короткое пальто и черные усы.

Саша и Коган взяли на полтона выше.

«Фашист» схватил Когана подмышки, Сашу за руку, причем сильно запахло чем-то знакомым, и поволок их с собой.

.....

Коган и Саша Рыжий залечивали свои раны (кстати сказать, не смертельные, но требующие ухода), блаженно отдыхая от нагрузки и проводя время в больнице в ничегонеделании.

Коган для разнообразия зарисовал их подвиги, но увы!... Как они им казались...

Да... горько подумать... что «фашист», которого они могли изловить и, тем самым, обессмертить свое имя, оказался, оказался... маляром союза строителей, член ОДВФ с правом ношения на груди металлического аэропланчика, и что динамит оказался белой эмалевой краской для надписей на окнах, револьвер — короткой кисточкой, а убийство — пробой, насколько высохла накануне выкрашенная крыша... Да... И отчего же это могла случиться такая глупая история... Черт возьми... За последнее время так расшатались нервы... От нагрузки, видно. Нужно будет отказаться от газетного кружка. Там только и слышишь про фашистов.

Коган утешал себя рисованием эпизодов из поимки «фашиста». Саша Рыжий катался со смеху, глядя на два таких, особенно хорошо нарисованных рисунка, и еще третий, на котором он изобразил самого себя при виде пустоты на месте кристалла в радиоприемнике и полной негодности аппарата (в том случае, если бы „фашист“ оказался фашистом и стащил бы его). Его Коган засунул в карман.

Назавтра Коган и Саша Рыжий отправились домой.

По дороге, в то время, как рисунки выползали из древней дыры в кармане (их-то и нашел пикор Крекшин), Коган, идя по панели, размышлял: „Рассказать ребятам или нет? Нет... На смех подымут!..“

СВЭН (КРЕМЛЕВ)

НА МАРС!

Фантастический рассказ-пародия

На Марс!

Глава 1. Инженер Мэнни.

Редактор пионерского журнала. Коля Травников снял телефонную трубку и умышленно небрежно сказал:

—Алло!

— Вы читали „Красную Звезду“ Богданова? — спросил неизвестный голос.

— Как же, — не задумываясь, соврал пионер.

— Так вот. Я — инженер Мэнни. Через два часа буду у вас по крайне важному делу. Пока...

И телефон неожиданно раз'единили.

— Кто бы это мог быть? — недоумевал Коля, рассказывая о странном разговоре секретарю редакции Феде Шляпкину.

И мальчики с нетерпением ждали прихода незнакомца.

Глава 2. Приглашение.

В дверь постучали, и в комнату вошел человек небольшого роста с глазами, закрытыми темными и очень большими очками.

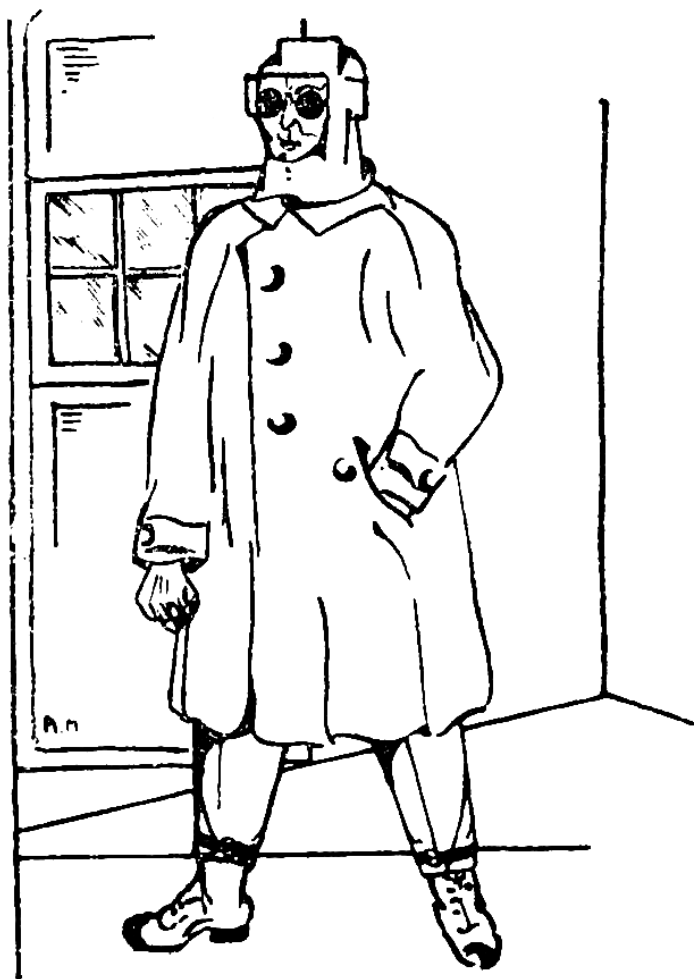
— Вы Травников, — решительно начал гость, — я инженер Мэнни, марсианин. Сегодня же мы с вами отправимся на Марс.

— Товарищ, — обиженно возразил пионер, — если вы думаете, что я маленький и потому подшучиваете надо мной, то я через год в Комсомол вступлю, вот что...

— Мальчик, — спокойно продолжал неизвестный, — Богдановский Леонид самым бессовестным образом подвел нас и оказался порядочным шалопаем. Мы решили взять с собой на Марс неискушенного и неиспорченного пионера.

Впрочем, — добавил незнакомец, уронив взгляд в сторону Шляпкина, — мы, пожалуй, согласимся захватить обоих.

— На Марс, — недоверчиво переспросил Коля, — а как мы до него доберемся?..

..... В КОМНАТУ ВОШЕЛ ЧЕЛОВЕК.....

— На этеронефе, — коротко ответил загадочный посетитель и достал из кармана прозрачный флакон с бесцветным химическим составом, усыпляющим всех, кроме автора и самого Мэнни.

И через десять минут потерявшие сознание пионеры были перенесены в какое-то необычайное, сделанное из стекла и папье-маше, судно.

Это был этеронеф — воздушный корабль марсиан.

Глава 3. В пути.

Мальчики пришли в себя. Они находились в небольшой каюте этеронефа, несшегося по направлению к Марсу со скоростью самых многозначных чисел в секунду. Коля встал с койки, на которой лежал, и, благодаря потере тяжести, неожиданно перелетел через Шляпкина и очутился в противоположном конце воздушного корабля.

— А, вы уже проснулись, — легко приподнял его с пола какой-то марсианин, стоявший на руле и старательно вглядывающийся куда-то в небесную даль.

— Не сесть бы на мель, — бормотал он сквозь зубы, — вечно из-за этого Млечного пути неприятности.

— Кстати, — обратился он к пионеру — вы еще не знаете нашего языка и истории Марса.

И через полчаса благодаря совершенному педагогическому методу марсиан Коля свободно разговаривал по-марсиански.

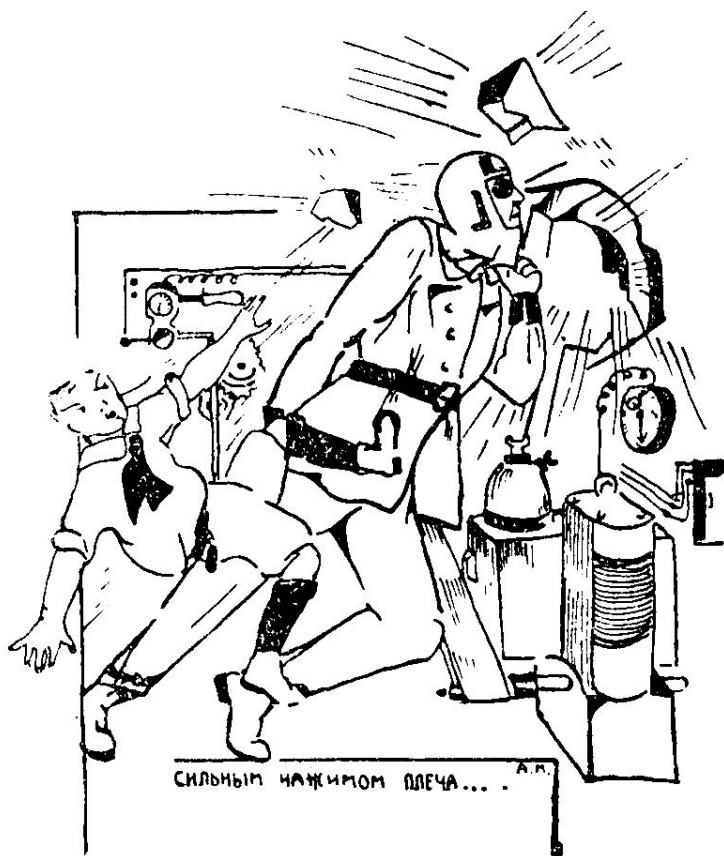
Глава 4. Катастрофа.

Этеронеф летел с фантастической быстротой, ни одним толчком не нарушая покоя путешественников. Кончалась уже четвертая неделя со времени оставления Земли. Не желая даром терять время, пионеры под руководством Мэнни энергично занимались науками.

Уже к концу второй недели мальчики знали полный курс, по меньшей мере, четырех Вузов и успели написать на

самопишущих фото-мимо-психо-фонографах по несколько научных диссертаций.

Мэнни был в восторге от своих учеников. И вдруг...

Почти на самой середине пути этеронейф неожиданно получил жестокий удар в борт. Стекла́нная доска с треском лопнула, и край несущейся мимо кометы на минуту заградил свет.

К счастью, Мэнни не потерялся. Сильным нажимом плеча он вытолкнул из машинного отделения раскаленную мас-

су кометы и, быстро замазав гуммиарабиком края разбитого борта, заклеил дыру куском железо-бетонного картона.

— Спасены, — облегченно вздохнули пионеры. Но! Увы. Роковой удар повредил что-то в руле и сейчас никем не управляемый этеронеф переменил направление и, со все возрастающей скоростью, понесся прямо к Венере.

Глава 5. Венера.

До Венеры оставалось не более нескольких сот тысяч миль. Глядя в усовершенствованные телескопы, соединенные с радиофоном и кинематографом, пионеры уже различали темные громады гор, огромные реки и широкие зелено-фиолетовые равнины.

Мэнни и остальные марсиане не только не высказывали радости по поводу окончания пути, но наоборот, становились все задумчивее и грустнее.

— Этеронеф, столкнувшись с поверхностью планеты, разлетится на миллионы кусков, — мрачно ответил на расспросы мальчиков марсианин.

И не успел он закончить фразы, как со звуком пушечного выстрела воздушный корабль переломился надвое и превратился в фонтан пылающих брызг.

Столкновение с Венерой произошло.

Глава 6. Пробуждение.

Пионеры медленно приходили в себя. Федя открыл глаза, затрясся как в лихорадке.

Кругом, отступя шагов на пятьдесят, толпились гигантские, уродливые животные. Это были — ихтиозавры, бронтозавры и прочие чудовища доисторической эры.

— Коля! — в ужасе закричал Шляпкин, — мы погибли!

С быстротой молнии мальчики вскочили на ноги и бросились бежать.

Отвратительное чудовище с крохотной головой и непомерно длинной шеей, смутно напоминающее огромную ящерицу, заворчалось и двинулось вслед за беглецами.

И достаточно было крохотного промежутка времени для того, чтобы расстояние между преследуемыми и погоней свелось на нет.

— Гибнем, — прошептал Коля.

Глава 6. Спасение.

Пионеры бежали вдоль берега широкой реки, и в тот момент, когда чудовище их настигло, остановились на краю глубокого оврага. Обезумев от ужаса, мальчики, не раздумывая, прыгнули вниз, и... о счастье!..

Прямо перед ними высились удивительно знакомые постройки, а через минуту беглецы смогли уже прочесть безконечно родную и милую надпись:

„СТАНЦИЯ КАШИРА“.

Не долго думая, пионеры вскочили на площадку отходящего поезда и, обернувшись, увидели, как тщетно лязгнули челюсти разъяренного чудовища над буфером последнего вагона. Путешественники были уже вне опасности.

Глава 7. Опять у себя.

Поезд остановился и пионеры с радостью убедились в том, что они снова в Москве. Радостно светило солнце. По

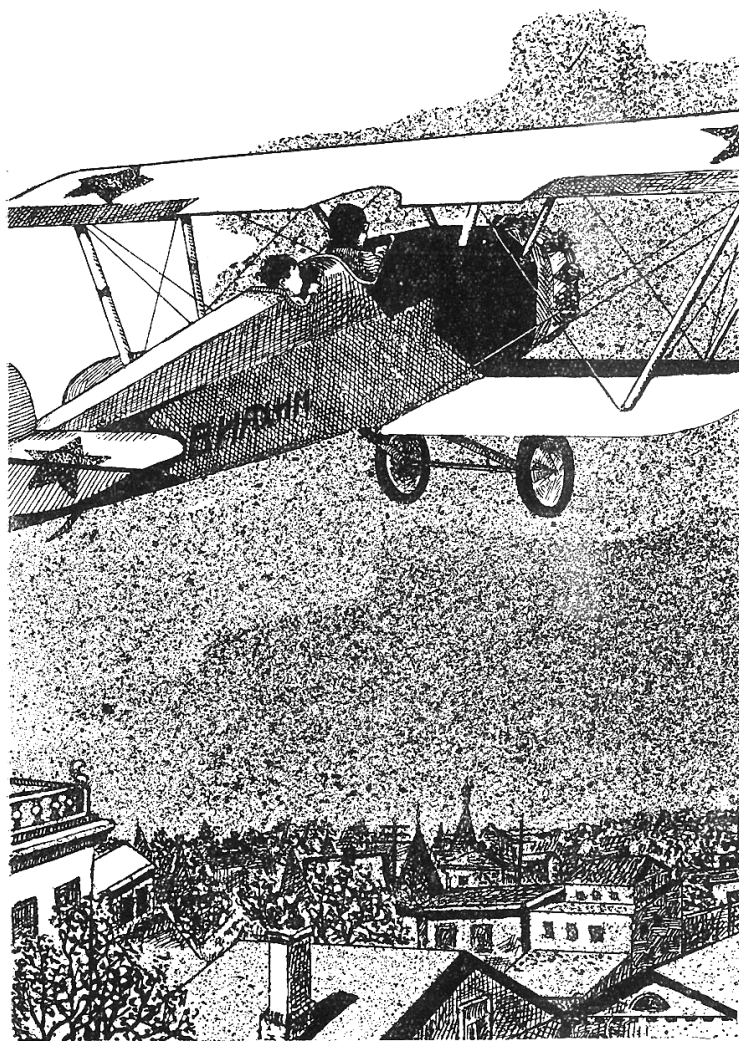
шумным улицам двигались ряженные комсомольцы. Было Первое мая.

Мальчики без труда отыскивали пионерский лагерь, и через полчаса рассказывали уже друзьям о своих необычайных приключениях.

И как ни обидно, им не поверил ни один пионер.

Свэн.

.....

АНДРЕЙ КРУЧИНА

КОНЕК-ЛЕТУНОК

СИБАЭРОСКАЗКА

Фантастическая поэма

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
О. Д. В. Ф.
СИБИРИ**

Новониколаевск — 1925 г.

Возможно, графические иллюстрации – титульный лист (он же – обложка книги) и концовку – к стихотворной «аэросказке» Александра Николаевича Огурцова* «Конёк-Летунок» (Новониколаевск, 1925) выполнил художник Пётр Васильевич Митурич (1887–1956).

---

* Александр Николаевич Огурцов (1889–1938) — поэт, прозаик, журналист, фельетонист. Печатался как под собственным именем, так и под псевдонимом «Андрей Кручина». 9 января 1938 года расстрелян по решению «тройки» при УНКВД Кемеровской области.

*Источник:
https://omskmark.moy.su/publ/essayclub/noobiblion/2017_a_n_ogurcov_konjokletunok_1925/111-1-0-2973*

Андрей Кручинна

КОНЕК-ЛЕТУНОК

По П. П. Ершову.

С И Б А Э Р О С К А З К А .

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1.

За горами, за лесами,
На земле под небесами,
Протянулась река Обь.
Рядом с ней болота, топь,
Кое-где луга, ложбины,
И в одной такой низине
Примостилось, как назло,
Грязным пятнышком село.
Вид села суров и дик.
Жил да был в селе старик.
У старинушки три сына:
Старший дельный был мужчина,
Средний парень — так и сяк,
Младший просто был чудак,
Посудите, люди, сами:
Он просиживал часами
Неразлучно с грудой книг,
Он без книги ни на миг,
Старикашка со старухой
Часто ссорились с Ванюхой,
А Ванюха хоть бы хны.
Подтянув свои штаны
Он от них уходит прочь
И... исчезнет на всю ночь,

Ванька наш отца сердил
Тем, что в церковь не ходил.
В разговор со старичком
Не вступал, а жил молчком —
На насмешки братовьев
Встал, ушел и был таков.
И неделями скрывался,
Но отец не удивлялся, —
К этим выходкам старик
Уж давным-давно привык:
— Отвозил бы парня палкой,
Да мальчишку все же жалко.
Пусть маленько подрастет,
Дам ему отсрочки год,
Ну, а ежели мальчишка
Не забросит эти книжки
Будет также жить с отцом,
Я расправлюсь с молодцом.
Строгий взгляд из-под бровей
Он бросал на сыновей.

2.

Братья век свой коротали,
Землю-матушку пахали.
Урожая щедрый дар,
Отвозили на базар.
И базарные рубли
Старику домой везли.
И трудились без обмана,
Для отцовского кармана
А старик — себе лишь друг —
Прятал денежки в сундук.
Сыновьям же — поглядишь,

Оставляет только шиш.
Сыновья же не роптали,
Раз отец при капитале,
И тем более в годах,
Не оставит на бобах.
И коль ежели помрет,
Капитал не заберет.
—Лишь бы помер старый черт,
Заживем за первый сорт,
Ну, а нашего Ивана
Подпустив в глаза тумана,
Мы зарежем без ножа,
Не отвалим ни гроша,
Если были у парнишки
На уме лишь только книжки.
А начнет перечить нам
Так получит по шеям.

3.

Коль не ждешь беды — придет,
Наступил тяжелый год.
Хлеб в полях не колосится,
Мужики давай молиться.
Тщетно крестят лбы бедняги,
Бог не шлет желанной влаги,
Хоть с полей не сходит поп.
Мужикам ложись хоть в гроб
Так и то, пожалуй, впору...
Призатихли разговоры.
Слышны только охи, вздохи,
Знать, совсем делишки плохи,
Знать, голодный будет год,

Стоном стонет весь народ.
Время тяжкое настало,
И у всех душа упала.
Все повесили носы,
Кто же ждал такой грозы?
И Иван угрюмей стал —
Втрое больше он читал,
И за книжками молчит
Да порою вдруг строчит,
Обложив себя бумагой.
— Что-же сделалось с парнягой?
— Спятил, парень, знать, вконец!
Завздыхал старик отец.
— Тут беда кругом, засуха,
А молчит один Ванюха.
Прямо горе, а не сын,
И хоть он такой один,
Но имеет тоже пузо,
А в семье лентяй — обуза ...
Ни к чему Ванюха нам,
Пусть живет, как хочет, сам.

4.

Петухи давно пропели,
Братья все еще храпели,
И с рассветом, наконец,
Будит их старик отец.
Крикнул Фролу и Никите:
— Што, вы, черти, долго спите?
Дрыхнуть стыдно до сих пор!
Я имею — разговор.
Братья видно не проспались
И зевали, и чесались.

Раз отец зовет — молчи,
Слезли нехотя с печи.
Тут проснулся и Ванюха,
Почесал спросонья брюхо,
Раза три подряд зевнул
И чуть снова не заснул,
Но старик не дал прилечь
И повел такую речь,
Обращаясь к сыновьям:
— Ведь отец родной я вам!
Заведено испокон,
Что скажу — для вас закон.
Нонче хлеб не уродится,
Значит, здря пришлось трудиться.
Нонче будет худо нам,
И хочу сказать я вам,
Что на этот год у нас
В закромах плохой запас.
Вы ж ребята молодые,
И на вас имел виды я:
В город кто из вас пойдет
Никогда не пропадет —
Поднял палец тут отец,
— Но, коль кто из вас, подлец,
Позабудет старину, —
То, ей-богу, прокляну.

6. (VI – так в оригинале)

Фрол в дорогу собирался,
И Никита одевался,
Хоть не хочется, а все ж
И не хочешь, да пойдешь.
Только Ванька не идет,

Ванька ухом не ведет,
Книжку тихо он читает
Да краюху уплетает.
Тут не выдержал старик, —
На Ивана поднял крик:
— Что молчишь ты? Аль оглох?
Эх, ты, лодырь, что б ты сдох.
Как вот дам тебе я в ухо!
Тут поднялся вдруг Ванюха
И семейство удивил —
В первый раз заговорил:
— Зря ругаешься, отец,
Не лентяй я, не подлец,
Не мошенник, и не вор.
Поведу я разговор
И с тобой и с братьевьями,
Что решил расстаться с вами.
Белый свет, отец, велик,
Я о нем узнал из книг,
Книжки я читал не зря,
Между прочим, говоря,
Где угодно, не хвалясь,
Не ударю лицом в грязь.
Я читал не ради скуки:
Знаю новости науки,
Чтоб полезным быть крестьянам.
Например, с аэропланом
Пользы много можно дать.
Я хочу, отец, летать!
Уходя ж от вас, клянусь,
Что летать я научусь!
— Что? — тут братья обомлели,
Где стояли, там и сели.
— Ванька хочет наш летать?

И давай все хохотать.
Два часа, примерно, сряду
Хохотали до упаду,
Так, что всем скосило рты,
Заболели животы.
Уж на что старик отец,
А и он устал вконец,
От усталости размяк:
— Будь ты проклятый, варнак!
Еле вымолвить он смог
И, не выдержал, прилег
На широкую кровать
После смеха отдыхать.
Ванька-ж скромненько, молчком,
Попрощался с старичком,
Взял пониток, да чембары,
Две рубахи, шаровары,
Денег восемь пятаков,
Вышел вон и был таков.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1.

То не птица в небе свищет,
Не орел добычу ищет,
С гулким рокотом плывет
Раскрасавец-самолет,
То поднимется, то вдруг
Опяшет полукруг,
Нарисует в небе кольца,
Поблестит крылом на солнце,
В голубой несясь простор,
Знай, трещит себе мотор.

А внизу по буераку
Шел Иван нараскоряку,
Потому он так шагал,
Что измаялся, устал,
Отстегнув рубахи ворот,
Путь держал Ванюха в город.
В город путь не так-то прост
Пешедралом триста верст.
Вдруг попритчилось Ванюхе—
Засвербило что-то в ухе,
Нет, не в ухе, чудеса!
Смотрит Ванька в небеса:
— Вот он, значит. Э вот, вот
Расчудесный самолет,
Про который я читал!
Ванька аж захохотал,
Нос задравши выше лба.
— Вот она моя судьба!
Шапка на землю слетела,
До нее нет Ваньке дела,
От довольства Ванька ржет,
Наблюдая самолет.
Нет усталости в помине,
Ванька радостен отныне,
Ванька видел самолет,
Ванька козырем идет.
Это присказка, а вот
Сказка чередом пойдет,

2.

Слушай! Граждане, гражданки,
Наш парнишка, спозаранки,
Ванька, молодец удалый,

В Томске ищет постоялый,
В Томске парень в первый раз:
Город — прямо напоказ.
Для Ивана все в новинку,
Знал лишь в книгах он картинки,
Ну, а тут, да что... Эх-ма!
Вот какие здесь дома!
Рот открыл, глотая пыль,
Увидав автомобиль.
А увидел как базар,
Инда в холод, инда в жар,
Хлопай, знай, себя по ляжке,
По спине бегут мурашки,
Ну и город! Ай да ну!
Здесь увидишь всячину!
А по улицам народ
Так и лезет, так и прет!
Вот большой, красивый дом,
А на доме: Ис-пол-ком.
Флаг над домом вьется алый.
—Где-б найти мне постоялый?
Милицейский в шапке красной
Дал ответ довольно ясный.
Кончив дельный разговор,
Ванька прет в заезжий двор.

3.

Льет с лица ручьями пот,
Ванька ищет, где Гублет.
Слышал он на постоялом
В разговоре с славным малым,
И почти, что с земляком,
Об названии таком.

Долго ль он ходил, иль мало,
Говорить нам не пристало,
Скажем только лишь одно,
Что попал он в Губоно.
Сразу тут не разберешь,
Ну, ошибся, ну так что ж?
Как-никак, а все ж в итоге
Еле двигаются ноги,
Но язык в Москву ведет.
Ванька наш нашел Гублет.
Нетерпением горя,
Разыскал секретаря:
Так и так, я есть Иван
Из села Большой Изъян.
Ночевал на постоялом,
А приперся пешедралом,
Отмахавши триста верст,
Я на это парень прост.
Должен, братцы, вам сказать,
Очень хочется летать!
Рассмеялся секретарь:
— Что же, ладно, Ванька, жарь.
И сейчас же без отяжки
Пишет что-то на бумажке,
Говорит ему потом:
— Разыщи аэродром,
Не пройдет и полчасика,
Как взнесешься в небеса.
Снова трудная задача,
Ванька вышел, чуть не плача,
Где такой найдется дом,
Что зовут аэродром?

Это тоже вам не шутки,
На вторые только сутки
Ванька, близко к суткам трем,
Разыскал аэродром.
Еле ноги он таскал,
Все ж, что нужно, разыскал.
— Ты зачем пришел, дружище?
Ванька лезет в голенище
И бумажку достает,
Прямо летчику дает,
Летчик ту бумажку взял,
Прочитав ее, сказал
И при этом засмеялся:
— Ты не зря, Иван, старался
И проделал длинный путь,
Полетаем как-нибудь.
Не пройдет и полчаса,
Как взовьемся в небеса.
Тут же под боком машина,
Чуть не в тридцать три аршина.
И Иван разинул рот:
Вот какой он — самолет!
Посадили Ваньку в кресла,
В пятки душенька улезла,
Заревел мотор, как зверь.
Ну, прощай, земля, теперь!
Самолет сорвался с места,
Упадет — убьешься в тесто.
Ванька прет под небеса,
Ветер треплет волоса.
Вниз посмотришь, ажно жутко,
Это, граждане, не шутка

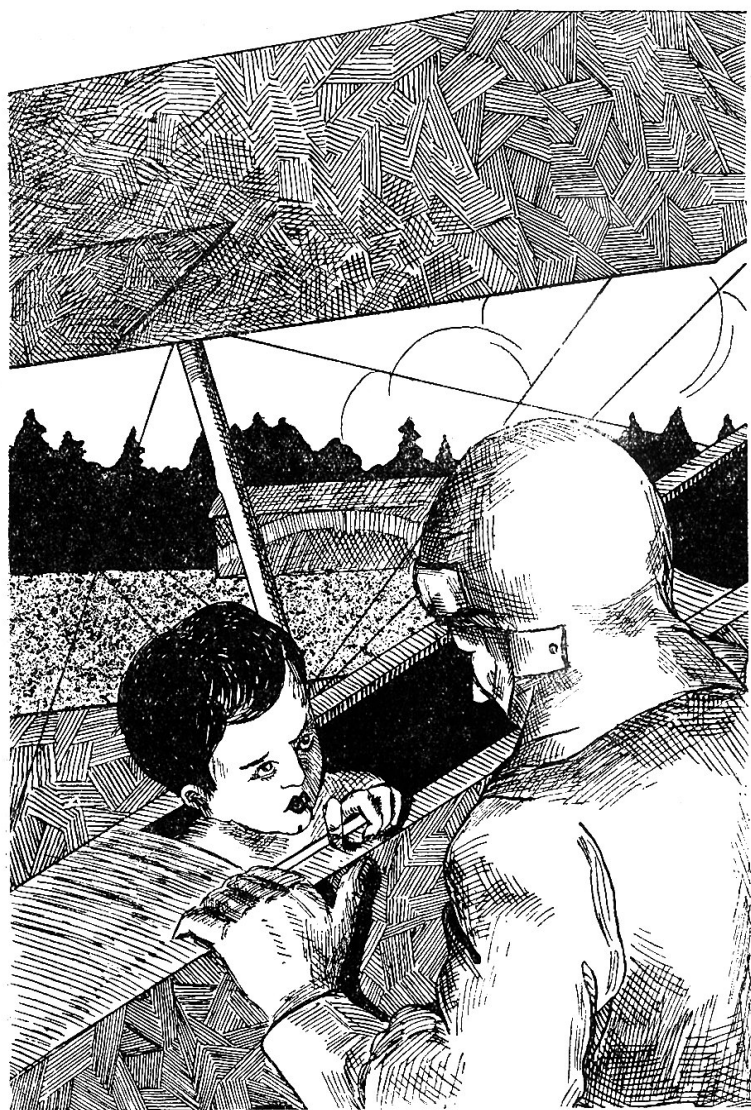
Улететь под небеса.
Смотрит Ванька вниз — леса,
Пашни, села, реки, горы,
Расчудесные просторы,
И, докуда хватит глаз,
Все, как будто, напоказ.
Тут от радости Ванюха
Крикнул в воздух, что есть духа:
— Эй, смотри, отец и братья,
Как теперь начал летать я!
Тут, ребятки, подожди,
Сказка будет впереди.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1.

Самолет к земле спустился,
На земле остановился,
Летчик слез. — Слезай, Иван!
А Ванюха словно пьян,
Головой своей качает,
И серьезно отвечает:
— Слезать с кресла не желаю,
Не затем шел из села я,
Отмахавши триста верст,
Парень я не так-то прост,
И скажу без лишних слов я,
Принимай мое условие;
Чтобы зря нам не болтать,
Научи меня летать,
А за эту за услугу
Буду я тебе, как другу,
Благодарен целый век.

Я, брат, честный человек.
Летчик сразу осердился:
— Пьяный, что ли, ты напился?
Слово за слово, и вот
Разговор крупней идет.
Летчик поднял гневный крик,
А Иван упрям как бык.
И твердит перед пилотом: *)
— Научи меня полетам!
Начал тут народ собираться
На скандал полюбоваться,
Летчик красный весь от злости:
— Ну, послали, черти, гостя!
Происшествие такое
Не дает ему покоя,
И, трясясь от гнева, он
Срочно звонит в телефон.
После этого в обед
Из Гублета прибыл пред,
Проявляя интерес.
С самолета Ванька слез.
И, держа себя свободно,
Рассказал ему подробно
О желании своем.
Я, мол, бросил отчий дом
И в стремлении таком
Триста верст прошел пешком.
Заявляет предгублета:
— Раз тебе, Иван, охота,
Я тебя, друг, по добру
В обучение беру...
Парень ты, видать, задорный
И в желаниях упорный.

---

*) *Летчик.*

И тебе, видать, под стать
По поднебесью летать.
Это мудрое решение
Привело всех в восхищение.
Предгублета в тот же час
Отдал экстренный приказ
Своему секретарю.
А Иван: — Благодарю
И торжественно клянусь,
Очень быстро научусь
По поднебесью летать,
Это дело мне под стать.

2.

Обливаясь щедро потом,
Ванька учится полетам,
И большой имел успех...
Удивил Ванюха всех.
Например, он очень скоро,
Изучил секрет мотора,
А рулями, как конем,
Правит ночью он и днем.
Вот случилось как-то раз
Получил Иван приказ
Прямо из Губисполкома,
Учреждение знакомо,
Дескать, ты, Петров Иван,
Изучил аэроплан.
Раз имеешь ты охоту
Послужить теперь Гублету,
Дело летное любя
И учение пройдя,
То тебя Губисполком

Назначает ямщиком
На воздушную гоньбу,
Получай свою судьбу.
Под приказом тем печать,
Разве ж можно тут смолчать!
Ванька воздух в грудь набрал,
Сразу песню заорал,
Под собой не чуя ног,
Заплясал, как только смог.

3.

Дни летели, шли недели,
Наш Иван на новом деле.
Знает наш теперь Иван
Только свой аэроплан.
Ваньку мы в пример берем:
Стал воздушным почтарем,
Возит экстренно пакеты,
Письма, книги и газеты,
И летает молодец
С одного конца в конец.
То от Томска до Мариинска
Это, братцы, очень близко,
Самолету, за глаза,
Ходу хватит два часа.
Всех работников советских,
Возит Ваня по-простецки.
Побывал он как то с ними,
И в Кузнецке, и в Нарыме.
Самолет свой полюбил,
Где он только с ним не был?
И ему в один денек,
Дал название „Летунок“.

— Не расстанусь, братцы с ним!
Говорил друзьям своим.
— Нет дороже для меня,
Самолетного коня.

4.

А в селе Большом Изьяне
Было все, как было ране,
Только время уплыло,
А к тому ж еще село
Находилось на отлете:
Мужики о самолете
Хоть и слышали не раз,
Но твердили: — не для нас
Эта, братцы, благодать,
Где уж, нам уж, да летать!
А старик с двумя сынами
Тоже старились годами,
Вспоминаючи не раз,
Где ж теперь Иван у нас?
Нет ни весточки, ни слуху,
Про несчастного Ванюху.
И втроем решили так,
Знать, погиб Иван-дурак.

5.

Вот однажды утром рано
В Исполком зовут Ивана,
И ведут такие речи:
— Полетишь ты, друг, далече,
Ты ямщик, честнее нет,
Вот тебе большой пакет,

Полетишь не с пустяком,
А с пакетом в Совнарком.
Поручение понятно?
Завтра к вечеру обратно,
Послезавтрева, чуть свет,
Нам доставишь ты ответ.
Коль исполнишь все, как надо,
Будет крупная награда.
Тут Иван пакетик взял
И взволнованно сказал:
— Порученье понимаю,
Путь за сутки отмахая,
Послезавтрева, чуть свет,
Вам доставлю я ответ.

6.

То не птица в небе свищет,
Не орел добычу ищет,
То крылами тучи рвет
Раскрасавец-самолет.
На прекрасном самолете,
Кто, конечно, вы поймете.
Мчится Ванька прямиком
С порученьем в Совнарком.
Вот махнув через Урал,
Ванька песню заорал,
И пришлось пождать недолго,
Как под ним мелькнула Волга.
Посмотри туда, сюда:
Реки, села, города.
И часа так через два
Показалась вдруг Москва.
Ванька, словно бы свой дом,

Стал искать аэродром.
Сел на землю Ванька с форсом:
— Вот пакет для вас припер сам,
Говорит он москвичам,
Те Ванюшку по плечам:
Дескать, ты, брат, молодец,
Экой в день' покрыл конец.
Это новый, брат, рекорд.
Похвалою Ванька горд.
И в довольствии таком
Зашагал он в Совнарком.

7.

К послезавтрему, чуть свет,
Ванька в Томск привез ответ.
Председатель Исполкома,
Благодарностью влекомый,
Начал Ваньке говорить:
— Чем тебя благодарить?
Мы судили, и рядили,
И вчера постановили:
Дать тебе в подарок вот
Твой прекрасный самолет.
Но, Иван, одно условие,
Не потрачу много слов я,
Ты теперь домой лети
По знакомому пути.
Наш поклон туда свези,
Службу верную неси.
Пусть узнает весь народ,
Что такое самолет.
Для твоего успеха ради,
Дам тебе я две тетради,

В них ты, в этой вот графе,
Всех впиши в О-Де-Ве-Фе.
Чтобы, так сказать, народ
Укреплял воздушный флот.
Тут же, кстати, иль не кстати-ль,
Исполкома председатель
Хлопнул Ваню по плечу,
А Иван в ответ: — лечу!

8.

То не птица в небе свищет,
Не орел добычу ищет,
По поднебесью плывет
Распрекрасный самолет.
На дорогу за глаза
Хватит Ваньке полчас.
Полетел стрелой Иван
К мужикам в Большой Изъян.
Дело было утром рано,
Ну, а рев аэроплана
Далеко, друзья, слышать.
Мужики давай вздыхать,
Не слышали отродясь
И машины той бояся,
Бородами затрясли:
— Черти чудо принесли!
Началось кругом волненье:
Видно, светопреставленье.
По поднебесью Иван
Над селом Большой Изъян
Начал плавать, да кружиться,
Пусть народ, мол, подивится.
То поднимется, то вдруг

Опояшет полукруг,
Нарисует в небе кольца
Да блеснит крылом на солнце.
Ванька песни распевает,
А внизу народ зевает.
Вот Ванюха песню спел,
За селом на землю сел.
Весь народ сейчас к нему,
Поднимает кутерьму,
Как увидело Ивана
Население Изъяна,
Удивленьям нет конца:
Что? Видали молодца?
Оказался тут старик,
Обомлел и поднял крик.
Машет Фролу и Никите:
— Сыновья! Сюда идите!
Ну и Ванька! Вот так хват!
Старикашка страшно рад.
Братья к Ваньке как-то боком.
— Ты, Ванюха, издалека?
Что ты делал? Где ты был?
Где машину раздобыл?
А Ванюха знает дело,
Выступает с речью смело.
Говорит он: — Эй, народ,
Укрепляй воздушный флот,
Все видали эту птицу,
Эта птица пригодится,
Много пользы нам дает
Этот самый самолет.

Ваньку мы в пример берем.
Проходили день за днем,
Так проплыло две недели,
Не сидел Иван в безделье:
Раз деревню удивил
Тем, что твердо заявил:
— Вы послушать не хотите-ль?
Хлеб пожрет у вас вредитель,
Будет нечего вам жать,
Как его уничтожать?
Тут и важен для крестьян
Мой стальной аэроплан.
Это вам я докажу
И на деле покажу,
В поле я сейчас лечу
Уничтожу саранчу.
Сел в машину, к небу взвился
Над полями появился,
Сыплет сверху порошком,
Порошок же тот с душком
И запас его велик,
Саранча подохла вмиг.
Порошок летал, как дым,
Хлеб остался невредим.
Ванька выдержал фасон,
От кобылки хлеб спасен,
Сгибли суслики и мыши.
Ванька тут поднялся выше,
А внизу стоял народ,
Шум в народе том идет:
Ну машина, ну и ну!
Эх, взвинтилась в вышину.

И чесали все в затылке:—
Нет, как не было кобылки.
Расчудесная машина
Да и Ванька молодчина,
Эку птицу оседлал,
Где такую он достал?
В общем, мы, друзья, не скроем:
Стал Ванюха наш героем.
Девки липнут к молодцу,
Сказка близится к концу.

10.

Заявил Ванюха: — Вот что,
Редко к нам приходит почта,
Буду каждый день летать
И газеты доставлять.
Подошел тут дед Архип,
С разговорами прилип,
Но тупой он был на ухо:
—Ты погромче мне, Ванюха,
Посильнее отвечай,
Все теперь ты знаешь, чай.
К небу знаешь ты дорогу,
Далеко ли там до бога?
На котором небе рай?
Ты, Ванюха, не скрывай!
Тут Ванюха ухмыльнулся
И к Архипу повернулся:
— Бога в небе, дядя, нет,
Вот тебе прямой ответ.
Коль не веришь, то садись,
Понесемся вместе ввысь.
Помертвел старик со страху,

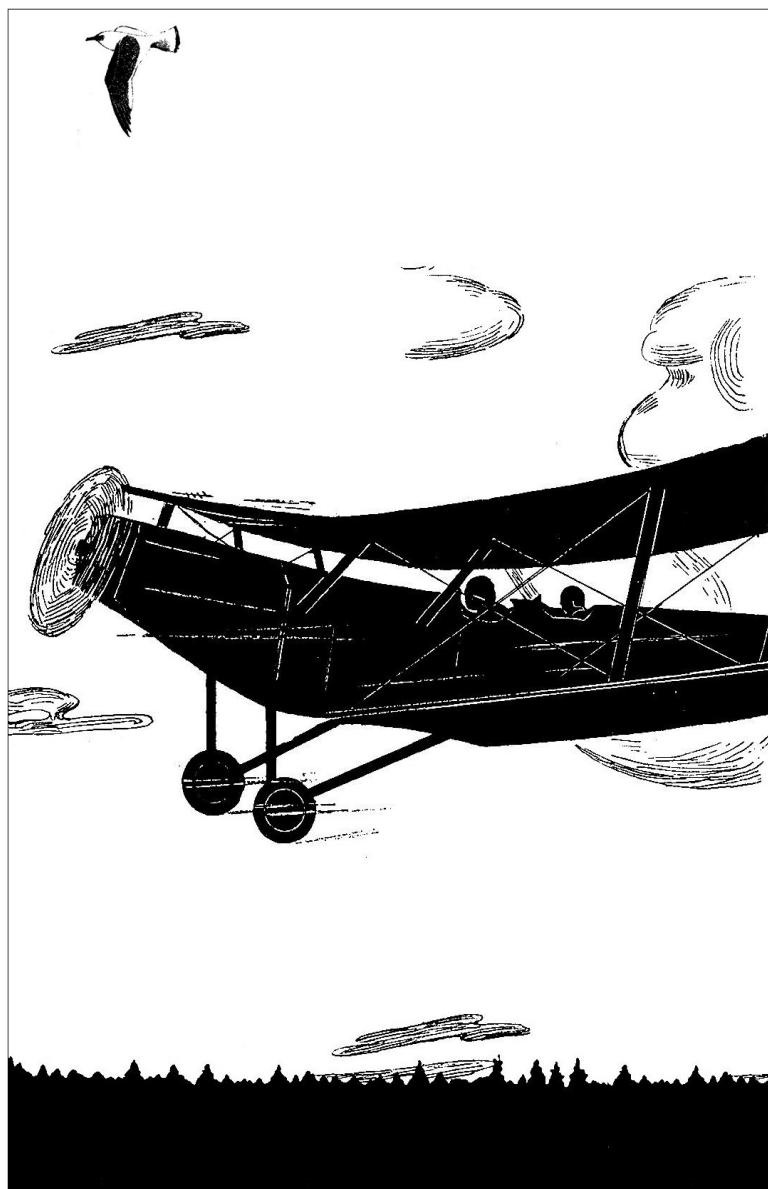
Ветер рвет ему рубаху,
Ветер треплет волоса: —
Вот тебе и небеса.
— Только где же, братцы, бог?
К богу, видно, нет дорог?
Да и бога нету, видно?
Стало деду тут обидно:
Шестьдесят он прожил лет
И не знал, что бога нет.
Сбросил с глаз теперь повязки, —
К бесу все поповы сказки!
Тут Ванюха песню спел
И на землю плавно сел.

11.

Так и поняли крестьяне,
Что в стальном аэроплане
Много выгод, много сил.
Как то Ванька их спросил:
Ну, а кто, и что дает
На воздушный, красный флот?
И в ответ несется хором:
Все займемся дружно сбором.
И желает сельский сход
Свой построить самолет.

12.

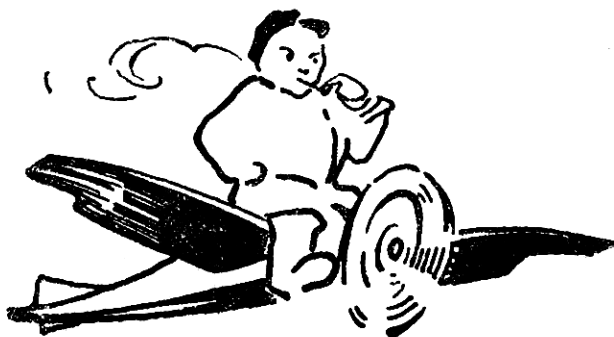
Раз такое было дело:
Тетка Марья заболела,
Бок скололо, и притом
Истрадалась с животом.
Нет спасенья, хоть ты тресни,

От проклятой от болезни.
Баба стонет день и ночь...
Ей никто не мог помочь.
До больницы, скажем просто,
Будет верст, примерно, до ста.
Марье ж, — мы не будем врать,
Остается помирать.
Но решил помочь Иван,
Сел на свой аэроплан,
Оседлал стальную птицу,
Полетел тотчас в больницу,
И, примерно, через час
Бабу он от смерти спас:
Доктор с Ваней прилетел
И ее спасти успел.
Не помог бы ей он сразу,
По селу-б пошла зараза,
И тогда бы это зло
Погубило все село.
Что еще мне тут сказать-бы?
Дело близилось до свадьбы,
Поженился наш Иван.
Из села Большой Изъян
У Ивана, кроме птицы
Завелась и молодлица,
Всем красавицам краса.
С нею вместе в небеса
Ваня каждый день летает
Молоду жену катает.
Он летает и сейчас.
Ну, кажись, довольно с вас?
Ваня вышел молодец,
Вот и сказочке конец.

=====

И в конце мы скажем слово.
Дело это всем нам ново,
Будем деньги собирать,
Флот воздушный укреплять.
Враг наш тоже строит флот,
Впереди он нас идет.
Флот давно он строить стал,
Укрепляя капитал,
Чтобы с флотом тем напасть
И разрушить нашу власть,
И покончить с нами разом.
Потравить нас хочет газом,
С неба пулями палить,
А затем закабалить.
Да, не дремлет злобный враг!
Но и мы за шагом шаг
Дружной тесною семьей
Флот построим сильный свой.
Больше дай стране Иванов,
Больше строй аэропланов,
Трудовой, дружней, народ,
Укрепляй воздушный флот!

ЮРИЙ БЕССОНОВ

ЦВЕТOK ПАПОРOTНИКА

Приключенческий рассказ

Художник В. Голицын

Ц В Е Т О К   П А П О Р О Т Н И К А

Рисунки В. ГОЛИЦЫНА

На ночевку отряд расположился в лесу. Лошадей не стреножили, не отпустили в поле гулять вольно, а привязали к деревьям.

Фронт был близко. Партизан и белых разделял только десятиверстный лес. Старый и запущенный, он лежал широкой полосой, разрезая падь на две почти равные части.

В стороне, за лесом вздымались мрачные крутоскатые горы, и небо над ними было темное, низкое, казалось загроможденное грозowymi тучами. К реке, над падью, небо светлело, и к ней тянулись острые языки палов, в этот год боев и разрушения особенно обильных. Огонь карабкался по кручам и даже на вершинах поднимал красные петушные гребни.

Осень была сухая. Трава, оставшись в лугах, пересохла (покоосу помешали бои) и как порох воспламенялась от падающих снарядов, посылаемых белым бронепоездом по непокорным уральским селеньям.

В эту ночь было спокойно. Изредка только на черном небе в стороне белых вспыхивали розовые полосы и вслед за ними за лесом глухо лопались снаряды.

Партизаны задали лошадям корм и, разложив под прикрытием деревьев небольшие костры, принялись за варку ужина. Навесив над костром котелки с молодым картофелем и поставив в ведре греть чай, уставшие люди уселись у

костра, поджали под себя по-монгольски ноги и закурили трубки. Курили молча, вдумчиво, сосредоточенно.

Были в этом конном партизанском отряде все больше казаки, бежавшие из колчаковских войск и от колчаковской мобилизации. Здесь была казачья беднота. Она сразу же перешла на сторону революции и создала самостоятельные партизанские части, которые действовали вместе с частями крестьянской бедноты и рабочих против белых.

Отряд был сборный. Были здесь казаки-забайкальцы, уральцы, оренбуржцы и сибиряки. Всех их объединяла общая цель: очистить Урал и Сибирь от колчаковцев.

В лесу закашлялся конь.

Один из партизан, рыжебородый забайкалец, усмехнулся в прокуренные усы и, подтолкнув локтем соседа-земляка, сказал:

— Твой конь кашляет. Ты бы, паря, ему лопотину какую теплу предоставил. Ишь ведь как перхает. Видно, мерзнет.

Забайкалец повернул голову, прислушался.

— Верно, перхает, ну ни дать, ни взять — гуран, — сказал он, — впервой такую скотину вижу...

— Гуран так не перхает, — возразил рыжебородый. — Гуран перхает, будто смеется.

Казаки разговорились. Вспоминали про охоту на гурана, про повадки и норы этого животного. Потом кто-то из любителей сказок попросил у рыжего забайкальца с лицом, изъеденным глубокими морщинами, рассказать сказку «об отчаянном гуране и атамане». Остальные поддержали:

— Вали, паря Егор, веселей будет. Ночь-то долга.

Егор не заставил себя долго ждать, — сам, видимо, любил эту сказку. Он не спеша набил «самосадкой» огромную самодельную трубку, плотно умял табак большим рыжим пальцем и, закурив, начал сказ.

***

Жил в одной станице казак, а звали его Митрофан Егорыч. Жил он справно. Дом круглый, железом крытый, под окном петухи повырезаны, занавесы — китайский шелк.

Трех батраков держал, лавку имел. Дочь за прилавком торгует — денежки получает. Сын за батраками приглядывает — сторожится. Жил богато. Что ни день — новые рубли в кассу на процент кладет. Известно, трое на одного робят, он и богатеет — копит рубли.

Сам круглый, сытый. Баба круглая. Дочь до того гладка — не защипнешь. Щеки да шею бараньим салом мазала, чтоб не лопнула кожа-то.

Кто-то из слушателей удивленно спросил:

— Ишь ты! Не держала, значит, кожа?!

— Не держала, — согласился рассказчик и продолжал. — А чо ей, девке-то: в лавке посидит, в обед полбарана умнет — и на бок. У богатых девок, известно, дум мало, а робить ее родитель не принуждал, — но, и жирела...

Наживал Митрофан Егорыч богатство. Люди за него землю пахали, скот доглядывали, а сам он у окна сидел, на улку смотрел. Ладно! А известно, коль у человека кругом полно, ему и скучно, ему власть дай да почет.

Затосковал Митрофан Егорыч, задумал в станичные атаманы выйти.

Но ладно! Тому казаку чару поднесет, той челяди (дтворе) гостинцев отсыплет, тому лопотину (одежду) каку стару пожертвует, кому взаймы даст, а сам говорит: «Был бы я у вас станичным атаманом, все бы в порядок произвел, все бы безбедственно жили. Выбирайте меня в атаманы».

Слушали, слушали казаки, да и выбрали его атаманом. Уговорил. Но ладно! Загордился, вовсе застрожился Митрофан Егорыч. Придет к нему казак, а он на конापель (диван) сядет, ноги расшеперит — ляшки-то у его толстые, жиру по полпуду на каждой, ему сдвинуть-то неведомо — и но орать, но стырить (спорить), но куражиться.

— Мольчи, — орет, — с атаманом говоришь, гуран!

Казаков-то он все больше гураном звал, наипаче победней кто. Гуран да гуран.

Но ладно! Придет к нему казак ни с чем и уйдет ни с чем.

— Но и зараза, чистый зверь! — перебил рассказчика один из слушателей. — Чо ж казаки мольчали?

— Известно — богатый. У него везде рука: в городе рука, в войсковом управлении рука, но, и молчали до своего срока...

Рассказчик раскурил погасшую было трубку, помолчал, разжигая любопытство слушателей, и продолжал:

— Любил Митрофан Егорыч, станичный атаман, на охоту ходить — гурана на солонцах караулить.

Сладили ему батраки на сосне шалаш, лесенку сколотили. Придет он в паужин, в шалаш заберется, сидит, покури-вает. Чо ему. Известно, дома и без его все сладят, жди себе гурана — охотья.

Но ладно! Дивно (много) он этих гуранов перебил — и забава ему и доход.

Но вот раз какое с им приключилось. Пошел он на охоту. В те поры засуха была, хлеба поприсушило — неурожай. Бедный ревмя ревет, есть нечего, продать нечего, а атаману хоть бы чо. У него в амбарушках на пять лет загодя (вперед) хлеба заготовлено.

Идет себе по тунигусу (пологий подъем в гору), песню играет, по сторонам зарится.

До солонцов дошел, смотрит — ветер с сиверу. Но, значит, гуран не учует.

«Еще одного гурана стрелю», — думает. Рад, весел стал. Полез на сосну в шалаш, пицаль (ружье) на сучья приладил, адоли (как будто) на сошки. Ждет, на солонцы глядит, караулит гурана...

Луна всплыла. Но светло, паря, ровно днем стало — все видать.

Ждет атаман гурана. Гуран не идет. Погодя чует атаман — гуран закашлял, заперхал.

Глядит атаман — будто к сиверу копоть (пыль) подымается. Пыль зачала, ровно ветер подул. Глядит зорче. Идет гуран с сиверу на солнцепек (солнечная сторона — юг) матерущий, дородный. Бородища из-под копыт землю метет. Известно, гуран бороды не чешет, не бреет, не стрижет, а волос — он дурак: где и не надо растет. Одно слово, а громадная борода, того и гляди копытом ее заступит.

Но, притаился атаман — ждет. Скрадывает гурана. А гуран будто и не чувствует, перхает себе, кашляет, на луну глядит: щурится. Подошел к солонцу, к самому атамановому шалашу на дереве — и ну соль лизать, копытом землю роет, бородой метет.

Приладился атаман — стрелил, а гуран стоит себе, да соль лижет, будто и не учуял выстрела.

«Но и гуран отчаянный пошел», — подумал атаман, да новую пулю в ствол и загнал. Прицелился вдругорядь, мушку на самый на гураный лоб наладил. Стрелил. Стоит гуран, не шелохнется, соль лижет, только будто одним глазом на атамана глянул.

Испужался атаман, думает:

«Что за притча така: не берет пуля гурана», — и давай палить без разбору в белый свет, как в копеечку, аж по лесу стукоток пошел. Птах перепужал всех, свист подняли они, шум.

Стоит гуран, но ровно пенек, ровно в землю в рос.

Наладил атаман последний патрон во ствол. Руки, ноги ходуном ходят от страху.

Но горе, паря, — стоит гуран, не бежит прочь...

Задрожал атаман, аж шалаш заколыхался. Богородицу на помощь зовет, молится.

Но, паря, дрожит атаманова рука, не слушается. Не попал атаман, не помогла Богородица, не взяла гурана и последняя пуля атаманова. Постоял гуран, поперхал, да как на дыбки вспрыгнул, передними копытцами о дерево оперся, в очи ему глянул, да до того строго и сумрачно, что атаману дух захватило.

Потом как закашляет, да захайлает:

— Не одолеть тебе атаман, меня, — заблеял гуран. — Пуль-то у тебя больше нету...

У атамана сердце зашло, пицаль из рук выпала, сам с дерева сбрыкнулся.

Пал с дерева, вдарился шибко, но, тут брюхо у него с натуги и лопнуло. Известно, до отказа набито было.

Вот с той поры казаку, и свобода.

***

Партизаны засмеялись, заговорили.

— Одолел, выходит, гуран атамана-то.

— Ишь ты!

— Соврал, так соврал, (рассказал) паря. Но, и соврал хорошо!

В котелках закипела вода. Костры разгорались сильнее. От реки поднимался туман, полз к прибрежным кустам, вис хлопьями на ветвях.

Похвалили казаки рассказчика за хорошую сказку и опять замолчали.

Потом молодой, еще безусый казак — уралец Алеша, занятый рассказом забайкальца, проговорил в раздумьи:

— Воля им была — богатым-то. Чо хотели, то и делали. Правильно говорят: «богатый и быка сумеет женить».

Он покачал сокрушенно головой и, словно сам с собой разговаривая, сказал:

— Всю власть держали. Что ни начальство — из богатых. Сын у него — хорунжий, племянник — сотник. Вся станица под ними ходила. Офицера! От них вся и горесть пошла.

Внезапно на темном небе, словно луч прожектора, возникла розовая полоса света и мгновенно погасла. Прогромыхал орудийный выстрел и вслед за ним упал звук разрыва, глухо и мягко, как будто кто-то в лесу ударил в бубен.

Алеша вздрогнул, повернулся в сторону выстрела и промолвил:

— Будто молонья! Ишь ты, пугает. Знать не хочет власть-то отдавать. — Он подвинулся ближе к костру, протянул над огнем озябшие руки:

— А я вот слышал у нас в станице добрую сказку. Старики сказывали, как офицер у казака счастье отнял...

— А ну, Алеша, соври, — сказал казак, сидящий рядом с ним, — сказка да присказка — и полночи долой.

— Не мастер я... — ответил сконфуженно Алеша, — да и запоматывал.

— Чо помнишь, то и скажи, — просили его.

Всем захотелось узнать, как уральский казак потерял счастье.

Отговориться Алеше не удалось. Товарищи были настойчивы.

Отодвинувшись от костра, жар которого палил ему лицо, он начал свой сказ голосом тихим и неуверенным.

***

Жил в глухой станице казак Иван — бедный, да храбрый, да старательный. Каков на гумне — таков и на войне. Но беда: чо ни делает — все не ко двору. Отец ему саманушку (избенка, крытая соломой) одну оставил, ну в самый раз корове телиться, а больше ничего. А известно, раз начать не с чего, то и нажить нечего.

Жил этот казак бедно. Робил, робил, а фарту все нет. Жисть — хоть в гроб ложись. Одежка-то — дыра на дыре, в избе — стены голые, еда — хлеб да вода. Полгода у богатых займывает, полгода отрабатывает. А богатый, известно, спуску не дает. Взял у него пуд — отдай два. К другому пойдешь — тоже запрашивает. Будто сговорились. Известно, собака собаку не ест.

Маялся, маялся казак и задумал счастье найти навечное.

Дождался казак Ивана Купала дня, когда папоротник-то цвет распускает, — решил счастья добыть.

Слыхал он, что кто цвет папоротника из лесу вынесет, будет тому счастье навечное — вечный фарт. Только цвет этот найти трудно, а домой принести и того труднее.

Нечистый его оберегает, пугает, с пути сбивает, спутывает.

Но казак храбрый был — в надежде на себя: «Не напугает меня окаянный», — думает, — «хоть сто образин пушай посылает, не сробею. Или грудь в крестах, или голова в кустах — пойду».

Пришел в лес. Схоронился. Ждет полуночи. Только в полночь цвет этот зацветает. Темно. Тихо. Страсть! Звезды не видно — до того темна ночь была.

В полуночь расцвел цвет. Глядеть — глазам больно. Не цвет — огонь. До того баской (красивый), до того светлый, — гляди не наглядишься. Кругом весь сверкает.

Подбежал казак, схватил цвет, сорвал и в кулак зажал... Ровно горсть самоцветов уральских набрал, — рука заиграла.

Сердце у казака захватило. «Ну, — думает, — счастье навечное у меня теперь в руке».

Пошел домой. Оглянулся назад — видит: рыло на него ползет, без рук, без ног — одно рыло. Шары (глаза) — с колеса, зубы торчком торчат, пасть огромная — прорва. Хоть с телегой въезжай. Шипит:

«Кинь цвет, кинь цвет! Не уйдешь с цветом. Кинь цвет!»

Казак крепче цвет в кулаке зажал, бежать пустился. А впереди овраг бездонный, а за ним уж змий ползет, жалом пугает, клубится. Из пасти огонь, — горячо, будто из печи.

«Кинь цвет, кинь цвет! Не уйдешь с цветом!» — шипит змий.

Бежит казак, не глядит на змия. Знает, что это нечистый обьегорить его хочет.

«Ни за что цвет не выкину», — думает, — «хоть пропаду».

Бежит. За ним свист, гам, шум. Трава ноги заплетает, от деревьев ветки сухие, как старушечьи руки тянутся — имеют за одежку. Страсть чо!

Потом будто кто сзади шукать (звать) зачал, голосом евойной бабы:

«Иван, вернись, пособи, Иван!»

Бежит казак. Другой бы со страсти-то помер, а этот думает:

«Вот, язви-те нечистый, обьегорить казака хочешь, здря однако!» — и бежит скрозь лес к покосу (лугу). Выбежал из лесу-то, глядит — покос, дале прясла, дорога знакома. Ну, пошел спокойно — поотстала нечистая сила-то. Светать зачало. Солновосход скоро. Отдышался казак. «Одолел, — думает, — нечисту силу-т о. Цвет домой принесу — счастье навечное». Рад-радешенек.

Вышел из лесу на дорогу. Слышит — бубенцы заиграли. Обернулся — глядит, тележку рессорную пара коней катит. Кони справные, один другого добрей. На козлах кучер сидит, коней понужает, присвистывает.

В тележке заболдерный (субалтерн — младший офицер). Мундер на ем фарсовый, погон золотой. Сидит, отваясь, важно. Папирёску курит, глядит исподлюбя — дерзко. Будто не заболдерный офицер, а сам генерал.

Разжал кулак кулак, а цвет папоротника выпал, погас и рассыпался в прах...

Известно, чем начальник меньше, тем злее. Завсегда так.

Поравнялся заболдерный офицер с храбрым казаком. Глянул на него строго, будто огневился. Ну, казак оробел, конешно. Пояс одернул, мундер оправил и руку под козырек. Разжал кулак-то, а цвет выпал, погас и рассыпался в прах. Вот-те и счастье! Пропало счастье казацкое...

***

Со стороны белых грянул орудийный выстрел. Снаряд лопнул недалеко от костров. В деревьях забился, заступив чумбур, напуганный конь.

Один из казаков поднялся от костра и побежал на шум.

— Но, робята, костры поаккуратней! — крикнул командир взвода, — заметит — спать не даст.

— Пушай посылает последние-то по гуранам, — сказал с усмешкой первый рассказчик, — все равно скоро брюхо лопнет — не осилить ему нас...

Неожиданно из леса в светлый круг костра вошел человек. За ним на поводу, шурша валежником, тянулась лошадь.

Человек тронул, словно намереваясь снять, шапку и не спеша сказал:

— Хлеб да соль.

За всех ответил Егор. Он, не вставая, кивнул гостю и певуче проговорил:

— Милости просим к нашему шалашу чаевать с нами запросто.

Потом взял деревянную чашку, напоил ее морковным чаем и подвинулся, давая гостю место у костра.

— Спасибо на добром слове, — ответил человек, но к костру не подошел. Он внимательно оглядел партизан и спросил:

— Где, товарищи, командир-то ваш? У меня пакет ему есть.

Егор встал и пошел проводить приехавшего партизана к командиру отряда.

— Кончишь дело, приходи чаевать беспрерывно, — сказал он, выводя гостя на прогалину, где горели костры первого взвода, и где был командир отряда. — Вон тот костер у сосенки.

Приезжий обещал прийти, поблагодарил Егора и ушел.

Когда Егор вернулся к своему костру, товарищи встретили его вопросами:

— Ну, чо?

— Зачем он приехал?

— Выступать будем, чо ли?

Егор пожал плечами:

— Разве он до время будет говорить?

Кто-то из партизан уверенно сказал:

— Это ведь Фомин, а коли Фомина прислали, значит, дело будет. Вот, погляди, Фомин зря не приедет.

Фомин состоял в соседнем партизанском отряде. Он слыл за человека спокойного и выдержанного. Даже в самые опасные моменты боя никто не видел Фомина взволнованным, и, если существует бесстрашие, то про него можно было сказать, что он бесстрашен.

Молчаливый, на первый взгляд медлительный и нерасто-

ропный, Фомин всегда и везде поспевал вовремя, точно выполнял все поручения, никогда не отказывался ни от какой работы и не ссыался на усталость.

О прежней жизни Фомина никто толком ничего не знал. Он не любил рассказывать о ней. Слышали, что был он рабочим железнодорожных мастерских, а когда белые заняли город, сразу же ушел в партизаны.

В отряде Фомин славился своею храбростью и справедливостью. Относились к нему с уважением и некоторой робостью, которую вызывают люди непреклонной воли, замкнутые и строгие.

Партизаны знали, что, если командир соседнего отряда прислал Фомина, то, значит, дело важное. Просто для связи Фомина не пошлют.

Пока строили догадки, зачем приехал Фомин, тот разыскал командира и передал ему пакет.

Командир разорвал конверт, вынул четвертушку испи-санной карандашом бумаги и, наклонившись к огню, стал разбирать неровные строки письма соседа. Потом он под-нялся и спросил:

— Ты, Фомин, и поведешь нас?

— Я и поведу.

— Дорога трудная?

— Лесом верст шесть — трудно, дальше болото будет небольшое, а потом падь и на рысях можно идти.

— Успеем?

Фомин помолчал, очевидно, рассчитывая время, потом уверенно сказал:

— Успеем. Я дорогу хорошо приметил. Плутать не бу-дем.

Командир отряда Петухов позвал к себе командиров взводов.

От костра к костру покатилося приказание:

— Командиры взводов, к командиру отряда!

И после того, как у последнего костра замер голос дне-вального, пошел также от костра к костру ответ:

— Есть командиры взводов к командиру отряда!..

И почти одновременно с ответом подошли к костру Петухова командиры взводов.

Держа в руках только что полученное письмо, командир рассказал собравшимся, что соседний отряд просит помощи. Около двух рот белых заняли деревню Крутогорскую, которая находится в восемнадцати верстах от месторасположения отряда, за лесом.

Нужно было ночным налетом выбить белых из деревни и продержаться в ней хотя бы до утра, пока не подойдут пехотные части. А они были уже высланы и находились в пути.

Крутогорская была важным пунктом. Через нее осуществлялась связь отрядов. В ней была продовольственная база.

Командиры взводов выслушали молча Петухова и подсчитали силы.

Для такой операции отряд был мал. Его четыре взвода едва насчитывали с коноводами восемьдесят человек. Даже под прикрытием темноты ночи справиться с двумястами хорошо вооруженных противников было нелегко.

Это прекрасно поняли командиры взводов, но никто и словом не обмолвился о трудности или невыполнимости задачи. И когда Петухов кончил говорить, старший командир взвода коротко спросил:

— Сейчас выступать будем? Можно седлать?

Петухов посмотрел на часы и так же коротко ответил:

— Можно.

Через минуту от костра к костру опять покатилося приказание:

— Кончай ужина-ать! Седла-ай!..

***

Фомин вернулся к костру рассказчиков легенд, когда еще приказания «седлать» не было.

Алеша сидел, задумчиво глядя на огонь, и не заметил, как подошел Фомин. Тот безмолвно подсел к Егору и стал пить чай, отрезав ломоть ноздреватого крестьянского хлеба.

Партизаны сгорали от любопытства узнать причину приезда Фомина, но спросить его стеснялись и молча наблюдали, как пьет он чай, ожидая, когда заговорит сам.

Вдруг Алеша, не отрывая глаз от огня, сказал:

— Чудной этот Фомин. Чо за человек — не поймешь. Не верит он нам, чо ли? Ничего никогда не скажет. Ломай голову, думай...

Фомин отставил чашку и, улыбнувшись, что с ним редко бывало, посмотрел на Алешу.

— Ну, и что же ты придумал?

Алеша вздрогнул от неожиданного вопроса, поднял голову и, увидев Фомина, смутился. Краска залила его лицо. Он отодвинулся в тень, чтобы скрыть смущение, и невнятно пробормотал.

— Пока ничего не придумал...

Фомин, увидев покрасневшее лицо Алеши, казалось, смутился сам. Он сдвинул на затылок шапку, потер лоб и глубоко вздохнул, как человек, пробуждающийся от глубокого и тяжелого сна.

— До поры до времени и придумывать ничего не надо, — сказал он сдавленным голосом, изливающим волнение. — Время придет, все, что полагается, тебе расскажут.

Столь необычное волнение Фомина не могло укрыться от партизан. Но никто, конечно, не решился спросить его об этом.

Некоторое время сидели молча. Фомин пристально всматривался в лицо Алеши, словно любуясь его слегка горбатым носом, густыми, сросшимися бровями, крутым раздвоенным подбородком и выпуклым белым лбом. Казалось, он вспоминал что-то. Потом он опять вздохнул и спросил, обращаясь к Алеше:

— А ты, паренек, откуда будешь?

— Я-то? — Алеша справился со смущением. — Из-под Троицка, со станицы Сухтелинской. Казаки мы. А отцы-то наши из уральских...

— Казаки-и?.. — переспросил Фомин. — А фамилия-то твоя как?

— Горбатых. А чо?

— Нет, ничего, — сказал опять Фомин, — напомнил ты мне одного паренька больно...

Фомин замолчал и лег на траву, подставив под щеку свою широкую, жесткую ладонь.

«За своего, видно, принял, за сродственника», — подумал Егор, — «или сына вспомнил, ишь, как сразу затосковал». И желая проверить свою догадку, все же обратился к Фомину с вопросом:

— А у тебя-то есть сыны?

— Был... один... — глухо ответил Фомин и, словно поперхнувшись, замолчал.

Егор еще хотел спросить у Фомина что-то, но не успел. У соседнего костра закричали.

— Кончай ужина-ать! Седла-ай!..

Партизаны быстро поднялись и побежали к лесной прогалине седлать коней.

***

Лес был густ и темен. Кони шли гуськом по неровной, перерезанной корнями деревьев тропе. Фыркали, пугливо шарахались от коряг и пней, спотыкались об узловатые корни, выступавшие, как жилы, из-под земли и нависших ветвей.

Передние всадники то и дело вполголоса окликали едущих позади.

— Береги глаза!

И сейчас же шелестела согнутая ветвь, и ее ловко подхватывал всадник, перебрасывал через голову и повторял следующему:

— Береги глаза!

Почти всю дорогу ехали шагом, но кони взмокли. Путь был труден.

Пахло сосной, пихтой, елью, влажным мохом и конским потом.

Вел отряд Фомин. За ним следом ехал разведчик Алеша. Фомин, при малейшей опасности, голосом ласковым, непохожим на фоминский сдержанный говор, предостерегал Алешу:

— Глаза береги, паренек, ветку пускаю, сейчас хлестнет...

— Держи повод влево, тут неладно, коня изувечишь.

От голоса Фомина Алеше становилось тепло и радостно, как от ласки. Он уже бранил себя, что так нехорошо сказал про Фомина у костра, и между ними, разделенными темнотой, протянулись нити теплой дружбы.

Лес кончился неожиданно. Копыта коней зачмокали по болотистой вязкой земле.

Фомин остановил отряд.

— Здесь в поводу провести лучше, — сказал он, — топко.

Партизаны спешили. С каждым шагом почва становилась все более и более вязкой. Ноги коней погружались в болотную грязь, кони не слушались коноводов, останавливались, пятились назад.

Партизаны шли молча, накупившись, вполголоса бранили непослушных коней.

Наконец, почва стала тверже. Кони пошли бодрее.

— В падь вышли, — сказал Фомин, — теперь осторожней надо. На их заставу можем наскочить. Вот на увал поднимемся — тут и Крутогорскую днем видать...

Петухов распорядился выслать разведку.

Ехать вперед добровольно вызвался Алеша.

— Постарше бы кого, посмышленнее послать лучше, — сказал осмотрительно Фомин, вновь становясь строгим, — молодой больно парень-то.

Петухов заступился за Алешу.

— Он у нас двоих старых заменит. Ничего, раз хочет, пускай едет. — Он с улыбкой посмотрел на Алешу и добавил. — Это наш цветок, радость наша, он всегда в разведку ходит.

«Вот чудной», — с обидой подумал про Фомина Алеша, выезжая вперед, — «и чо ему...»

В пади было светлее. Алеша ехал, прислушиваясь к каждому шороху, поминутно останавливал коня и вглядывался вперед, напрягая зрение в надежде различить хоть ближайшие предметы.

Вдруг впереди вспыхнул и тотчас же погас огонек. Алеша скинул драгунку. Ему показалось, что огонек мелькнул совсем близко. Прислушался. Было тихо.

Подождав несколько минут, Алеша опять повесил на плечо драгунку и поехал дальше.

Неожиданно, совсем близко от него, зашевелилось что-то черное и большое, Алеша круто осадил коня, схватился за шашку, но сейчас же опустил руку. Он разглядел лошадь, она мирно щипала траву. Дальше ходили еще несколько лошадей.

Алеша понял, что это крестьянский табун.

«Видно, нас не ждут», — подумал он и поехал смелее. Все кругом было спокойно и тихо. Слышалось лишь дыхание и пофыркивание пасущегося табуна. Потом залаяла собака и кто-то крикнул:

— Сюда подводы ставь!

Другой голос ответил:

— Слушаюсь, господин прапорщик.

Голоса прозвучали, как показалось Алеше, совсем близко.

«Деревня Крутогорская», — подумал он, затаив дыхание, — «это белые...».

Затархтела телега. Залаяла опять собака. Гулко хлопнула дверь.

«Но почему ни в одной избе не горит свет? — соображал Алеша. — «Неужели все спят? Может быть, занавесили окна? Где же у них охрана?...»

Пораженный тем, что ему удалось так близко подъехать к деревне, Алеша повернул коня и поехал назад, стараясь держаться прежнего пути.

Когда он проезжал мимо табуна, опять в стороне мелькнул огонек. Алеша обернулся и увидел фигуры двух солдат. Они прикуривали от одной спички. Один из солдат опирался на винтовку.

Алеша невольно пригнулся к седлу.

«Застава!» — мгновенно сообразил он, — «надо держаться ближе к табуну, иначе заметят, поднимут тревогу, тогда все пропало».

Но солдаты не заметили Алешу: было темно, да и сами они, очевидно, не ожидая происшествий этой ночью, спокойно покуривали, не особенно внимательно глядя по сторонам.

Вместо погашенного пламени спички скоро засветились два уголька раскуренных папирос.

Алеша успокоился и, свернув с дороги на траву, чтобы меньше стучали подковы, пустил коня рысью.

***

Выслушав донесение Алеши, Петухов решил разбить отряд на две части. Одна должна была обойти деревню с фланга и открыть по ней огонь из пулемета. Другая — в конном строю, после обстрела, атаковать белых вдоль главной улицы. Этой же части поручалось снять без выстрела белую заставу, чтобы освободить подход к деревне.

— Больше шуму поднимайте. Панику на них нужно навести. Нужно, чтобы не поняли они, что вас только тридцать человек,— сказал Петухов командиру взвода, которому было поручено вести партизан в атаку.

— Да, мало нас,— ответил тот,— как ни реви, шибко не нашумишь... Еще бы человек хоть десяток.

Услышав это, Алеша сейчас же вспомнил о табунах. Он подбежал к командиру взвода и сказал:

— Там, у деревни, табун лошадей пасется. Ежели его с собой в атаку повести, можно большого страху на белых нагнать. Шуму много будет... Вроде как полк в атаку идет. Ночью-то не видать, что всадников мало. А позади наш взвод...

Командиру понравилось предложение Алеши. Табун лошадей, прогнанный налетом (карьером) по деревенской улице ночью после обстрела, мог на самом деле навести на белых панику.

Так и решили сделать.

***

Охранение белых, состоявшее только из трех человек дозорных (белые не ожидали нападения), удалось снять легко.

Пятеро партизан неслышно подползли к солдатам, и не успели те даже крикнуть, как после короткой борьбы были обезоружены.

В это же время Алеша с несколькими партизанами сбивали в кучу табун, готовя его к атаке.

Взвод выстроился позади табуна развернутым строем. Алеша с двумя партизанами выехал вперед, чтобы вести табун и не дать ему свернуть в сторону.

Все было готово к атаке. Ждали только условных выстрелов зашедшей во флаг деревни другой части партизан.

Алеша волновался. Казалось, что время тянется страшно медленно, что обязательно сейчас проснутся белые, поднимут тревогу, и атака не удастся.

«Скорей бы, скорее»,— думал Алеша, сдерживая тоже горячащегося коня.— «Чего они там канительятся...»

Наконец, в стороне рассыпалась дробь пулеметов и, вторя ей, затрещала нестройная ружейная стрельба.

Партизаны обстреливали деревню.

Теперь нужно было выждать пять-шесть минут, чтобы дать время белым выбежать из изб, и тогда уже кидаться в атаку.

Стрельба оборвалась неожиданно и, приняв это за сигнал к атаке, командир взвода крикнул:

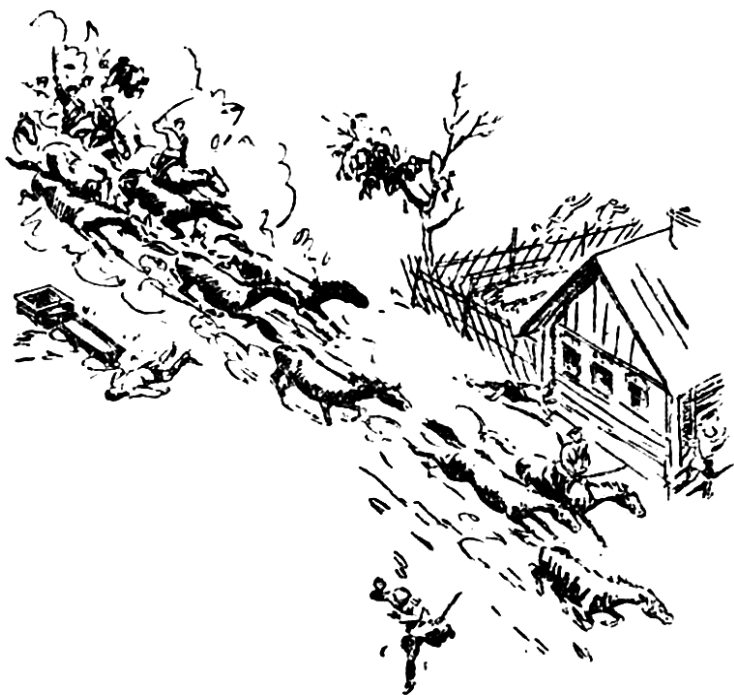
— Вперед! Марш-марш!

Алеша хлестнул нагайкой коня и загикал. Табун рванулся за ним. Позади заулюлюкали партизаны. Земля вздрогнула от ударов конских копыт. Крик атакующих и топот табуна смешались в дикий гул.

Все мысли Алеши были сосредоточены на том, как попасть в улицу деревни, не напороться в темноте на пределы огородов, не завести отряд в тупик переулков.

Помогли табунные лошади. Они вынесли партизан прямо в главную улицу села.

Белые, разбуженные стрельбой, на самом деле приняли мчащийся табун за атакующих партизан. Убегая к огородам, солдаты отстреливались, сами не понимая, куда и по кому. Эта беспорядочная стрельба наводила на них самих же большую панику.

Табун лошадей вынес партизан прямо на главную улицу села

За селом, за поскотиной, опять вспыхнул пулеметный огонь — это уже партизаны обстреливали бегущих кучками в тыл белых.

Алеша скакал вдоль улицы. Он увлекся и даже не заметил, что лошади из табуна рассеялись по переулкам, а гиканье партизан, мчавшихся позади табуна, стало значительно тише и доносилось уже откуда-то издалека.

Алеше было весело. Он понимал, что победа партизанам обеспечена, что затея его с табуном удалась. Но задор молодого, еще неопытного воина гнал его все дальше и дальше.

«Проеду село,— думал Алеша,— первым доложу товарищу Петухову о победе. Пусть тогда кто скажет: «молодой паренек».

Начинало светать, но предрассветные сумерки оставались еще густы. Очертания предметов едва можно было различить.

Впереди улица казалась вымершей, а позади и где-то в стороне вспыхивала и гасла ружейная стрельба.

Алеша скакал в конец села. Дальше, за поскотиной, шла полем широкая дорога и по ней двигались какие-то тени.

Алеша понял, что это белые. Они бежали группами вдоль дороги, пригибаясь к земле. Дорогу обстреливали партизаны под командой самого Петухова, обошедшие деревню.

Дальше ехать было опасно и бессмысленно. Алеша понял, что он зарвался слишком далеко и повернул коня назад.

Вдруг прямо перед собой он увидел направленный на него ствол винтовки и грузную фигуру офицера.

Почти не соображая, Алеша взмахнул шашкой, но в тот же миг грянул выстрел. Он был ослепителен и громоподобен.

Клинок шашки со слабым звоном упал на землю. Алешу ударило в грудь. Он откинулся навзничь, увидел вдруг ставшие огромными щеку и погон офицера, потом беззвездное небо и упал на землю, слабея и содрогаясь.

***

Горнист трубил сбор. Со всех концов села съезжались на площадь партизаны. Привели пленных. Их было человек двадцать. Они были растеряны и подавлены. Многие из них просились в отряд к партизанам, обещали служить честно, говорили, что они мобилизованы и насильно отправлены на фронт.

Петухов приказал провести проверку партизан.

Отряд выстроился. Командиры взводов подсчитали потери. Было пятеро раненых, один убитый и один пропал без вести. Это был Алеша. Никто не знал, где он и что с ним.

Когда весть о том, что Алеша пропал без вести, дошла до Фомина, он помрачнел и, ни слова не говоря, отошел в сторону, стараясь спрятать свое лицо.

Петухов вызвал пятерых партизан и отправил их на розыски Алеши. Среди этих партизан был и Егор.

Он проехал вдоль всей главной улицы, потом вернулся назад, осмотрел переулки и, наконец, выехал к поскотине. Алеши нигде не было.

Огорченный, Егор повернул коня и решил ехать обратно к отряду в надежде, что другие, посланные с ним товарищи, оказались счастливее и уже нашли хотя бы раненого Алешу.

Всходило солнце. Где-то закричал петух, и все вдруг стало обычным и спокойным, как будто ничего и не случилось, — не было ни войны, ни убитых, ни раненых. Словно крик петуха пробудил людей от тревожного сна.

Егор потянулся, разминая кости, и сразу почувствовал себя усталым и ослабевшим. Воспаленное лицо горело. Ноги затекали и болели.

Он опустил поводья, выбросил стремяна и оперся о лужу. Конь шел, низко опустив голову, и на каждом шагу спотыкался. Он тоже устал и не мог одолеть дремоты.

Из домов выходили крестьяне, осторожно выглядывали в калитки, стараясь понять, чем кончился ночной бой, кто победил.

Босоногие ребятишки висели на заборах, тараща глаза на едущего по улице Егора.

Вдруг до Егора донесся слабый стон. Егор обернулся.

Около сырой канавы, густо поросшей сочной травой, сидел Фомин. Лицо его было запачкано грязью. Впадины глазниц — черны и глубоки. Крупные слезы катились из глаз, широко открытых и неподвижных. На коленях его покоилась голова мертвого Алеши.

Смерть не обезобразила лица паренька. Оно стало еще прекраснее. Первый солнечный луч освещал высокий гладкий

лоб и длинные ресницы, тень от которых ложилась на бледные щеки. Синие густые брови, изогнутые крыльями ласточки, оттеняли белизну алешиного девичьего лица.

Егор не решился окрикнуть Фомина. Потрясенный и растерянный, смотрел он на сурового партизана, которого никто в отряде не мог бы представить себе плачущим. Теперь этот человек беззвучно рыдал.

Егор вспомнил, с какой скорбью ответил Фомин на вопрос о сыне: «был», и понял, вернее, почувствовал, что в смерти Алеши во второй раз переживает Фомин смерть своего сына.

В селе партизаны закричали «ура». Это они приветствовали передовые части красной пехоты, вступающей в Крутигорскую.

Егор снял шапку. Глядя на прекрасное лицо Алеши, он вспомнил о цветке папоротника — о счастье, отнятом офицером у казака, о многих своих обидах, тяжелым грузом лежащих на его плечах.

Потом он тронул нагайкой коня и поехал, унося с собой образ мертвого Алеши и возросшую ненависть к врагам.

1935

№ 7

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
ЗАНИМАТЕЛЬНОЙ ИСТОРИИ, ГЕОГРАФИИ и КРАЕВЕДЕНИЯ

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СВЕРДЛОВСКОГО
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Степные огоньки. Рассказ о челябинских степях и ЧТЗ. В. СТАРЦЕВА.—Алмазоискатель Куида. Рассказ С. БУДИНОВА.—Говорящий чугун. Очерк о каслинском художественном литье М. ЗУЕВА-ОРДЫНЦА.—Золотые истории. Очерк ВЯЧ. ЯРКОВА.—Озера Зауралья. Очерк Т. РАУХВЕРГЕР.—Ласковое озеро Сарыкуль. Рассказ В. БИАНКИ.—Чудесное озеро. Очерк К. РОЖДЕСТВЕНСКОЙ.—Вино по Каме. Путевой очерк Б. РЯБИНИНА.—Рождение Камы. Очерк М. МЕЗОРД.—Камень говорливый. Рассказ А. КОЖЕВНИКОВА.—Мой первый прыжок. Т. САМАРИНОЙ. Арктический велоследопыт. В. ИТИНА.

1935

СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК

СЕРГЕЙ БУДИНОВ

**АЛМАЗОИСКАТЕЛЬ
КУНДА**

Приключенческий рассказ

Художник А. Давыдов

Рассказ Сергея БУДИНОВА

Рис. худ. А. Давыдова

Идол и алмазы

В комнате было полутемно. За тонкой стеной чуть слышно бормотал громкоговоритель. Говорил Свердловск.

Закат, разметавшийся по небу, заглядывал в окно. На грубой деревянной полочке стоял бесформенный обрубок дерева с прекрасно выточенной головой. От лица сохранилась одна скуластая половина. Громадное ухо, казалось, ловило радиоволны, а единственный алмазный глаз, как живой, загорался в отблесках заката.

У стола сидел геолог Ошонин — человек с согнутой от старости спиной. Он говорил, помахивая геологическим молоточком, страстно и убежденно. Вставая со стула, рылся в коллекционных ящиках, доставал кусочки минералов, гладил их, сдувал пыль и бережно прятал обратно.

Собеседник, массивный и неподвижный, слушал внимательно. Вставлял изредка фразу, спрашивал, возражал.

— Алмазы на Урале имеются, не оспариваю, — говорил Ошонин, — но их очень мало и они встречаются лишь в некоторых районах. Их обнаруживали случайно при посторонних работах: при промывке золотоносных песков, во время проводки шахт и в старых городищах, где некогда жили финские племена. В свое время на Урал приходили греки, арабы, персы, норвежцы, новгородцы. Необычайное богатство края манило завоевателей и искателей новых рын-

ков. Я утверждаю, что алмазы были занесены сюда, как меновые ценности. Месторождений на Урале нет. Находки объясняются просто: это остатки былой роскоши. Алмазы выпали из украшений, высыпались из ларцов и сундуков. Докажи противное, а ну, Кунда!

Глухим, хриповатым голосом Кунда отвечал:

— Чувyrкаешь тетеревом, Тихон Артемьевич. На Крестовоздвиженских россыпях на реке Вишере было найдено около ста пятидесяти алмазов. Неужели же нарочно свезено было такое количество в одно место? Алмазы находили и на платиновых россыпях у подножия горы Кочканар. Значит, алмазы на Урале есть! Рано ли, поздно ли, а откроются алмазные россыпи. Надо походить да пошарить...

— Принеси алмаз в породе, тогда поверю.

— Принесу!

Долго еще разговаривали Ошонин и Кунда. Вытащил Ошонин из шкафа протертую на сгибах географическую карту, аккуратно разложил на столе, водил по ней сухим пальцем, называя районы, лесные дачи, реки. Когда стало темно и геолог зажег свет, Кунда встал.

— Пока всего хорошего, Тихон Артемьевич. В конце лета приду к тебе. Завтра же уйду на поиски.

Тряхнув слабую руку старика, вышел. Ошонин положил геологический молоточек на стол и, морщась, шевелил пальцами, занятыми от рукопожатия.

Громкоговоритель продолжал бормотать, а идол на полочке ловил ухом волны радио. Много знал хитрый идол, да не мог сказать, правда ли есть на Урале месторождения алмазов, или его единственный глаз привезен из далекого черного материка — из Африки...

Примус и шаман

Кунде сорок лет, Ошонину восемьдесят, идолу, стоящему на полочке в комнате геолога, может быть триста, может быть тысяча. Люди измеряют продолжительность жизни годами, идол — историческими эпохами, хребет Урала —

системами геологических напластований, а манси Айм-Албыл — веснами. В этом году он насчитал тридцать первую весну своей жизни.

Его имя — Айм-Албыл, значит „утренний дождь”. Он кочевник Тобольского Севера. Не так давно его род встретил двух людей, смело пробиравшихся через болота и леса с запада на восток. Люди сказали, что они проложат великий путь, окуют его железными полосами и пустят по нему быстрые нарты на колесах, и не олень будет их тащить, а огонь!

Айм-Албыл пропустил мимо ушей объяснения путешественников, как нечто невероятное, но очень заинтересовался странной машинкой, на которой русские кипятили воду и готовили пищу. Манси так убедительно просил продать ему машинку, что, в конце концов, и получил ее за пару лисьих шкур.

Русские погостили недолго. Кое-как научили Айм-Албыла обращаться с машинкой. А она извергала огонь и скверно пахла. Русские дали ей чудное прозвище „при-мус”. Надо было дергать машинку за хвост, тогда она шумела. В неопытных руках Айм-Албыла примус взорвался. Конечно, его следовало чистить и не так яростно накачивать воздух.

Шаман, бывший в момент взрыва в чуме Айм-Албыла, опалил волосы и до смерти испугался. Пусть русские колдуют с этой машинкой, а Айм-Албыл должен быть примерно наказан. И шаман сказал: пусть Айм-Албыл пройдет пешком от вечно мерзлой тайболы до сухих песков на юге, где кончаются горы и ничего не начинается. Туда и обратно. Тогда он будет прощен.

Страшно пуститься в такой далекий путь, лучше обойти все тундры, чем идти в столь неизвестную даль, но с шаманом спорить было нельзя. Айм-Албыл пошел. Руководствовался солнцем и звездами, переходил вброд реки, путался в чаще, сторонился людей, обходил деревни и села, пугаясь поставленных в горах каменных баб. Шел, шел, а горам все не было конца.

**Айм-Албыл спрятался за деревом, а потом
выглянул.**

Однажды вечером увидел костер, Спрятался за деревом и выглянул. Высокий бородатый человек, напевая хрипаватым голосом, подвешивал на рогатках над костром мешок, потом положил в него птицу. Манси разинул рот. Мешок висел над огнем и не сгорал. Этого и шаман сделать не в силах! Значит, этот человек могущественнее шамана. Лучше не прятаться, а выйти. Айм-Албыл нерешительно подошел к костру.

— Сун паче!¹⁾ — робко сказал он.

— Здорово! — ответил Кунда.

Манси сел, обхватил руками колени и зачарованным взглядом уставился на колдовской мешок.

Костер дымил. Отсветы скользили по стволам деревьев. Свет очертил круг. За ним колебалась тьма, а дальше была ночь, звезды, тихие шепоты листвы, сонное бормотанье ручьев и редкие выкрики птиц и зверей.

Кунда не спросил, откуда пришел путник и куда пойдет. Если надо — скажет, если нельзя — промолчит. Смуглое скуластое лицо манси от костра приняло медный оттенок. Айм-Албыл сидел, завернувшись в старенькое одеяло, перекинув один конец через плечо.

Кунда услышал за спиной шорох, но не обернулся, так как узнал подходившего по свистящему старческому дыханию.

— Здравствуй, Кунда,— приветствовал охотника за алмазами внезапно появившийся из тьмы объездчик. — Опять в наших краях?

— Опять.

— Все ищешь?

— Ищу.

— А что ищешь теперь?

— Алмазы.

Объездчик, сухонький старичок, засмеялся так, что ему пришлось опереться на дуло берданки.

— Мудришь, Кунда! А это кто с тобой?

— Не знаю. Садись, Терехин, поговорим.— Объездчик с любопытством посматривал на костер.

— Из чего он у тебя?— кивнул он головой на подвешенный мешок.

— Из льна.

— Шутишь, Кунда?— строго сказал старичок.

— Не вру. Это горная кудель. — И Кунда рассказал объездчику о несгораемой пряже.

---

1) Здравствуй!

Предприимчивый дед

Прошлым летом бродил Кунда по этим местам и зашел в поселок Ерановку. В поселке Ерановке пять дворов. Избы из почерневших от старости, твердых как железо, бревен стоят далеко друг от друга. Дремотно журча, огибает Ерановку мелкая холодная речонка. Ярко-зеленой крышей выделяется в середине поселка изба. Кунда приметил эту крышу издалека. Мутные оконца, покосившиеся ворота, скрепленные кое-как железными скобами, полуразвалившаяся телега не вязались с нарядной свежестью крыши. Кунда вошел в избу.

Хозяина не было, он ушел в лес. Дома остались хозяйка и дед. Кунда сел на лавку с любопытством поглядывая на старика.

Дед сучил нитки. Но это была странная пряжа. Старик мочил в масле серую кудель и сплетал ее с льняными нитками. Долго смотрел Кунда, потом не вытерпел, подошел, потрогал пряжу и понимающе кивнул головой. Дед был кустарь. Он делал передники и рукавицы кузнецам и ручался, что ни уголь, ни пламя не спалят одежду, защищенную таким передником. Можно схватить раскаленное железо, и рукавица не сгорит. Больше того: пряжу можно положить в горн и вынуть невредимой — она станет еще светлее и новее. Несгораемую одежду дед шил из горного льна, иначе говоря — асбеста. Хозяин добывал его в горах. Асбест мяли, трепали, чистили, мочили, сушили, затем опускали в масло. Из чистого асбеста ссучить и сплести нить трудно — он рассыпается и мочалится. Его переплетают с льняными нитями, из полученной пряжи ткут полотнища, из полотнищ выкраивают части одежды. Готовую рукавицу или передник прокаливают в огне. Масло и льняные нити сгорают.

Старик, сидя на полу, рассказывал Кунде о своей работе. Охотник выпросил у деда кусок готовой асбестовой ткани.

— Мы и фитиль для лампы из него делали, — говорил дед. — А работы все меньше и меньше. Кустарей-кузнецов сколько было, а теперь нет их, выводятся. Заводы пошли, раз-

ве за ними угнаться? Я место знаю, сыну теперь сказал, где кудели этой самой много. Приходи и ломай, кому нужно. Я помру, больше в наших местах никто этим делом заниматься не будет. Я знаю тебя, ты в прошлом году у нас был и опять пришел. По глазам вижу, что камни ищешь. Возьми себе эту горную кудель, место укажу, людей наведи на след, все равно пропадет. Глухой наш район. То-то ведь...

— А что это вы крышу как празднично покрасили, словно молодуху в дом приняли?

— Так и покрасили,— сурово прошамкал дед. — Бедные мы, где краски взять, из камня ее и сделали.

— Как из камня?

— Да так. Из зеленого. Сына спроси.

* * *

Кунда переночевал и утром отправился с сыном старика в горы, к месту рождению зеленого камня.

Крестьянин повел чащей. По еле заметным тропинкам, болотам, густым лесам, мимо высокой горы Юрмы. Вершина горы заволоклась туманом. Юрма — горный узел, от него начинается южный Урал. На юге виднелся кряж Таганай. Прошли пальник, взобрались на круглую гранитную вершину.

Глубоко в падах, среди взрытых гор, виднеются заводы. Железнодорожные линии опоясывают территорию разработок. Черный дым идет из труб и рассеивается в воздухе. Ни один звук не доходит сюда: кажется, заводы работают в безмолвии. Сверкают заводские пруды, отражая синее небо.

— На восход иди,— сказал крестьянин, указывая на горы. — Иди и иди вдоль болота, никуда не собьешься. Лесок пройдешь, серую скалу увидишь, рядом полусгоревшая мшовина стоит. Подайся влево, овраг перейдешь, увидишь яму. Провал случился. Там и есть.

Кунда пошел. Опытным взглядом изучал расположение горных хребтов, запоминал отдельные вершины и направление рек, любуясь дикой красотой местности.

Осторожно прошел пожарище — безжизненное, пахнущее мокрым углем пространство в несколько квадратных километров. Миновал мшовину¹⁾ и свернул налево. Через пять минут наклонился над ямой. Недавно здесь произошел обвал, и случайно приоткрылась дверь в недра земли.

Кунда прыгнул в яму и опустился на колени. Постукав молоточком по камням, вынул зубило и отколол кусок. Вылез из ямы, сел на землю, глядел на осколок, кивал головой, а глаза лучились весельем. В яме обнажился малахит — темно-зеленый с черными, белыми и серыми прожилками других минералов — хризосола и демидовита. Сочетание красок и тонкий рисунок раскола говорили о том, что это прекрасный поделочный материал.

Кунда однажды видел в избе кустика-гранильщика плитку малахита. Естественный рисунок жилок и цветных пятен воспроизвел законченный горный пейзаж: охотник, прячась в чаще, стреляет из ружья, дымок идет из дула, падает убитая птица. Картина была в квадратный метр величиной. Получилась она случайно во время распиловки камня на отдельные плитки.

В Свердловске, в местном геологическом комитете, он заявит о находке малахита. Стране нужны и булыжники, и самоцветы, и поделочные камни.

Охотник сидел и смеялся. Хитрый мужик! Он сделал из малахита краску по очень простому рецепту: масло, измельченный порошок малахита и клей. Дешево и сердито!

***

Кунда окончил свой рассказ. Наклонившись к костру, он веткой поправил огонь.

Объездчик задумался. Айм-Албыл переводил взгляд с лица старика на Кунду. Как долго говорил этот бородатый человек! За всю жизнь манси не произнес столько слов, сколько сейчас охотник. Безбородое лицо Айм-Албыла потемнело.

— Что это такое? — спросил он, указывая рукой на мешок.

---

1) Мшовина — изба, проконопаченная мхом.

Кунда улыбнулся. Он немного знал язык манси и, как мог, объяснил Айм-Албылу, почему мешок не загорается.

„Значит, ничего колдовского нет, — думает Айм-Албыл. — Бояться нечего. Мешок не горит потому, что он из камня. Жарится в нем птица, съедят ее, прокалят мешок в углях — и снова он будет чистый и белый. Хитрый народ русские!

Костер догорал. Кунда вынул из мешка зажаренную птицу и предложил объездчику и манси поужинать. Айм-Албыл ел с жадностью. Может быть, шаман и запретил бы ему есть приготовленную таким чудным способом дичь, но, во-первых, шаман очень далеко, а, во-вторых, он хитрый, и сам бы не отказался от такого угощения.

Поужинав, Терехин простился с Кундой и ушел. Служба такая: надо, бродить и ночью.

Кунда не собирался трогаться, его заинтересовали горы: участок южнее стоянки придется обшарить. Много и раньше людей здесь бывало, но не у всякого такой наметанный глаз, как у Кунды.

— Спать надо,— сказал он. — Завтра поговорим.

— Емас¹⁾,— согласился Айм-Албыл.

Шашки из самоцветов

Утром Айм-Албыл сказал:

— Охотник идет на юг. Айм-Албыл тоже пойдет с ним. Вдвоем не страшно.

Кунда ответил:

— Я буду идти очень медленно, заходить в деревни и на заводы, уходить в сторону и опять возвращаться.

— Это ничего. И я с тобой...

Прошли в этот день мало. Кунда забирался на горы, ложился на землю и подолгу изучал топографию местности. Он следил: куда и откуда шли поднятые мощной силой геологические напластования, где их пронизывали острые гранитные вершины, где начинались пади.

---

1) *Хорошо.*

Айм-Албыл садился на корточки рядом с Кундой и обводил задумчивым взглядом горизонт. Из ущелий, из-за горных хребтов, от подножия сопок, из долин поднимались клубы дыма. Далеко-далеко внизу приплюснулись к земле кубики домов. Нитями змеились узкоколейки. Прямые просеки в лесах казались выкошенными гигантской косой.

Сетью морщин избородилось лицо уральской земли. Копошились трудолюбивыми муравьями тысячи людей, кротами взрыхляли землю, дождевыми червями буравили недра, перетаскивали по песчинкам — горы, по прутикам — леса, по лопатам — миллионы тонн угля и железа. Красные коробочки товарных вагонов составлялись в поезда и уползали за горизонт...

В первый же вечер совместного пути Кунда и манси пришли к руднику. Он был небольшой и почти ничем не отличался от обычных шахт горняков-кустарей. Вечер был тихий, теплый и лунный. Трое рабочих сидели возле костра, беседуя и дожидаясь ужина. В бараке четвертый тянул однообразную „айкающую” татарскую песню. В зеленоватосинем свете луны поднималась груда „отвала” — выбранной породы.

Двое молодых рабочих играли в шашки на расчерченной химическим карандашом фанерной доске. На высоком шесте повис красный флаг, казавшийся в темноте черным. Рабочие мельком взглянули на прибывших и продолжали прерванный разговор. Поющий в бараке на минуту остановился, словно прислушиваясь, потом снова запел.

Айм-Албыл, не снимая с плеч старой шомполки, сел на корточки. Кунда примостился на пне.

Из разговора охотник понял, что шахту разрабатывали уже второй год и что она вырублена почти вся в монолите амазонского шпата. Здесь же, месяц назад вон тот молодой игрок, у которого левая бровь выше правой, по тоненькой жилке в граните — проводнику, — и по другим приметам добрался до пласта, где обнаружил пустоту — „гнездо”.

Горщики ищут такое „гнездо” иногда в течение целого лета и нередко находят только „сало”: слюду, глину.

Игра в шашки началась...

Павел Семехов нашел в „гнезде" огромной величины кристалл топаза-тяжеловеса. Это был раух — совершенно чистый и черный топаз. Рядом лежали „отпрыски", менее ценные хрустали-волосатики, пронизанные красными иглочками рутила и золотистого титана. Найденный топаз весил два кило. Его отправили на гранильную фабрику в Свердловск.

Кунда молча глядел на играющих. Павел Семехов играл деревянными шашками, его партнер — каменными. Полу-

прозрачные, кроваво-красные шашки были выточены правильными столбиками. Кунда пристально посмотрел на них и придвинулся поближе. Было тихо. Слышалось только потрескивание костра, песнь татарина, бульканье закипающей воды в чайнике и сухой стук переставляемых шашек.

Вдруг Кунда оживился и начал делать замечания. Он поправлял то одного игрока, то другого, смеялся над каждым промахом.

— Пентюхи вы, как я погляжу! — заявил он, когда партия была закончена. — Языком своим донять можете, играть нет.

— Вот и ошибся, товарищ, — возразил Семехов, вновь расставляя шашки. — Я не горазд, это верно, а вон с чайником возится Прокл, так того вся округа знает. Всем игрокам эти прокловы шашки знакомы. Любители за десятки километров приходят поиграть с ним. Если хвалишься — сгоняй с ним один кон — спесь живо собьет.

— Давай двух Проклов, я не испугаюсь! — задорно сказал Кунда.

— А ты кто? — спросил Прокл, человек с громадной лопатообразной бородой.

— Я — Кунда. Все равно не знаешь.

— Нет, слышал, — встрепенулся Прокл. — В „Уральском Рабочем“ читал про тебя, что ты в Геолком заявку сделал на открытие изумрудного месторождения. Ну как, вышло?

— Никак, пока что. Денег нет, времени нет, другим заняты. На своем плане крестиком мое место отметили: придет время — нагонят рабочих, машину поставят. Дело пойдет!

— А ты чего бродишь здесь?

— Да вот слышал, что ты в шашки мастак играть. Давай!

— Не берись!

— Давай, что хочешь поставлю и выиграю.

— Ружье ставь!

Немного смутился Кунда от такой уверенности Прокла. Тряхнул головой.

— Идет! Но, чур: я играю деревянными шашками. Если выиграю, то каменные шашки мои.

Игра началась. Из барака вылез татарин и сел у костра. Лицо его было неподвижно, и лишь изредка шевелились; тонкие, словно нарисованные усики. Айм-Албыл замер каменным изваянием, закутавшись в свое одеяло. Двое рабочих стали за спиной Прокла.

— Понравились мне шашки, а своих нет, — полушутливо, полусерьезно говорил Кунда. — Где их добыл?

Игра подходила к концу. Кунда сидел нахмурясь. Прокл давно нервно теребил бороду. Неприятно терять звание шашечного мастера.

Выиграл Кунда. С тихим смехом собрал двенадцать шашек и опустил их в котомку.

— Что ж, Прокл, не повезло, — сказал он примиряюще. — А ты игрок опасный, еще бы чуть-чуть — и я сел бы...

Когда утром Кунда вынул шашки из котомки, Айм-Албыл задрожал и зажмурил глаза. Совершилось чудо: двенадцать темно-красных камней превратились в зеленые...

— Чудесные камни! — бормотал Кунда, осторожно заворачивая каждую шашку в тряпочку. — Айм-Албыл! — обратился он к манси. — Это очень редкий камень. Когда утро — он зеленый, когда вечер — красный. Это потому, что в огне костра есть красный свет, и камень ночью его отражает, а днем в белом, свете солнца он остается зеленым.

Новые песни

Путники упорно продвигались на юг.

Миновали вечно затянутый пеленой дыма от заводских труб Златоуст. Прошли хребет Уреньгу. Переправились через истоки реки Ая и вступили в район хребта Увильды и Ягодных гор.

С вершины увидели на востоке долину реки Телюка и горы Аваляк, а немного южнее — группу Ирмельских гор с гигантским гребнем Ирмель-горы.

Это был дикий южный Урал.

Кунда направлялся к Ирмельским горам, желая проверить слышанный им рассказ о находке там по течению рек алмазов.

Айм-Албыл долго смотрел на восток. Из разговоров с Кундой он знал, что это еще не конец земли, что там, за горами, стелются степи, шумят леса, текут реки и живут люди.

Ночами, лежа возле костра, манси пристально вглядывался во тьму. На черном своде неба полыхали в разных местах отблески огней. Это и ночью не переставали жить заводы. Они уже не пугали Айм-Албыла. Он видел, что русские справляются с огненной стихией так же легко, как любой кочевник на севере с оленьей упряжкой.

„Люди роют землю, — думал манси. — Они знают, что лежит в глубинах земли и вод. Придут они и на далекий север, и узнают, что лежит в тундрах. Тогда и там вырастут, как здесь, дома и трубы...”

Шаман, посылая провинившегося перед ним манси в дальнейшее покаянное странствие, рассчитывал, что тот вернется на север раскаявшимся и покорным, но он жестоко ошибся.

Путешествие принесло Айм-Албылу множество новых впечатлений. В нем пробудилась любознательность.

Постепенно образ безбородого старого шамана тускнел и таял в сознании манси, как дурной сон...

Лишайник окрасил вершины Ирмель-горы в бурый цвет, сухие колноchie кустарники цепко впились в камни. Проплывавшие облака задевали скалы. Внизу в беспорядке сгрудились леса, россыпи, ущелья и реки.

Пробирались целиной, мягко ступая по коричневой хвое и шурша опавшей прошлогодней листвой. Кунда по временам останавливался, вынимал записную книжку, заносил отрывистые сведения.

— Эй, вы там, на горе! — крикнули им снизу молодые туристы.

Когда он глядел на горы, его острый взгляд, казалось, сдирал поверхность почвы, и обнажалось то, что было скрыто под травой, под корнями. Не могла утаить земля ни золота на дне рек и в крутых берегах, ни меловых отложений, ни залежей мрамора. Кунда подробно рассказывал Айм-Албылу, на что нужны все эти минералы, а манси, сощурившись, жадно слушал.

Когда они стояли на вершине, неожиданно из лесу их окрикнули:

— Эй, вы там, на горе!

Путники посмотрели вниз. На опушку вышел молодой загорелый парень с походным мешком за спиной. За ним показалась девушка в красной косынке. И у нее тоже виднелся за плечами рюкзак. В лесу раздавались голоса и смех.

Айм-Албыл недоверчиво окинул взглядом внезапно появившихся людей, но, посмотрев на охотника, успокоился. Кунда сделал ему знак идти за ним, и они спустились по каменистым уступам вниз.

Их окружила шумная группа молодежи. Кунда был оглушен посыпавшимся градом вопросов. Шум голосов остановил мускулистый человек в синей майке. Он оказался руководителем туристов — рабочих разных фабрик Москвы.

— Мы уже вторую неделю бродим,— сказал он. — Были на реке Чусовой, в Чусовских Городках, нефтяные вышки видели. Теперь по Южному дуем, до Миасса дойдем и по железной дороге до дому. Жаль, времени мало, так на каждый завод и тянет, в каждый рудник так и хочется слазить.

Путники вместе с туристами спустились в долину и по узкой тропе пошли по лесу. Молодежь, хорошо спевшаяся за время пути, затянула песни. Айм-Албыл забывал, куда надо ставить ногу, через какой камень переступить. Впервые он услышал мотив, насыщенный задором, радостью труда, мотив, так не похожий на невнятное бормотанье женщин в чумах над ребенком, на завывания шамана и тягуч иедорожные песни своих сородичей. Ему казалось, что сердце у него сейчас выскочит из груди — так сильно оно билось.

Когда туристы свернули с тропы на дорогу, весело подняв в знак прощания правую руку, Айм-Албыл пожалел, что так скоро кончилось шумное веселье.

Как маются камни

У подножья скалы Юсуповой Бабы встретили башкира, указавшего ближнюю тропу к деревушке Юлы. Придя туда, попросились на ночь в старую покосившуюся избу. Утомленные полевыми работами, хозяева и молодежь, поужинав, легли спать, а манси и Кунда вышли на улицу со стариком Пахомом.

Все трое сидели на завалинке. Смутно в темноте маячили, как попало разбросанные избы, тяжело вздыхали в хлевах лошади и коровы, звучно пережевывая сено.

Пахом говорил тихо, с расстановкой. Ему было лет пятьдесят, но тяжелый труд состарил его раньше времени. Всю жизнь, с двенадцати лет, проработал он в частных гранильных мастерских. Кунда вступил в оживленную беседу со стариком.

Охотник не забывал спутника и короткими фразами передавал ему весь разговор. Айм-Албыл с удивлением узнал о том, что должны претерпеть камни, прежде чем стать красивыми и дорогими. Надо затратить уйму времени и труда. Оказывается, и русским ничего не достается колдовством, а каждая вещь строится человеческими руками по частям, кропотливо, вроде чумов и нарт.

Цветные камни сперва раскалывают: на наковальне из свинца или красной меди, их разбивают минералогическим молотком. Отлетает все лишнее — углы и трещинки — и остается годный для огранки материал. Если горная порода тверда, ее дробят „балдой” весом иногда в тридцать пять килограммов. Наколотенные камни идут на „проточку” на железном круге гранильного станка. Оттачивают, отсекают трещины, мутины (мутные места) и всяческие излишки. Во время этой работы определяется, где должно быть у камня „полотно”, то есть верх, „обсечка” — край и „пункт” — низ.

Обсечка дает форму камню: круглую, квадратную, овальную и т. д.

Огонь, воду и медные трубы проходят камни. Затем они поступают на железные, свинцовые и оловянные круги гранильного станка, наклеиваются на шпильки-начинки, обтираются, и шлифуются щетками, каменными порошками, замшей, мастикой и наждаком.

В прежнее время слепли гранильщики, кашляли кровью. Пагубно для здоровья было гранильное ремесло. Сгибались спины гранильщиков, да так и оставались согнутыми до самой смерти.

Пахом видел современные советские фабрики и жалел, что потерял свою силу и зоркость, а то бы поработал еще в чистоте, спокойно, не слыша криков надзирателей.

Говорили раньше, что камень мстит гранильщику за свою маяту. А камни действительно маются.

Они гранятся размером от просяного зернышка до пяти сантиметров в диаметре. Боковые плоскости шлифуют и полируют на круге. В дело идут всевозможные материалы: каменная пудра из зеленого кронуса, вода, масло, соль.

В заключение камень для очистки „отваривают”. Твердые камни опускают в крепкую водку или нашатырный спирт. Мягкие обрабатывают салом или стеарином, осторожно подогревая на лампе.

Производство закончено. На пакетике, в котором лежит готовый камень, мастер пишет свою фамилию.

Существует двенадцать способов огранки, но каждая грань имеет бесчисленное количество форм. Камни не только огранивают, их распиливают, вытачивают пластинки, оклеивают ими вазы, ларцы.

Кончил рассказывать Пахом. Вдосталь наговорился, спать захотелось. Кунда и Айм-Албыл пошли на сеновал.

Утром они снова отправились на поиски. В сосновом лесу, на полянке, окруженной высокими матчевыми соснами, неожиданно наткнулись на группу охотников. Их было пять человек. Четверо сидели на корточках и курили, а пятый, самый пожилой, стоял посреди них, опираясь на дуло централки, и говорил.

Кунда поздоровался и сел. Айм-Албыл опустился на траву рядом с ним. Старый охотник укорял одного из товарищей. Кунда слушал и одобрительно кивал головой.

— Нет, Слепнев,— говорил охотник.— Не то делаешь ты. Думаешь — настрелял, сдал в контору, положил в карман денежки и домой на печку? Прошли такие времена. Все мы, охотники, одно дело делаем, все стараемся сообща, а ты откалываешься. Вот нравятся тебе белки или барсуки, ты и бьешь их, сдираешь шкурку как попало. А ведь шкура то за границу идет, ты ее по правилам сними. Пятеро нас здесь, вот по заданиям-то на каждое ружье свое количество шкур полагается. Ну и промышляй их. А ты бродишь по лесу, как дикий. Этак, пожалуй, мы у тебя свидетельство отберем. И на собраниях должен бывать и газету свою читать. Так-то!

Охотники заспорили, а Кунда с манси встали и пошли.

Этот случайный митинг навел Кунду на радостные размышления. „Как ни велик Урал, — думал он, — ни один человек не скроется от другого. Жаркие речи произносятся и на колхозных полях, и в забоях копей, и в лесу. Рыли раньше землю и, каждый сам по себе, намывали золото, собирали самоцветы, с ружьем ходили в одиночку. А теперь все идут в артели, — и горщики и охотники”.

— Эх, Албыл, дорогой! — хлопнул Кунда манси по плечу. — Сколько дел творится у нас в стране, все люди на учет взяты, каждый час дорог. Вот бы поучиться тебе! Каменной бабой ты ходишь, а отшлифовать бы тебя алмазом, чтобы на своем севере сверлом врезался ты в тундру! Хочешь?

— Хочу! — ответил манси, хотя и не совсем понял, к чему ведет свою речь Кунда.

Компас заболел

Кунда забирался на сопки и подолгу рассматривал с них окрестности. Он старался восстановить в памяти рассказ одного горщика, описавшего местность, где был найден алмаз. Но скалы, крутизны, леса и болота были разбросаны в

таком диком беспорядке, что весьма туманно указанное место найти было невозможно.

Кунда поднимал с земли камни, подходил к скалам и откалывал зубилом куски. Примечая расположение почвенных пластов, запоминал их направления.

Манси помогал выкапывать глубокие, иной раз трехметровые ямы, тряс Кунде лоток с песком и промывал вынутую породу.

Переходя высохшее русло реки, Кунда увидел „срыв” — громадную обнаженную стену. Окинув пытливым взглядом четкие напластования, он решил с молоточком в руках обследовать весь этот район. Айм-Албыл остался на условленном месте и тотчас же развел костер. Албылу так понравилось легкое добывание огня с помощью спичек, что он зажигал их при каждом удобном случае.

Кунда углубился в горы.

С одной вершины он увидел высокий столб дыма. В той стороне был завод. Там подъемные краны схватывали брызжущие огнем болванки и тащили на наковальни, паровые молоты били по железу, чугуну и стали, били тяжело и упорно. Казалось, домны дышали жарко в затылок охотнику, казалось, сзади надвигались сотни подъемных кранов, держа в своих клешнях ковши с расплавленным металлом.

Эти видения торопили Кунду: ты ходишь и ищешь? Скорей! Нужны железные руды, нужен уголь, нефть, мел, бериллы, изумруд, калийные соли. Ищи. Втыкай вешки там, где нашел богатство. К ним потянутся с кирками, лопатами, динамитными шашками, алмазными сверлами, драгами...

Каждый год Кунда приходил в Геологический комитет и, разложив свои записки, отмечал крестиками на картах места, где он обнаружил залежи ценных минералов. Геологом наносил новые месторождения на свои карты. Когда охотник за минералами уходил вновь в горы, на прощание ему горячо жали руку...

Кунда ходил долго. Гранитные жилы вели в недра земли. Спали в глубине неведомые сокровища.

„Нет, — думал Кунда, возвращаясь к месту стоянки, — там алмаза, пожалуй, не найти. Надо на месте их нахождения рыть землю машинами. Попытаюсь, однако, еще немного”.

— Айм-Албыл, — обратился он к манси, — мы завтра пойдем дальше на юг, к городу Орску, на Губерлинские горы. Мне говорили, там был найден алмаз. Понюхаю и там. На Иремельских горах погостили — и хватит. Махнем дальше.

Наступил вечер. Беззвездная ночь окутала горы черным покрывалом. Низко ползли тучи. Искатели возвращались в деревню Юлы. Кунда научил манси пользоваться компасом. Желая проверить его знания, спросил:

— А ну-ка, покажи, в какую сторону нам идти и где мы были?

Айм-Албыл, подобно птице, никогда не сбивался в направлениях. Он махнул рукой на север.

— Идти туда!

Махнул на юг:

— Был там!

— Нет, — покачал головой Кунда. — Достань компас и укажи по нему.

Вогул достал из сумочки компас, бережно положил его на ладонь и посмотрел на дрожащую стрелку.

— Стрелка лжет. Она не знает, куда глядеть. То туда, то сюда.

Вглядевшись в компас, Кунда свистнул. Действительно, он испортился. Стрелка очевидно размагнитилась. Но почему?

— Что у тебя в сумке? Покажи.

Албыл развязал сумку. В ней лежали коробок спичек, веревочка, камень, трут, большая стальная игла и... головка чесноку.

Кунда засмеялся:

— Айм-Албыл, никогда не клади компас с луком и чесноком рядом. Чеснок отнимает у магнита силу. Компас заболел. Его долго придется лечить. Его надо будет на две

недели зарыть в конский навоз и тогда он будет правильно показывать север. Магнит не любит луку и чесноку.

Ночью в избе Кунда тщательно сортировал собранные минералы, заворачивая в бумажки и плотно укладывая их в сумку. Айм-Албыл, засыпая, думал об этом мудром человеке, называющем каждый камень по имени и знающем все их свойства. А Кунда думал о том, как мало он знает, как часто природа ставит его в тупик.

Вареные камни и хлеб с начинкой

Все дальше и дальше на юг шли охотник за минералами и манси.

Ночуя в деревне и на почтовых станциях, добрались до Губерлинских гор. Они были невысоки и казались застывшими океанскими волнами. В районе Губерли встречалось много золотых приисков. Население было смешанное: казаки, башкиры, мордва и чувашаи.

С Кундой и манси по пути шел странной, дергающей походкой человек лет сорока. Он вытягивал голову подбородком вперед и всегда держался за бороду, словно сам себя вел на поводку. Накинув на одно плечо старенький пиджачок, мягко ступал тонкими ногами, обутыми в лапти, по каменистым трупам. Называл себя Шурой, а у Кунды не было в обычае допытываться: почему только Шура и где осталась фамилия и отчество?

— Я иду в Орск, — рассказывал бородатый Шура, — а оттуда в Свердловск камни делать. Я люблю их, и они меня любят. Я знаю, как к ним подойти, как их в руки взять. Иду вот сейчас, грудь гола, на ногах обутки, и не тужу. Вот камушки я делаю, это верно. Хлебушко ими начиняю, да в щах варю. Рассказать, зачем?

— Говори!

Шура когда-то искал камни. Работал и зимой и летом, „нюхом“, в надежде на „фарт“ — счастье. Бродил в глуши, находил место и копал. Зимой зажигал в вырытых ямах костры, чтобы оттаяла земля. По жилам в граните и другим

приметам добирался до „занорыша”, в котором иной раз можно было найти сразу целое состояние.

Один раз он докопался до удивительного занорыша. Это была маленькая пещерка. Дно ее было устлано кристаллами альбита, амазонского камня, кварцем, слюдой и глиной. В гнезде красовалась груда кристаллов голубого топаза и гигантский, в „пол-локтя”, кристалл „угля” — черного турмалина.

Редко бывают такие удачи! После этого случая Шура бросил „хиту” — хищническое старательство, ставившее его по новым советским законам в один ряд с браконьерами и контрабандистами. Хотелось работать честно, ни от кого не таясь. Он занялся приготовлением камней.

Кристалл дымчатого кварца запекал в хлебе или прокаливал в печной золе. Получался красивый золотистый оттенок.

Он брал агат, варил его в меду три недели подряд, поддерживая постоянный огонь. Вынимал, тщательно мыл и снова варил в серной кислоте. Камень приобретал черную полосатую окраску и новое имя — оникс.

Красные рубины и гиацинты, голубые эвклазы, синий дешевый кианит, зеленый хризолит, бесцветный прозрачный с красным отливом фенакит, молочный халцедон, черный графит и всевозможных цветов кварцы сушились по многу дней в русских печах, варились в кислотах, красках, подкладывались под гнет, изменяли окраску и прозрачность, приобретали новые свойства, светились в темноте, делались с виду бархатными или блестящими. Это была не подделка, а исправление, усовершенствование природы.

С Шурой Кунда и Айм-Албыл не расставались два дня. Но потом он простудился и остался в одной из станиц передохнуть. Кунда долго думал об этом человеке. Неизвестно, какое прошлое у Шуры, но тот восторг, с каким он говорил о своей работе с минералами, понравился Кунде.

Шура подарил Кунде на память черную ветку окаменелого коралла. Охотник за минералами старательно спрятал ее в своей сумке.

Там, где кончались Губерлинские горы, возле Атаманова камня, Кунда решил провести два дня. В этом районе был найден когда-то единственный на всей Губерле алмаз.

Девка Атаманша

— Конча?¹⁾ — крикнул Айм-Албыл.

Кунда повернул голову на звук и положил руку на ружье.

Костер ярко горел в сложенных колодцем камнях. Иногда лопался камень-трескун, вышибая из костра горящие угли. За спиной охотников высилась громадная черная стена Атаманова камня. Площадка, на которой они расположились, начиналась от стены и впереди, шагах в семи, неожиданно обрывалась. Каменистая тропа уходила в темные мрачные ущелья. Чуть слышно шумел в темноте ручей, изредка вскрикивала ночная птица или шелестела от набегавшего ветра листва.

На тропе из правого ущелья показался человек, ведущий под уздцы навьюченную лошадь. Он внимательно разглядывал Кунду и манси, медленно подвигаясь к костру. Лошадь, вытянув голову, втягивала незнакомые запахи, нервно переступала, потом громко фыркнула. Человек остановился и только теперь ответил на окрик.

— Свой. А вы кто, товарищи?

— Мы тоже свои, — отозвался Кунда. — Чего ты так ко-со смотришь на нас? Куда идешь?

— Из станицы в деревню.

— Далеко отсюда?

— Часа два пройду. А вы зачем это место выбрали для ночлега?

— Как зачем? Переночуем — и дальше.

— А почему не в деревне?

— Некогда нам по деревням шататься.

— Ну, как знаете. А только лучше отсюда уходите. Место здесь нехорошее, не к ночи будь сказано.

---

1) Кто?

— Нам везде хорошо,— засмеялся Кунда. — И в полдень и в полночь.

— Здесь девка-Атаманша ходит. А если вы камни ищите, то как раз и наткнетесь на нее.

— Расскажи, какая она, по какому местожительству прописана и чем занимается?

— Не шути, — сурово ответил человек, сдвигая черные брови. — Все окрест знают. Самоцветы и золото сторожит. Начнет ночью аукаться, — ветер нагонит и заведет вас в трясину или разум отнимет. На Атамановом камне живет, потому и зовут ее девкой-Атаманшей.

Кунда продолжал смеяться. Незнакомец обиженно дернул лошадь за повод.

— Прощайте, — сказал он.— Я домой поспешу. До полночи недалеко, это ее час...

— Ее час, а наше время! — задорно крикнул Кунда.

Незнакомец скрылся. Айм-Албыл лег на землю, подстелив драное одеяло. Под голову положил камень, а ноги протянул к костру. Кунда молча сидел, недовольно потряхивая головой. Не любил он сказок, и немало в своей жизни разрушил легенд, объясняя людям причины непонятных явлений природы. Каждое суеверие имеет под собой почву, надо только доискаться до начала.

Внезапно Кунда чутким ухом поймал странный звук. Где-то недалеко, шагах в ста, кто-то тихо плакал и заглушенно смеялся...

Прислушиваясь, охотник начал различать всхлипывания и бормотанье. Смех доносился чистый, женский.

Кунда не шевелился. Вспоминал все слышанные звуки, похожие на эти, сравнивал, восстанавливал в памяти топографию местности и начал понимать.

Долго сидел, глядя на спящего товарища, затем неожиданная мысль пришла в голову: пусть Айм-Албыл пойдет и узнает, кто смеется. Это будет для него хороший урок.

— Айм-Албыл,— громко позвал Кунда.— Вставай!

Манси проснулся сразу. Кунда коротко рассказал ему об Атамановом камне и девке-Атаманше.

— А теперь, Айм-Албыл, слушай...

Манси прислушался и тоже уловил странные звуки. Они доносились иногда отчетливо и громко, а порой еле слышно.

— Это человек,— прошептал он и посмотрел на верушки деревьев. Подставив скуластое смуглое лицо ветру, он определил его направление.— Ветер дует сюда, голос слышен, ветер дует на голос, его нет.

— Иди туда и посмотри, что там, — сказал Кунда.— Вернешься — расскажешь.

Айм-Албыл медленно, словно нехотя, пошел по тропе в ущелье. На границе света и тьмы обернувшись, потом сразу исчез во тьме. Никто не скажет, что Айм-Албыл трус, он ничего не боится, хотя злых духов и непонятные вещи предпочитал обходить. Этот русский послал его прямо навстречу неведомой опасности. Хорошо, он не отступит!

Неслышно ступал Айм-Албыл ногами, обутыми в мягкие лосевые унты. Как дикий зверь, ощущал всем телом невидимые препятствия. Не видя ветки, инстинктивно нагибался и проскальзывал под ней. Тропа шла вдоль скалы, потом уходила влево, а звуки летели из ущелья, вклинившегося между стеной Атаманова камня и крутым склоном горы.

Айм-Албыл оставил тропу и начал подниматься по ущелью. Справа высилась громада Атаманова камня, голая, покрытая только лишайником. Стиснутое двумя каменными стенами ущелье понемногу суживалось.

Звуки становились ясней. Не было сомнений, — плакала женщина. Иногда плач переходил в осторожный смех.

Манси крался тихонько, часто останавливался. Вспомнил, что недалеко у костра сидит смелый и мудрый Кунда, — стоит крикнуть, и он поспешит на помощь.

Чуть светлее черного массива горы, низко над головой нависло беззвездное небо. Там, где каменные склоны гор сходились, замыкая ущелье, в земле, под нависшей скалой угадывалась дыра. Оттуда и неслись странные звуки.

Кто мог спрятаться там?..

Манси слушал. Несомненно, там человек. Может быть, он случайно попал в пещеру и не в силах оттуда выбраться?

Тогда надо крикнуть ему, что помощь близка, ободрить и вернуться за Кундой.

Айм-Албыл сделал шаг вперед. Из-под ноги вырвался камень. Шорох его падения гулко отдался впереди. Манси удивленно ахнул. Его голос повторило эхо. Айм-Албыл замер. Холод сковал спину. Он в ужасе закричал:

— Кунда-а-а!

Его крик разбудил многоголосным эхо горы. Манси бросился назад к Атаманову камню и стал карабкаться наверх. А в ущелье громкий крик множился, рос, слышно было перекликанье громовых голосов, со всех сторон спешили неведомые существа... Казалось, посланцы девки-Атаманши кинулись в погоню за дерзким человеком и аукались, расставляя длинные руки. Вот-вот схватят! Манси бросил шомполку. Судорожно цепляясь за выступы Атаманова камня, срывался, скользил, лез все выше и выше.

Кунда, услышав призыв своего спутника и хаос звуков, схватил ружье и бросился бегом по каменистой тропе.

— Албыл! — закричал он, а многократное эхо швырнуло ему обратно в лицо глухие клочки слова: был... был... был!.. Кунда добрался до конца ущелья. Манси нигде не было. Он снова позвал его. Ущелье множило звуки, оглушая Кунду. Он прислушался. С верха Атаманова камня чуть слышно донеслось:

— Кунда-а!..

Охотник полез вверх. Ночь шла на убыль. Тьма серела. На востоке дрожало слабое сияние. Кунда почти ползком по крутой скале взобрался на вершину. Албыла и здесь не было...

— Албыл, где ты?

— Здесь! — совсем близко отозвался он глухим голосом.

Кунда пошел на голос, по верху Атаманова камня. Дошел до его края, взглянул вниз. Прямо под ногами на выступе над обрывом сидел манси.

— Как ты сюда попал?

Айм-Албыл беспомощно махнул рукой вниз.

Кунда взмахнул руками и почувствовал, что падает вместе с камнем.

— Куда только не забьется человек от страха! — недовольно тряхнул головой Кунда и шагнул вперед, чтобы прыгнуть на уступ к Албылу.

Сзади раздался громкий треск. Охотник вздрогнул, но не успел оглянуться, как громадный камень под его ногами качнулся. Кунда взмахнул руками. В то же мгновение он почувствовал, что падает вместе с камнем. Бледные звезды на сером небе прыгнули вверх. Линия горизонта сломалась.

— Албыл! — крикнул предупреждая Кунда, зная, что парень находится внизу.

Камень скользнул по верху гранитного шихана. Выступ скалы задержал его падение. Кунда потерял равновесие. Навстречу ему бросилась темнота ущелья. По лицу стегнули ветки кустарника. Охотник кубарем скатился по склону горы вниз. Больно ударившись головой о землю, он потерял сознание.

* * *

Кунда очнулся, поднял тяжелую голову. Он лежал на дне оврага. Рядом валялось ружье. По пасмурному утреннему небу ползли вразброд мохнатые облака.

Охотник за минералами приподнялся на локтях, силясь вспомнить, что произошло. Призыв в ночи товарища, скала, падение глыбы, несомненная смерть Айм-Албыла — быстро всплыли в памяти.

Кунда выпрямился. Может быть, еще можно что-нибудь предпринять для спасения спутника?

Сильная тупая боль в голове затуманила зрение. Он поднес руку ко лбу, потом посмотрел на ладонь. Кровь! Осторожно ощупал себя. Все цело. Ныла левая нога в колене, на плече разорвана одежда и от плеча до локтя кровоточащая царапина. Кунда взглянул вверх — и замер. Над ним, на высоте пятнадцати метров, зацепившись одеждой за камни, висело безжизненное тело Айм-Албыла...

Кунда только сейчас понял, как дорог ему стал молодой парень, не побоявшийся пойти на разведку прямо в пасть девки-Атаманши.

— Айм-Албыл! — позвал тихо Кунда.

Ответа не было.

— Ты жив, Айм-Албыл? — крикнул он.

Тот молчал. Вяло повисли руки, голова опущена на грудь.

„Может быть, он жив, — подумал Кунда. — Надо немедленно помочь. Придется идти в обход, кругом всего Атаманова камня и сверху вытянуть его труп”.

Опираясь на ружье, прихрамывая, размазывая по лицу стекающую со лба кровь, он двинулся по оврагу в обход Атаманова камня. Прошел в ущелье и взобрался на вершину гранитного шихана. Пробрался к краю, осторожно спустился на выступ, на котором ночью перед катастрофой сидел манси, встал на колени, и, вытянув руки, схватил Айм-Албыла.

Напрягая все силы, теряя от боли сознание, втащил его на площадку. Встал рядом с ним на колени, приподнял его голову, дул в лицо, тряс.

Айм-Албыл тяжело вздохнул и открыл глаза.

— Жив! — с облегчением воскликнул Кунда.

Албыл сидел и ощупывал свое тело руками. Он жив, несмотря на козни злых духов, несмотря на обвалы и падение.

Кунда сидел рядом. Друзья помогли друг другу перевязать раны. У охотника поперек лба появилась белая повязка. Манси подвесил правую руку на ремень, перекинутый через шею. Рука была вывихнута, но всезнающий Кунда ее тут же вправил. Айм-Албыл перенес боль стоически. Кунда рассказал ему о причинах криков и плача.

Там, где сходились стены ущелья, была дыра — вход в пещеру. В ее глубине стекающие по сводам струйки подпочвенной воды падали с большой высоты и звонко ударялись о поверхность скопившейся по середине лужи. Стены множили эхо, и звук получался мелодичный, чистый, как смех молодой женщины, а всплески походили на всхлипывания. Эти звуки неслись по узкому горлу ущелья, создавая легенду о плачущей и смеющейся девке-Атаманше, стерегущей клады.

Айм-Албыл удовлетворенно кивнул. Опять этот русский всему нашел причины, опять рассеял сомнения и страхи.

Отдохнув, двинулись в обратный путь на тропу. Обходя сорвавшуюся ночью скалу, Кунда увидел среди обломков камней и свежевзрытой земли яму, заглянул в нее и вскрикнул.

Глаза идола

На Кунду в упор глядели два сверкающих глаза. Махнув рукой спутнику, чтобы он не шевелился, охотник за минералами стал пристально всматриваться.

Минуты две прошло в молчании. Потом он стал на четвереньки и влез в яму.

В доисторическую эпоху населявшее Урал племя устроило на вершине горы мольбище. Доступ к нему разрешен был только жрецам. Там, в каменном углублении, поставили грубо обтесанную бабу, еле заметные руки ее сжимали выпученный живот. Голову идола сделали из дерева и вместо глаз вставили два алмаза.

Желая скрыть идола от посторонних взглядов, жрецы прикрыли яму гранитной плитой. Она лежала на выступавшем ребре скалы, и конец ее свешивался над обрывом. Когда Кунда ступил на выступ камня, его тяжесть заставила глыбу опуститься, она рухнула вниз, и старое мольбище раскрыло свои тайны. Вокруг идола в песке и щебне валялись старинные монеты с арабскими надписями.

Кунда ухватился за голову идола и легко ее отломил. Выбравшись из ямы, он уселся на шихане и начал разглядывать деревянную голову с горящими в дневном свете глазами-алмазами. Ошонин будет рад, — думал он. — Теперь он окончательно убедится, что алмазных месторождений на Урале нет. Но это мы еще посмотрим!”

— Идем, Айм-Албыл, — сказал он манси. — Идем в Орск. Поиски на время кончены.

Охотник за минералами опустил деревянную голову в сумку.

Живой самоцвет

Ошонин сидел, выпрямившись, постукивая молоточком по колену. Радость разгладила морщины на лице. На столе перед ним лежала деревянная голова с большими ушами и толстыми губами. Свет лампы, прикрытой зеленым абажуром, падал на нее, и сверкали грани алмазов в глазных впадинах.

В соседней комнате в одиночестве бормотал громкоговоритель. Деревянный идол с одной половиной лица глядел со стены внимательно и серьезно на странного гостя — другого идола.

На грубой деревянной скамье сидели Кунда и Айм-Албыл.

— Я ему показал город,— кивнул на манси головой Кунда. Узнав, что он возвращается на север, ему рассказали о политике нашей власти, об обманщиках-шаманах и о том, что мансийский молодец должен сам строить свое будущее. Уехав с тобольского севера обломком скалы, Айм-Албыл вернется туда граненым самоцветом. Он рассказал мне забавную историю о примусе и шамане. Я купил ему новый примус и научил его обращаться с ним, как следует.

— У меня собраны сведения о местах, где возможно присутствие жил с алмазами, — продолжал Кунда. — К этим глазам идола может протянуть руку любой и вынуть их из глазниц, а мои алмазы лежат в недрах и, чтобы их добыть, нужны сотни рук, тысячи человеческих и лошадиных сил. Нет, Тихон Артемьевич, моя охота за минералами не безрезультатна. Я обнаружил месторождения благородных самоцветов, залежи руд, меловые отложения, намеки на присутствие нефти, выходы из земли каменного угля и нашел чудесный самоцвет. Это сам Айм-Албыл...

— Сейчас будут говорить на языке манси, — четко произнес в соседней комнате громкоговоритель.

— Айм-Албыл,— сказал Кунда, — иди в ту комнату и слушай.

Парень осторожно, стараясь не зацепиться за мебель, прошел в соседнюю комнату. В то же мгновение суровый властный голос на родном языке манси прокричал необычайные слова.

Айм-Албыл, зажмурив глаза и раскрыв рот, слушал с восторгом передачу Свердловской радиостанции. Кто-то говорил с ним страстно, убеждающе, призывал, ободрял, смеялся.

Новый мир раскрылся перед ним.

Айм-Албыл слушал и заражался энергией. Он пойдет обратно на север в свой родной чум, но теперь ему не страшны все шаманы тундры.

Голос крикнул в уши Албылу, что север проснулся, что революция как олень копытом пробила ледяной наст, и осеннее солнце затопило землю...

— Ты все-таки упорствуешь, — говорил в это время Ошонин. — Все-таки хочешь найти несуществующие алмазные россыпи, когда сам же нашел доказательство верности моей теории.

— Теория еще не истина, — хриповато возразил Кунда. — Ты сам меня этому учил. Она обслуживает данный отрезок времени, но как только соберется достаточное количество новых фактов, всплывает другая теория, а прежняя сдается в архив. Я предприму в будущем году более широкое и основательное исследование нашего края. Я обстукаю молоточком каждую пядь земли в районах нахождения алмазов и принесу-таки тебе алмаз в породе.

Голос невидимого манси в соседней комнате умолк. Айм-Албыл снова сел на скамью рядом с Кундой, заглянул ему в глаза и сказал:

— Кунда, я завтра пойду домой. Мы с тобой делили пополам кров и табак. Мы ходили с тобой по горам, хребтам и долинам. Мне жаль с тобой расставаться. Я уйду. Нас разделят ветер, вода и скалы. Я расскажу своим все-все, что видел, что слышал. Кунда, я не боюсь шамана. Теперь я с ним справлюсь. Ведь я снова приду сюда, и мы встретимся.

Айм-Албыл встал и положил обе руки на плечо Кунде.

Долго глядел ему в глаза, потом улыбнулся и кивнул головой.

— Осима сусуль!¹⁾ — сказал он и сжал руку Кунды.

— Прощай,— более хрипло, чем обыкновенно, ответил охотник за минералами, поглаживая жесткую бороду громадной ладонью.

Албыл вышел на улицу. Прямо перед ним внизу в котловане сверкала россыпь огней Свердловска. В темноте он весело улыбнулся и быстрой легкой походкой направился в город.

---

1) Прощай!

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

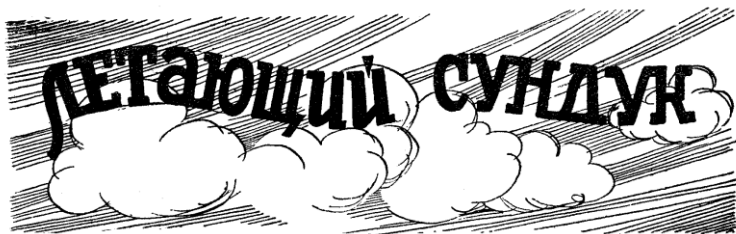

ЛЕТАЮЩИЙ СУНДУК

Рассказ

Рассказ Леонида Мартынова

Орест Иванович — фоторепортер Союзфото по Северному краю — пришел и сел на подоконник, чтобы удобнее было обозревать город.

— Оставьте это, Орест Иванович. В городе сегодня ничего не случилось. Все тихо, благополучно. Вот вы скажите лучше, что видели в районе?

— Новостей, как всегда, много, — ответил он, откопывая желтым от фотоспеций ногтем указательного пальца пластик глины с сапога. — На этот раз я расскажу вам... Я расскажу вам о... Знаете, о чем? О речном змее. Не о речной змее, а о речном змее! Чувствуете? Морской змей — это фантазия старинных моряков. Речной змей — факт. Сам видел. Десять дней назад, здесь, в Северном крае.

Вот рассказ Ореста Ивановича. По мере сил, мы сохраняем все подробности этого рассказа.

***

— Вы знаете мой договор с Союзфото — добывать фотоматериал, отражающий общественную, политическую, хозяйственную жизнь Страны советов. Так—то, о, следопыты! Ну вот. Однажды утром я, шагая по зеленым лугам, приблизился к колхозу «Волна Севера». Я шел, имея в виду снять строительство механизированного скотного двора. Механизация по системе, предложенной научными работниками Северного сельскохозяйственного института. Вода

подается на скотный двор по деревянному трубопроводу — не надо таскать ее в ведрах с реки. Налажено автоматическое наполнение водой поилок — ткнет корова мордой, а в поилке вода. Навоз вывозится в подвесных вагонетках. Вы знаете все это. Я пришел. Мне обрадовалась Фиса Молотилова — заведующая молочно-товарной фермой. Фиса ведет меня на двор, гордясь чистотой коров. И вдруг муж Фисы, мой друг — охотник Иринарх Молотилов ломится в помещение. Доярки на него стаей:

— Уйди! Тебя не любит бык!

А бык-холмогор Павел действительно мужчин не любит. Одних больше, других меньше. Это часто с племенными быками. Они привыкли видеть на скотном дворе женщин, а увидев мужчин, дичатся. Особенно не возлюбил Павел Иринарха. Скотницы объясняют это тем, что охотник пахнет кровью. Как бы то ни было, бык Павел взревел, доярки кинулись на Иринарха:

— Не волнуй быка!

Тогда охотник обегает двор и заглядывает в окошко.

— Орест Иванович, Орест Иванович, — кричит он, — бурундуки, бурундуки на Сухоне появились! Сибирское зверье.

Дело серьезное! Бурундук, как всем известно, является абorigеном сибирской и уральской тайги. Известно и то, что этот зверек настойчиво продвигается на запад.

Бурундуки, перейдя в свое время Урал, объявились в XIX столетии на Северной Двине. До сих пор эта река и считалась границей распространения бурундука на запад. Но теперь они обнаружены на реке Сухоне около Печенеги, в 220 километрах от Вологды. Любопытный факт. Белка, бурундук пробираются лесными тропками через Урал на запад. Что их заставляет идти? Мы часто толковали об этом с Иринархом.

Ну вот, Иринарх висит на окне, бык на Иринарха пучит глазом, а Анфиса шумит:

— Не лезь, не карабкайся на окна. Не ломи переплет! Тебе бы только зверь! Охота да охота, а колхозных нужд недооцениваешь!

Однако Иринарх это обвинение опроверг.

Он в ответ:

— А ты, уважаемая супруга, о молочном животноводстве хлопчешь, но нужд льноводства знать не желаешь. Разве пункт о разведении льна в уставе нашей сельхозартели мы не проставили?

— При чем тут льноводство?

— А при том, что пушной зверь бурундук обедает головки льна. На льяном поле собаки семь бурундуков уже задавили! Бурундук — льяной вредитель.

Дельный человек Иринарх Молотиллов.

И пошли мы с ним в лес.

***

— Вы обещали про змея рассказать, Орест Иванович, а свернули на обыкновенную охоту.

— Погодите. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Пошли мы с Иринархом в лес. Идем, рассуждая о зверье, о бурундуках, чьи шкурки, рыжие с тремя черными полосами — неплохой материал для обшлагов женских шуб, об ондатре американской, мускусной крысе, которая пущена на развод в озера Северного края и быстро там расплодилась. За лето 1935 года отловлено несколько тысяч ондатр. Это — как-никак первая массовая добыча ондатр в СССР. Меха какой у ондатры, вы знать хотите? Меха теплый, похож на меха русской выхухоли. Две тысячи ондатр оставлено в живых и отправляется для разведения на Урал. Поговорили еще о всяких новинках звероловства на Севере — об енотовидных собаках, о черно-серебристых лисицах. Этого зверья немало нынче расплодилось в колхозах вокруг Вологды. Колхозники это зверье, как кроликов в клетках разводят.

— Да, колхозники многим интересным занимаются, — сказал мне, между прочим, Иринарх. — А вот что касаемо единоличников, так я не знаю... Давно хотел я, друг Орест Иванович, заострить твое внимание на деревне Ручеечки. Знаешь, у Темного мыса?

— Темный мыс я знаю! Как не знать! Кругом ягодники — малина, черная смородина, красная смородина. А на реке — бакан. Весь куликами обгажен, а баканщику лень почистить. Целыми днями спит!

— Вот, вот. Лунин, баканщик. Да в Ручеечках и все-то жители — двенадцать дворов — все Лунины.

Меня это не изумило, на Севере так бывает часто. Целая деревня Патрикеевы, или Подхомутовы, или Коничевы, или Калининцевы, или Коричевы, или Лунины.

— Ну и что же эти Лунины? — спрашиваю.

— Так что ж! — отвечает Иринарх, все Лунины как Лунины. Трудящиеся единоличники. Народ пожилой, довольно робкий, но честный. Хлеб сеют ранним севом, как рекомендовано. Семена употребляют сортовые, повышают урожай. Вовремя выполняют обязательства перед государством. Собираются, наконец, в колхоз вступить, — очень уж им понравилась механизация скотного двора. Ну вот, Лунины, значит, как Лунины. Но, видишь ли, есть там одна старушечка — мамаша Лунина. Так она, понимаешь ли, вместо кроликов там или енотовидных собак, стыдно сказать, чертей в овине разводит!

— Колдунья?

— Нет, кружевница.

— При чем же черти?

— А вот при чем. Проказами чертей она свои неудачи объясняет. Старушечка когда-то была кружевницей очень искусной. Хорошие узоры выдумывала. А теперь застопорило у нее что-то. Объясняет, что черти мешают, пакостят ей всяко. Путают.

— Пойдем в Ручеечки?

— Пойдем, пойдем.

***

«Мороз декабрьский», "мороз январский", "февральская вьюга", "мартовская изморозь", "иней весенний", "иней осенний" — вот она какие узоры плела. Перекупщики охот-

но эти северные кружева скупали. Иные дельцы, перепродавая кружева, на вырученные капиталы себе дома каменные в Санкт-Петербурге строили. А старушка все в своей избе при лучине работала.

Пришло иное время. Перекупщиков след простыл. Кружевницы, объединенные в артели кружевного союза, работают не дома при лучинах, а в мастерских. Тепло в мастерской, светло, электричество проведено с лесопильного завода. И только мамаша Лунина из деревни Ручеечки сидит в своей избе.

— Не хочу в мастерскую. Беру заказ на дом!

Причины этого якобы такие:

В зимний день, в январский час прилетает якобы к оледенелому маленькому ее окошечку рождественский ангел. Жемчужным ногтем своим он по льду окна морозный узор выцарапывает. Этот узор старуха якобы узнает и переносит на кружево. Но плохо это удастся — дрожат руки. Кто-то нитки путает. Кто? Не иначе, как силы, враждебные ангелу, по-иному говоря — дьявол. И живет этот дьявол, может быть, попросту чертик, как соображает мамаша Лунина, поблизости, в овине. Однако мамаша Лунина не унывает. Терпение и труд все перетрут, даже чертика.

— Лунины в полном составе, представители всех двенадцати дворов, встретили нас у околицы, — продолжал свой рассказ Орест Иванович. — Иринарх провел меня прямо к мамаше Луниной. Он сказал ей:

— Пришли смотреть твоего чертика, который мешает работать. Покажешь нечистого?

— Нарочно не показываю. Он и мне-то самой мерещится не часто, — скромно ответила мамаша Лунина. Это была маленькая хрупкая старушка с тонкими изящными руками. Вздохнув, она добавила:

— Нынче нам иное померещилось. Более противное. Будто пролетел вчера над Темным мысом красный гроб...

— Гро-об?..

— Ну, не гроб, так красный сундук. Кто его разберет. Летело что-то... Я из окна видела.

— Ладно, разберем, — важно сказал Иринарх. — Сперва покажи чертей. Возьми, мамаша, палку и погоняй чертей из овина. Ведь не в первый раз, сама знаешь, как делать надо!

Старушка вздохнула.

— Тревожить-то их зря стоит ли? Ведь сидят смирно...

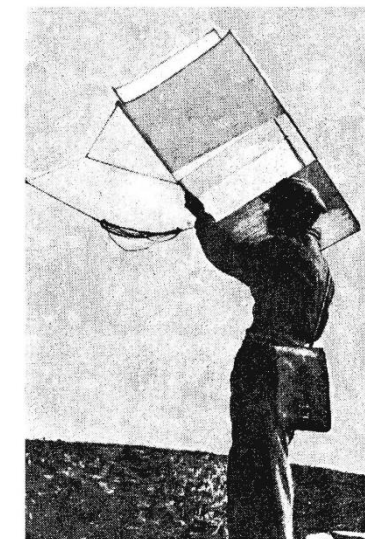
— нерешительно сказала она.

Тем не менее, взяла палку, подмигнула Иринарху и, крадучись, направилась к овину. А Иринарх мне тихонечко:

— Готовь аппарат, Орест Иванович.

Мамаша Лунина подкралась к овину. Нацелилась. Размахнулась. Хлоп палкой с размаха. Я аппаратом — "чик"! Запечатлел. От овина — дым, пыль. Мамаша Лунина спрашивает неуверенно:

— Ну, как? Видали? Они, черти, с пылью, бы-

Запуск коробчатого змея. Фото Б. Рябаница.

вает, сыплются.

— Аппарат покажет, говорю, было или не было". — И пошел проявлять снимок.

Снимочек, что и говорить, получился удачный. Все Лунины собрались посмеяться на то, как мамаша Лунина овин палкой лупит. Единогласно решили, что чертей, по крайней мере на этот раз, из овина не повыскакивало ...

— Обман зрения — твои черти! По пустому месту лупила, мамаша.

***

После обеда прилег спать. Только задремал — крик. Вижу — бегут Лунины. Бегут нас будить. Впереди быстро-

ногие подростки, за ними взрослые, а позади два каких—то старика и пятилетняя девочка.

— Гроб летит! С Темного мыса виден!

Мы тоже бежим на Темный мыс. С мыса широко видно на все стороны. Солнце идет к закату. Ветер крепчает. На реке багровая зыбь раскачивает обгаженный куликами бакан. Баканщик бестолково ездит на лодочке и орет, указывая веслом в небо:

— Вон! Вон!

Видим: над лесом действительно летит алый, озаренный солнцем предмет. Приближается с наветренной стороны. Геометрически строен. И верно, смахивает на сундук какой-то.

— Ящик! — говорит Иринарх.

— Почтовая посылка с небес, — язвлю я.

Тут летающий сундук запетлял. Он неожиданно выписал в воздухе восьмерку. И вслед за этим зашевелились вершины деревьев.

Это налетел шквал.

Затем сундук взмыл ввысь, покачался, как маятник, и рухнул вниз, в лес, в лапы сосен.

На гребне Темного мыса жестикулировали Лунины. Мы же с Иринархом, испытывая понятное волнение, кинулись через малинник в ту сторону, где скрылся летающий сундук.

Бежали минут десять. Продираясь через кустарники, я не столько приглядывался, сколько прислушивался. Я знал, что вот-вот услышу голоса людей, ибо в возможность самостоятельного полета сундуков поверить трудно. И вот, наконец, я услышал ругань.

На лужайке стояли двое. Один перевязывал платком окровавленную ладонь. Он повторял беззлобно:

— У-у, зверь кумачовый! Зверь бамбуковый!

Другой, срывая ягоды с куста, молча ел малину.

Оба были молоды. Лет по шестнадцати. Зеленые костюмы "юнгштурм" измазаны глиной. Оружия ни у того, ни у другого не заметил.

— Молодые люди, — спросил я, — какого зверя поймали вы в кустах?

Они обернулись.

— Целого бобра! — усмехнулся тот, чья ладонь была окровавлена.

— Енотовидную собаку, — в тон первому ответил другой. Наклонившись, он поднял какой-то плетеный конец, похожий на плеть.

— Держу за хвост! Видите?

"Хвост", извиваясь, уходил в кусты, вернее, через кусты, потому что лежал кое-где поверху.

— Зверь лежит тут, на соседней поляне, — пояснил юноша. — Смотрите, нам не жалко.

И, обойдя кусты, мы увидели зверя. Он лежал, уткнувшись тупым рылом в траву. Кумачовая кожа подрагивала на бамбуковых ребрах. Словом, чего тут описывать. Это был самый обыкновенный двухметровый коробчатый змей. Такого змея вы можете видеть на любой детской технической станции начальных и средних школ, в любом авиамodelьном кабинете Осоавиахима.

— Вы змея запустили, а он оборвался? — спросил я. Вопрос, конечно, глуповатый. Это ведь и так было ясно.

Юноши засмеялись.

— Этот змей тащил нас со скоростью двадцати двух километров в час!

— И вы за ним бежали?

— Ну вот еще — "бежали"! Мы за ним мчались в лодке. Мы впрягли воздушного тягача в шлюпку. Курьерская езда! Только мы опоздали с поворотом на изгибе реки во время шквала. Лодку выбросило на отмель. Не выдержал леер. Оборвало. Конец из рук вырвало. Ладонь расцарапало. Вот лодка на отмел лежит. Смотрите.

Мы вышли к реке.

Лодка лежала высоко на отмели. В песке, позади кормы, осталась глубокая рытвина, вспаханная килем. Само собой разумеется, руль лодки был сорван. Около лодки копошился третий парень.

Разбгаются в обе стороны волны, алый наш парус лязьет высоко в небесах!

— Вы понимаете! Они додумались до нового увлекательного вида спорта! — торжествующе воскликнул Орест Иванович. — Они, эти ребята — Витя, Пашка и Галактион (фамилии у меня записаны в книжечке, дома забыл) — все трое — физкультурники, головастые парни.

Один из них уже третий год страдал от невозможности заняться парусным спортом. У речки слишком высокие берега, ветер гуляет наверху, а в долину реки не проникает.

Другой парень — "старый" змеевик. Жаждет, чтобы змей был не только забавой, но можно было бы змею дать еще и практическое применение. Зимой пробовал ходить со змеем, вернее — за змеем, на лыжах. Удалось. А летом, после неудачной попытки впрячь змей в тележку (тележку опрокинуло и разбило), решил употребить воздушного тягача вместо лодочного паруса.

А третий парнишка — знаток речного фарватера.

Вот такая компания! Они аварии не шибко испугались. Жалели только, что руль у лодки уплыл по течению. Я сказал, чтобы не беспокоились, потому что руль баканщик поймает. Баканщик Лунин из деревни Ручеечки. Я сказал, что надо плыть в деревню, ибо там суеверные люди сочли их змей за летучий гроб, когда они вчера ехали первым рейсом.

— Поскольку мы состоим в обществе воинствующих безбожников, мы даже обязаны побывать в этой деревне, — решил Витя.

— Но надо въехать в деревню с тягачом, — возразил Пашка. — Ветер не упал, ветер попутный.

— Значит, надо снова запустить змей, — сделал вывод Галактион. — Руля нет, будем править веслом!

И вот снимаем мы с отмели лодку, наскоро чиним кое-какие поломки змея, заносим змей на высокий берег, запускаем. Ветер ворвался в кумачовую коробку, загудели бока, аж взвыл змей.

— Ревет, как бык Павел, — говорит мне Иринарх-охотник. — С этим змеем, равно как и с быком, нужно умеючи обращаться. Чуть что не досмотришь — бык не помилует! Ведь опрокинуть лодку он в два счета может! Нет. Пойду-ка я лучше пешком, а вы поезжайте!

— Не бойся. Авось доедем.

Лодка на плаву. Осторожно передали конец леера в лодку, закрепив на носу. Лодку сразу рвануло, понесло вперед. Едва успели мы выпрыгнуть.

Пенится вода под форштевнем, разбегаются в обе стороны волны. Идем «на фордевинд» — прямо по ветру. Алый наш парус плывет высоко в небесах!

***

— Ну, что, довольны вы рассказом о водяном змее? — спросил Орест Иванович. — Ловкая гидроаэронавтика? Наши северные ребята — молодцы. Я полагаю, что этот опыт плавания по рекам с воздушным тягачом будет перенят повсюду — и на Волге, и на бесчисленных озерах Урала, и на мощных реках Сибири... Кое-какие опыты делаются сейчас в Вологде. Справки можно навести в Вологодском горсовете Осоавиахима у инструктора Русинова. Я знаю, там трое ребят со змеем плавали — комсомолец Рафаил Дерягин, пионер Мучкин и юный авиамоделист Карапин.

Да, кстати, чем наше-то путешествие кончилось — забыл я сказать! Приезжаем мы к деревне Ручеечки уже в сумерках. Восторг Луниных не поддается описанию. Мамаша Лунина пощупала змей, повздыхала и спрашивает:

— Почем кумач-то брали, ребята?

Ну, рассказали ей, почем кумач. Попросились к ней ночевать в овин с чертями. Но она говорит — в избу пожалуйте. Пожаловали. Смотрели ее кружева. Хороши кружева, нет слов. Древнее тонкое искусство. А потом, после ужина, паренек один змеевой — Пашка или Галактион, я уже позабыл, — стал ее осторожно агитировать — объяснял ей что-то там такое, карандашом самолеттики-юнкеры рисовал.

Старушка смотрела-смотрела, да и говорит:

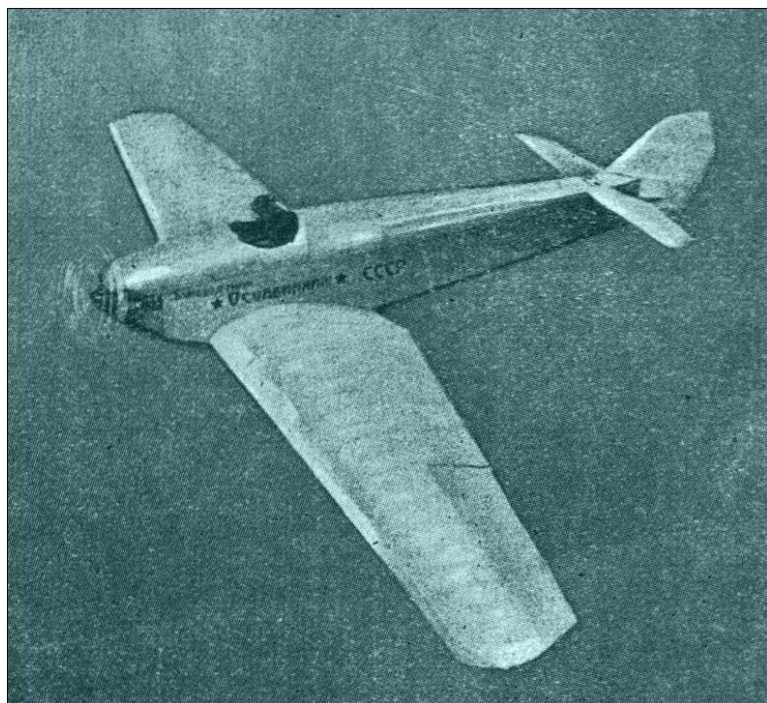
— Дай-ка, я этот рисуночек иголкой на березовый
сколочек наколю. Попробую-ка я этот самолетик в кружеве
изобразить.

И уверенной рукой перенесла рисунок на сколок.

— Черт руку тебе не подталкивает? — спрашиваем.

А мамаша Лунина в ответ только смеется...

*Свердловск
30 сент. 1935г.*

М. ФРИШМАН

В ЭКСПРЕССЕ БУДУЩЕГО

Фантастический очерк

Наши мечты

В экспрессе будущего

Инж. М. ФРИШМАН

В июле 1955 г. я, получив очередной отпуск, решил отправиться на отдых в Крым. В газетах много писали о новых поездах-экспрессах, совершающих рейс Москва — Севастополь в 7 часов.

Заказав по телефону билет, я на следующее утро к 11 часам приехал на вокзал.

В Москве стояла необычайная жара, но в вагоне было свежо, прохладно, пахло сосновым лесом. Поезд имел свой искусственный климат. Приятно, что отдых начинался с момента посадки в поезд.

Отыскав свое место и уложив вещи, я решил ознакомиться с экспрессом. Мой сосед по купе, который тоже ехал на курорт, оказался профессором транспортной академии. Он охотно вызвался сопровождать меня по поезду. Наше внимание привлек прибор, висевший у окна, который внешне напоминал часы. Это был показатель скорости. Стрелка показывала 100 км в час. Поезд шел удивительно плавно и бесшумно.

— Какова же его максимальная скорость? — спросил я.

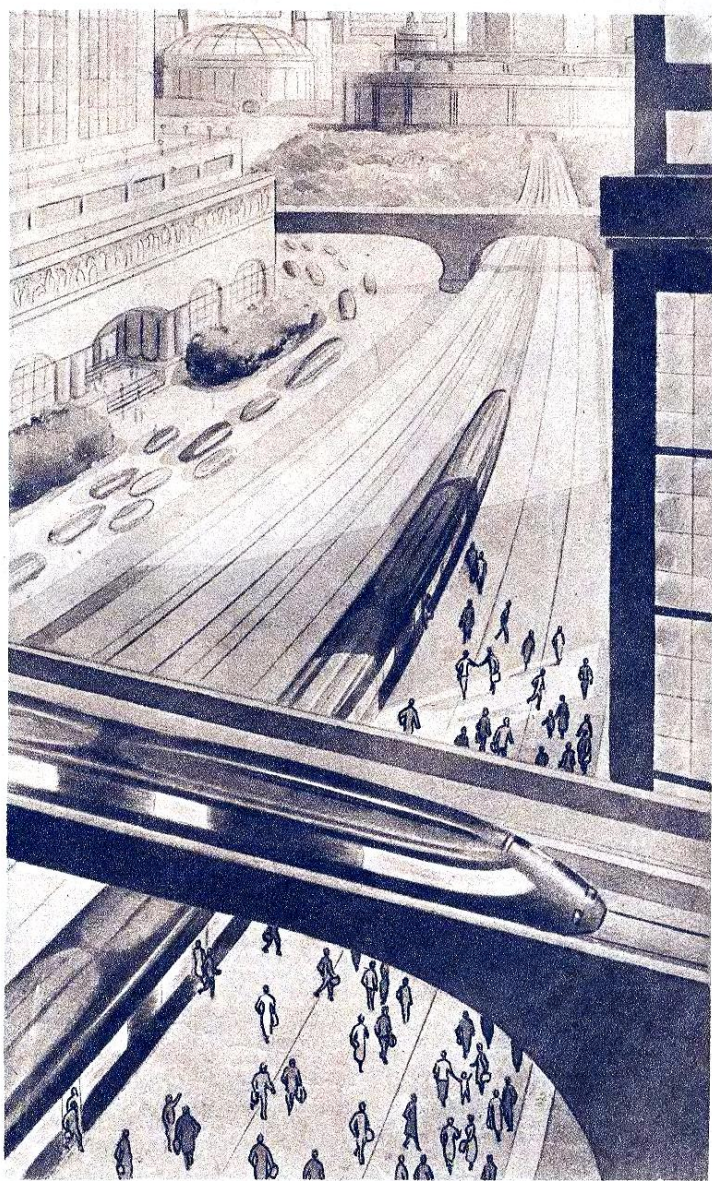
— Максимальная — 300-350 километров в час. Через двадцать минут мы уже будем двигаться с такой скоростью. Совершенно ясно, — продолжал мой спутник, — что для такой стремительной езды должен быть особенно прочный и надежный путь. Посмотрите.

Мы стояли в хвостовом вагоне у заднего окна, и от нас уходили назад леса, долины, села, и особенно быстро уносились из-под поезда рельсы.

Рельсовый путь проходил в бетонированной выемке. Железнодорожное полотно пересекалось целым рядом перекидных одноарочных переездов.

Мы пошли по вагону вперед. В этот момент заговорил репродуктор:

Показалась станция Тула. Вокзальная платформа мчалась рядом, со скоростью экспресса, и пассажиры на полном ходу спокойно сошли с поезда.

— Приближается Тула, пассажирам, едущим до Тулы, приготовиться...

А через несколько минут тот же голос объявил:

— Станция Тула. Сходите!

Вслед за тем распахнулись широкие двери. К моему удивлению, никакой Тулы не было. Поезд лишь несколько замедлил ход.

— Не ошибся ли диспетчер? — спросил я своего спутника.

— Нисколько.

Тут я заметил, что рядом с нашим поездом шла с той же скоростью вокзальная платформа. Высадка и посадка происходили на ходу.

— До Тулы еще несколько километров, — объяснил профессор.

Пассажиры сошли на движущуюся платформу.

— А, понимаю! — воскликнул я. — Платформа подвезет их к Туле и остановится.

— Да, возможен и такой вариант, но, в данном случае, рядом с этой платформой движутся еще две. Вторая платформа движется медленнее первой, а третья совсем медленнее. Пассажиры спокойно переходят с одной платформы на другую и, в конце концов, оказываются на вокзале. Благодаря этому поезд не теряет времени на остановки, на разгон после остановок и на замедление хода при подъезде к станции. И так до самого Севастополя!

— Позвольте, а топливо, а вода? Не может ведь поезд тащить с собой весь необходимый запас!

— Совершенно верно, но не забывайте, что наш паровоз оборудован тендер-конденсатором. Он может пройти тысячу километров с одним и тем же запасом воды.

— Тысячу! А до Севастополя больше двух тысяч километров. Значит, остановка все же будет?

— Нет, не будет, — улыбнулся мой спутник, — вы сами увидите. Кстати, не хотите ли вы дать телеграмму, побеседовать с кем-нибудь по телефону или даже письмо отправить?

Купе, в которое мы вошли, оказалось почтовым отделением. Стояли мягкие кресла, столик, телефонный аппарат и какие-то автоматы. Поражало отсутствие обслуживающего персонала.

— Вероятно, сейчас почта закрыта на обед? — с сожалением сказал я.

— Нет, она работает круглые сутки. Здесь все автоматизировано.

Я снял телефонную трубку, связался с Москвой, позвонил моему приятелю. Поделится впечатлениями о поездке. Затем по телефону связался с ближайшим телеграфом и телеграфировал в Севастополь, чтобы меня встретили. Потом написал деловое письмо, опустил в ящик, бросил в отверстие монету и нажал кнопку.

— Можете быть спокойны — на ближайшей станции ваше письмо возьмет автоматический почтоуловитель.

Войдя в вагон-ресторан, мы пообедали, отдохнули и пошли дальше.

Вагон, в который мы вошли, был оборудован различными кабинками.

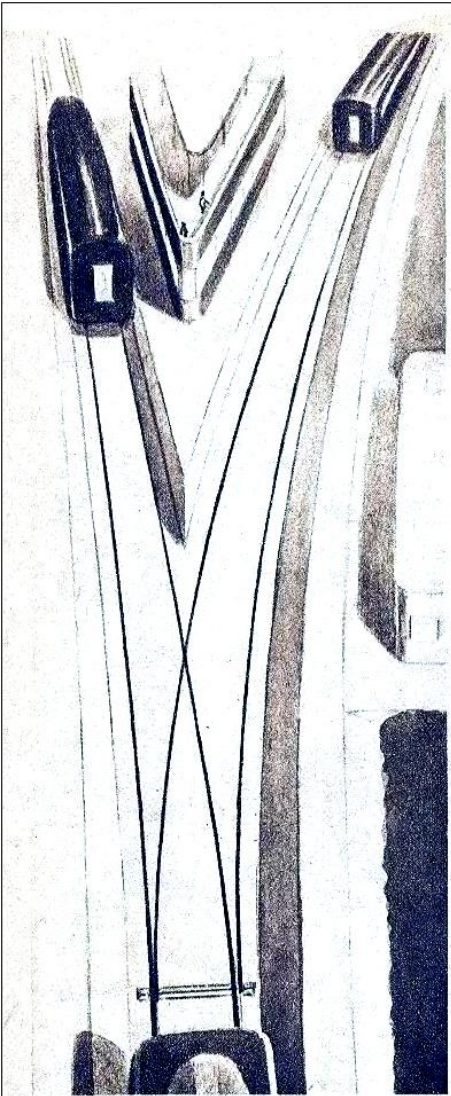
— Здесь вы можете побриться, принять душ, ванну, сделать мелкий ремонт одежды, обуви. Словом, привести себя в полный порядок.

Но я взглянул в переднее окно и забыл про душ, парикмахера и портного. Дела в том, что поезд шел... без паровоза!

— Позвольте, где же паровоз? — пролепетал я.

— Очень удачно попали, — сказал профессор. — Сейчас происходит как раз смена паровоза на ходу. Ведь мы полпути уже проехали. Глядите!

Тут лишь я заметил, как от нас на всех парах уносился паровоз. Поезд продолжал двигаться по инерции с огромной скоростью. К тому же, путь шел с небольшим уклоном. Паровоз свернул куда-то вправо. В тот же момент автоматическая стрелка перевела наш поезд на соседний путь. Впереди нас двигался другой паровоз, но, видимо, медленнее поезда, потому что расстояние между нами сокращалось.

Паровоз, оторвавшийся от поезда, ускорив ход, свернул вправо. Стрелка автоматически передвинулась, и поезд, продолжая двигаться по инерции, понесся прямо на идущий впереди паровоз.

— Послушайте, ведь сейчас произойдет столкновение!

— Ну, и очень хорошо, — спокойно сказал мой спутник.

В следующий момент произошла автосцепка нового паровоза с поездом. Мы не почувствовали ни малейшего толчка.

— Изумительно! — только и мог сказать я.

Мы вернулись к себе в купе.

— Это все пустяки по сравнению с тем грандиозным проектом, который сейчас разрабатывается, — заметил профессор.

Я насторожился.

— Вы что-нибудь слышали об электромагнитных поездах? Представьте себе кабель, идущий вдоль рельсового пути. Весь кабель разбит на короткие, изолированные друг от друга участки. Сильный электрический ток, подаваемый со станции, мгновенно переключается с одного такого участка на другой. Если непрерывно менять силу тока, то вокруг кабеля будут создаваться мощные электромагнитные силовые поля.

Такое электромагнитное поле как бы стремительно поплывает над полотном железной дороги. Остается только вагон оборудовать в виде электромагнита, и этот вагон будет перемещаться вместе с электромагнитным полем. Никаких паровозов, электровозов — ничего не понадобится.

— С какой же скоростью может двигаться такой вагон? — поинтересовался я.

— Теоретически — с неограниченной скоростью. Но, учитывая сопротивление воздуха, трение и прочее, скорость такого электромагнитного поезда может быть доведена до тысячи километров в час.

— Тысяча километров! — закричал я. В моем воображении встали картины будущего. — Тысяча километров! Ведь это Москва—Владивосток за каких-нибудь девять часов. А до Севастополя всего два часа!

— Станция Севастополь! — объявил вдруг диспетчер.

— Ну, вот и приехали, — сказал мой сосед.

Я взглянул на часы. Было ровно 6 часов вечера.

М. МАЛКОВ

ИСТРЕБИТЕЛЬ-ТАРАН

Фантастический очерк

Наши мечты

Истребитель-таран

М. МАЛКОВ

Тишина, царившая на Н-ском аэродроме, была внезапно нарушена резким ревом сирены. Тревога! По радио с пограничных постов сообщили, что несколько неприятельских бомбардировщиков прорвалось через границу...

Не прошло и тридцати секунд после сигнала тревоги, как с аэродрома, взревев мощным мотором, стремительно поднялся остроносый сверкающий самолет. Как молния, пронесся он над аэродромом и ринулся навстречу врагу.

На горизонте замелькали три точки, которые начали быстро нарастать. Приближались неприятельские самолеты. Они несли смерть и разрушение.

Истребитель бешено рванулся на врага и сразу прорвал своим длинным острым носом оперение подвернувшегося бомбардировщика. Тот, беспомощно качнувшись, камнем полетел вниз.

Уцелевшие бомбардировщики открыли ураганный огонь по истребителю. Но огонь представлял стрельбу из пушек по воробьям. Быстро мчащийся крохотный шмель — плохая мишень для вражеских пушек и пулеметов. На мгновение истребитель пропал в сияющих лучах солнца. Растерявшиеся враги завертелись на месте: где же истребитель?

Но вот снова раздается страшный, оглушительный рев мотора, снова истребитель-таран исчерчивает небо. Внезапно он обрушивается на врага, не дает ему опомниться и рвет хвост второго бомбардировщика. Снова падает наземь изуродованный самолет врага.

А третий? Третий бомбардировщик уже не думает о борьбе. Отстреливаясь, он спешит убраться восвояси. Но нет, отсюда невредимыми не уходят! Самолет-таран разъяренно бросается в атаку на последнюю машину врага. Теперь он протаранивает кабину бомбардировщика. Объятый пламенем, тот с фейерверком падает вниз.

...Внезапно истребитель-таран обрушивается на врага и рвет хвост второго бомбардировщика.

Враг уничтожен!

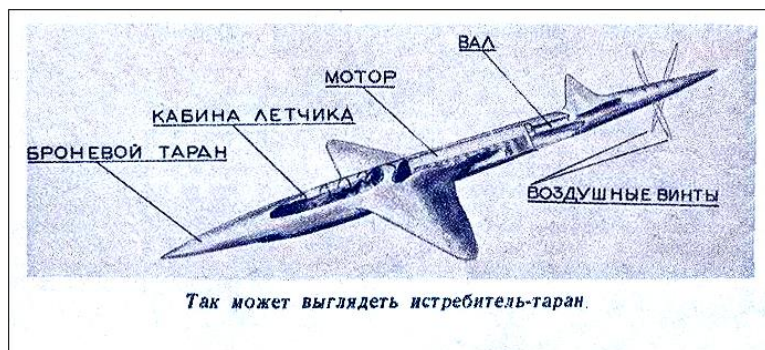
Блестя на солнце крохотными крылышками, истребитель идет на посадку...

Вы прочитали здесь описание воображаемого боя между истребителем-тараном и группой скоростных бомбардировщиков.

Опыт войны в Испании и Китае показал, как велика роль истребителей в борьбе с бомбардировщиками. Однако развитие бомбардировочной авиации быстро идет по пути увеличения скорости, высоты полета и т. д. Новые боевые качества бомбардировщиков усложняют требования, предъявляемые к истребительной авиации. Все труднее на больших скоростях вести огневой бой.

В новых условиях наряду с «огневыми» истребителями может найти свое место и истребитель-таран.

Протаранивание неприятельского самолета практикуется и в современных условиях. Но при этом неизбежно гибнет таранящий самолет, а с ним и летчик. В лучшем случае, летчик в самый последний момент выбрасывается на парашюте. При этом он может подвергнуться обстрелу в воздухе или пуститься на неприятельскую территорию.

Каким же может быть истребитель, предназначенный специально для таранения?

Это истребитель, могущий протаранить один неприятельский самолет. Он должен обладать огромной скоро-

стью, значительно превосходящей все возможные скорости бомбардировщиков. Преимущество в скорости позволит самолету-врагу навязывать противнику бой по своему желанию, держать инициативу в своих руках.

Такая огромная скорость, доходящая до 1 тыс. км в час, может быть, получена за счет дальнейшего совершенствования аэродинамики самолета. Суровый «режим экономии» вредных площадей (например, поперечное сечение фюзеляжа), придание всем частям самолета плавных, обтекаемых форм, полностью убирающееся трехколесное шасси, полировка броневой поверхности и пр. — все это позволяет повысить скорость самолета.

Для дальнейшего повышения скорости можно было бы применить очень интересный метод реактивной тяги, используя выхлопные газы мотора. Для этого выхлопные газы направляются в особый канал — диффузор и благодаря возникающим там тепловым процессам дают реактивную тягу. Она увеличивается еще подсасыванием воздуха с помощью специального насадка.

По существу мы здесь имеем несколько видоизмененную конструкцию воздушно-реактивного двигателя. Такое устройство дает возможность от 1000-сильного мотора получить добавочную мощность до 250—300 л. с. Вопрос этот еще изучен, но можно предполагать, что в дальнейшем, после того как будет найдена наиболее выгодная внутренняя форма канала, можно будет «снять» дополнительную мощность значительно большей величины. Как показывают расчеты, самолет с подобным устройством может дать скорость, очень близкую к 1 тыс. км в час.

Такой истребитель можно себе представить как одноместный самолет, покрытый прочной броней, вооруженный продолговатым бронированным бивнем — тараном. Своим бивнем он может разрезать, раскалывать, пронизывать наиболее уязвимые части вражеских самолетов.

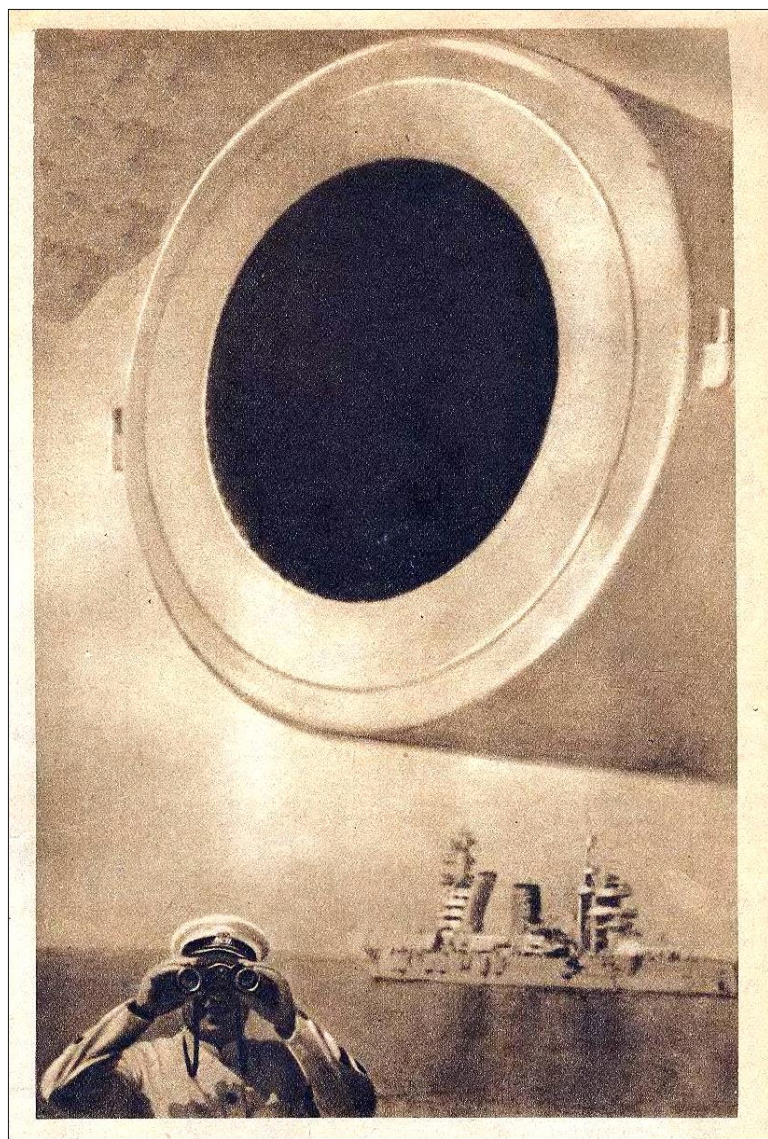
Позади тарана помещается летчик. Его кабина находится впереди мотора, что значительно улучшает обзор. Мотор имеет V-образную форму, наиболее удобную для придания

самолету хорошей обтекаемости. В хвостовой части помещаются друг за другом два мощных пропеллера. Они вращаются в разные стороны, что повышает устойчивость истребителя в полете.

Вся сила действия такого истребителя — во внезапности атаки, молниеносности нападения; вся защита его заключается опять-таки в бешеной скорости.

Такой сверхскоростной истребитель-таран может протаранить насмерть не один вражеский самолет, оставаясь в то же время невредимым.

Современная техника дает возможность управлять таким самолетом при помощи телемеханики на расстоянии. Управление в этом случае, будет находиться на другом командном самолете. В таком виде истребитель-таран может стать еще более грозным оружием в борьбе с воздушным противником.

К. СОЛОВЬЕВ

ДОРОЖНЫЙ ГИГАНТ

Фантастический очерк

Наши мечты

Дорожный гигант

К. СОЛОВЬЕВ

Громадная черная масса, окутанная облаком пара, дыма и пыли, двигается по крутому лесистому склону. С треском падают подпиленные этим чудовищем деревья и легко, как будто огромной рукой, отодвигаются в сторону. На их месте сразу же появляется гладкая и необыкновенно ровная голубая дорога с небольшим барьером со стороны обрыва. Черная масса, длина которой достигает 50 м, а ширина 15 м, — это гигантская дорожная машина. Через каждый километр пути эта машина автоматически устанавливает на дороге столбики-указатели: «2006», «2007», «2008»... Красноречивые цифры на столбиках указывают, сколько километров пути уже пройдено.

Как же работает эта удивительная машина? Где берется материал для дороги, которую она прокладывает? Оказывается, машина эта работает на собственном сырье: она разрушает грунт, приводит его в расплавленное состояние, а затем укладывает на трассу. Колоссальная мощность позволяет машине справляться с этой сложной работой: на ней стоят 4 дизеля мощностью по 40 тыс. л. с. каждый. На этом передвигающемся «заводе» есть главный инженер, химик, инженер-механик, техник, рулевой, радист, повар и уборщица. Здесь работы ведутся круглые сутки, в четыре смены, поэтому обслуживают «завод» 20 человек. На «заводе» имеются цистерны с горючим, склад продовольствия, читальня, столовая, душ и даже жилые комнаты.

Все механизмы дорожного гиганта находятся внутри, видны лишь гусеницы шириной в 2 м да громадные зубчатые диски. Диски укреплены на бесконечной цепи, вращающейся в сторону, обратную ходу машины. Это и есть механизм для разрушения грунта. Мощный вентилятор непрерывно очищает диски от приставшей к ним породы. Передвигается дорожный гигант с различной скоростью, в зависимости от того, в какой грунт врезаются диски. По каменис-

тому грунту он идет со скоростью 6—7 км в час, а по лесистой местности —10—12 км в час. Прокладывая дорогу в степи с мягким грунтом, он передвигается со скоростью 20 км.

Вся разрушенная дисками порода затягивается в специальный резервуар, где происходит ее химическая обработка. После этого порода плавится при температуре 2500° и при помощи поршня подается в следующий резервуар. Там под давлением 1 тыс. атмосфер структура массы меняется—увеличивается ее вязкость, сцепление. Затем масса попадает в разливочный механизм и свободно вытекает наружу через щель, длина которой равна 12 м,— это и есть ширина будущей дороги. На воздухе масса очень быстро затвердевает, приобретая голубой цвет. Весь процесс обработки породы отнимает не больше 35 секунд.

Эта замечательная машина соединила прекрасными шоссе места, которые двадцать лет назад, в 1938 г., были связаны только железными дорогами. От снежных заносов эти замечательные дороги защищены авточистями — небольшими машинами, которые ходят по шоссе каждые полчаса, превращая снег в пар.

На таких шоссе автомобили могут развивать колоссальную скорость. Поэтому неудивительно, что из Москвы можно поехать на выходной день в Жигули или к морю, на Кавказ.

Ю. ДОЛМАТОВСКИЙ

АВТОСФЕРА «ЗИС-1001»

Фантастический очерк

Наши мечты

Автосфера „ЗИС-1001“

Ю. ДОЛМАТОВСКИЙ

Весьма вероятно, что лет через 20 в журнале «Техника — молодежи» появится следующая корреспонденция:

АВТОДРОМ ЗИС, 20. VIII.

(Соб. корр. «Техники — молодежи»).

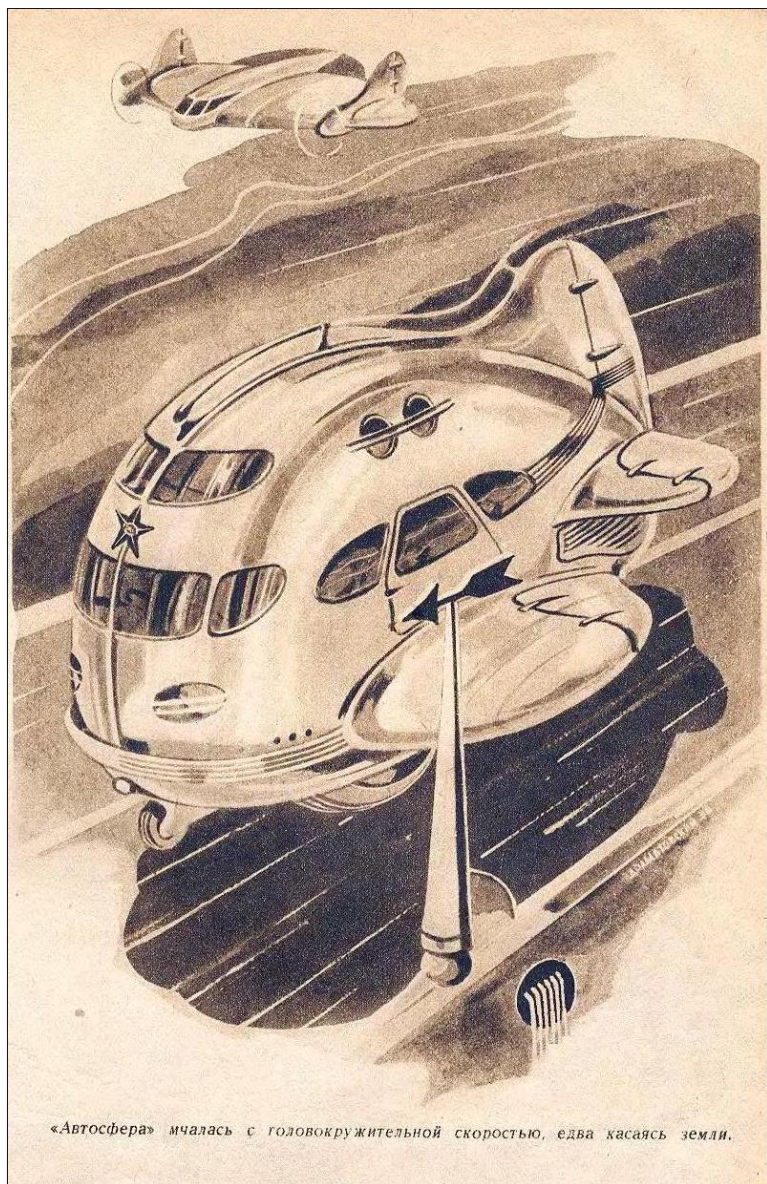
По равнине с огромной скоростью скользит гладкий обтекаемый каплевидный снаряд. С боков его видны небольшие крылья-плавники, сзади — стабилизатор. В профиль он слегка напоминает какую-то рыбу — камбалу или ската. Он окрашен в серебристый цвет. На лобовой части сверкают пятиконечная звезда и традиционная марка автозавода имени Сталина. Это — «автосфера» ЗИС-1001, новая модель, выпуск которой начнется в конце года. В настоящее время пять опытных экземпляров «автосферы» испытываются на автодроме завода.

ЗИС-1001 имеет два спаренных гигантских колеса диаметром около 4 м. Кузов находится внутри колес и между ними. Вся машина заключена в обтекаемый кожух. Боковые плоскости служат для увеличения подъемной силы при прыжках. Хвостовое оперение — для управления.

«Автосфера» получает поступательное движение от перемещения кузова по кольцевым рельсам, установленным внутри колес.

Мы садимся в маленький служебный самолет и следуем за «автосферой», совершающей испытательный пробег. Конструктор «автосферы» т. Будущий ведет самолет.

— Мы работаем над «автосферой» давно, — говорит т. Будущий. — Мысль построить такую машину появилась у меня случайно. Роясь в старых документах, я нашел ссылки на конструкции так называемых «динасфер» и «гелидиклов» — одноколесных и двухколесных самокатов. В одном манускрипте пятнадцатого века изображен одноколесный

«Автосфера» мчалась с головокружительной скоростью, едва касаясь земли.

самокат со свободно сидящей на оси люлькой для пассажиров. Вращение колеса достигалось перемещением «водителя», по поперечным рейкам с внутренней стороны обода колеса.

В 1822 г. англичанин Спорнер построил паровую повозку, которая целиком уместилась в огромном колесе и двигала его, зацепляя зубцами своих колес за рейки этого колеса. Повозка Спорнера толкала перед собой двухколесную тележку

В 1931 году, швейцарец Гердер совершил кругосветное путешествие на одноколесном мотоцикле. Вращение вала двигателя передавалось на рельс, концентрично помещенный в колесе. Несколько позднее англичанином Пурвисом, а затем итальянцем Фракелли была построена «динасфера». Первый построил две «динасферы»: меньшая имела двигатель 2,5 л. с. и достигала скорости 38 км в час. Вторая — с закрытым пятиместным кузовом — показала также высокие ездовые качества. Недостатком «линасфер» Пурвиса была плохая видимость через решетку колеса. Двухколесная повозка Фракелли развивала скорость до 200 км в час.

Этот принцип одноколенного самоката положен нами в основу «автосферы»...

Как раз в этот момент самолет поравнялся с «автосферой». Можно было разглядеть совершенно гладкую поверхность корпуса, тонкие линии крышек, под которыми были спрятаны поручни и ступени, едва заметные щели в дверях и люках. Окна из гнутого стекла слипались с кожухом. Над хребтом машины тонкой струной сверкала антенна. Сначала «автосфера» катилась по прямому отрезку бетонированной дороги, спидометр самолета показывал 510 км в час.

Неожиданно, слегка наклонившись и замедлив ход, «автосфера» свернула влево и перешла на вспаханное поле. Ход ее оставался плавным. Я с опаской смотрел на лежащий перед ней овраг. Но вот приподнялись закрылки на боковых плоскостях, и «автосфера» легко перепрыгнула через овраг. Из корпуса выступили пластины аэротормоза, машина спокойно приземлилась и снова начала набирать скорость.

— Преимущества «автосферы» перед другими видами автомобильного транспорта неоспоримы, — продолжал т. Будущий. — При одинаковой грузоподъемности с автомобилями «автосфера» требует вдвое меньшей мощности. Большой диаметр колеса сообщает «автосфере» некоторую вездеходность; она легко перекачивается через препятствия высотой до полуметра, через канавы и бугры. Скорость машины 100 км в час. Колеса снабжены баллонами, имеющими внутри небольшое давление воздуха. При опорной поверхности, большей, чем у автомобиля, «автосфера» весит примерно столько же, и поэтому проходит по песку, топям, грязи. Аэродинамическая устойчивость «автосферы» регулируется вертикальным стабилизатором и боковыми плоскостями. В конструкции машины учтены все последние достижения техники; источником энергии служат энергопередаточные центры, имеющиеся во всех крупных городах Союза. На «автосфере» установлен небольшой двигатель Дизеля, который работает лишь в случае аварии приемной радиостанции или тогда, когда машина выходит из сферы действия энерго-передаточного центра. Управление «автосферой» может осуществляться автоматически...

Тов. Будущий направил самолет на посадку. «Автосфера» подкатила к зданию испытательной станции и остановилась. Из-под крыльев спереди и сзади выступили опорные колеса. Мы пошли к машине. Как ни странно, никто не вышел из кузова. Весь пробег, свидетелями которого мы были, — с поворотами, переходами через препятствия, прыжками — происходил без водителя. Конструктор нажал кнопки над буфером «автосферы», распахнулись двери, открылся люк капота двигателя, из кожуха выступили поручни и ступени.

Машинное отделение находилось в хвосте. В нижней части был расположен аварийный силовой агрегат...

Мы поднимаемся в кузов. Здесь три помещения: пассажирский салон на десять человек, кабина водителя с двойным управлением, позади кабина механика с радиорубкой наверху. Окна сделаны глухие, так как их открывание нарушило бы аэродинамические качества кожуха. Кресла пассажиров снабжены механизмами, которые регулируют наклон подушки и спинки. В салоне можно курить: безвихревая вентиляция возле каждого сидения отсасывает воздух и нагнетает свежий.

Мы входим в просторную двухместную кабину водителя.

— Вот это — «автоводитель», — говорит т. Будущий. — В его барабан закладывается лента с графиком пути. На ней указаны места поворотов, прыжков, остановок. «Электроглаз» читает ленту и управляет машиной. Современные карты, точные счетные механизмы и автоматическая регулировка числа оборотов позволяют координировать график и путь с предельной точностью. В случае же неожиданного препятствия фотоэлемент включает тормоз или поднимает машину в воздух. При движении по автострадам необходимое направление может сохраниться благодаря второму фотоэлементу, ориентирующемуся на борт дороги. Управлять может и водитель. Перед ним кнопки пуска и тормоза, штурвал управления, рукоятка прыжков, трубка телефона, спидометр и контрольные лампы отдельных агрегатов. Все

остальные контрольные приборы сложной машины расположены на пульте в машинном отделении. «Автосфера» может и плавать, — заканчивает свой рассказ т. Будущий. — Для этого служат поплавки на крыльях, редан на днище корпуса и винт на валу двигателя.

Нажав кнопку, т. Будущий закрыл все двери и люки, спрятал поручни и ступени. На щитке зажглась фиолетовая лампа: включились в систему управления переднее и заднее опорные колеса, Поворот штурвала — и «автосфера» бесшумно вкатилась в гараж.

Наши мечты

АННА КИСЕЛЕВА

АЛТАЙСКИЕ РОБИНЗОНЫ

Приключенческая повесть

Иллюстрации Э. Горш, Н. Мотовилова

*Печатается по изданию:
журнал «Сибирские огни», 1939 г., № 1.
Иллюстрации Э. Горш, Н. Мотовилова
из книжного издания 1949 г.*

I

СОЛНЦЕ только что взошло. Вершины гор казались розовыми. По узкой каменистой тропинке поднимались два мальчика.

Старшему было лет тринадцать. У него были длинные гибкие ноги, и шел он впереди легко и быстро. Выражение его лица беспрестанно менялось: он то прищуривал свои серые с пушистыми ресницами глаза, отчего лицо становилось детски хитрым, то широко раскрывал их, и они сверкали отвагой и жадным любопытством. Его спутник был годом моложе и производил впечатление нежного, слабого мальчика. Он едва поспевал за товарищем. Тонкое личико его покраснело от быстрой ходьбы, белая кепка съехала на затылок.

За спинами у ребят висели брезентовые сумки, у поясов — молотки геологов-разведчиков. За плечами у старшего торчал самодельный лук. Оба то и дело оглядывались назад, в долину, на маленький домик, приютившийся у самого подножия горы.

Шедший впереди мальчуган повернул к товарищу большелобое загорелое лицо и тихо сказал:

— Скорей, Лень, а то проснутся.

— Ой, Шурик! — пропищал его младший товарищ. — Ты очень быстро.

— Давай мне лопату и топор, — сказал Шурик и взял у товарища маленькую лопатку и топорик.

Взобравшись на вершину горы, ребята оглянулись назад и остановились очарованные. Далеко внизу расстилалась величаво-спокойная гладь большого озера. Вокруг него в беспорядке громоздились горы, покрытые дикой зеленью гигантов-кедров. Было в этой картине что-то мощное и первобытное.

Ребята стояли молча. У Шурика раздувались ноздри короткого прямого носа, и жадно блестели серые глаза. Ему казалось, что он попал в одну из тех чудесных стран, о которых читал в книгах, и сам он — не Шурик Радченко, ученик шестого класса, а кто-то другой, сильный и необыкновенный. Большие темно-синие глаза Лени смотрели мечтательно.

Домик, затерянный в зелени кедров, казался отсюда совсем маленьким. Вот на крыльцо вышла женщина. На солнце сверкнула белая жесть ведра.

— Бабушка, — прошептал Лень.

— Пойдем, увидит, — коротко сказал Шура, и они отправились дальше.

Две недели тому назад ребята приехали на каникулы к дедушке Лени — алтайскому рыбаку и охотнику. На Алтае они были в первый раз, раньше горы видели только в кино, и теперь целые дни бродили по горам, восхищались роскошной алтайской природой.

Вместе с ними к дедушке приехало еще трое гостей. Дядя Костя и шурин брат Миша, студенты горного института, решили заняться летом на Алтае геологическими разведками; отец Лени, преподаватель биологии, приехал отдохнуть и собрать для школы гербарий и минералогическую коллекцию. Мужчины, копались в песке на берегу озера. Иногда они брали с собой Ленью и Шурика, и ребята тоже собирали коллекцию минералов и гербарии богатой алтайской флоры в подарок школе.

Но этого им скоро показалось мало. Лень, может быть, и удовлетворился бы коллекциями, но Шурик обладал пыл-

ким воображением и упрямым характером. Он все хотел знать, все видеть и всегда мечтал сделать что-нибудь необыкновенное. На этот раз он решил найти золото. На днях из соседнего аила пришел алтаец, который часто ходил с дядей Костей в горы. Он принес крупинки золота и сказал, что нашел их у подножья горы Ара-Сан на берегу ручья. Дядя Костя и Миша третьего дня ходили на это место, но ничего не нашли. А Шура найдет, он уверен в этом! Все может произойти очень просто: идешь — и вдруг среди гравия блеснет... Может быть, уже сегодня вечером они принесут домой куски породы с рудным золотом, или даже самородок. Все будут удивляться и хвалить их. А потом о нем — и о Лене тоже — напишут в газету.

Ребята из Сосновской школы будут читать и удивляться, и даже Игорь Воложанин, ученик 8-го класса, первый изобретатель и отличник, станет дружить с ним. А потом его — и Леню тоже — премируют велосипедами. В сентябре они приедут в школу на велосипедах. Ребята будут осматривать их, просить покататься. Что же, пусть катаются, только бы не сломали. Наверное, сам директор школы Геннадий Васильевич выйдет посмотреть на велосипеды. Интересно, что скажет он? Наверное, похвалит Шуру: «Ну, голова, из тебя будет толк!»

Шуре кажется, что он уже нашел золото. Но теперь ему и золота становится мало. Ведь он может найти такой металл, который еще никем не открыт. В алтайских горах непременно есть такой металл. Может быть, он будет обладать свойством собирать солнечную энергию, направлять ее по прямой линии и воспламенять предметы на расстоянии. Солнце, ведь, страшно горячее... (Шура, сощурился, посмотрел на солнце). Затем он придумает аппарат, в камеру которого будет вставляться найденный металл. Этот аппарат особенно пригодится в военном деле. Вот он, Шура, стоит на этой горе, а на той горе неприятельские войска. Он открывает свой аппарат...

Шура торопливо достает из кармана карандаш, наклоняется вперед и, прищулив левый глаз, нацеливается им на

вершину далекой горы, где расположился предполагаемый неприятель.

— Раз! — и над лесом поднимаются клубы черного дыма, летят снопы искр, горят деревья, взрывается порох, в ужасе разбегаются люди. И все это сделал он, Шура. Ему кажется, что над вершиной горы в самом деле поднимается дымок.

— Шурик! — кричит убежавший вперед Леня.

Шура вздрагивает и поспешно прячет карандаш в карман. Белая кепка Лени мелькает внизу, в кустарнике.

— Уй-юй-юй! Сколько малины! — доносится его тоненький голосок.

Шура нехотя расстается со своими мечтами и идет к товарищу. На листьях сверкают крупные капли росы, ветви кустов усыпаны ягодами. Леня сидит на корточках и обеими руками обирает ягоды. Шура опускается рядом и тоже принимается за малину.

Потом ребята отправляются дальше. Они идут очень долго, то поднимаясь в гору, то спускаясь в долины. Леня начинает устывать.

— Скоро, Шурик, дойдем? — вяло спрашивает он.

— Скоро, — коротко отвечает Шура и, упрямо наклонив голову, шагает вперед.

Наконец они поднялись на голую вершину другой горы и увидели невдалеке красноватые обнаженные скалы, у подножия которых извивался ручей.

— Вот она, Ара-Сан! Ура! — крикнул Шура и быстро понесся вниз по крутому склону.

Леня, придерживая одной рукой кепку, а другой — висящий у пояса молоток, помчался за ним.

На берегу ручья песок, гравий. В этом песке и нашел алтаец крупинки золота. Приятели снимают сумки и приступают к поискам. Они роются в песке, промывают его в ковше, откалывают от скал куски горной породы, сдирают лопаткой мох с камней. Кажется, вот-вот найдут они золотую жилу. Но даже ничего похожего на золото не попадается.

Становится жарко. Солнце стоит уже над самой головой.

А золота все нет. Сомнение закрадывается в сознание ребят. Что, если его здесь совсем нет?

«Как нет? Должно быть», — думает Шура и упрямо крошит молотком куски горной породы.

— Ничего нет, — устало сказал, наконец, Ленья и бросил молоток на землю. — Давай, Шурик, поедим и пойдем обратно.

Шура продолжал молча разбивать камни, он не хочет сдаваться. Ленья, подождя, развязал сумку и сел на камень.

Вдруг на той стороне ручья закачались кусты красной смородины, и зашуршала трава.

— Шура! — тихо позвал Ленья и глазами показал на качавшиеся кусты. Ребята быстро надели сумки и встали, насторожись, готовые к обороне или бегству. Вдруг кусты раздвинулись, и показалась черная мохнатая голова.

Медведь!

У Лени ослабели ноги. Он медленно опустился на песок и смотрел на медведя, не отводя глаз. Маленькие сверкающие глазки зверя смотрели прямо на ребят. У Шуры противно зашевелились на голове волосы, он тоже сел на песок и, дернув Леню за рукав, пополз назад. Ленья очнулся и вслед за товарищем исчез в траве. Медведь потянул в себя воздух, рывкнул и стал переходить ручей.

Шура карабкался по крутому склону горы. Трава, за которую он хватался, вырывалась, руки дрожали, но он все-таки забрался метров на десять вверх и оглянулся. Он увидел, что Ленья пытался забраться на выступ, но все время обрывался. Лицо его было странно бледно, почерневшие губы что-то шептали. Метрах в пятидесяти качались кусты красной смородины: там шел страшный медведь.

— Ленья, скорей! — в ужасе закричал Шура и закарабкался выше. А когда он, забравшись на выступ, оглянулся еще раз, то увидел, что Ленья внизу все еще беспомощно цепляется за камни. Кусты качались совсем близко. Шуре захотелось одним прыжком взлететь на вершину горы и бежать, бежать... Он поднял руку, уцепился за росшую в расщелине сосну и замер: «А Ленья?» Ему вспомнилось чье-то

мертвое, иссиня-бледное лицо с закрытыми глазами. Шура не успел сообразить, где и когда он видел это лицо. В несколько секунд он скатился вниз. Где-то совсем близко громко дышал медведь. Шура схватил Леню за руку и побежал вдоль ручья. Сначала ноги не хотели бежать: они подламывались, путались в траве, запинались о камни. Но скоро он перестал спотыкаться. Он бежал, как бегают во сне: не чувствовал своего тела, не замечал препятствий. Ноги двигались сами собой, и, казалось, стоит сделать еще одно усилие, как поднимешься и полетишь. И страха больше не было. Все мысли сосредоточились на одном: надо бежать, бежать, как можно быстрее, и тогда все будет хорошо. Добежали до тупика: перед ними отвесной стеной поднимались склоны горы. Не останавливаясь, Шура вскарабкался на утес, снял ремень, подал Лене и они снова побежали, не чувствуя ног, забыв обо всем на свете.

Ребята остановились только тогда, когда выбрались из ущелья. Прислушались: далеко внизу шумел водопад. Только теперь они почувствовали страшную усталость. Все тело казалось избитым, кости — переломанными. Лица и руки у обоих были исцарапаны.

Медведь и не пытался их преследовать, но ребята так напугались, что решили обойти страшного зверя, и пошли на север. Идти по тропинке по беспорядочно нагроможденным камням, продираться сквозь заросли было очень трудно. А солнце уже опустилось совсем низко. Надвигалась ночь. Тайга становилась черной и жуткой. Ребята шли топорливо, с какой-то отчаянной решимостью. Вдруг Шура отшатнулся назад и схватил за руку шедшего сзади Леню: у самых их ног чернела пропасть. Идти дальше некуда.

Ребята испуганно осмотрелись. Было уже совсем темно. Тайга угрюмо молчала. Подавленные, опустили они на сырую траву. Одним ночевать в дикой тайге, в горах, где рыскают медведи... Ребятам казалось, что они погибли.

Леня заплакал. Уткнувшись лицом в колени, он всхлипывал все сильнее и сильнее. Он вспомнил дом, маму, папу, сестренку Женю, котят Пушку и Дымку. Теперь он никогда

никого не увидит. А что будет с мамой, когда она узнает, что Леню в горах растерзали звери?.. Ему кажется, что сердце его разрывается от страха и горя, что он умирает.

Шура не плачет, он только весь дрожит, уткнувшись лицом в сырую траву. Он тоже вспоминает дом, веселую, озорную сестру Лиду. Ему становится жаль до боли, что он никогда не найдет золота и того чудесного металла, и его никогда не премируют велосипедом, и не будет он инженером, не поедет в Москву... И вообще не будет такой чудесной будущей жизни, которую так хорошо умела рисовать Лиди и о которой так хорошо умел мечтать он сам. И мама с Лидой умрут с горя. Его охватило раскаяние, сознание своей виновности перед матерью. Самое тяжелое, что теперь уже ничего нельзя исправить: он никогда, никогда не увидит мамы!.. Шура взвизгнул по-щенячьи, готовый, как и Ленья, горько и безутешно зарыдать.

Вдруг где-то, далеко-далеко, чуть слышно раздался выстрел. Шура вскочил на колени и, вытянув шею, стал вслушиваться.

— Ленья, перестань плакать, стреляют! — толкнул он товарища.

Ленья замер. Вот опять донеслись два выстрела сряду.

— Стреляют, нас ищут! — догадался Шура.

— Стреляют! Миленькие, стреляют! Ищут! — Ленья вскочил на ноги.

Ребята стояли, вслушиваясь, готовые бежать в ту сторону, откуда доносились выстрелы. Их охватила бурная радость.

— Папа-а! — закричал Ленья. Но голос его был похож на писк комара.

— Миша-а! — присоединился Шура.

— Папа-а! Здесь мы! Зде-есь!

— Ау-у! Ого-го-го!

Ребята кричали изо всех сил, а потом с надеждой прислушивались. Опять донесся выстрел, но как будто дальше.

— Уходят, уходят! Да здесь же мы! Зде-есь! Папа-а! — Отчаяние и слезы слышались в голосе Лени.

— Миша-а! Здесь мы-ы!

Ребята побежали, протягивая руки вперед. Леня споткнулся в темноте, упал и разбил колено, но тотчас же вскочил, не замечая боли. Выстрелы прекратились, и снова ребята охватила жуткая тишина. Потом в вершинах громадных сосен и лиственниц сдержанно, но предостерегающе грозно прошумел вихрь и умчался дальше. Ребята сжались. Они чувствовали себя крошечными букашками в этом огромном чужом мире. Но все же теперь стало не так страшно, как сначала: их ищут, их не оставят погибать в тайге. Шура уже овладел собой.

— Только бы ночь прошла благополучно, а завтра мы найдем правильное направление и доберемся до дому, или нас найдут, — сказал он, стараясь скрыть от товарища дрожь своего голоса. Эти слова несколько ободрили Леню.

— Нужно развести костер, — решил Шура. — Огня всякие звери боятся.

Он наломал веток с сосны, сваленной бурей, и развел костер.

Ребята сидели у костра, тесно прижавшись друг к другу, и тоскливо смотрели на огонь. Леня думал о том, как сейчас хорошо дома: в комнате горит лампа, бросая от абажура темный круг на потолок; на столе шумит самовар; а Пушок, верно, сидит на его кровати: он всегда по вечерам сидел на его кровати.

А Шура думал о том, как хорошо было бы сейчас иметь тот аппарат, который он придумал утром: ни один зверь не подошел бы близко. А все-таки металл этот он найдет и аппарат изобретет! Только бы не напали ночью волки, медведь или рысь. А утром они выберутся из тайги.

Где-то совсем недалеко послышались тоскливые стоны. Ребята вздрогнули и теснее прижались друг к другу. У Лени застучали зубы. Расширенными глазами он смотрел в густую лесную тьму. Стон повторился и замер.

— Птица или зверюшка какая-нибудь, — спокойно, даже беспечно сказал Шура, хотя у самого по спине забегали мурашки.

Ребята устроились сравнительно удобно:
Шура прислонился спиной к дереву, Лёня — к Шуру.

Леня молчал.

— Вот так же наши предки тысячи лет назад сидели у костра и... ничего не боялись, — опять сказал Шура.

— Их было много, — чуть слышно прошептал Леня.

— Ну, всяко бывало. А если уходили на охоту? — уже смелее возразил Шура.

Разговор о предках отвлекал их от страшных мыслей и успокаивал. Думалось, что и до них люди жили в лесах, и ничего с ними не случилось.

— А вот Робинзон Крузо тоже жил один на необитаемом острове, и ничего, — сказал Леня, пристально глядя на Шуру, и в глазах его засветилась робкая надежда. Шура хотел заметить, что Робинзон — это неправда, но ему самому хотелось верить, и он, оживляясь, добавил:

— Мало ли в лесу, в горах, даже в пустыне людей живет... Это ведь лес незнакомый нам, вот и страшно. А если бы знакомый, я бы ничуть не испугался. Думаешь, в сосновом лесу побоялся бы ночевать?

Далеко, далеко слышались звуки, похожие на отрывистый рев коровы. Ребята опять вздрогнули и, испуганно затаив дыхание, стали смотреть в ту сторону, откуда доносились звуки. У Лени опять застучали зубы.

— Шура, миленький, боюсь я: ведь это медведь!

— Тише, — прошептал Шура и обнял Леню одной рукой, прижимая к себе. Странное дело: когда Леня пугался и плакал, Шура считал себя обязанным успокоить и ободрить его. Так, обнявшись, сидели они некоторое время, маленькие и беспомощные. Наконец Шура сказал:

— Звери огня боятся, не подойдут.

Он встал, подбросил сучьев в костер и отошел к одиноко росшему развесистому дереву. Долго рассматривал его. Это была старая береза, на высоте трех метров она разветвлялась, и в этом месте образовалось как бы гнездо, в котором удобно было сидеть. Шура вернулся к костру.

— Знаешь что, Леня? Заберемся на эту березу и переночуем. Там нас и медведь не достанет — сказал он, указывая на дерево.

— Но ведь медведь по деревьям лазает, — грустно возразил Ленья.

— Ну так что? На дереве с ним легче справиться. Если полезет — рубанул его по морде топором или отрубил лапу, он с дерева и свалится. А другие звери совсем на дерево не залезут.

— Хорошо, — покорно согласился Ленья.

— Кроме того, мы наберем сухой хвои, и если полезет медведь, мы ее зажжем, да по глазам его горящей веткой, по глазам! Небось, не полезет. Правда?

— Правда, — опять согласился Ленья.

Влезть на дерево им не стоило никакого труда: этому искусству они научились дома. Ребята устроились сравнительно удобно: Шура прислонился спиной к дереву, Ленья — к Шуре. Упасть было почти невозможно, так разрослись и переплелись ветки. Долго прислушивались ребята к незнакомым ночным звукам, потом чутко задремали, поминутно просыпаясь. Стало холодно, и они прижимались друг к другу все теснее.

И только под утро, измученные вконец, они крепко уснули.

II

ПЕРВЫМ проснулся Шура. На красноватой коре сосны трепетали солнечные блики — это первое, что он увидел. Высоко над головой размеренно долбил дятел. По спине, казалось, ползли холодные струйки воды, зубы стучали от холода, все тело болело от неудобного положения. Ленья спал, скорчившись и уткнув нос Шуре в живот.

— Ленья, вставай, — осторожно побудил его Шура.

— А? Что? — испуганно вскричал Ленья.

— Вставай, ночь-то прошла!

При солнечном свете было совсем не страшно. Через минуту ребята стояли под деревом, разминая затекшие члены. Ленья, осмотрелся кругом.

— А теперь мы, Шурик, дом найдем? — робко спросил он.

Шура посмотрел на синее безоблачное небо.

— Конечно, найдем. На запад нам нужно идти, — уверенно сказал он, махнув рукой.

— Я тоже так думаю, — Ленья облегченно вздохнул.

— А теперь нам нужно позавтракать. А то ведь мы вчера утром ели.

И оба почувствовали, что они голодны. Ребята выбрали местечко, где сильнее грело солнце, достали хлеб, копченую рыбу, ветчину и стали завтракать.

— Ну, вот и переночевали, — сказал Леня, прожевывая мясо. — А вчера боялись.

— Я говорил, что никогда ничего не надо бояться, — ответил Шура, хотя на самом деле он ничего подобного не говорил.

Переночевав в лесу, ребята чувствовали себя героями. Теперь тайга и горы стали нестрашными и знакомыми. Но им хотелось скорее домой, к родным, хотелось рассказать о своих приключениях, о том, какие они смелые.

— Ну, теперь домой, домой, — нетерпеливо повторял Леня, глядя, как Шура складывает в сумку оставшуюся еду.

Они прошли несколько шагов и остановились. Склон горы круто обрывался. Внизу, на дне долины, пенился ручей.

— Вот так штука... Как же мы пройдем? — сказал Шура.

Леня испуганно взглянул на него своими большими синими глазами.

— Пойдем на юг, — предложил Шура, подумав. — Где-нибудь, наверно, можно будет спуститься в долину.

Такое место скоро им попало. Когда ребята очутились в долине, — вернее, в ущелье, — ручей оказался большим бурным потоком. Прежде всего ребята напились, а потом попробовали перейти поток вброд. Но когда Шура вошел в воду по пояс, течение чуть не сбilo его с ног. Пришлось вернуться на берег.

Ребята долго стояли, глядя на зеленоватую, быстро несущуюся воду.

— Откуда взялась эта река? — недоумевал Шура. — Наверное, мы неправильно идем, потому что, когда шли из дому, ее не было.

— А помнишь, ручей переходили? — напомнил Леня. — Может быть, этот ручей здесь превратился в реку?

— Может быть, — согласился Шура. — Значит, мы сейчас южнее пошли, чем вчера. Идем вверх по течению! — предложил он, подумав. — Тогда найдем то место, где переходили вчера.

Шли долго. Поток стал шире, но мельче. Ребята уже хотели переходить на другую сторону, когда услышали какой-то странный шум. Прислушались. Леня даже приоткрыл рот.

— Водопад, — догадался Шура.

— Пойдем, посмотрим! — предложил Леня.

— Пойдем!

Ущелье сузилось и замкнулось водопадом. Вода падала отвесной стеной. Метров на двести летели мелкие, как пыль, брызги. Над водопадом стояла радуга. В том месте, где вода падала, она кипела, как в котле, и бешено неслась по камням, седая и лохматая. Ребята притихли. Они почувствовали себя такими крошечными и бессильными, что опять стало страшно, как ночью. Так они стояли долго, не чувствуя времени.

Наконец Шура дернул Леню за рукав и показал глазами на другой берег. Здесь поток разливался во всю ширину ущелья, так как русло было загромождено камнями. По этим камням, торчавшим из воды, можно было совершенно свободно перейти на другую сторону, что ребята и сделали.

Когда они отошли от водопада на такое расстояние, что его шум не мешал разговаривать, Леня, качая головой, жалобно сказал:

— Уй-уй-уй! Какой большой водопад, настоящий Ниагара!

— Ну, уж Ниагара, — усомнился Шура.

— А как этот водопад называется?

— Наверное, никак.

— Никак?

Леня остановился и радостно заблестевшими глазами взглянул на Шуру.

— Может быть, правда — никак? Может быть, он еще не открыт? Может, мы первые его открыли?

Эта мысль так обоих поразила, что они некоторое время молча смотрели друг на друга.

— Пожалуй, и в самом деле он еще не открыт, — наконец сказал Шура. — Ну, а если так, значит, мы должны дать ему название.

— Конечно, должны, — горячо сказал Леня. — Назовем его «Веселый».

— Нет, это не подходяще... Лучше «Кипучий». И написать на скале.

— «Бурный», пожалуй, более подойдет, — заметил Леня.

Ребята вернулись к водопаду и острым осколком гранита нацарапали на скале:

***«Водопад „Бурный“. Открыли
Шура Радченко и Леня Вязников
6/VII 1937 года».***

Сознавать, что они открыли водопад, было очень приятно. Ребята долго любовались надписью.

— Какие-нибудь туристы попадут сюда и прочитают, — сказал Леня. — Понимаешь: вот идет человек и ничего не видит... — Он сделал несколько шагов, не глядя на надпись. — И вдруг взглянет. Что такое? «Водопад „Бурный“. Открыли Шура Радченко и Леня Вязников», — с удовольствием прочитал он вслух, приподняв брови, и рассмеялся, показывая недостаток зубов.

— Леня, пойдем домой, а то уже поздно, — спохватился Шура.

Они заторопились. Но склон ущелья был почти отвесный, и выбраться наверх ребята не смогли. Они пошли обратно, вниз по течению ручья, только по другой стороне, отыскивая место, где бы выбраться из ущелья.

Сели, закусили немного и опять пошли. Склоны ущелья становились все круче и угрюмее. Смутная тревога охватила ребят.

— Этак мы, пожалуй, уйдем дальше от дома, — обеспокоенно сказал Шура. У Лени сжалось сердце и ослабели ноги.

— Шурик, может быть, попадется такое место, не очень крутое? — пролепетал он, испуганно заглядывая в глаза товарищу.

— Может быть, — коротко сказал Шура, смотря в сторону. Однако такое место не попадалось; ущелье становилось все теснее.

Вдруг ребята услышали знакомый гул. Они остановились и прислушались. Леня видел, что Шурино большелобое лицо становилось все мрачнее и мрачнее.

— Опять водопад, — прошептал Леня, не зная, как к этому отнестись, и не понимая, почему Шура стал таким мрачным. Шура сорвался с места.

— Бежим скорей!

У Лени испуганно застучало сердце. Бежали недолго. Скоро ущелье стало совсем узким. В нескольких метрах от ребят река, сжатая отвесными скалами, падала в широкую долину, но попасть туда было невозможно. Ребята оказались запертыми в ущелье двумя водопадами. Они стояли и молча смотрели в долину, залитую уже косыми лучами солнца. Шура перевел взгляд на голые отвесные склоны. Леня последовал за взглядом.

— Вот так штука, — сказал Шура, — попали в ловушку.

— А если здесь попробовать вылезть? — робко сказал Леня, показывая глазами на склон горы. Шура ничего не ответил. Он бросил лук на песок и стал карабкаться по склону. Леня следил за ним, напряженно мигая глазами. Шура поднялся метров на десять и остановился: держаться было не за что. Он посмотрел вверх, посмотрел вниз, и у него задрожали ноги: нет, не выбраться...

— Шурик, слезь, оборвешься! — тихо попросил Леня, Шура молча спустился. Еще постояли, смотря в долину, Леня готов был заплакать.

— Леня, ты взял веревку? — неожиданно спросил Шура, быстро повернувшись к Лене.

— Взял, — недоуменно протянул Леня.

— Давай ее сюда. Здесь будем спускаться.

— Где? — Леня замигал глазами и открыл рот.

— Здесь! — Шура показал рукой на водопад.

— Как здесь? Мы утонем, нас разобьет... — растерянно пролепетал Леня.

Он привязал к стволу сосны тонкую, но крепкую веревку, поправил сумку за плечами, ободряюще улыбнулся бледному, напряженно следившему за ним товарищу и, держась за веревку, стал спускаться...

— Не согласен — оставайся здесь, — холодно сказал Шура, потом миролюбиво добавил: — Видишь ту сосенку? Мы доберемся до нее, привяжем к ней веревку и спустимся по веревке сбоку водопада. Там воды совсем мало, только брызги.

Леня опасливо посмотрел на то место, куда указывал Шура, и нерешительно сказал:

— А если оборвемся?

Шура пожал плечами.

— Надо держаться крепче. Доставай веревку и разувайся. Спускаться будем босиком.

Осторожно по камням добрались они до обрыва. Здесь у самого водопада росла одинокая сосенка. Река, сжатая скалами, стремительно проносилась мимо и с тяжелым грохотом падала в долину. Там она бурлила, рычала и прыгала, как косматый зверь.

Леня с ужасом заглянул вниз.

— Шура, миленький, упадем мы здесь. У меня голова кружится!

— А ты держись за сосну, а на воду не смотри — посоветовал Шура и горячо добавил: — Не надо, Леня, бояться, и все будет хорошо.

Он привязал к стволу сосны тонкую, но крепкую веревку, поправил сумку за плечами, ободряюще улыбнулся бледному, напряженно следившему за ним товарищу и, держась за веревку, стал спускаться по отвесному склону рядом с водопадом.

Через несколько секунд он стал совершенно мокрый. Брызги летели на него, водяная пыль мешала смотреть, ноги скользили по мокрым камням, шум оглушал. Он старался не смотреть ни вверх, ни вниз, весь напряжился и думал только об одном: как бы не оборваться.

Вдруг ему показалось, что он с ужасающей быстротой летит в холодную сверкающую бездну. Он успел только подумать: «Разобьюсь!.. как же Ленька»... и в ту же секунду больно ударился обо что-то головой. Нет, кажется, — ногами, а в голове отдалось. Дыхание захватило от боли, и тут

же мелькнула радостная догадка: «Да ведь я спустился! Ведь я уже внизу!».

В самом деле: под ногами песок, гальки, ракушки. Он выпустил веревку и, забывая о боли в ногах, побежал дальше от водопада. Посмотрел вверх: крошечная фигурка прилепилась к стволу сосны. Выражения лица нельзя было разглядеть, Шура помахал рукой — фигурка зашевелилась: Ленья стал спускаться. Шура побежал обратно, взял конец веревки и стал ждать. Он хотел застраховать товарища от падения.

Через несколько минут перед ним стоял бледный, оглушенный Ленья. Он растерянно повторял, заикаясь:

— Это... ничего... э-это... ничего...

Шура взял его осторожно за плечи и повел подальше от водопада. Некоторое время они шли молча.

Наконец Ленья остановился, улыбнулся своей милой и жалкой беззубой улыбкой и сказал:

— Ну, теперь я сам.

У Шуры защипали глаза, и он отвернулся.

Пошли быстрее. Солнце село, и стало холодно в мокрой одежде. Опять настигала ночь, и становилось жутко. Шура винил себя за то, что так много времени потерял у водопада, забыв о серьезности своего положения.

— Погоди-ка... — он остановился и круто повернул к горному склону. В склоне чернела дыра, Ленья стоял на берегу потока и смотрел вслед товарищу. Вот Шура остановился, наклонился и исчез в черной пасти.

— Шурик, не надо! — с ужасом закричал Ленья.

Ему представилось, что из дыры вылезет кто-нибудь страшный, но Шура спокойно позвал:

— Ленья, иди-ка сюда!

Ленья осторожно приблизился.

— Смотри-ка, пещера!

Ленья заглянул. Было темно, но когда глаза привыкли, он рассмотрел маленькую пещеру — метра два ширины и длины, метр или полтора высотой. Пол пещеры был усыпан мелким белым песком.

— Все равно сегодня до дому не добраться. Давай переночуем в этой пещере, — предложил Шура.

Лене стало тоскливо: опять ночевать в горах. Но возражать было бесполезно: в самом деле, наступала ночь.

— Ничего, мы здесь устроимся, как дома, — сказал Шура, снимая сумку и лук. Ленья стоял, прижав к груди руки, и дрожал от холода. Ему хотелось плакать. Шура же энергично принялся за работу: он рубил колья, чтобы загородить вход в пещеру, подтаскивал камни.

— Ленья! — крикнул он. — Помогай мне, а то замерзнешь.

Ленья стал собирать сухие сучья для костра и рвать папоротник для постели. Скоро все было готово. Они развели костер около пещеры и стали сушить одежду. Хотя Шура промок насквозь, однако спички не намокли: он хранил их в жестяной коробочке.

Пужинали очень скромно: провизию приходилось экономить. После ужина вырубили колья, и, орудуя ими, как рычагами, подкатили к пещере большой камень и завалили им вход, оставив маленькую лазейку. Залезли в пещеру и заделали отверстие, воткнув в землю колья.

Убежище было надежное, но ночь обещала быть холодной. Уже сейчас ребята начинали мерзнуть. Они укрылись курточками, а сверху навалили березовых веток, травы, папоротника.

Ленья долго не мог уснуть. Вспомнился дом, — не этот, дедушкин, — а свой, в Сосновке. Вспомнилась мама. Ему сделалось очень грустно. Ему вспомнилось, какой хороший у них с Шурой был живой уголок под кроватью: совенки, белые мыши. Совенок, правда, противный, — головастый и всегда пищал, зато мыши были прехорошенькие: маленькие, беленькие. А один раз в прошлом году они с Шуриком принесли ужа, и он жил в комнате под шкафом, а мама об этом не знала. Однажды утром, когда Ленья еще лежал в постели, она вошла в комнату и вдруг закричала, отскочила от двери и затрясла ногой. Оказывается, уж вылез из-под шкафа погреться на солнышке, и мама на него чуть не наступила.

Лёне было смешно, а уж с шипением уполз под шкаф. Интересный был уж, — молоко пил из блюдечка, да мама заставила унести его на согра. А Леня в тот же день притащил в комнату веселую компанию лягушат. Они прыгали по всей комнате, один лягушонок оказался даже у Жени на постели. А Женя — молодец: не боится ни мышей, ни лягушек. Что она сейчас делает? Спит, наверное, в своей кроватке, и мама спит, и не знают они, что делается с Лёней.

Лёне стало очень жаль себя, из-под его закрытых век по щеке потекли слезы. Он вздохнул коротким и шумным вздохом, похожим на всхлипывание.

III.

ШУРИК открыл глаза и долго смотрел на полосы света, лежащие на каменной стене пещеры. Это солнечные лучи проникали в щели между кольями. Он вскочил, раздвинул колья и вылез из пещеры.

Солнце ласковое, горячее, радостное, заливало ярким светом долину, пестревшую яркими цветами. Вода в потоке искрилась и смеялась. На молодой сосенке сидела кедровка.

— Здравствуй, солнце! Здравствуй, кедровка! — весело сказал Шура, кивая большелобой головой. Кедровка пискнула и перелетела на другое дерево. Все кругом тихонько, ласково засмеялось, и Шура засмеялся, морща короткий нос.

Вдруг он перестал смеяться. Глаза его округлились, он вытянул шею. В кустах малины мелькнула желтоватая спина дикой козы. За козой стоял совсем маленький козленок. Шура кинулся в пещеру, схватил лук, стрелы и выскочил обратно. Опустившись на песок, он пополз в кусты. Коза стояла у ручья и, подняв голову, смотрела в его сторону, но не видела его. Шура дрожащими руками вставил стрелу и, целясь, натянул тетиву. Чуть слышно взыкнула стрела, в кустах скрылся короткий хвост козы.

«Не попал!» — мелькнула обидная мысль.

Шура дрожащими руками вставил стрелу и, целясь, натянул тетиву.

На песке, где стояла коза, Шура заметил несколько капель крови. Значит, коза была ранена. Он решил не упускать ее и принялся выслеживать. Несколько раз на траве он находил кровь, но козы не было. Вдруг за поворотом коза, как птица, взлетела на утес. Еще прыжок — и она исчезла. Шура опешил, и, разинув рот, смотрел ей вслед. В кустах, почти у своих ног, он услышал жалобный плач. Мальчик вздрогнул и попятился, но потом сообразил, что это козленок. Оказывается, ранен был козленок: он не мог больше следовать за своей матерью.

У Шуры блеснули глаза. Как коршун, кинулся он к добыче. У козленка была перебита задняя нога. Сердце у него не билось, а трепетало. Шура заглянул в его большие красивые глаза и увидел слезы: козленок плакал... Шуре стало не по себе, сердце как-то неприятно сжалось. Он погладил козленка по голове и опять заглянул ему в глаза, полные слез. Шура часто замигал ресницами и отвел взгляд. Теперь он готов был отдать козленка матери, но ее не было. С козленком на руках он задумчиво пошел к пещере. Первоначальная радость погасла, стало грустно и неприятно.

Леня сидел у пещеры на песке.

— Посмотри-ка, кого я принес, — сказал Шура.

Он присел на корточки и опустил на песок козленка. Леня изумленно приоткрыл рот, показывая щербину.

— Уй-уй-уй! Какой малюсенький! Ты где его взял?

Шура рассказал.

— Посмотри-ка, нога-то у него как... Бедненький! А что мы с ним будем делать?

— Не... не знаю, — нерешительно сказал Шура. — Нам же есть нечего.

— Нет, Шура, не надо. Посмотри, как он дрожит и плачет. — И у Лени у самого на густых темных ресницах повисли слезы. Он осторожно взял козленка на колени и погладил.

— Шура, пусть он с нами живет! У нас есть еще хлеб и рыба, а козленка я все равно не буду есть. Он с нами будет жить. Правда, Шурик?

Шура посмотрел в сторону.

— Пускай живет, — сказал он, стараясь говорить равнодушно. И ему сразу стало легко и весело.

— Давай ногу ему перевяжем, — предложил он.

Леня оторвал от своей нижней рубашки широкую полосу, и они принялись лечить козленка.

Через полчаса они сидели на песке у входа в пещеру и завтракали остатками хлеба, рыбой и малиной, которую набрали тут же, недалеко от пещеры.

Вид кругом был чудесный. Горы уходили далеко на юг. Открывалась широкая луговина, покрытая высокой сочной травой, в которой пестрели яркие головки «алтайцев», фиолетово-розовые кисти борца, лиловые метелки бадана, виднелись кусты багульника с тупыми желтоватыми листьями и обильными цветами. Одинокие развесистые кедры живописно разместились там и сям.

— Как здесь хорошо! — проговорил Шура. — Знаешь что, Леня, я придумал? Давай, не пойдем сегодня домой, останемся до завтра и поищем здесь золото.

Он ожидающе посмотрел на Леню. Леня поморгал глазами и жалобно сказал:

— А есть что будем?

— Хлеба еще хватит на сегодня, да маленько на завтра, а там, может, кого-нибудь застрелим.

— Нет, Шурик, пойдем домой, — плаксиво протянул Леня.

— Ходили, ходили и придем ни с чем. А золото, может, в этих горах, — с раздражением сказал Шура и мрачно посмотрел на горные склоны, покрытые кустарниками. Леня повозился и шмыгнул носом, глаза у него покраснели. Шура разрывал песок пяткой и угрюмо молчал. Упрямое желание остаться и найти золото росло.

Молчали долго. Шура ушел в пещеру и стал гладить вздрагивающую спину козленка.

Через некоторое время в отверстии появилась грустная рожица Лени, и он покорно сказал:

— Шурик, я согласен остаться, только завтра обязательно домой.

Шуре стало жаль товарища и стыдно своего упрямства. Стараясь загладить вину, он поспешно сказал:

— Конечно! За один день можно много сделать, а завтра чуть свет — домой.

Не теряя времени, они нарвали козленку свежей травы, уложили его в пещере, завалили камнем вход и, захватив с собой топор, лопатку, молотки, отправились на разведку.

Бодро и уверенно они копали лопаткой песок, сдирали с камней мох и дерн, разбивали молотками куски горной породы, тщательно осматривали корни вывороченных деревьев. Они были убеждены, что найдут золото. Однако, золото не давалось. Оно, лукавое, пряталось где-то здесь, совсем близко, и смеялось над ребятами.

Леня падал духом, Шура начинал сердиться. Хотелось огромным молотком раздробить все эти скалы или вгрызться внутрь горы. «Вот бы изобрести такой аппарат, чтобы все горы было видно насквозь, — думал Шура. — Взял бы, направил на горы... Раз! И все внутри видно: где золото, где медь, где серебро»... Он остановился и, сощурив золотистые ресницы, смотрел на горы, но ничего не видел, кроме склонов, покрытых кустами. Тогда с новым остервенением он крошил молотком куски горной породы.

Наступил полдень. Солнце палит, воздух неподвижен. В горах тишина, даже неугомонные кедровки замолчали. Ребята обливаются потом. Хочется есть, но еда осталась в пещере.

— Уй-уй-уй! — пищит Леня. — Как жарко! Давай купаться.

Между кустами черемухи, багульника и малины виднелась вода. Ребята пробрались сквозь кусты и вышли на берег красивого голубого горного озера.

— Рыбы-то сколько, рыбы! — всплеснул руками Леня.

Прозрачная вода позволяла видеть каменистое дно и кишашую в тени кустов рыбу.

— погоди, не шуми, не пугай ее! — предупредил Шура. — Мы наловим себе на ужин и на завтрак.

Он снял верхнюю рубашку, завязал рукава, заколол булавками ворот, вырубил подходящий шест и толстый прут.

Согнул прут в виде обруча, привязал его к шесту, а к обручу булавками и иглами боярышника прикрепил рубашку. Получилось что-то, похожее на наметку.

Шура осторожно опустил свое сооружение в воду. Вода от движения наметки зарыбила, пошла кругами, а рыба шархнулась в сторону.

— Уй-юй-юй! Тащи скорей! — закричал Леня, махая от нетерпения руками, и кинулся помогать товарищу. В наметке билось штук пять довольно крупных рыб.

— Это хариусы, ага? — спросил Леня, рассматривая рыбу.

— Этого нам, пожалуй, завтра на целый день хватит, — сказал Шура, — А потом можно еще наловить. Теперь мы будем рыбой питаться, — решил он.

Удача ободрила ребят. Шура даже решил не уходить отсюда до тех пор, пока не будет найдено золото, но Лене пока об этом не говорил. Ребята нарвали полные кепки малины, смородины, и к пещере возвратились, когда уже стало темнеть.

— Здравствуй, малыш! — сказал Леня, просовывая голову в пещеру. Козленок казался очень слабым, к траве не прикасался. Леня перевязал ему ногу и понес к речке поить. Козленок сначала не пил и дрожал от страха, а потом стал жадно глотать воду и немного успокоился.

Ребята развели перед пещерой костер и принялись чистить и жарить рыбу. Сегодня они чувствовали себя смелее; таежная ночь не пугала больше. Им казалось, что они живут здесь давно.

Ночь была хотя темная, но теплая и ласковая. На небе мерцали звезды, дрожали и двоились в ручье. Все же ребята заскучали. Они грустно смотрели в костер, время от времени поворачивая шипевшую на углях рыбу.

Леня вспоминал, как весной у них был пионерский костер. Так же вспыхивали оранжевые язычки огня, — еще тогда уголек отскочил ему на колени и прожег новую белую рубашку. Мама — ничего, не сердилась. Он стал думать о доме, о маме, и захотелось заплакать. Что, если они никогда

не выберутся из этой тайги? Леня испуганно оглянулся кругом. Тайга больше не казалась знакомой. Горы и громадные деревья придвинулись, как будто обступили ребят и враждебно молчали. Река была черной, жуткой и чуть-чуть поблескивала. Лене стало страшно, и он тревожно посмотрел на Шуру.

— Шурик, а если мы не найдем дом? — тихо спросил он.

Шура быстро взглянул на Леню.

— Ну, как не найдем! Найдем, — сказал он каким-то странным голосом, будто сам не верил, что они когда-нибудь доберутся до дому. Через минуту тихо предложил:

— Давай ужинать.

Опять замолчали. Шуре стало грустно.

— Посмотри, что там такое блестит, — неожиданно сказал Леня, указывая на песок по другую сторону костра. Шура придвинулся к Лене и вытянул шею.

— Где? Не вижу.

— Да вон, вон блестит, лиловое!

— В самом деле...

В песке при свете костра сверкал и искрился кусочек какого-то лилового минерала величиной с боб. Шура вскочил, схватил его и, забыв про ужин, они принялись рассматривать находку. Камень был очень красив, грани его сверкали, словно отшлифованные.

— Кристалл, — сказал Шура.

— Наверное, какой-нибудь драгоценный камень, — в свою очередь заметил Леня. — Какой же?

— Это знаешь что? — оживился Шура, который был несколько более сведущ в минералогии, — Это аметист, то есть горный хрусталь, только окрашенный, самая красивая разновидность кварца. Помнишь, нам Василий Алексеевич в школе говорил?

— Как это мы его днем не видели? — удивился Леня.

— Я тут для костра песок разгребал и, верно, выкопал его, — сказал Шура. — Нам ведь не обязательно золото искать, — помолчав немного, продолжал он, — Нам ведь все

равно, хоть какой драгоценный металл или руду найти, Правда, Леня?

— Правда.

Они положили аметист на бумагу вместе с остатками рыбы и принялись ползать вокруг костра, яростно разгребая песок руками.

— Аметист ценится, если он хорошо окрашен. А главное, откуда он взялся? — рассуждал Шура. — Если есть аметист в песке, значит, где-нибудь поблизости в горах есть жила или контакт. А в контактах и жилах встречаются свинцовый блеск, медный колчедан и разные самоцветы. Может быть, даже золото или алмазы.

Шура даже привстал на коленях и простер в темноту руку, как маленький энтузиаст-ученый.

— Вот бы найти алмаз! — подхватил Леня. — Он, наверное, очень красивый. Как бы ребята в школе удивились!

— А ты знаешь, какое громадное значение имеет алмаз для промышленности? — горячо говорил Шура, не слушая Леню, — Он является незаменимым резцом в буровых станках. Миша говорил, и сам я читал.

— А я читал, — перебил Леня, — что алмаз является спутником золота.

У Шуры даже дыхание перехватило.

— Вот бы и алмаз, и золото найти! — прошептал он. Ребята забыли, что они одни в горах, что давно ночь, что они не кончили ужинать. Подбросив в костер сухих веток, они ползали, копали песок, выбирали камешки и вслух мечтали о своих будущих геологических открытиях и исследованиях.

Попалось несколько кристаллов чистого белого кварца.

— Видишь, кварц! — сказал Шура и многозначительно посмотрел на Леню, — Значит, где-то близко прячется кварцевая жила.

Наконец они вернулись к костру с полными пригоршнями мелких камешков.

Взгляд Лени остановился на остатках еды.

— Уй-уй-уй, как я есть хочу! — пропищал маленький геолог и засунул в рот большой кусок хлеба. Шура же никак не мог уговорить.

— Вот мы ходим, ищем, а оно, золото, может быть, у нас под носом лежит, — горячо говорил он.

Ребята забрались в пещеру, оставив костер догорать на песке, по очереди погладили вздрагивающую спину козленка и растянулись рядом на сухой траве.

— Шурик, давай, дадим козленку имя «Аметист», — предложил Лёня.

Шура не возражал.

Он долго не мог уснуть и с нетерпением ждал утра. Теперь он был уверен, что найдет золото или алмазы.

IV.

— ШУРИК, посмотри-ка, Аметист малину ест! — закричал Леня, высовывая голову из пещеры.

Шура готовил завтрак у костра, Леня сначала ходил собирать малину, а теперь кормил ею козленка. К его удовольствию, козленок съел всю предложенную ему ягоду.

Нога у козленка поджила, он не так стал дичиться и казался ребятам прелестным маленьким существом.

Позавтракав, ребята завалили вход в пещеру камнями и опять отправились в разведку, Леня серьезно наказывал козленку:

— Ты смотри, Аметист, хорошенько домовничай!

Леня больше не просился домой: он тоже был убежден, что они найдут золото и алмазы, и сам увлекся поисками.

Недалеко от пещеры они опять нашли мелкие обломки кварца. Стали рассматривать склон: вверху голый красноватый гранит, ниже склон зарос кустами и травой. Жилы нигде не заметно. Пошли дальше — осыпи кварца перестали попадаться.

— Нет, — сказал Шура, — дальше идти бесполезно: кварцевая жила здесь.

— Почему ты думаешь? — опросил Леня.

— Видишь, осыпи кварца только здесь, и вот эти черные крупинки только здесь. Смотри!

Ребята еще раз прошли вдоль горного хребта. В самом деле, осыпи кварца и крупинки черного минерала попадались только в одном месте.

— А что это за минерал? — спросил Леня, рассматривая на ладони черные блестящие зернышки.

Шура нашел кусочек побольше, и они убедились, что он очень тяжел, и колется на пластинки с гладкой блестящей поверхностью.

— Это, знаешь что? — сказал Шура. — Это, как его... забыл название!..

Он приложил палец ко лбу и закрыл глаза.

— Этот минерал очень ценится. Идет на приготовление специальных твердых сталей. И еще из него делают нити в электролампочках. Помнишь, еще на прошлой неделе Миша с Костей спорили: могут быть его месторождения в этих горах или нет? Ну, помнишь, когда нашли этот... шеелит, и Миша говорил, что спутником его может быть этот вот самый... как его...

— Спорили — помню, а название не помню. Как же, как же... — Леня поднял глаза к вершинам деревьев. — Вольт! Нет, это, кажется, материя...

— Вольфрам! Вольфрам! — радостно закричал Шура.

— Вот, вот! Но неужели это руда вольфрама? — спросил Леня, глядя на черные крупинки, лежащие у него на ладони.

— По всем признакам, она, — уверенно сказал Шура.

— Но дядя Костя говорил, что в этих местах его никогда не находили.

— А Миша говорил: пусть не находили, это не значит, что его совсем здесь нет. Я, вот, найду такой металл, который никто никогда не находил, так ты скажешь, его нету?

— Кого?

— А того металла, который я найду.

— А какой ты найдешь?

— Найду — тогда увидишь... Теперь я вспомнил! Вольфрамит встречается на западном Алтае, около Колыванских серебряных рудников, а здесь его никогда не нахо-

дили, и мы... первые нашли! Понимаешь, Ленья, первые! — закричал Шура, радостно блестя глазами.

— Вот так мы, спасибо нам! — удивился Ленья. Но Шура, сразу ставший серьезным, сурово остановил его:

— погоди, Ленья, мы еще ничего не нашли. Надо искать здесь.

И он принялся лопатой сдирать мох с камней. Ленья стал орудовать молотком и топором. Работа трудная: нужно содрать дерн, перерубить корни кустов и деревьев и выворотить их, обнажив породу.

Топорик был маленький, лопата — тоже, силы у ребят мало, но они работали усердно. Когда выворотили одно небольшое деревцо, под корнями его нашли два крупных пурпурно-фиолетовых аметиста.

— Ура! — закричал Ленья.

У Шуры от нетерпения задрожали руки.

— Ты понимаешь, что все осыпи их жилы. Здесь вот она, здесь, — задыхаясь, проговорил он.

Ребята запыхались, пот лил с них потоками, дрожали от усталости руки и ноги, но они работали, не останавливаясь ни на минуту. Казалось, вот-вот откроются сокровища.

Налетел ветерок, пошевелил ребячьи рубашонки, лежащие на песке, охватил свежестью потные, разгоряченные тела ребят. Ленья поднял голову.

— Шурик, смотри-ка!

С запада надвигалась серо-черная туча. Она ползла по вершинам гор, как огромное чудовище. На горы легла тень. Грянул гром и покатился, ломаясь и ухая. Зашумел ветер. Крупные капли дождя зашлепали на песок.

Ребята, присмирев, смотрели на грозную тучу.

— Откуда ее принесло! — возмутился Шура.

Не успел он кончить, как трахнул такой удар, что ребята присели.

— Бежим скорей в пещеру! — закричал Ленья.

Они подхватили свои рубашонки и бегом пустились к пещере. Едва успели спрятаться, как с шумом хлынул проливной дождь. Шуршащие потоки воды смягчали треск

громовых ударов, все сливалось в какой-то непрерывный гул. Ребята лежали в пещере притихшие, спрятав в середину козленка. Леня все время повторял в уме:

*Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.*

*...Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.*

Трах-тррр! — катилось по горам, и, казалось, горы раскалываются. Леня на секунду терял способность мыслить, потом опять начинал повторять с какой-то лихорадочной поспешностью:

— Довольно! Сокройся!

Леня боялся грома; когда начиналась гроза, ему всегда приходило на память это стихотворение любимого поэта. Он повторял его бесчисленное множество раз. Это успокаивало его.

Гроза продолжалась долго. Проходила одна туча, а на юго-западе уже рокотала другая.

Наступила ночь. Гром гудел в нескольких местах сразу. Дождь лил непрерывными потоками. Шумела река. Под этот шум ребята уснули.

Утро. Солнце. Шура вышел из пещеры и спустился к реке умыться. У самой воды что-то сверкнуло всеми цветами радуги. Шура даже зажмурился, не смея верить. Открыл глаза — верно! Алмаз! У него захватило дыхание. Кинулся, схватил дрожащими руками. Алмаз с воробьиное яйцо! Глядь — дальше опять что-то сверкнуло в песке. Опять алмаз! Целое гнездо алмазов! Стал поспешно собирать в карманы, а его кто-то сзади схватил за рубашку. Оглянулся — собака! У Шуры волосы зашевелились на голове: откуда в

горах собака? Размахнулся, ударил ее по морде. Она отскочила, села на песок и завyla. Этот вой жутко отозвался в Шурином сердце. Где-то в горах завyla вторая собака... третья... четвертая!..

— Ой-ой-ой! Сколько их! Это дикие собаки, — догадался Шура, — они меня разорвут!

Хотел позвать на помощь Леню, но ужас сковал язык. Он упал вниз лицом на песок, стараясь уползти в кусты, и... проснулся.

Это был только сон. Впрочем, не совсем сон. Возле пещеры, действительно, раздавался страшный многоголосый вой. Все члены, как во сне, сковал ужас. Но вот пошевелился Ленья и толкнул его локтем:

— Шура, Шура! Слышишь, воют!

Шура приподнялся и посмотрел в щели между камнями. При свете вспыхнувшей молнии он увидел двух волков. Они сидели шагах в десяти от пещеры и выли, подняв кверху морды. Холодная дрожь прошла у Шуры по спине. Он откачнулся от отверстия. Слышно было, как у Лени стучали зубы. Беспокоился козленок. У Шуры у самого зуб не попал на зуб.

Вой прекратился. Наступила жуткая тишина. Послышались легкие шаги по песку у самой пещеры, царапанье когтей о камень. Шура перестал дышать. Он чувствовал, что отвратительно шевелятся волосы на его голове. Вдруг случилось что-то ужасное: посыпалась камни, Ленья закричал страшным, никогда неслыханным Шурой голосом:

— Мама! Мама-а-а!

Шура, не помня себя, ответил ему диким ревом:

— А-а-а!

Закричал Аметист. Все закружилось и провалилось куда-то. Кажется, на секунду Шура потерял сознание. Опомнившись, он почувствовал, что крепко вцепился Лене в плечо, и Ленино тело под его рукой как-то странно вздрагивает. «Что случилось? Леню волки разорвали?» — беспорядочно подумал Шура и закричал:

— Ленья, опомнись! Не влезли!

И еще что-то бормотал, не помня себя. В темноте нащупал молоток, топорик. Задыхаясь, шептал Ленья:

— Шура, миленький! Мама, мамочка... родная моя!..

Опять тишина, опять осторожные шаги около пещеры, царапанье когтями о камни. В отверстие сверкнули волчьи глаза. Завозился и жалобно заплакал козленок. Сдавленно прошептал Ленья:

— Шура, миленький, умираю я...

Шура крепко сжал его руку:

— Ленья, опомнись, слышишь, опомнись! На молоток! Дырка маленькая — сразу не пролезут, а если полезут, бей по голове молотком!

Он вложил Лене в руку молоток и, сжав рукоятку топора, подвинулся ближе к отверстию. Между ним и волком было не более метра расстояния. Его глаза встретились с волчьими. На секунду Шура почувствовал, что под взглядом этих страшных глаз кровь у него останавливается в жилах. Но он весь напряжился, сжал обеими руками топор, раскрыл шире глаза и подался вперед. Он смотрел, смотрел прямо в эти зловещие огоньки, и чем больше смотрел, тем становился смелее. Волк не выдержал человеческого взгляда и, лязгнув зубами, отошел от отверстия. Слышно было, как он полез вверх по склону, царапая когтями камни, завыл тоскливо и страшно где-то вверху. Далеко в горах, как во сне, отозвался вой, потом послышался топот, как будто кто-то скакал на лошади по горной тропинке.

«Что это такое? Волки так топтать не могут», — лихорадочно соображал Шура.

Топот стал ближе, яснее и внезапно смолк, словно кто-то сбежал с тропинки на прибрежный песок. Возле самой пещеры послышалось рычание.

Шура заглянул в отверстие. Мимо, закинув рога за спину, пронесся олень. За ним с рычаньем неслась стая волков — зверей двадцать, как показалось Шуре. Топот и рычание становились все слабее, все дальше; наконец, смолкли совсем. Стало слышно, как шумит поток, да изредка где-то далеко лениво погромыхивает гром. Шура все смотрел в

отверстие и сжимал топор. Молчал Ленья, молчал козленок. Долго молчали. Наконец, Шура отодвинулся от отверстия и сказал:

— Теперь нечего бояться: все убежали.

— Все? — чуть слышно переспросил Ленья. — Это они за кем?

— За оленем.

Шура сидел неподвижно и широко открытыми глазами смотрел в темноту. После сильного возбуждения он чувствовал усталость.

— Они его разорвут? — прошептал Ленья, стараясь сдержать дрожь.

— Конечно, не пожалеют, их целая стая, — ответил Шура и лег на спину. Ленья прижал к груди козленка.

— А они не вернутся?

— Нет. Теперь они разорвут оленя, наедятся и не придут.

— Шура, я боюсь. Пойдем завтра домой. Не хочу я больше здесь жить...

И Ленья заплакал.

— Как только рассветет, так и уйдем, — сказал Шура, ласково глядя Ленью по плечу. Он твердо решил идти домой.

V.

ДОЛГО не спали. Все казалось, что кто-то тихонько ходил около пещеры, дышит и лязгает зубами. Уснули, когда уже стало светать.

Разбудил Шуру козленок. Он прикоснулся своей мордочкой к Шуриной щеке. Шура испуганно вскочил и осторожно выглянул из пещеры. Возле пещеры никого не было. Весело кричали кедровки, сияло солнце. На деревьях, на кустах, на траве сверкали бриллианты, аметисты, кристаллы самого чистого горного хрусталя, — тайга после дождя принарядилась. Травы и цветы особенно сильно пахли.

На сыром песке виднелось множество волчьих следов.

— Лентя, вставай скорей! — крикнул Шура.

Лентя вскочил, как будто он не спал.

— Пойдем, Шура, скорей домой, — заторопился он.

— Пойдем, — согласился Шура.

Они вылезли из пещеры. Но тут Шуре стало жалко, что они так и не нашли золота, не нашли вольфрамитовой жилы, и все лишения, опасности, страхи перенесены зря. Было что-то оскорбительное в том, что из-за страха надо бросать нужное и интересное дело. Он тоскливо посмотрел в ту сторону, где вчера искал жилу.

— А жилу так и не открыли, — грустно сказал он.

Лентя тоже посмотрел в ту сторону и вздохнул.

— Страшно, Шура!

Но Шура было уже не страшно: все заслонило упрямое желание найти жилу. Он заискивающе сказал:

— Они ведь днем, Леня, сюда не придут.

— А если придут?

— Не придут, — уже горячо уверял Шура. — Нам бы только один часок поискать. Я знаю, что жила вот тут, прямо сама в руки лезет.

И он топнул ногой. Леня нерешительно осмотрелся кругом. Ему и самому хотелось найти жилу, но он вспомнил кошмарную ночь, и по коже его пробежал мороз.

— Нет, Шура, пойдем домой. Я есть хочу.

— Да ведь у нас рыба есть. Мы поедем, часок поищем, найдем жилу и скорей домой. Хорошо, Леня?

Леня промолчал, а Шура стал торопливо собирать завтрак. Хлеба уже не было: есть приходилось одну рыбу. Не было и соли, и рыба казалась противной и пресной. Наскоро закусив, ребята принялись за работу.

Прошло часа четыре. Солнце уже поднялось высоко, и роса на траве и кустах давно высохла. С ребят пот катился градом. Они уже два раза бегали купаться. Но все старания были напрасны — жила не попадалась.

— Наверное, ее здесь совсем нет, — уныло сказал Леня.

— Как нет? — упрямо раздул Шура ноздри короткого носа. — Вот осыпи кварца, зерна вольфрамиты, амethystы вчера нашли, — откуда они, по-твоему?

— Не знаю, — вяло ответил Леня.

— А я знаю: из жилы. Больше им неоткуда взяться. Видишь, тут гранит, сплошная масса.

Он стукнул о камень лопаткой.

— Если бы это было русло реки, так можно было бы подумать, что их водой принесло из другого места, а ведь это не русло. Всю эту гору срою, а жилу найду! — злобно сказал он, а потом, видя, что Леня уже невпопад тычет лопатой, ласково добавил: — Ты, Леня, отдохни, я один поищу.

Леня лег на песок в тень кедра и закрыл глаза. Внезапно Шура бросил лопатку на песок и звонко хлопнул себя ладонью по лбу.

...Осторожно откалывали молотками красивые кристаллы и складывали их на разостланную Ленину рубашку...

— Ну, где мы ищем? Где мы ищем, разини безмозглые? — закричал он.

— В чем дело? — вскочил Ленья.

— Ведь найдет же такое затмение! — горячился Шура. — Ты подумай: раз порода подвержена разрушению, значит, она находится где-то сверху, под действием дождя и воздуха, А мы ищем в песке, в глубине. Ну, не дураки ли мы?

— Это пока трудно сказать, — усмехнулся Ленья. Но у него опять вспыхнула надежда найти жилу, и усталость стала слабее.

— Вот тут должна быть жила, — уверенно сказал Шура, стукнув лопатой о заросший мхом выступ, похожий на трубу, торчащую из горы. У мальчика захватило дыхание. Он лихо лихорадочно стал сдирать мох. Обнажилась серая ноздреватая порода.

— Нет, это не кварц. Что же это такое? Ленья, давай скорей молоток!

От волнения он промахнулся, удар получился слабый. Еще удар — и большой обломок желтой ноздреватой породы рухнул вниз. Обнажилась блестящая порода. Это был кварц с черными включениями табличек вольфрамита. Шура ударил еще раз — отскочил кусок, и показалась маленькая пустота, а на ее стенках сверкнули кристаллы аметиста, прозрачного хрусталя, желтые кристаллы топаза и малиново-красные — турмалина.

— Шурик, ведь это жила? Ага? — почему-то шепотом спросил Ленья. — Уй-уй-уй! — протянул он, всплеснув руками и вытянув губы трубочкой. Шура издал дикий воинственный крик, скатился на песок и принялся исполнять какой-то несуразный танец.

Через несколько минут они опять были наверху, около выхода жилы. Они осторожно откалывали молотками красивые кристаллы и складывали их на разостланную Ленину рубашку.

— Ну, как это раньше не догадались? Смотри, кругом кварца более слабая порода. Она быстро разрушалась под

действием воды и воздуха, а кварц разрушался медленнее, и вот образовалась такая труба. Очень просто, а не догадались, — рассуждал Шура.

— Мы еще мало каши ели, — заметил Ленья. — Вперед умнее будем.

— Теперь, Ленья, беги скорей в пещеру за карандашом и записной книжкой, — сказал Шура, когда все, что можно было взять у выхода жилы при помощи молотка, было взято.

Ребята зарисовали место находки, написали и наклеили сосновой смолой этикетки на образцы пород и завязали их в лоскут.

— Ну, теперь ты отнеси это в пещеру, а потом набери малины. А я схожу, наловлю на дорогу рыбы, — сказал Шура, и они разошлись в разные стороны.

Когда Ленья вернулся к пещере с малиной, Шуры еще не было. Однако восемь крупных рыб лежали на камне у входа в пещеру, и мокрая Шурина рубашка сохла на кустах — значит, Шура приходил. Ленья развел костер и стал чистить рыбу.

Прошло минут двадцать, может быть, полчаса. Шура не возвращался. Ленья начал с беспокойством посматривать по сторонам.

Наконец, он не выдержал, встал, трубкой приложил ко рту ладони и закричал:

— Шура-а!

Прислушался. Эхо слабо отозвалось:

— А-а-а...

— Шура! — опять закричал Ленья уже с нетерпением.

Опять в ответ только слабое — А-а-а!

Ленью охватила тревога.

— Шура, да где же ты! — со слезами в голосе закричал он, и ему насмешливо ответило эхо — «ы-ы-ы!»

Ленья побежал по берегу ручья, потом вернулся и побегал в другую сторону, потом снова бросился к пещере. Он не знал, что подумать и что предпринять. Несколько раз принимался звать Шуру со слезами и отчаянием в голосе.

Впервые за все время из пещеры вылез козленок. Он остановился и, как показалось Лене, доверчиво и вопросительно посмотрел на него. Ленья схватил его на руки.

— Одни мы с тобой остались, — сказал он дрожащим голосом, и слезы покатались у него по щекам.

Так он стоял несколько минут, прижимая к себе козленка и плача. Затем поставил малыша на песок и, все еще горько всхлипывая, полез на кедр. Ободрал руки, но все же влез на самую вершину и стал звать Шуру. Кричал, пока не охрип. Потом слез, сел под дерево, охватив колени руками, уткнулся в них лицом и зарыдал так, что, казалось, сейчас у него разорвется сердце. В эту минуту он и хотел, чтоб оно разорвалось. Ну, что он будет делать без Шуры, один-одинешенек в тайге, где стаями рыщут волки?

Кто-то прикоснулся к его руке. Он поднял голову — перед ним стоял козленок. Ленья взял его на руки и пошел, сам не зная куда. Остановился на берегу речушки. Солнце было уже низко, его красноватые лучи освещали вершину противоположной горы. В этом красном освещении было что-то зловещее.

Выплакав слезы, Ленья немного успокоился и опять приобрел способность мыслить. Он долго стоял на берегу потока и смотрел на красную от вечерних лучей воду. Ленья понимал, что с Шурой что-то случилось и ждать помощи неоткуда, Он должен действовать самостоятельно.

«Но что могло случиться с Шурой? Куда он ушел? — в десятый раз спрашивал себя Ленья. — Может быть, он сорвался где-нибудь в пропасть, и теперь лежит на дне ее израненный, но живой, и ждет его помощи». — Эта мысль обожгла Ленью. Он пустился бегом к пещере.

— Скорей, скорей! — шептал Ленья.

Теперь он был почти уверен, что найдет Шуру. Он посадил козленка в пещеру и взял топор. Хотел взять лук, но его не оказалось. Значит, Шура ушел на охоту. Ленья не знал даже в какую сторону нужно идти. Возле пещеры песок был сильно истоптан, и разобрать следы было нельзя. Он пошел наугад по берегу ручья. Вскоре он увидел на прибрежном песке множество волчьих следов.

Леня испуганно огляделся. На склоне горы он заметил сломанную ветку. Излом был свежий. Густая трава была примята; видно, что шел человек. Кроме Шуры, здесь некому было ходить. У Лени не оставалось сомнения, что это след его товарища.

А с Шурой произошло следующее:

Наловив рыбы, он возвратился к пещере. Невдалеке ходила по песку какая-то птица, похожая на куропатку, и что-то клевала. У Шуры мелькнула мысль:

«Должно быть, куропатка. Сейчас подстрелю ее».

Осторожно, чтобы не спугнуть птицу, он пробрался в пещеру за луком. Стрела звенькнула и зарылась в песок. Птица не спеша поднялась, перелетела на другое место и опять стала расхаживать, как ни в чем не бывало. Шура осторожно стал подкрадываться. Но не успел он спустить тетиву, как куропатка поднялась и перелетела в кусты. Шурой овладел охотничий задор. Он стал искать птицу, вспугнул ее. Она взлетела на дерево, Шура выстрелил. Птица было полетела, но тяжело упала в траву.

— Ага, попалась, которая кусалась! — крикнул Шура и кинулся за ней.

— Фррр! — птица поднялась прямо из-под ног Шуры, тяжело боком полетела над самой землей; она была только ранена.

— Ах, ты, какая! — с досадой сказал Шура. — погоди же, я тебя перехитрю.

У Шуры не было больше стрел. Он решил преследовать раненую птицу, пока она не измучится и не сможет летать. Тогда он ее возьмет голыми руками. Как только она садилась в кусты, он ее выпугивал и шел за ней. Она перелетала все меньшее расстояние и поднималась все ниже. Наконец, забилась в кусты. Шура долго шарил в зарослях. Птица выдала себя тем, что затрепыхалась, и он быстро поймал ее.

Преследуя птицу, Шура не заметил, как ушел очень далеко. Обратил решил идти не по следам, а напрямик. Дошел до такого места, что идти дальше было нельзя: путь пре-

граждали огромные, поросшие мхом камни, нагроможденные в хаотическом беспорядке. Будто какой-то великан отламывал огромные куски скал и бросал их сюда. В расщелинах росли деревья и папоротники. Шура попробовал обойти это место, но везде видел ту же картину. Тогда он решил идти прямо. Он стал прыгать с камня на камень, но не заметил расщелину, прикрытую мхом, и провалился. От боли потемнело в глазах. Он едва вытащил оцарапанную до крови ногу, вернулся обратно, прыгнул на мох и упал. Острая боль полоснула по сердцу, а перед глазами закружились черные мухи. Он застонал. Сстиснув зубы и закрыв глаза, некоторое время лежал на спине. Острая боль прошла, но осталась тупая, ноющая — в левой коленке. Осторожно он попробовал встать, но едва задел ушибленную ногу, как ее опять словно полоснуло ножом, и он едва не потерял от боли сознание.

«Наверное, сломал ногу. Что теперь делать?» — подумал Шура. Ему стало страшно. Он вспомнил кошмарную ночь, волков. С наступлением ночи его растерзают звери. Ленья останется один и погибнет: куда он без него пойдет?

Шуру охватило отчаяние. Мозг его упорно искал выхода, но выхода не было. Может быть, взлезть на дерево? Но это невозможно при такой боли. Может быть, придет Ленья? Оставалась одна надежда на Леню. Но солнце катилось на запад со страшной быстротой, а Ленья не приходил. Донимала откуда-то взявшаяся мошкара. Она лезла в нос, в глаза, разъедала за ушами. Шура ждал, терпеливо ждал, с надеждой прислушивался. Иногда он принимался кричать и опять прислушивался. Долбил дятел, назойливо жужжали комары, и больше ничего не было слышно. Через два часа наступит ночь, и тогда... тогда... Шура отлично понимал, что может быть тогда.

Справа послышался слабый хруст. Шура повернул голову и не увидел, а скорее почувствовал, что в кустах притаился кто-то и наблюдает за ним. Кто это? Волк, рысь, или другой какой-нибудь зверь? Шуре уже казалось, что в его горло впиваются острые мерзкие зубы... Он инстинктивно

схватился рукой за горло, закричал, засвистел и увидел, как желто-красный зверь, похожий на волка, не торопясь, перепрыгнул через поваленное дерево. Шура весь задрожал. Нет, он не может так лежать и ждать. Ленья его не найдет: он ведь даже не знает, где его искать — тайга велика, а скоро ночь. Шура должен сам что-то предпринять. И он решил ползти, — хоть куда, только бы не лежать на одном месте. Он приподнялся, стараясь не задевать больную ногу, и пополз. От нестерпимой боли он на секунду потерял сознание, но не упал.

— Нет, нет, не падай. Надо ползти, надо ползти, — полубессознательно твердил он. — Ничего, ничего, это пройдет, — уверял он себя и полз. Но боль не проходила. Он громко стонал, и слезы сами собой катились по щекам. Шура не знал, какое расстояние протатился он таким образом. Стало невыносимо, он ткнулся лицом в мох и зарыдал.

«Теперь уже конец, совсем конец», — подумалось ему. Он лежал так, безвольный и покорный, постепенно затихая. Но вот внутри кто-то неугомонный запротестовал: «Сколько раз ты собирался умирать, но ведь не умер. И это невыносимо — умереть... Умереть, когда найдена жила, когда тебя премируют велосипедом, когда тебя ждут дома. Нет, ты не можешь, не должен умирать!»

Шура приподнялся на локте и в это время услышал слабый крик. Он вытянул шею, округлил глаза и, забыв о боли, стал напряженно вслушиваться. Крик повторился. Не было сомнения, что кричал Ленья. Шура часто задышал от радостного волнения. Приподнявшись еще более, он закричал. Опять резнула боль, но он закричал еще громче, и чем сильнее он кричал, тем слабее становилась боль. Затрещали ветки под ногами, и Ленья бросился перед Шурой на колени. Шура в изнеможении опрокинулся на спину.

— Шурик, нашел я тебя, нашел! — лепетал Ленья. — Что с тобой? Ушибся?

У него дрожали губы, и по исхудалому лицу текли слезы.

— Теперь не плачь. Ленья. Теперь ничего, все будет хорошо, — устало шептал Шура.

...Шура дико вскрикнул и завыл. Лёня и сам испугался своих врачебных действий...

— Шурик, что с тобой случилось?

— Ногу сломал, — простонал Шура и сделал попытку встать, но опять почувствовал такую боль, что в ушах зазвенело, и к затылку прилила горячая волна. Он не мог сдержать стона. Леня стоял перед ним, растерянный и испуганный. Личико его вытянулось и побледнело.

— Что мы теперь будем делать? — прошептал Шура.

У него начиналась лихорадка, и все ему казалось происходящим во сне.

Шурин вопрос как будто разбудил Леню. Его охватило новое чувство, никогда им еще не испытанное. До сих пор он находился под покровительством Шуры, более сильного, смелого и энергичного. Он делал все так, как велел или просил Шура, и в затруднительных случаях надеялся на него. Сейчас же Шура лежал перед ним беспомощный и не мог даже пошевелиться. Леня почувствовал прилив энергии. Он понял, что теперь все зависит от него. Он должен спасти больного товарища.

— Шурик, погоди, я сейчас придумаю, что нам делать, — зашептал он, вскакивая на ноги. Он засуетился, забегал, немного ссутулившись, потом круто остановился перед Шурой.

— Шурик, нам скорее нужно в пещеру идти, а то уже солнце садится.

— Но я не могу, — простонал Шура.

— Я знаю, что не можешь, я тебя понесу, — с готовностью сказал Леня и присел на корточки, спиной к товарищу. — Берись за шею руками.

Шура ухватился руками за Ленину шею и скрипнул зубами от боли. А когда Леня стал подниматься и задел больной ногой о землю, руки чуть сами собой не разжались. Шура стиснул зубы, собрал все силы и сказал себе: «Держись, держись, это ничего, пройдет!..»

— Что, Шурик, очень больно? — спросил Леня.

— Это ничего, это пройдет, — в полубреду повторял Шура. В голове у него все начинало путаться.

Леня шел по своим следам. Его шатало под тяжестью Шурино тела, больная нога свисала до земли и задевала за

кусты, заставляя Шуру стонать. Леня путался в траве, спотыкался, но бодро шагал вперед. Теперь он казался себе сильным, отважным мужчиной, от которого зависела жизнь товарища. В одном месте Леня оступился и пошатнулся. Шура ударился больной ногой о землю, дико вскрикнул, разжал руки и упал на землю.

— Шурик, прости! Больно я тебя зашиб?

Шура лежал молча, запрокинув голову и закусив поспевшую губу. Леня стоял перед ним, не зная, что делать. Вдруг он всплеснул руками:

— Уй-юй-юй! Какой я глупый! Сначала нужно ногу перевязать.

Леня достал перочинный ножичек и осторожно разрезал штанину на больной ноге. Нога припухла, покраснела и была горяча. Он ощупал ее.

— У тебя вывих, а не перелом, — определил маленький врач. — Помнишь, на кружке БГСО нам говорили, как определять вывих и перелом? У тебя похоже на вывих. Погоди, — сказал он, видимо, что-то вспомнив. На лице у него появилось решительное, даже суровое, несвойственное ему выражение. Он еще раз ощупал больную ногу, потом здоровую, опять больную и еще раз здоровую, и неожиданно дернул больную ногу к себе. В ней что-то щелкнуло. Шура дико вскрикнул и завыл. Леня и сам испугался своих врачебных действий.

— Ничего, ничего, — повторял он, с трудом шевеля дрожащими губами. — Когда Женя вывихнула ногу, папа делал так же.

Минуты через три Шура пошевелил больной ногой. Она ныла, но острой, пронизывающей боли не было.

— Погоди, не шевелись, — предупредил Леня, — Папа говорил, после вправления нужно делать перевязку, а то опять может получиться вывих.

Он снял с себя нижнюю рубашку, разорвал ее, содрал с березы кору и, приложив ее с обеих сторон к ноге, забинтовал.

— Ну вот, теперь можно отправляться дальше.

Становилось темно, только вечерняя заря давала еще возможность видеть заметки на кустах и деревьях, которые предусмотрительно наделал Леня, разыскивая товарища. Нужно было торопиться.

Однако, Леня был слаб и скоро выбился из сил. Хотя он ободряюще улыбался, но у него дрожали ноги, и по бледному лицу градом катился пот.

— Ничего, — говорил он. — Маленько отдохнем и дальше пойдем, только бы след не потерять в темноте.

Теперь Шура попытался идти сам, опираясь на плечо товарища, но и таким способом они подвигались не быстро.

Стало совсем темно, запахло сыростью. Ребят охватил ночной холод. Черные деревья и кусты сплошной стеной направились на них.

Ребята остановились. Шура сел на сырую траву, дрожа от холода. Леня стоял возле. Опять вспомнилась страшная волчья ночь, и у Лени застучали зубы. Оба они были измучены и бессонной ночью, и волнениями, обоим хотелось спать.

— Леня, сядь поближе ко мне, все же не так холодно будет, — попросил Шура, Леня сел и прижался. Вдруг над головами у них что-то засвистело, зашуршало. У Лени упало сердце.

— Птица, наверное, — сказал Шура, стараясь ободрить и себя и Леню.

— Аметист один в пещере, боится, наверное. Нас все-таки двое, — прошептал Леня.

Шура думал о том, что он часто бывал несправедлив к Лене. Он чувствовал себя всегда самым умным, смелым и находчивым. Это развило в нем эгоизм и высокомерие: он не любил считаться ни с чьими мнениями и желаниями, даже с Лениными. Он всегда делал, как сам хотел. А сейчас он, беспомощный и беззащитный, начинал понимать, что даже самые умные и сильные люди нуждаются в помощи других, что сила — в коллективе. Он чувствовал благодарность к Лене, и ему хотелось рассказать о своих чувствах товарищу.

— Видно, придется здесь ночевать, — печально сказал Ленья. — Немного полежу, отдохну и стану разводить костер. — Он прилег на траву и быстро опять поднялся.

— Шура, — прошептал он, задыхаясь от радости, — ведь мы совсем недалеко от потока. Ляг, послушай!

Шура приложил ухо к земле, и в самом деле услышал шум потока.

— Вставай, опирайся на меня, и пойдем потихоньку, — заторопился Ленья. Оба так обрадовались, будто пещера была их родным домом.

Скоро они сошли на прибрежный песок.

VI.

КАЗАЛОСЬ, стоит только пойти на запад, и там где-то, не очень далеко, дом. Однако, шли уже полдня, продираясь сквозь заросли непроходимой тайги, перелезая через колодины, а никаких признаков жилья не было. Наоборот, зашли в такую глушь, что даже солнца не было видно. Лиственницы и сосны стояли почти сплошной стеной. Внизу было сумрачно, стволы деревьев обросли мхом, под ногами чавкала вода, воздух стоял затхлый, как в погребе.

Ребята выбились из сил. Шуре было особенно трудно. Хотя за ночь нога поджила, но все же идти он мог только с костылем. Леня вел на веревочке козленка, а когда тот устал, нес его.

К полудню какая-то мгла затянула небо. Ребята медленно подвигались вперед и уныло молчали. Вдруг Шура остановился и тревожно осмотрелся кругом. Леня с не меньшей тревогой следил за ним.

— Видишь? — тихо спросил Шура и, подняв костыль, постучал им по стволу сосны. Леня посмотрел, но увидел только красноватый ствол, обросший мхом. Он вопросительно взглянул на Шуру.

— Ты забыл, что деревья обрастают мхом только с северной стороны. Смотри, с какой стороны мох?

Леня осмотрел несколько деревьев.

— Мы идем обратно, — упавшим голосом сказал он. — На восток идем.

Он опять вопросительно взглянул на Шуру, но Шура осматривал тайгу: кругом было дико, все заросло, переплелось, деревья стояли страшно высоки, виднелся только кусок неприветливого неба. Опершись о костыль, он о чем-то думал или прислушивался. Леня ждал.

— Ты слышишь, ручей журчит? — спросил Шура.

— Слышу.

— Пойдем, посмотрим, куда он течет.

Леня последовал за ним, не понимая еще, в чем дело. Разыскали совсем маленький, еле заметный в траве ручеек. Постояли возле него.

— Знаешь что, — сказал Шура, — пойдем по течению этого ручья. Миша говорил, что все реки и ручьи здесь впадают в Телецкое озеро. Значит, по течению ручья мы дойдем до озера, а по берегу озера доберемся до дому. Иначе нам никогда не выбраться из тайги.

— Хорошо. — согласился Леня.

Идти вдоль ручья было легче. Там, где кустарники сплетались слишком густо, ребята шли прямо по руслу. Ручей стал шире, многоводней. Сквозь мглу проглянуло солнце. Ребята повеселели. Сели закусить. Рыба без соли была противна, и Леня предпочитал есть одни ягоды. Шура ел рыбу через силу и заставлял Леню.

— Ешь, а то отощaeшь и до дому не дойдешь.

Леня вспомнил, какие мама стряпает ватрушки с творогом, и вздохнул.

Отдохнув немного, ребята опять отправились в путь. Теперь у Шуры болела не только вывихнутая, но и здоровая нога, потому что он шел, опираясь на нее всей тяжестью тела. Леня тоже сильно устал.

Ребята слышали знакомый шум падающей воды.

— Водопад! — радостно сказал Леня. — Наверное, озеро.

— Посмотрим, — сдержанно ответил Шура, но глаза его заблестели, и он заковылял быстрее. Однако радость ребят

была преждевременной: это оказалось только ущелье, на дно которого падал ручей. Ребята уже по опыту знали, как опасно идти по ущелью, и все же они предпочли ущелье непроходимой тайге.

— Этот ручей обязательно впадает в озеро, — сказал Ленья. — Правда, Шура?

Они торопливо шли по песчаному берегу ручья. Теперь они отлично понимали, как трудно выбраться из тайги, и у них уже не было прежней беспечности. Солнце катилось к западу торопливо, словно кто-то его толкал. Ленья с тревогой смотрел на его стремительный бег, а Шура внимательно оглядывался по сторонам. Теперь они шли по узкой долине с пологими склонами.

— Здесь, наверное, когда-нибудь была большая река, — сказал Шура.

— Почему ты думаешь?

Шура остановился и указал костылем вокруг.

— Видишь, гальки, голыши до самых склонов.

— Ну, так что? — равнодушно спросил Ленья, думая о другом.

— Гальки могла только вода окатать. Значит, мы идем по высохшему руслу реки.

— Ну, так что, — вяло повторил Ленья. — А солнце опять уже низко, — грустно добавил он.

Шура взглянул на солнце и молча пошел за Ленией, глядя себе под ноги.

— Миша говорил, что в руслах пересохших рек часто попадаются золотые россыпи, — сказал Шура после долгого молчания.

— Какой ты, Шурка, неугомонный! — возмутился Ленья. — Хотя бы до дому как-нибудь добраться, а ты опять — золото!

Он остановился и укоризненно посмотрел на Шуру.

— Да ведь все равно сегодня до дому не дойдем, ведь все равно придется ночевать, — сказал Шура просительным тоном, — Так уж лучше здесь заночевать, а до вечера поискать золото. Я знаю, чую, что здесь золотые россыпи. — И он топнул здоровой ногой о песок.

— Ничего ты не чувствуешь. Что ты, собака, что ли? — с досадой сказал Ленья. Он был раздражен от усталости и голода.

— Да ведь уже все равно, Ленья, сегодня домой не дойдем, — кротко повторил Шура. В нем опять, несмотря на голод, усталость и боль в ногах, вспыхнула страсть охотника за камнями и металлами.

— Ну, как же это так, идти по золоту и не замечать, — горячо сказал он.

— Наплевать на золото! — ответил Ленья и с видом полного отчаяния сел на песок.

Шура вспомнил, как Ленья спас его, и ласково согласился:

— Ну, ладно, Ленья. Пойдем дальше.

Но тут и Ленья совершенно неожиданно сдался. Мягкий и уступчивый по натуре, он не мог устоять перед ласковой Шуриной покорностью. Он всегда великодушно уступал, когда ему уступали.

— Ну, уж ладно, Шурик, ищи свое золото, а я пойду ягод поищу, есть хочу до смерти.

— Вот это правильно! — обрадовался Шура.

Они положили сумки на большой камень. Усталый козленок лег в тени этого камня, а ребята разошлись в разные стороны. Ленья полез вверх по склону, а Шура, опираясь на лопату, пошел вдоль ручья, глядя под ноги. Осмотрев внимательно песок, он принялся рыть. Вырыл яму в полметра. Выбравшись по склону, содрал кору с березы и сделал ковш для промывки песка. Настоящий ковш он потерял во время бегства от медведя.

Через несколько минут Шура, набрав песку из ямы, промывал его в ручье. Долго кружил он и вертел посудину из бересты, пока в ней не осталось со столовую ложку черного порошка — шлиха. Шура стал его рассматривать. Порошок состоял из черных крупинок, кое-где попадалась мелкая галька рудного кварца, изъеденного и желтого.

«Черный порошок — это магнитный железняк, — сообразил Шура. — Правильно! Раз есть магнитный железняк и рудный кварц, значит, ниже должно быть золото!». При-

храмывая, он побежал к яме и принялся копать с новой энергией. Он не слышал даже, как звал его Ленья, притащивший целое беремья черники, нарванной с травой. Ленья с жадностью стал поедать чернику, потом накормил козленка и пошел к Шуру. Шура выкопал яму глубиной уже более метра.

— Вот посмотришь, Ленечка, сейчас золото будет, — не утерпел Шура, чтобы не похвастаться. Он набрал в ковш песку и захромал к ручью. Ленья с любопытством последовал за ним. Когда в ковше осталось не более горсти шлиха, Шура увидел все тот же магнетит. В нем сверкали ярко-красные зерна.

— Это что, золото? — широко раскрыв глаза, спросил Ленья.

— Нет, это кристаллы граната, — уныло сказал Шура.

— А золото где?

— Не знаю, нету, — совсем печально ответил Шура. Ленья засмеялся, показывая щербину.

— У тебя, Шурик, плохое чутье!

Но тут ему стало жаль товарища, и он уже другим тоном добавил:

— Ну, ладно, Шурик, мы и так много нашли. Идем лучше, поищем, где переночевать, а то солнце садится.

Шура взял лопату и печально поплелся за товарищем. Сразу сильно заболели ноги и захотелось есть. Нет, определенно он не может возвратиться домой, не найдя золота! Он должен найти золото, и найдет его. Чутье у него хорошее, он знает, что золото именно здесь, в этой долине, только спрячется от него. Шура остановился и долго смотрел назад, и ему казалось, что он видит, как блестит что-то в песке.

Пещеру ребята себе не нашли, зато в одном месте камни были так нагромождены, что образовали узкий коридор. Только сверху он прикрыт не был.

— Ничего, крышу мы сделаем, — сказал Шура. — Видишь, над нашим будущим домом висит каменная глыба. Она может оборваться и придавить нас. Чтобы этого не случилось, мы ее столкнем. Она упадет на наш домик и образует крышу.

Измученному Лене такая задача показалась непосильной, и он возразил:

— Но ведь она может скатиться ниже, и крыши у нас опять не будет.

— Попробуем, — коротко сказал Шура.

Они поднялись вверх по склону и стали толкать каменную глыбу, нависшую над их будущим жилищем. И глыба в самом деле скатилась и легла на стены коридорчика, образовав крышу.

— Теперь носи сюда сумки и Аметиста, а я пойду собирать сушняк. Сегодня будет холодная ночь, — сказал Шура, посмотрев на небо.

— Что, тебе сорока на хвосте принесла такое известие? — почему-то с раздражением сказал Ленья. Раздражение моментально передалось Шуре, и он с презрением ответил:

— Если не понимаешь ничего, так молчи!

Голод, усталость и неудачи делали ребят сварливыми.

Наутро, когда еще сильно чувствовалась ночная прохлада, ребята уже сидели на песке и завтракали: ели чернику и противную рыбу.

— Уй-уй-уй! Какая гадость! — жалобно сказал Ленья, откусывая кусочек рыбы. — Даже тошнит.

Он опять вспомнил ватрушки с творогом. Потекла тягучая, противная слюна, и он выплюнул разжеванную рыбу.

— Когда придем домой, скажу бабушке, чтобы она ватрушек с творогом состряпала и сразу съем штук десять. Нет, двадцать! И целую крынку молока выпью! — с жаром сказал Ленья, и у него жадно заблестели глаза. У Шуры тоже потекла слюна, он плюнул на песок и сердито сказал:

— Сто съешь! Развез... «молоко, ватрушки»... Все кишки вывернул!

Ленья обиженно замолчал, обрывая с черничника ягоды, а Шура добавил:

— Хотя бы картошки вареной с хлебом и с солью поесть. Кажется бы, целый чугунок съел.

— Пойдешь искать? — мрачно спросил он через некоторое время.

— Пойду, — пискнул Ленья, — Аметиста с собой возьмем?

— Возьмем, что ему здесь делать, — ответил Шура и медленно пошел по горячему уже песку. Аметист поплелся за ребятами, как собачонка. Сегодня Шура уже начал сомневаться, что они найдут золото, но уходить ни с чем все-таки не хотелось.

«Хоть с голоду пропаду, а найду», — зло и упрямо думал он.

У Лени кружилась голова. Ноги не хотели идти, веки опускались сами собой.

«Наверное, от плохой еды», — вяло подумал Ленья.

Сказал, улыбаясь невесело, как сонный:

— Шурик, теперь уж, наверное, в огороде огурцы выросли.

У Шуры неприятно сжалось сердце. Ему захотелось сказать Лене что-нибудь ласковое, ободряющее, но он ничего не мог придумать и долго шел молча, сосредоточенно глядя под ноги.

— Ленья, когда приедем домой в Сосновку, хочешь, я отдам тебе тот пенал, который мне подарила Лида? — наконец спросил он.

Шура знал, что его пенал Лене нравится и думал, что Ленья такому подарку обрадуется.

— Пенал? Хочу, — вяло протянул Ленья после долгого молчания. Но Шура видел, что Ленья сейчас думает совсем не о пенале. Тогда он решил испытать еще одно средство.

— Если мы найдем золото, то нас велосипедами премируют, мы для своей страны принесем большую пользу, — внушительно сказал он.

Но Ленья шел сзади, устало опустив голову, и молчал, будто ничего не слышал. Шуре стало немного страшно. «Может быть, вернуться? — опять спросил он себя. — Но ведь здесь золото!»

Он остановился и посмотрел на жалкую изнуренную фигуру Лени.

— Есть! Есть! — задыхаясь от волнения, прошептал он...

— Леня, вернись, пожалуйста, и отдохни. Я один пойду искать, — тихо попросил он.

Леня выслушал его безучастно.

— Ну, ладно, — так же безучастно согласился он и побрел обратно, с трудом передвигая ноги. Аметист пошел за ним. Шура окинул взглядом горы, долину и зашагал вперед.

Он остановился в том месте, где русло высохшей реки заворачивало вправо. У него появилась такая мысль: здесь, на повороте у правого берега, течение воды должно было быть медленным, значит, здесь должны были оседать все тяжелые частицы минералов, а, следовательно, и частицы золота, как самого тяжелого металла. Шура стал копать песок. Вырыл яму глубиной около метра, набрал в ковш песку и пошел к ручью промывать. Промывал как-то механически, ни о чем не думая, а когда поднес ковш к глазам, на секунду зажмурился: в черном порошке магнитного железняка блеснули чешуйки золота.

— Есть! Есть! — задышавшись от волнения, прошептал он и хотел закричать Лене, бежать к нему, но раздумал. Быстро вернулся к яме и стал копать глубже. Он думал, что ниже должны быть более крупные и тяжелые частицы золота. Набрал песку и опять побежал промывать. Результат получился неожиданный: в черном порошке магнетита скромно блестела одна маленькая чешуйка золота. Это опрокидывало все расчеты Шуры. Он с лихорадочной поспешностью стал брать пробу из разных пластов, копая ямы в разных местах. Золота попадалось мало: одна-две чешуйки, а потом оно и совсем перестало попадаться. Радость погасла.

— Как же так? Не должно быть этого.

Шура опять и опять копал песок, но золота не было. Он бросил берестяной ковш на песок и долго стоял, устало опустив руки. Потом лег и закрыл глаза.

«Почему не выходит так, как нужно, как хочется? — думал он, — Сестра Лида всегда говорила, что в жизни всего можно добиться, следует только хорошенько захотеть и упорно работать. Пожалуй, она не совсем права. Разве он не хотел найти золото, не хотел принести пользу людям? Разве

он этого не добивался? Разве мало проявил энергии, упорства, мужества? А вот золото не дается, и ничего не поделаешь».

И в первый раз его вера в сестру поколебалась, ему стало жаль и себя, и ее, и было что-то оскорбительное в этой жалости к Лиде. Он тяжело задышал и повернулся на живот. Маленькая желтоватая ящерица проворно побежала от него и спряталась за камень. Шура проследил за ней взглядом и, уронив голову на руки, неожиданно для себя заплакал.

Плакать он перестал так же неожиданно, как и начал. Сел и сказал вслух:

— Нет, Лидя, права. Человек все может сделать. Иначе нельзя. Иначе скучно жить.

В самом деле, было когда-то время — люди не знали электричества, радио, не имели даже парового двигателя, даже велосипеда. Не знали, что земля — шар, что есть Америка и Австралия. Да мало ли чего люди не знали и не умели! А теперь? Ой-ой-ой! Чего люди добились, что они узнали, изобрели! А ведь, конечно, это им не сразу досталось. Наверное, трудно было, очень трудно! Может быть, в десять раз труднее, чем ему. Джордано Бруно даже сожгли. А Фультон, а капитан Кук, а Нансен, а челюскинцы?!

А он размазня! Шура воровато оглянулся: не видел ли кто его слез. И тут же усмехнулся, сообразив, что в горах некому быть свидетелем его слабости. Он встал и осмотрел долину.

«Если здесь кое-где попадаются легкие чешуйки золота, то более крупные и тяжелые должны были оседать где-то недалеко от размытой жилы или месторождений рудного золота. Значит, нужно идти вверх по течению ручья», — рассуждал Шура.

Пройдя метров четырехста, он остановился: влево уходило узкое ущелье. Когда они шли сюда, Шура не заметил его. По ущелью не бежал даже ручеек, но когда-то оно было, должно быть, тоже руслом реки. Это видно по галькам в песке и по сглаженным склонам ущелья. Не здесь ли прячется неуловимое золото?

Он свернул в узкую щель. Чем дальше, тем стены ущелья становились выше и круче. Они были сложены из мрачного красноватого гранита. Ни трава, ни деревья, ни кусты — ничто не росло на склонах.

Шуре стало тоскливо, но он все-таки продолжал идти вперед.

Через некоторое время вид гор изменился; цвет их склонов из красно-бурого неожиданно превратился в грязновато-белый.

Шура остановился, ладонью прикрыл от солнца глаза и стал всматриваться. Да, мрачный цвет гранита резко переходил в белый. Шура пошел быстрее, потом побежал. Губы его шептали:

— Неужели контакт?

Шура был достаточно искусственным разведчиком. Он много читал и слышал о жилах и контактах и хорошо знал, что там, где встречаются две различные породы, — например, известняк и гранит, — там может быть много самых разнообразных минералов.

Кроме того, контактовая полоса часто бывает пронизана жилами. Поблизости от контактов в толщах пород нередко обособляются участки, богатые рудами — малахитом, магнитным железняком, медным колчеданом.

Шура опять остановился и, щуря глаза, стал всматриваться. Сердце у него билось учащенно. Теперь он ясно видел, что гранит встретился не с известняком, а с мрамором. Там, где куски мрамора под действием внешних сил недавно отломились, поверхность его была блестящей и нежно-розовой, в других местах — белой, как сахар.

Шура сразу заметил и ее, жилу! Она гребнем проходила в граните, спускалась вниз и становилась незаметной.

— Ой! — тихо сказал Шура и приложил руку к сердцу. Никогда он, кажется, не испытывал такого волнения и не чувствовал себя таким счастливым, как в эту минуту.

До его слуха донеслось слабое, приглушенное журчание воды. Шура этому не удивился, хотя стоял на сухом месте, и ручья нигде не было видно.

Он сорвался с места и побежал.

Он был уверен, что в этой жиле есть золото, и не только золото!

— Скорей!

Но вдруг он почувствовал, что песок под ногами раздается. Ноги тонут в нем, и вся почва как-то странно колеблется. Шура кинулся в сторону, но ноги выше колен ушли в песок. Он в ужасе взмахнул руками, пытаясь удержаться, и в тот же момент почувствовал, что проваливается куда-то вместе с песком и обломками камней. Что-то полоснуло его, как ножом, по левому боку, потом с силой стукнуло по затылку, и он потерял сознание.

VII.

ЛЕНЯ приподнял странно пустую, словно выдолбленная тыква, голову. Аметист копался в куче увядшего черничника. Изо рта у него свисала травинка — это первое, что увидел Ленья. Он повел глазами: от гор через долину протянулись длинные вечерние тени. Они напомнили Лене что-то очень знакомое. Да, конечно: в это время суток дома, в Сосновке, так же тянутся через пыльную улицу длинные тени тополей. Стадо идет домой. За селом гудит трактор. На площади ребятишки играют в городки, а взрослые — в футбол. У клуба поет громкоговоритель, играет музыка. Как хорошо!

Он опустил голову на песок и закрыл глаза. Не хотелось двигаться, не хотелось ни о чем думать. Легкие туманные воспоминания проплывали, как в полусне. Над самым ухом слышался хруст травы на зубах козленка.

«Уже вечер, а Шуры нет», — равнодушно подумал Ленья и задремал.

Разбудили его какие-то звуки. Долина уже вся погрузилась в тень, только вершины гор освещались солнцем. Низко над землей, тонко посвистывая крыльями, летели большие рыжие птицы с белой головой и с белыми пятнами на крыльях.

«Утки-варнавки. Должно быть, на ночлег», — подумал Ленья. Дрожащими от слабости руками он взял лук, стрелу и натянул тетиву. Но птицы уже улетели, Ленья уронил лук и опустился на песок. Закружилась голова, к горлу подступила мучительная тошнота. Опять вспомнил Шуру. Стало ясно, что Шуры уже нет в живых. Дважды одно и то же повторяется: один раз он спас Шуру, а теперь и ему, и Шуре — гибель. Им овладела гнетущая тоска. Он закрыл глаза и прижался щекой к прохладному песку.

«Кончено. Только бы скорей».

Не было страха перед смертью, жалости к себе, желания жить. Было пусто и тоскливо.

Опять тонко засвистели над головой крылья. Несколько уток-варнавок летели на север.

— Надо убить, — подумал как будто не Ленья, а кто-то другой. И этот другой поднял его тело. Ленья нашупал камень и, не целясь, бросил в птиц. Утки с шумом взлетели кверху, а одна из них перевернулась в воздухе и глухо шлепнулась на песок.

Ленья подполз к птице и взял ее. Она была теплая и тяжелая, из клюва у нее выступила капелька крови.

«В голову попал», — сообразил Ленья.

Опять подступила тошнота и кружилась голова. Ленья дрожащими непослушными пальцами стал обрывать перья. Потом, спотыкаясь, набрал сушняку, надрал березовой коры. На песке запылал костер. Ленья нетерпеливо подгребал угли и жарил убитую утку. Однако, поел совсем мало: начался жар и озноб одновременно.

Костер погас. Ленья уполз в пещеру, как они называли по привычке свое новое жилище, и уснул тяжелым сном.

Ночью он проснулся, дрожа от страха и обливаясь холодным потом, и сам не мог понять, что его так испугало. Он не открыл глаз, не шевельнулся, а затаил дыхание, стараясь сдержать пытавшееся выскочить из груди сердце.

Так он лежал несколько минут. И вот «оно», — это страшное, что разбудило его, — мягко, осторожно коснулось его ноги ниже колена и быстро бесшумно отдернуло руку или лапу. Ленья чуть не лишился сознания.

Хуже было то, что он не знал, какая ему грозит опасность и что он должен предпринять для своего спасения. Нападение медведя и волков казалось пустяком по сравнению с этим ужасом. Вот «оно» опять коснулось его ноги, уже выше колена, вот добралось и до головы, и, хотя прикосновение было легким и мгновенным, Ленья не мог более выдержать.

— Кто тут? — закричал он не своим голосом и взмахнул рукой, чтобы ударить неизвестное существо. Пальцы его наткнулись на что-то, по форме похожее на человеческую руку, но мягкое и шерстистое. Ленья отшатнулся и принялся лихорадочно искать спички. Долго не мог зажечь, а когда пещера, наконец, осветилась, в ней никого не было, только в уголке, свернувшись калачиком, спал Аметист. Спичка погасла. Ленья сел, прислонившись спиной к стене, подобрал под себя ноги, и, схватив козленка, положил его к себе на колени: все-таки было не так страшно.

Он вспомнил теперь, что вечером забыл завалить камнями вход в жилище, но боялся даже пошевелиться и сидел, прижимая к себе козленка, глядя в темноту широко открытыми глазами.

VIII.

ШУРА не мог определить, сразу он очнулся после падения или через несколько часов. Он открыл глаза и опять закрыл их от боли: они были засорены песком, и весь он был засыпан песком и обломками камней. Он услышал журчание воды и ощутил холод в ногах. Очевидно, ступни его ног лежали в ручье. Он подобрал ноги и сел, почувствовав при этом сильную боль в боку и затылке.

Подвинулся в ту сторону, где шептал ручей, зачерпнул в горсть воды, промыл глаза, освежил лицо и голову и осторожно открыл один глаз, боясь увидеть что-нибудь страшное. Было темно, но не совсем. Откуда-то проникал слабый дневной свет. Вглядевшись, Шура увидел, что находится в большой подземной пещере. По середине ее бежал ручей. Вода в полутьме казалась черной и зловеще поблескивала. Прямо над головой светилось небольшое отверстие, в которое он, очевидно, и провалился.

Первой мыслью Шуры было попытаться выбраться из пещеры через отверстие. Он встал и вытянул руки вверх, но нужно было на него поставить еще такого Шуру, а может быть, и двоих, чтобы достать до потолка пещеры.

Шура заметил, что в стороне еще что-то светится. Очевидно, в потолке были другие отверстия. Шура стал осто-

рожно подвигаться в ту сторону. Он боялся наткнуться или наступить на что-нибудь страшное. Воображение рисовало всяких мерзких гадов, пауков, чудовищ. Ноги осторожно ощупывали влажный и скользкий пол пещеры.

Стало немного светлее. Потолок был здесь прорезан несколькими небольшими трещинами, но пещера была еще выше. Шура осмотрелся. Слабо мерцала вода в ручье. Стены пещеры были мокры и причудливо изрезаны, — должно быть, водой. Шура много читал о подземных реках и вымываемых ими пещерах. Он догадался, что раньше эта пещера была руслом подземной реки.

Когда-то давно река текла в ущелье наверху, потом вода стала просачиваться в трещины на дне реки, размывать и растворять породу. Здесь, где сейчас пещера, были тогда пласты известняка. Вода растворила их, а своды пещеры, сложенные из другой породы, — вероятно, из гранита, — уцелели, и река потекла под землей.

Шура пошел вдоль по течению ручья, надеясь найти выход из пещеры. Становилось все темнее и темнее, наконец, ничего не стало видно. Шура нашел в кармане завалявшуюся бумажку, зажег ее и поднял вверх. Идти дальше было некуда: пещера кончалась. Потолок ее стал низким, сверху капала вода, по стенам, мрачно поблескивая, бежали потоки. Внизу, прямо из-под стены, просачивался ручей. Сверху кое-где висели грязно-желтые сосульки.

«Сталактиты», — догадался Шура. Но как они были непохожи на те красивые грандиозные сталактиты, о которых он читал в книгах! Какие они были грязные и уродливые!

Бумага догорела.

Наступила непроницаемая тьма.

Что, если в самом деле из пещеры нет выхода? Тогда... тогда он обречен умереть в этом подземелье голодной смертью. словно холодная скользкая змея проползла у него по спине при этой мысли. В изнеможении он опустился на мокрый камень. Сидел, опустошенный и подавленный, несколько минут, потом ползком добрался до ручья и стал жадно пить. Вода была противная, с большой примесью из-

вести. Шура намочил лоб, и мысли прояснились. Он немного успокоился. Не надо отчаиваться, пещера еще не исследована, возможно, что выход есть. А если нет, так разве в первый раз ему смотреть смерти в глаза? Это противно — всегда и всего бояться.

Он поднялся и медленно, ощупью пошел обратно. Миновал все отверстия в потолке, и снова очутился в темноте. Он подходил к стенам, ощупывая их, зажигал спички и осматривался, но выхода нигде не было. Пещера стал похожа на узкий, низкий коридор. Шура с тревогой заметил, что ручеек становится все меньше и меньше. Вода, должно быть, просачивалась ниже. Значит, вода не пробила выход на поверхность земли где-нибудь в склоне ущелья или долины. Шура это понимал, но старался об этом не думать, чтобы не дать отчаянию овладеть собой. Ведь если полное отчаяние, значит смерть, а он не хотел умирать.

От затхлого, насыщенного вредными газами воздуха у Шуры начала кружиться голова. Он потерял счет времени, перестал понимать, идет он или кружится на одном месте, и подвигался все медленнее и медленнее. Вот он споткнулся и упал. Хотел встать — и не мог: ни руки, ни ноги не повиновались, в ушах звенело. Тогда он пополз. Но глаза закрылись сами собой, и голова упала на мокрый камень.

«Смерть», — громко сказал кто-то над ним.

Шура пришел в себя, но не открыл глаз. Легкий свежий ветерок приятно обвевал его лицо. Ослабевшая память медленно восстанавливала последние события.

Неужели правда, что он, Шура, под землей? Может быть, это он читал Жюль Верна и заснул? Может быть, он лежит в своей постели? Сейчас он откроет глаза и увидит знакомые обои с синими разводами, тюлевую шторку на окне, возле которого стоит его кровать.

И Шура открыл глаза. Темно и страшно. Нет, это не сон, это действительность.

Снова откуда-то повеял ветерок. Шуру охватило страстное желание, во что бы то ни стало, выбраться отсюда и жить, жить! Он пощупал — камень был почти сухой, ручеек исчез. Шура протянул руку в одну сторону и наткнулся на каменную стену, протянул в другую — тоже. Он не знал, день или ночь сейчас и сколько времени он находится в подземной пещере, не мог вспомнить, в какую сторону шел.

Опять ветерок. Напряженно и радостно ловил Шура волны свежего воздуха. Несомненно, где-то совсем близко был выход на землю. Он пополз в ту сторону, откуда, как ему казалось, проникал чистый воздух, и стукнулся головой о низкий потолок прохода. Песок и мелкие камешки посыпались на голову, в глазах запрыгали оранжевые искры. Прижавшись к самой земле, как кошка, он все же пополз дальше, и прохладный ветерок, какой бывает на земле перед рассветом, все сильнее дул ему навстречу. Стало светлее, впереди замерцали яркие звездочки. Шура не сразу сообразил, что он видит ночное небо. А когда догадался, то чуть не вскрикнул от радости. Он рванулся вперед. И это неосторожное движение чуть не погубило его: ноги скользнули в пустоту, и он, едва успев схватиться за ветки какого-то растения, повис над пропастью. Не помня себя, с нечеловеческим усилием взобрался он на выступ, с которого соскользнул, и долго сидел, закрыв глаза, отдыхая от напряжения и страха, наслаждаясь чувством свободы.

Когда открыл глаза, небо уже посерело, звезды стали не такими яркими, и теперь хорошо было видно, что он сидит на небольшом выступе. Склон спускался вниз почти отвесно.

Становилось все светлее. Из ущелья начинал подниматься туман. На дне ущелья стало видно узенькую стальную ленточку ручья, — должно быть того самого, который бежал в пещере и исчез, просочившись в трещину.

Два продолговатых облачка, висевших на западе, окрасились в нежно-розовый цвет. Окраска гор изменилась, по ним пробежало что-то светлое и радостное: где-то за горой вошло солнце.

— Как хорошо! — прошептал Шура, жадно глядя на горы, на небо, на ущелье. Сверкнув белыми крыльями, взмыла чайка и понеслась на юг.

«Значит, озеро совсем недалеко», — догадался Шура. Он соображал, что лучше: спуститься вниз или подняться вверх. Если озеро недалеко, то лучше спуститься. Немного влево камни нагромождены, как ступеньки, по ним можно сойти в ущелье. По ущелью будет легко добраться до озера, а по берегу озера — домой.

— Домой, — повторил Шура вслух, и ему так захотелось домой, что, кажется, улетел бы, как та чайка. Но тут он вспомнил о Лене, и сердце у него защемило. Нет, домой нельзя: он должен отыскать товарища. Разве можно оставить его одного погибать в горах? И Шура стал карабкаться вверх, на вершину горы.

Солнце уже поднялось над горизонтом. Гора, на вершину которой взобрался Шура, была сложена из темно-красного гранита и на ней почти ничего не росло. С вершины Шура увидел то ущелье, в котором провалился в подземную пещеру. Отсюда было совсем недалеко до места их ночевки. Шура быстро спустился в ущелье и зашагал на восток. Ноги у него подкашивались, в желудке от голода начинались спазмы, но он думал только о встрече с Леной. Вот долина, вот виднеется их жилье с молодой засохшей березкой у входа. Сейчас он увидит Леню.

Шура забыл об усталости и голоде и побежал. Он опустился на колени перед пещерой и заглянул в нее. Пещера была пуста. Шура несколько секунд, не мигая, смотрел на кучки засохшего черничника.

«Леню разорвали звери!» — Эта страшная мысль первой пришла Шуру в голову. К затылку прилила горячая волна. Он выскочил из пещеры и тревожно огляделся. На песке валялись птичьи перья и были следы костра. Шура обрадовался: если Леня жарил птицу вчера вечером или сегодня утром, — значит, он жив. Может быть, ушел на охоту или домой. Он задумался, не зная, что предпринять. Уйти домой? А вдруг Леня где-нибудь здесь? Несколько раз он при-

нимался звать Леню, но голос его одиноко замирал в горах. Вдруг он заметил ветку красной смородины, воткнутую в песок недалеко от пещеры. Листья на ней были свежееувядшие. Очевидно, ветка была воткнута недавно. Кем? Конечно, Леней! Но что это значит? Шура выдернул ветку и жадно осмотрел ее: никаких знаков на ней не было.

Шура стал искать еще каких-нибудь следов или знаков. Опять вернулся в пещеру и на этот раз увидел в уголке под камешком что-то белое. Это был вчетверо сложенный листок из записной книжки. Леня писал:

«Шурик, если ты еще жив и придешь в пещеру, то знай, что я ушел искать тебя. Где буду проходить, буду втыкать в песок ветки. Я тебя ждал почти сутки. А если тебя нет в живых, тогда прощай!»

Последние слова были написаны неразборчиво, и на бумаге расплылось пятно. Должно быть, прощаясь с товарищем, Леня не удержался от слез.

Шура сжал записку в кулаке и быстро пошел вверх по течению ручья. Не совсем увядшие ветки, воткнутые в песок, говорили о том, что Леня недавно проходил здесь. Однако, через некоторое время Ленины знаки перестали попадаться. Шура в недоумении остановился. Он попробовал найти следы, но на сухом песке следы плохо сохраняются. Вдруг он увидел в стороне маленькое животное, похожее на козленка. Оно стояло у куста и ощипывало листочки.

— Аметист! — вскрикнул Шура и остановился.

Из-за куста послышался слабый стон. Шура кинулся туда. В тени куста на песке лежал Леня. Лицо его было красно, глаза закрыты, губы запеклись, он тяжело дышал и изредка стонал. Шура опустился на песок возле него.

— Леня! — тихо позвал он, касаясь ладонью горячего лба товарища. Леня открыл глаза. Взгляд его был мутен и бессмысленен. Потом на лице появилось выражение не то радости, не то удивления.

— Шура, ты пришел... — прерывисто прошептал он. — А я, видишь, заболел... Домой бы...

В тени куста на песке лежал Ленья. Лицо его было красно, глаза закрыты, губы запеклись, он тяжело дышал и изредка стонал.

Он улыбнулся, но внезапно лицо исказилось жалобной гримасой и по щекам потекли слезы. Шура стало невыразимо жаль его, но что он мог сделать? Он сам был голоден, измучен до последней степени и почти болен.

— Лентя, не надо плакать, как-нибудь все обойдется, — утешал он товарища, но и сам уже не верил, что когда-нибудь они доберутся до дому.

— Пить! — попросил Лентя.

Шура вынул из сумки кружку и пошел к ручью за водой. Козленок побежал за ним, он тоже хотел пить.

Лентя жадно выпил принесенную товарищем воду и сказал:

— Возьми у меня в сумке жареную утку.

Шура нашел в сумке большой кусок утки, убитой Леней вчера. С трудом сдерживаясь, чтобы не вцепиться в него зубами, Шура спросил:

— А сам ты?

— Не хочу, ешь! — прошептал Лентя и закрыл глаза.

Как Шура ни хотел есть, однако, он отломил третью часть куска и положил обратно в сумку, для больного, а остальное стал жадно поедать. Съев свою порцию, он еще больше захотел есть, и полез вверх по склону поискать ягод.

Он напал на сплошные заросли черничника. Ел ягоды до тех пор, пока не отяжелел и не захотел спать. Нарвал полную кепку черники для Лени и Аметиста и пошел обратно.

Козленок спал рядом с Леней. Шура подумал, что спать в горах на открытом воздухе опасно, но его одолела страшная усталость. Он лег на песок и тоже уснул.

Проснулся от того, что вышедшее из-за дерева солнце нестерпимо жгло ему лицо. По расчетам Шуры, было около четырех часов дня. Лентя все еще спал, дыхание его стало несколько спокойнее. Шура пощупал его влажный лоб и пошел к ручью напиться.

Тут он вспомнил о своей находке и удивился, как он мог о ней забыть. Все заслонил Лентя. Теперь, когда товарищ был найден, и болезнь его, очевидно, шла на убыль, он снова подумал о золоте и готов был отправиться на поиски. Но

сначала нужно было каким-то способом перетащить Ленью в безопасное место. Шура вернулся к спящему товарищу и долго сидел, отгоняя мошек и комаров от его лица.

— Ленья, — тихо позвал он наконец.

Ленья открыл глаза.

— Нам нужно перебраться в пещеру, там безопаснее. Привстань немного и возьмишь руками мне за шею, я тебя понесу.

— Зачем? — хрипло и бессмысленно спросил Ленья.

Он был сильно болен, и Шура большого труда стоило добиться, чтобы он сделал так, как нужно. Ленья исхудал и был не тяжел, но плохо держался и нести его было трудно.

Измучившись вконец, Шура кое-как дотащил Ленью до пещеры. Потом нарвал большой ворох травы, разбросал ее на горячем песке, чтобы она высохла и могла служить подстилкой и одеялом для больного товарища. Теперь Шура не рассчитывал скоро попасть домой, он думал только о том, как бы отстоять Ленью от смерти. Надо было устраиваться здесь надолго.

Собирая траву для постели, Шура наткнулся на заросли малинника. Он боялся кормить Ленью сырой ягодой и решил сварить для него нечто вроде малинового варенья. Он знал, что малина является лекарственным потогонным средством. Начистив ягоды, налил в кружку немного воды, приспособил над пламенем костра таганок и принялся варить. Хотя «варенье» припахивало дымом, Ленья охотно съел горячее снадобье.

Вечером Лене стало лучше, на теле выступил обильный пот и температура понизилась.

«Наверное, у него не простуда, а малярия, — подумал Шура. — Значит, нужно отварить осиновой коры, это помогает при малярии».

Долго в этот вечер хлопотал Шура, устраиваясь по-хозяйски.

Ночью пошел дождь, медленный и спокойный. Запахло сыростью. Ленья зяб. Шура укрыл его своей тужуркой, травой и сам прижался к нему. Под шорох дождя они уснули.

Проснулся Шура сразу, словно его кто толкнул.

— Шура, здесь он... — услышал Шура похожий на шелест травы шепот Лени. Он подумал, что Леня бредит, и не ответил ему. Но вскоре его слух уловил еле слышный шорох, словно возле самого лица махнули платком. Какое-то постороннее живое существо проникло в пещеру, несмотря на то, что вход был завален камнями. Шура насторожился. Опять осторожное прикосновение к его руке повыше локтя. Шура, не раздумывая, цапнул, и под его рукой кто-то маленький и лохматый тонко пискнул.

— Ага, попался! — вслух сказал Шура, сжимая в руке неизвестного зверька.

— Кто это? — испуганно спросил Леня.

— Сейчас увидим. Возьми у меня в левом кармане спички и зажги. Ишь ты какой, еще кусается!

Когда дрожащий огонек осветил пещеру, ребята увидели маленького зверька ржавого цвета с черными полосками на спине, с длинным хвостом.

— Бурундук! — удивился Леня.

— Да еще какой любопытный, ходит и ощупывает меня. — Шура засмеялся. — Удирай скорей, да чтоб больше сюда не приходил! Спичку из-за тебя испортил.

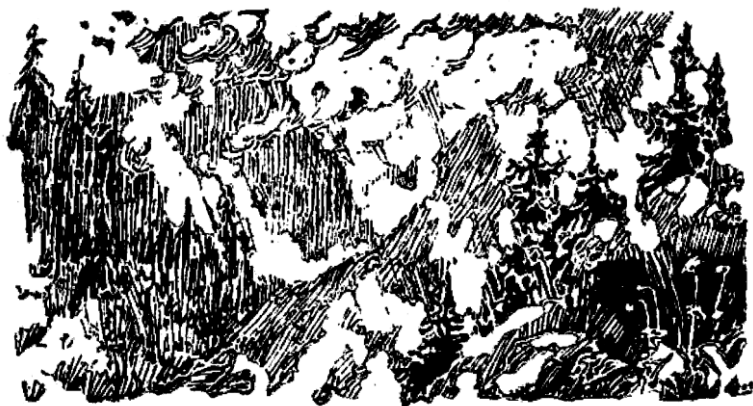
Бурундук свистнул и скрылся в щелке между камнями.

— Какой хорошенький... Приручить бы, — задумчиво сказал Леня.

— Бурундуки хорошо приручаются. Смотри, он еще в гости придет, — сказал Шура, укладываясь на другой бок.

Леня не рассказал товарищу, что этот маленький зверек напугал его прошлой ночью чуть не до смерти. Ему было стыдно сознаться в этом.

IX.

УТРОМ лениво и надоедливо шел дождь. Небо было серое и низкое, горы прятались за частой сеткой дождя.

У Лени продолжался приступ, его трясло, и он скулил по-щенячьи. Потом начался жар. Леня разбросал скудную одежонку, раскинул руки. От его худенького грязного тела несло жаром, как от печки. Не открывая глаз, он лопотал что-то часто-часто, иногда принимался плакать или просил пить. Шура, набросив на голову курточку, бегал к ручью за водой, мочил в ручье тряпочку-компресс на голову Лене. Потом уныло смотрел, как ручьи впитываются в песок у входа в пещеру. Было очень тоскливо.

Через несколько часов Лене стало легче, и он уснул. Шура заботливо укутал его курточками и травой, взял молоток и сумку, вылез из пещеры, тщательно завалил вход и, вздрагивая от сырости, пошел по мокрому песку. Дождь не переставал. Холодные струйки воды заползали за ворот, бежали по спине. Шура сжался и застучал зубами.

«Надо бегом, а то замерзнешь», — подумал он и побежал. Пока добежал до ущелья, согрелся. По ущелью зашагал осторожно и деловито. Дождь лил все так же, но, казалось, стал более теплым.

Шура заметил ручку своей лопаты, торчащую из песка. Песок здесь был весь изрыт маленькими воронками. Шура понял, что именно здесь он вчера провалился в пещеру. Теперь он осторожно подобрался к своей лопате и взял ее.

Пошел, держась около склонов ущелья, где песку было меньше. Воронки перестали попадаться: значит, пещера кончилась. И — странное дело! — на дне ущелья появился маленький ручеек. Сначала Шура подумал, что эта вода скопилась от дождя, но чем дальше шел вверх по течению ручья, тем ручей становился больше и, наконец, превратился в бурный поток. Это интересное явление: по дну ущелья бежит большой поток, потом превращается в маленький ручей и, наконец, совсем исчезает. Шура хотя и знал из географии о так называемых карстовых явлениях, но все же увидеть это самому было приятно.

«На дне ручья, несомненно, есть провалы», — подумал Шура и посмотрел вперед. Контакт, то есть место встречи мрамора и гранита, был совсем близко. Шура, как и вчера, почувствовал волнение. Поднял кусочек белого, прозрачного, с чуть розовым оттенком мрамора и стал его рассматривать, припоминая виденные им в музее образцы разных сортов мрамора. Кусок, который он держал в руках, напоминал ему тот чудесный сорт мрамора, который находят в Италии и Греции, и из которого, по словам Миши, сделаны шедевры мировой скульптуры.

— Ну и Алтай! — сказал Шура и с уважением посмотрел на горы.

Медленно подошел он к тому месту, где выходила жила, и, не торопясь, но с силой ударил молотком. Полетели мелкие брызги породы.

Шура долго бился около жилы. Порода кварца была слишком крепкой, отлетали только мелкие кусочки. Но когда он взял один из таких кусочков кварца, то увидел, что в породе тонкой сеточкой жилок был вкраплен желтоватый металл. Это и было рудное золото. Шура присел на корточки и стал торопливо копать в осыпях, которые образовались около выхода жилы. В руке у него оказался кусочек

— Ну и Алтай! — сказал Шура, и с уважением посмотрел на горы.

грязновато-желтого, непривлекательного минерала. Шура взглянул на него и хотел бросить, но вдруг крепко сжал в кулаке. Обломок был очень тяжелым. Таким тяжелым могло быть только золото. Мало того, это был золотой самородок величиной с куриное яйцо, вкрапленный в выветренный кварц. Шура жадно смотрел на него, перекидывая из одной руки в другую, приложил к щеке, ко лбу и засмеялся, качая головой.

Вот оно, золото! Найдено! Наконец-то все его труды, лишения увенчались успехом. Сейчас ему доставляло радость даже не само золото, а сознание, что человек все может сделать, если захочет и если будет упорно добиваться.

Это была огромная, никогда им не испытанная радость. Держа тяжелый кусочек металла в руке, Шура чувствовал себя сильным, всемогущим, как будто он держал в руках земной шар. Он выпрямился, посмотрел на небо, на горы и опять улыбнулся.

«Если здесь есть рудное жильное золото, то должны быть и золотые россыпи, потому что когда-то здесь протекала река и размывала эту жилу», — подумал Шура. Он стал оглядываться кругом. Выбрал место, где, по его мнению, должно было отлагаться золото, и стал копать яму. Набрал песку в ковш и побежал к ручью. Лихорадочно крутил ковш в воде, и наконец увидел настоящее золото, блестящее и нарядное.

Шура больше не удивлялся. Он считал, что все так и должно быть.

Промывая пробы то с одного, то с другого места, Шура неожиданно заметил блестящие серые крупинки и пластинки.

«Что это такое?» — Шура взял одну пластинку на зуб. Она оказалась очень твердой. Может быть, это платина или осмистый иридий? Хорошо, если бы осмистый иридий. Шура недавно читал об этом ценном минерале. Он представляет соединение двух редких металлов: осмия и иридия. Осмий идет для приготовления дорогих красок, употребляемых в медицине, а иридием покрывают контакты в радиоте-

леграфных аппаратах и автомобильных частях. Иридий нужен в военном деле, и ни один металлургический завод не может без него обойтись. Из него изготавливают особые приборы — пирометры, измеряющие очень высокую температуру печей. До революции пирометры ввозили из-за границы, а теперь мы их сами делаем, и иридий нам очень нужен. Если бы это оказался иридий! Ах, хорошо, как хорошо!

И Шура стал напевать свою любимую песенку Роберта Гранта, слышанную им по радио:

*Кто весел, тот смеется,
Кто хочет, тот добьется,
Кто ищет, тот всегда найдет.*

Шура был горд. Теперь только бы Ленья выздоровел.

Вспомнив о Лене, он заторопился: хотелось скорей поделиться радостью, рассказать о находке. Он зарисовал местность, более ценные образцы завязал в тряпку.

Когда Шура возвращался к пещере, дождь уже перестал, но небо продолжало оставаться серым.

Ленья все еще спал и проснулся от стука отваливаемых камней.

— Ленья, посмотри-ка, что я нашел, — сказал Шура, сдерживая радостную улыбку, и поднес к лицу товарища развязанный узелок. Ленья приподнял голову и несколько секунд смотрел сонным, безучастным взглядом. Но вот глаза его оживились.

— Уй-юй-юй! Нашел все-таки золото! — сказал он хрипло, и вдруг лицо его сморщилось. — А я... не могу...

— Ленья, дурачок, мы же вместе нашли, — заговорил Шура горячо и убедительно. — Если бы не ты, меня в живых, может быть, не было бы. Мы же вместе искали, помогали друг другу, значит, вместе и нашли. Теперь бы нам домой добраться! Если бы ты не болел, мы бы завтра дома были.

— Домой, — повторил Ленья это слово, такое теплое и ласковое. — Шурик, пойдем домой! Мне лучше, совсем лучше.

Он с трудом сел и улыбнулся жалкой улыбкой. Чтобы доказать, что ему лучше, он даже попросил кусочек мяса. Но Шура понимал, что тащить Лению в путь сейчас невысказано: он слишком слаб. Шура решил сначала один сходить в разведку, обследовать путь до озера.

— Завтра, Ленья, отправимся домой. Только ты смотри, к завтрашнему дню выздоравливай! А сейчас я один пойду, узнаю, далеко ли озеро.

— Но ведь я говорю, что совсем выздоровел, — горячо сказал Ленья. Помолчав немного, он печально спросил, глядя в глаза товарищу: — Шурик, а ты один не уйдешь?

В его взгляде одновременно были и страх и надежда.

— Ленья, как ты можешь так думать! — возмутился Шура. Он чуть не заплакал и от жалости к Лене, и от обиды на то, что товарищ о нем так дурно подумал.

Когда он пошел искать озеро, на небе уже не было ни одного облачка. О том, что шел дождь, напоминали сейчас лишь чистый легкий воздух и дождевые капли, сверкавшие на яркой зелени кустов и травы.

— Вот оно где! — радостно закричал Шурик и остановился. Из-за скал сверкнула веселая искрящаяся гладь озера. На той стороне его поднимались горы. Эти горы видны с крыльца дедушкина дома. Шура их сразу узнал. Он сел на камень и, как зачарованный, не спускал глаз с этих гор. Эх, если бы лодку! Через два-три часа они с Ленией были бы дома.

Им овладела страстное нетерпение увидеть скорее родных, дом, вообще людей. Если бы каким-нибудь чудом появилась сейчас лодка! Шура глубоко вздохнул. Он знал: чудес не бывает. Человек должен всего добиваться сам.

Что ж, если нет лодки, надо попытаться соорудить плот. Он не раз видел, как делают плоты сплавщики в Артыбаше. Поднялся по склону, выбрал небольшую сосенку и стал ее подрубать. Работал он прилежно, лишь изредка разгибал уставшую спину и отирал ладонью пот с лица. Он заготовил шесть небольших бревешек, стащил их к самой воде, вырубил несколько жердей, положил их поперек бревен и все это скрепил скрученными прутьями.

С каждой минутой течение становилось сильнее. Теперь Шура, чтобы не выпустить веревку из рук, должен был бежать по берегу.

Когда солнце спряталось за гору, плот был уже готов. Шура выпрямился и облегченно вздохнул. Болела спина, болели кровавые мозоли на ладонях, но настроение было бодрое. Уж теперь-то Шура знал, что все будет хорошо.

Утром у Лени начался второй приступ малярии, несмотря на то, что накануне Шура напоил его отваром осиновой коры, Как ни старался Ленья сдерживать дрожь и стоны, но не мог: ему казалось, что у него переламывается поясница, вывертываются из суставов руки и ноги.

Шура сначала сидел хмурый и недовольный: ему было досадно, что Ленья не может или, как казалось ему, не хочет пересилить свою болезнь. Но как только Ленья заплакал, Шура стало жаль его, и он раскаялся в своих дурных мыслях. Разве же Ленья виноват, что болен?

— Ленья, ты не плачь, — утешал он товарища. — Все равно мы сегодня будем дома. День большой. Вот пройдет приступ, станет тебе легче, и побредем потихоньку. Нам бы только до озера добраться, а там сядем на плотик и понесемся. Течение идет вдоль правого берега, я вчера проверял — ветки бросал. Понесет нас, как на крыльях. Ты не плачь, успокойся.

— Только бы до озера добраться, — всхлипывая, повторил Ленья. — Сегодня меня не так трясет. Сегодня я быстро поправлюсь.

— Да, сегодня тебя не так трясет и вид у тебя лучше, — подтвердил Шура, чтобы ободрить товарища. — Все-таки помог осиновый отвар.

— Конечно, помог, — лепетал Ленья, весь красный, разбрасывая с себя одежду.

Устало вздыхая, Шура терпеливо поил Леню водой, менял компрессы и прислушивался к хриплому, частому дыханию больного. Наконец, дыхание стало более ровным, и Ленья заснул.

Пока он спал, Шура собирал малину, чернику, варил «варенье» и думал о доме.

Через некоторое время он услышал слабый голос Лени и поспешил в пещеру. Ленья сидел на своей постели вспотев-

ший, желто-бледный и трогательно худенький, но улыбающийся своей жалкой и милой беззубой улыбкой.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Шура.

— Лучше, — прошептал Ленья. У него не было силы даже говорить. — Совсем лучше.

— На, поешь, и пойдем, — предложил Шура, подавая ему кружку с «вареньем».

У Лени дрожали ноги, кружилась голова и темнело в глазах, но все же он прошел шагов двадцать.

— Шурик, давай отдохнем немножко, я не могу, — простонал он.

Ребята сели на песок. Шура видел, что идти Ленья не может, нести его на себе Шура тоже не мог: он нес козленка и тяжелую сумку, наполненную образцами пород. Глядя по сторонам, Шура придумывал, как бы выйти из тяжелого положения.

Наконец, он заметил в ручье застрявшую между камнями вывороченную с корнем сосну. Она качала ветками, порываясь уплыть, но ее держали камни. Шура поточил топорик о камень и принялся обрубать ветки и корни, которые мешали дереву плыть. Несколько сучьев он оставил, чтобы дерево было устойчивым и не вертелось.

— Шурик, зачем это? — спросил Ленья.

— Пароход тебе сделал.

Он усадил Леню на нижнюю часть ствола, между двух торчащих в стороны корней. Козленка Ленья устроил у себя на коленях, а сумку повесил на корень. К тонкому концу дерева Шура привязал веревку, подтолкнул дерево, и оно медленно поплыло вниз по течению. Шура помогал дереву двигаться, таща его на веревке и направляя мимо больших камней, загромождавших русло.

Ленья, сидя на этой импровизированной барже, чувствовал себя не очень хорошо: ствол дерева трясся и скрежетал по камням, потому что ручей сначала был довольно мелким. Но скоро он превратился в широкий и глубокий поток. Дерево поплыло быстрее: оно больше не бороздило по камням.

С каждой минутой течение становилось сильнее. Теперь Шура, чтобы не выпустить веревку из рук, должен был бежать по берегу.

Стало видно устье реки, и только тут Шура с ужасом сообразил, что течение может вырвать у него веревку, и дерево вместе с Ленией унесет в озеро. На лбу у него выступил холодный пот.

— Ления! — закричал он, — Ления!

Веревка вырвалась у него из рук. Он забежал в воду и, два раза обернув веревку вокруг пояса, завязал ее узлом. Затем встал на четвереньки. Веревка натянулась и потащила Шуру глубже в воду, но он схватился руками за выступивший из воды камень. Дерево остановилось. Шура пополз вокруг камня, чтобы закрутить за него веревку. Веревка трещала. Шура боялся, что вот-вот она оборвется и тогда все пропало. Но тонкий конец сосны приблизился к берегу, и Шура увидел, что Ления, положив козленка себе на шею, ползет по стволу. Через минуту он был на берегу. Шура облегченно вздохнул. Теперь на сосне осталась только сумка с камнями и золотом. Через минуту дерево совсем прибило к берегу. Ления снял сумку и топором перерубил веревку. Дерево сначала медленно двинулось вдоль берега, потом перевернулось, закружилось, выплыло на середину и понеслось, ныряя в пенистых волнах.

— Фу! — сказал Шура, вставая на ноги. — Дурак я. Надо было тебе слезть с бревна раньше, там, где еще течение не было быстрым.

— Наплевать, — ответил Ления, — все обошлось хорошо и говорить не о чем.

Кажется, эта передрыга послужила ему на пользу: крайняя слабость и изнеможение как будто исчезли, и он выглядел несколько бодрее.

Они постояли, молча глядя на белые гребни реки и стараясь успокоиться. Потом Шура надел сумку, взял Аметиста и хотел поддержать под руку Лению, но Ления сказал:

— Я сам!

И они пошли.

— Вот он, наш пароход, — сказал Шура, указывая на плотик.

— А мы, Шурик, не утонем на нем?

— Ну нет, мы же управлять будем, все равно как на лодке. Я и рулевое, и гребные весла сделал.

Когда ребята оттолкнулись шестами от берега, плот качался и завертелся.

— Держись! — весело крикнул Шура, орудуя веслами. Плот понесло вдоль берега. У Лени захватило дыхание и от радости и от страха. Но чем дальше они отплывали от устья реки, тем медленнее становилось течение. Плот теперь плыл ровно и спокойно.

— Вот так мы, спасибо нам! — весело сказал Шура.

Леня улыбнулся: ему казалось, что через час, самое большее через два, они будут дома.

— Нас, наверное, уже не ждут, а мы явимся, как огурчики, — сказал он, смотря на Шуру заблестевшими глазами и лукаво улыбаясь.

— Угу, — коротко ответил Шура и представил, как все будут радоваться их возвращению и удивляться. Он ощупывал в сумке образцы пород и чувствовал себя гордым и счастливым.

А Леня видел уже, как он взбегают по деревянным ступенькам крыльца, видел радостные лица папы, бабушки, тети Гали, видел хлеб на столе, ватрушки и кринку молока. Он проглотил слюну.

«Ой, лучше не думать. Так хорошо, так хорошо! Только бы скорей, скорей!»

Ему даже казалось, что он совсем выздоровел.

Ребята плыли два, три, четыре часа, а дома все не было. От гор по озеру протянулись вечерние тени.

— Шурик, вечер скоро! — грустно заметил Леня.

Шура ничего не ответил. Он усиленно греб, помогая течению. Крупные капли пота выступили на его выпуклом загорелом лбу. Радостные мысли о доме меркли.

Солнце стало багровым и одним краем коснулось черной полосы, появившейся на горизонте. Становилось почему-то трудно дышать.

— Будет гроза, — сказал Шура, поглядев на запад, и в его голосе Ленья уловил тревожные нотки. Он тоже посмотрел на зловещую черную полосу, за которую пряталось солнце, и перевел взгляд на берег, куда смотрел сейчас Шура. Берег был скалистый, причалить к этой отвесной каменной скале было невозможно. Ребята молча налегли на весла. Руки дрожали от усталости, пот заливал глаза, хотелось есть.

Солнце скрылось за тяжелой сизой тучей. Потянул ветерок. Озеро подернулось рябью, стало серым и неприветливым. Ленья тоскливо смотрел вперед, но берег оставался неприступным. Слабо громыхал гром. Ветер налетел сильным порывом. Накатилась волна, качнула плот и, обрызгав ребят, умчалась к берегу. Плот понесло на скалы.

— Ленья, правь дальше от берега! Разобьет нас! — закричал Шура.

Еще налетела волна, еще и еще. Плот занырял и помчался к берегу со страшной быстротой. У Лени закружилась голова. Он изо всей силы навалился на рулевое весло. Шура тоже греб изо всех сил. Он ничего не помнил, ни о чем не думал, его захватило одно стремление — скорее уплыть от скалистого, грозящего смертью берега.

Ветер внезапно повернул вдоль берега, волны понесли плот на своих хребтах, как щепку.

— Ленья, правь прямо! — опять закричал Шура.

Заревел ураган, захохотал гром. Ветер рвал на ребятах остатки рубашонки, хлестал брызгами в лицо. Наконец пошел дождь. Озеро взбесилось. Плот трепало, как тряпку на ветру. Ленья уже не управлял им, он только держался, инстинктивно вцепившись в весло. Шура перестал грести и вытащил весла. Плот и так мчался слишком быстро, ныряя и поднимаясь на волнах.

Шура старался не терять присутствия духа. Он лег поперек плота параллельно жердям и вцепился в них руками. То же самое сделал Ленья.

Одной рукой Шура осторожно притянул к себе мокрого, дрожащего козленка и прижал его подмышкой. Теперь все

силы его были направлены на то, чтобы сохранить равновесие и удержаться на плоту. Стало совсем темно, только молния, сверкая, на миг освещала грозное бушующее озеро. Рычал и грохотал гром, шумел дождь.

Шуре вспомнилась картинка: после дождя по ручью мчится и кружится щепка, а к ней прицепился крошечный жучок с зеленоватой спинкой. И они — такие же жучки на щепке, жалкие, беспомощные. Они ничего не могут сделать.

«Нет, надо что-нибудь делать. Надо себя и Леню привязать веревкой к плоту», — вспыхнула острая мысль, но Шура не успел привести ее в исполнение. Что-то грохнуло, затрещало, и ребята полетели в холодную бездну.

— Мама! — услышал Шура слабый крик сквозь рев урагана. — Ма...

И кто-то захлебнулся.

— Леня! — послышался опять дикий крик.

«Кто это кричит?» — подумал он, но в ту же минуту на него обрушилось что-то тяжелое, и он с головой погрузился в воду. Ноги коснулись дна, он оттолкнулся и снова выскочил на поверхность.

— Леня! — опять услышал Шура захлебывающийся крик и понял, что кричит он сам. Дно то появлялось под ногами, то опять куда-то исчезало, и Шура беспорядочно забился в волнах, чувствуя, что слабеет, гибнет...

Снова послышался слабый крик, сверкнула молния, и впереди в волнах Шура увидел черный предмет. Это Леня погибал и звал его на помощь. Ужас, слабость, страх — все куда-то исчезло. Шуру охватила бешеная злоба к кому-то. Мускулы налились силой. Он стал в безудержном гневě бить руками и ногами по черным яростным волнам, словно хотел разбить их, сокрушить, уничтожить.

При мгновенном свете молнии он увидел направо песок и гальку.

— Леня! Бер...

Волна накрыла его с головой, он вынырнул и кончил:

— Берег!

Но Лени больше не было видно. Новая волна захлестнула Шуру. Он поплыл, работая под водой руками и ногами. И

когда вынырнул, совсем близко от себя увидел голову Лени. Еще усилие — и он цепко схватил товарища за волосы. Одна за другой налетали разъяренные волны, пытаясь вырвать у него Леню. Они то выбрасывали ребят на свои хребты, то со страшной силой кидали в бездну. Шура колотил волны правой рукой, ногами, нырял, поднимался на гребни волн, но Леню не бросал. Он сжимал его волосы все крепче, все злее, как будто во всем был виноват Леня. Но вот нога ударилась обо что-то твердое, и Шура встал на песок. Схватив поперек неподвижное Ленино тело, он потащил его к берегу. Волны злобно окатывали его, старались сбить с ног, утащить назад, в озеро, но он все-таки выбрался на берег.

Беспрестанно сверкала молния. Грохотал гром. Бесилось озеро. Лил дождь. А на берегу, весь дрожа от нечеловеческого возбуждения, стоял маленький человечек. Он грозил кулаком разбушевавшейся стихии, угрожающе кричал:

— Погоди, гадина! Погоди!

Пнул босой ногой подкатившуюся волну и плюнул. Волна, свирепо шипя, отползла назад, словно мерзкое злое чудовище.

У ног его лежал Леня. Шура наклонился над ним. Заслонил его лицо от потоков дождя своим телом и стал поднимать и опускать ему руки, делая искусственное дыхание.

Через несколько минут Леня вздохнул, и изо рта у него полилась вода. Шура быстро перевернул его на бок, чтобы он не захлебнулся, прижался грудью, обнял его, дышал ему в лицо, стараясь согреть своим дыханием.

— Леня, голубчик, слышишь, ты слышишь? — повторял он.

Леня открыл глаза. Трепещет и дрожит свет молнии, — больно смотреть. Шурин голос доносится откуда-то издалека.

— Леня, это берег. Слышишь?

И в первый раз в жизни Шура целует холодные посиневшие губы своего друга.

Леня пришел в себя. Дождь почти перестал, гром гремел в стороне, молния сверкала реже, только по-прежнему бушевало озеро.

— А Аметист? — тихо спросил Леня, приподнимаясь.

— Аметист? — растерянно переспросил Шура и замолчал. Он только сейчас вспомнил о козленке.

— Аметиста нет, — прошептал он и горький клубок подкатился к его горлу.

— Он кричал, я слышал, — сказал Леня и, упав головой на мокрый песок, горько зарыдал. Шура грозил кому-то кулаком, его губы шептали что-то, а по щекам текли слезы, мешаясь с каплями дождя, но он этого не замечал.

Ребята чувствовали страшную усталость и начинали дрожать от холода.

— Пойдем куда-нибудь, — сказал Шура, — а то замерзнем.

Вдруг при свете молнии он заметил в воде у самого берега что-то черное. Шура подбежал ближе. Это оказалась жердь от плота, та самая, к которой была привязана сумка с образцами минералов. Волны, налетая, бросали из стороны в сторону свободный конец жерди, но привязанная к ней тяжелая сумка удерживала ее у берега.

Шура был настолько измучен, что даже не удивился, не обрадовался, а просто отвязал сумку и закинул ее за спину.

Упрямо наклонив голову, он шагал по песку, крепко сжимая руку товарища. Ребят охватила густая тьма, лишь изредка разрываемая молниями, но они так много испытали опасностей, что уже ничего не боялись. Они шли, не зная, куда идут, шли потому, что сидеть было слишком холодно.

Вдруг во тьме мелькнул огонек. Шура остановился и, прижав Ленину руку к своей груди, прошептал:

— Ты видел?

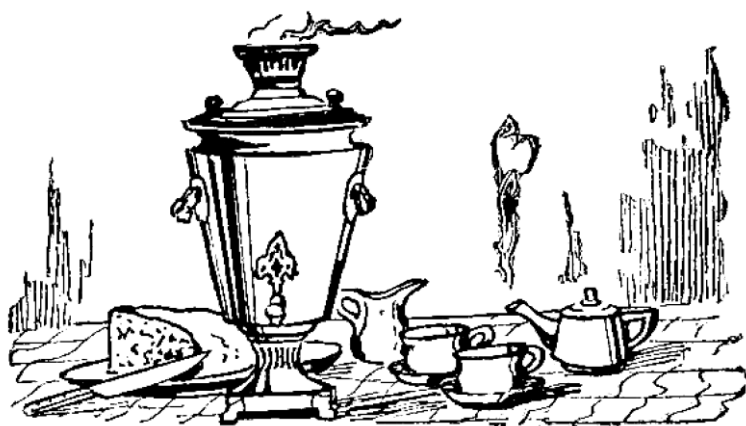
— Огонек, — ответил Леня тоже шепотом.

Огонек опять появился и ласково подмигнул ребятам.

— Огонек, огонек... Леня! — задыхаясь, шептал Шура.

— Огонек... — как зачарованный, повторял Леня.

Крепко ухватившись друг за друга, ребята медленно пошли на огонек, не сводя с него глаз.

Х.

В КОМНАТЕ было пять человек. На столе шумел самовар, но почти никто не прикасался к еде. Все сидели хмурые и молчаливые.

За окном бушевала гроза. Глухо ревели волны, ударяясь о песчаный берег. То и дело вспыхивала молния.

Часа два назад отец Лени Василий Алексеевич, Миша и дядя Костя вернулись с поисков ребят. Искали их уже восемь дней. Исходили все горы на тридцать километров кругом, но ребята как сквозь землю провалились.

Бабушка Лени, худенькая, маленькая старушка, украдкой утирала фартуком слезы. Дедушка, когда грохотал гром, поднимал руку, чтобы перекреститься, но тотчас же опускал ее. Трое мужчин сидели хмурые и молчаливые. Тетя Галя лежала в своей комнате на кровати, прислушивалась к разыгравшейся буре, думала о ребяташках и часто сморкалась в полотенце.

— Ох, какая гроза! — сказала бабушка. — Где-то теперь наши голубчики?..

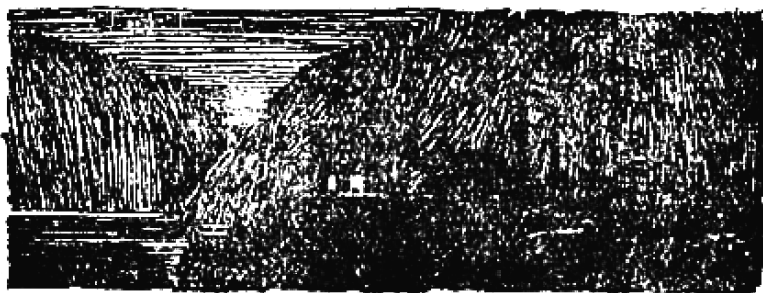
Она всхлипнула. Дедушка сердито посмотрел на нее.

— Грозы и грозы, чуть не каждый день, — хрипло сказал дядя Костя.

— Вот и мы, — сказал Шура, щурясь от света лампы, и улыбнулся посиневшими губами.

Миша подошел к черному окну. При вспышках молнии было видно, как бушует гневное озеро. Миша подумал о том, что ребят, наверное, уже нет в живых, и ему стало жутко и невыносимо тяжело, как будто в комнате в самом деле был покойник.

Вдруг под окнами послышались какие-то звуки, словно кто-то тихо-тихо говорил. Потом что-то стукнуло. Все прислушались. Лица вытянулись, глаза округлились. Теперь ясно слышен был топот ног на крыльце.

У всех разом вспыхнула одна и та же мысль, но никто ее не высказал, боясь обмануться.

В дверь робко постучали. Радостно завизжал Гектор. Сомневаться было нельзя.

— Ах, батюшки мои! — ахнула бабушка. Она поднялась со стула и опять села, всплеснув руками. Мужчины, толкаясь в дверях, все сразу бросились в сени. Из другой комнаты выбежала Галя. Она остановилась в дверях и, прижимая голые руки к груди, все повторяла:

— Неужели они? Неужели они?

Через несколько секунд в комнату ввалились ребята, мокрые, грязные, оборванные.

— Вот и мы, — сказал Шура, щурясь от света лампы, и улыбнулся посиневшими губами. — Я тебе говорил, что это наш дом, — добавил он, обращаясь к Лене.

Леня тоже улыбнулся. Улыбка на этом иссиня-бледном, измученном личике была жалкой и страшной. Бабушка

всплеснула руками и громко заплакала. Что было дальше, ребята затруднились бы передать: все обнимали их, упрекали в чем-то, расспрашивали. Бабушка стаскивала с них мокрые лохмотья и кричала Гале:

— Неси что-нибудь теплое: испростудились все!

— Ах вы, черти! А мы вас искали, мы вас искали! — радостно говорил Миша.

— Да где вы были? Где были? — приставал дядя Костя.

— Там... — Шура неопределенно махнул рукой.

Ребятам казалось, что комната плавно, как лодка в хорошую погоду, покачивается, лампа ласково подмигивает, и они не знали, — то ли стоят на полу, то ли плывут куда-то. Ленья заметил, что с Шуриных лохмотьев на чистый блестящий пол течет вода, и все хотел сказать ему об этом, но почему-то не мог. И было не то очень весело, не то хотелось плакать, а, может быть, спать.

— Выдрать вас надо! Ушли, никому не сказали, — кричал папа. Но Ленья видел, что он не сердится. Потом Ленья увидел, как Шура шагнул к столу, молча взял с тарелки горсть жареной картошки и, ни на кого не глядя, стал торопливо жевать. Ленья сам не заметил, как у него в руках тоже оказался кусок хлеба. Он стал с жадностью его есть. Подумал, что такая жадность неприлична, но остановиться не мог.

Бабушка опять всплеснула руками и заплакала еще громче.

— Бедненькие вы мои, проголодались-то как!

Дедушка то садился на стул, то пересаживался на другой и все повторял:

— Ну и ну! Ну и ну!

Галя увела ребят в свою комнату и заставила переодеться. Через несколько минут они в чистом белье сидели на печке и ели что-то вкусное, а что — разбирать было некогда. Все стояли около, смотрели на них, задрав головы, и расспрашивали. Ребята только молча кивали головами.

— Да погодите вы, дайте им поесть, — сердилась бабушка, а через секунду сама спрашивала:

— Да что же вы, голубчики, там ели-то?

— Хватит, — сказал Василий Алексеевич. — А то с голодухи много есть вредно.

У ребят отобрали еду. Прожевав последний кусок, Леня грустно сказал:

— А у нас Аметист утонул...

— Кто? — спросили все враз.

— Об этом не надо, — сказал Шура, нахмурившись. Леня вздохнул и посмотрел на лампу. Огонь замигал и прищурился, и от него протянулись длинные, тонкие лучики, а лица у папы и бабушки стали крошечными. Больше не хотелось ни говорить, ни шевелиться. Леня медленно повалился на бок, невнятно пробормотал что-то и уснул.

— Галя, неси-ка подушку, положи ему под голову, — сказала бабушка.

— А где моя сумка? — возбужденно спросил вдруг Шура.

— Вот твоя сумка. Что-то в ней тяжелое.

Миша подал ему сумку. Шура долго развязывал ее ослабевшими, непослушными пальцами. Все, молча, с любопытством смотрели.

— Дай я развяжу! — не утерпела Галя.

— Я сам, — коротко сказал Шура, и, наконец, развязал сумку. Он порывлся в ней, достал мокрый узелок и развернул его на коленях. Между комочками серой и рваной бумаги сверкнули драгоценные камни.

— Смотрите, что они принесли-то, — сказала Галя, вытягивая шею.

— Вот это да! — воскликнул дядя Костя и одновременно с Мишей протянул руку к сокровищам.

— Это тебе, Галя, — сказал Шура, подавая ей крупный фиолетовый аметист, прелестный сапфир и зеленый изумруд.

— Смотрите, да у них золото! Вот черти, да где вы взяли? — заволновался дядя Костя.

— Нашли. И россыпи, и жилу. А это вот руда вольфрама. Ух, сколько там всего!

У Шуры блестели глаза, лихорадочно горели уши и щеки. Говорил он быстро, возбужденно, но голос был слабый и хрипловатый.

— Возьмите все и смотрите. Мы там много нашли.

Мужчины положили сумку на стол и стали рассматривать при свете лампы найденные богатства.

— Надо полагать, что это осмистый иридий. Где вы его нашли? — закричал дядя Костя, оборачиваясь к печке, но Шура уже мирно спал, положив голову на ноги Лене.

ХІ.

ДЯДЯ Костя и Миша забрали найденные ребятами золото и образцы пород и уехали в Новосибирск. Они говорили, что находка ценная, и что ребят, конечно, премируют велосипедами.

Ребята возвратились с Василием Алексеевичем домой в Сосновку.

Сначала ребята с нетерпением ждали известий из Новосибирска. Они любили помечтать вслух, когда оставались вдвоем, о велосипедах, о том, какие запасы золота окажутся, и что будут делать из вольфрама и осмия. Но писем из Новосибирска не было, и ребята перестали ждать, увлеченные интересной игрой. Игра с неделю называлась «Экспедицией на Алтай», потом превратилась в «Экспедицию на Урал». Экспедиционная партия состояла из пионерского звена «Спартак», вожатым которого был Шура. В звене было четыре мальчика и две девочки.

Ранним утром ребята уходили или в Сухой Лог, или на берег протоки. Крутой высокий берег был изрыт стрижиными гнездами и изрезан оврагами. Ребята с огромным удовольствием лазали по крутым глинистым берегам, даже в проливной дождь. И чем неприступнее был склон, тем интереснее было на него забраться.

Но с не меньшим удовольствием они путешествовали по карте,
разостлав ее прямо на траве.

Но с неменьшим удовольствием они путешествовали по карте, разостлав ее прямо на траве. Никогда ребята с таким удовольствием не изучали географию, как теперь. Каждый из них мечтал в будущем стать начальником настоящей экспедиции, исследователем, путешественником, и они водили по карте измазанными в глине пальцами, намечая себе маршруты. Они знали теперь все месторождения золота, медного колчедана, магнитного железняка; знали, где добываются апатиты и для чего они нужны, что добывается в Караганде и Кривом Роге, как образовались различные горные породы, как отличить кубики серного колчедана от золота и многое другое. Они старались приобрести или сделать сами все, что полагается иметь научной экспедиции: карты, справочники, компас, барометр.

На будущее лето они собирались всем звеном сделать куда-нибудь экскурсию, а сейчас набирались знаний и опыта.

С первого сентября начались занятия в школе, и увлекательная игра, превратясь в серьезное дело, была перенесена в школу: ребята организовали кружок по изучению геологии и минералогии. Учительница географии стала замечать, что по некоторым разделам географии ребята знают даже больше, чем полагается по программе.

Однажды, перед Октябрьскими днями, в большую перемену, вожатый Коля сказал Шуре:

— Иди, Шурик, к директору в кабинет. Зовет тебя!

У Шуры неприятно стукнуло сердце: он вспомнил «бой с мятежниками», который устроил вчера во дворе школы. Результатом «боя» было разбитое окно в нижнем этаже. Вспомнил другие свои «грехи» и нехотя побрел по коридору, стараясь догадаться, о чем будет с ним говорить директор.

За большим письменным столом сидели директор школы Геннадий Васильевич и секретарь райкома, напротив на стуле — Леня Вязников, Шурин помощник и сообщник во всех затеях и шалостях.

Леня быстро взглянул на Шуру и опустил глаза, и Шуре этот взгляд сказал: «Попались мы, брат, с тобой!».

— Садись, Шурик! — ласково пригласил директор и разглядел лежащую перед ним бумажку.

Шура исподлобья взглянул на бумагу и сел.

— Что у тебя с глазом? — осведомился директор.

Под глазом у Шуры был синяк: вчера кто-то ловко попал ему туго сделанным снежком.

— В темноте о столб ушиб, — угрюмо сказал Шура, глядя себе в колени, и покраснел. «Вру, как трус и мерзавец» — с досадой подумал он. Шура редко лгал, а когда лгал, то ему становилось скверно, и он злился на себя.

— Надо быть осторожнее. А нам вот пишут, что в нашей школе есть смелые разведчики, — продолжал директор.

— Мы в испанскую революцию играли, — пробурчал Шура.

Директор недоуменно приподнял брови:

— Играли?

Помолчав, он продолжил:

— Нам пишут из Новосибирска, что вы с Ленею летом были на Алтае и нашли там богатейшие россыпи золота, самородки, месторождения вольфрамита и осмистого иридия.

Шура, блеснув глазами, быстро взглянул на директора, потом на Ленею, Ленея смотрел на Геннадия Васильевича, приоткрыв рот, и на месте щербины Шура увидел два зуба. Они были прозрачно-голубые и меньше своих соседей. Шура вспомнил Аметиста, волков, подземную пещеру, золото, страшное бурное озеро, и ему показалось, что все это было страшно давно. Он светло и открыто посмотрел на директора.

— Это мы давно ездили, — сказал он и, мельком взглянув на Ленею, подумал: «Вот уж у Лени зубы выросли».

Директор и секретарь стали их расспрашивать о том, где и как они нашли золото, вольфрамит, осмистый иридий.

Шура рассказывал охотно, но немногословно.

Прозвенел звонок, и директор отпустил ребят.

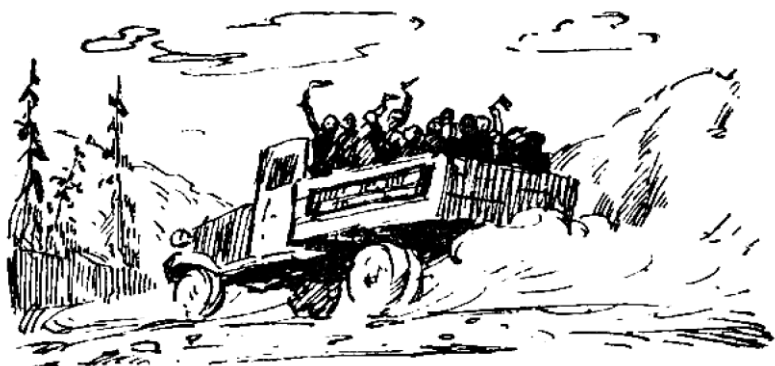
— Зачем это он нас расспрашивал? — шепотом спросил Ленея, когда они вышли в коридор.

— Видишь, письмо о нас из Новосибирска пришло, — сказал Шура, блестя глазами и оглядываясь на дверь. У него вновь вспыхнула надежда, что они получают велосипеды, но он ничего не сказал Лене, боясь обмануться.

Теперь Шура каждое утро шел в школу с затаенной надеждой получить какие-либо вести из Новосибирска. Так прошло три дня. Началась подготовка к Октябрьским дням, и думать о чем-нибудь другом стало некогда.

ХII.

СЕДЬМОГО ноября Шура проснулся рано. В комнате было темно, но через неплотно притворенную дверь проникал слабый свет, а из кухни доносились приглушенные голоса матери и Лиды. Шура встал и на цыпочках вышел в соседнюю комнату. Здесь горела маленькая лампочка под зеленым абажуром. От этого в комнате был зеленый полумрак. Что-то таинственное и волнующее было и в этом зеленоватом полусвете, и в кружевных шторах, спускавшихся до полу, и во всем праздничном убранстве комнаты, и в том, что Лида и мама встали сегодня очень рано и шептались на кухне. Было очень приятно сознавать, что наступает большой праздник и все так торжественно и хорошо.

Босому на полу стоять стало холодно. Он опять на цыпочках вернулся в теплую постель и натянул одеяло до подбородка. С наслаждением потянулся и снова уснул.

Когда проснулся второй раз, было уже светло. Голоса Лиды и Нади доносились из общей комнаты. Шура вспомнил, что сегодня школьников будут катать на автомобиле, и заторопился.

На стуле возле постели он нашел приготовленные матерью новые наволочки, свежую простыню, светло-зеленое одеяло, и тщательно убрал постель. Затем отошел в сторону

и, склонив голову на бок, критическим взглядом осмотрел свою работу. Все было в порядке, только на спинке стула что-то висело. Это оказалась белая шелковая рубашка в синюю полоску с пуговицами на обшлагах и черный новый костюм. Шура давно хотел иметь такую рубашку с пуговицами на обшлагах. Стало еще приятнее. Он взял полотенце и пошел в кухню умываться.

В общей комнате было светло и празднично от белоснежной скатерти, чисто выбеленных стен, расставленных повсюду цветов и сиявшего на столе самовара.

— Шура! — крикнула Надя. — Какие больше любишь, ореховые или барбарисовые?

И она показала ему две конфеты в цветных бумажках.

На кухне вкусно пахло жареным гусем и печеньем. Шура умылся, надел шелковую рубашку и украдкой посмотрел в зеркало, как лежит воротник и какой вид имеют руки в обшлагах с пуговицами.

В общей комнате уже садились за стол. Все были нарядные, особенно Надя — в белом платье с голубым поясом, с голубым бантом в волосах, и Лида в золотисто-коричневом шелковом платье, отделанном мехом.

После завтрака за Шурой зашли товарищи, и все отправились в школу. Улицы Сосновки, несмотря на пасмурную погоду, были веселыми, праздничными. Везде трепетали от теплого, влажного ветерка красные крылья флагов и горели алые полотнища с белыми буквами лозунгов. Навстречу неся грузовик, украшенный флагами, сосновыми ветками и до отказа набитый веселой, шумной детворой. Ребятишки пели, размахивали красными флажками и кричали «Ура!». Шура заблестевшими глазами посмотрел вслед автомобилю и побежал вместе с товарищами к школе занимать очередь. Катались на автомобиле, пели песни на площади, слушали речи, а когда все кончилось, Шура, Леня и еще два мальчика отправились в Сухой Лог. Снег там был глубокий, и путешествовать по нему было особенно интересно. Ребята так увлеклись игрой, что не заметили, как наступили сумерки. Заторопились домой: нужно было подготовиться к школьному вечеру.

Дома Шура обнаружил, что, лазая по снегу, он замочил брюки выше колен. Это было неприятно. Идти на вечер в мокрых брюках неловко; кроме того, если увидит мать, то она огорчится, станет говорить жалобные слова, а этого больше всего боялся Шура. Он старался как-нибудь привести брюки в порядок, разглаживая их ладонями.

В комнату вошла Лида. Шура выпрямился и воровато спрятал руки за спину, стараясь принять невинный и беспечный вид. Однако, сестру было трудно обмануть.

— Ты что? — спросила она.

Шуре пришлось рассказать о своей беде.

— Как же ты теперь пойдешь на вечер в мокрых брюках?

— Я не знаю, — уныло ответил Шура, но унылость была только хитростью: он знал, что Лида что-нибудь придумает. И Лида придумала. Через полчаса Шура сидел у стола и смотрел, как от его брюк, по которым Лида водила горячим утюгом, идет пар.

Из-за брюк Шура опоздал на вечер. Когда он вошел в ярко освещенный огромный зал, набитый школьниками и гостями, торжественное заседание уже началось. За столом, покрытым красной материей, сидели учителя и ребята. Между ними был Леня. Комсорг Павлуша делал доклад. Шура примостился на заднюю скамейку и стал рассматривать, как украшена сцена. Кто-то сзади притронулся к его плечу. Шура оглянулся. К нему наклонился вожатый и шепотом сказал:

— Тебя в президиум выбрали, а ты опоздал. Пойдем, через сцену пройдем на свое место.

Шура немного удивился, почему это его в президиум выбрали, однако, это ему понравилось, и он почувствовал себя значительным человеком. На сцене сам директор пододвинул ему стул и посадил рядом с собой. Шура искоса взглянул на Леню и увидел, что Леня тоже украдкой посматривает на него. Они улыбнулись друг другу. Шура незаметно за спиной Василия Алексеевича протянул руку и дернул Леню за рукав. Леня вытянул ногу под столом, по-

водил ею и, отыскав ногу товарища, придавил ее. Шура невольно разулыбался и тихонько пнул Леню. Они так увлеклись, что не слышали докладчика.

Вдруг Шура почувствовал, что на него смотрят. Он оглянулся кругом: директор и сотни глаз из зала в самом деле смотрели на Шуру. Многие улыбались. Шура подумал, что они заметили их шалости. Он покраснел и поспешил сделать серьезное лицо. Леня тоже сидел красный и смущенно улыбался. Вдруг Шура услышал свое имя. Докладчик говорил о нем:

— Шура Радченко и Леня Вязников показали образцы мужества, стойкости и упорства в достижении цели. Я не сомневаюсь, что среди вас, ребята, немало таких, которые в будущем станут смелыми исследователями, отважными пилотами, талантливыми изобретателями и учеными. В нашей стране молодежь замечательна своими способностями и талантами, и это потому, что ее жизнь прекрасна, потому что она имеет возможность беспрепятственно развивать свои дарования. Шура и Леня не только смелые исследователи, но и хорошие ученики, они за эту четверть по всем предметам имеют отличные отметки. Они не только хорошие ученики, но отличные товарищи, друзья. Мы знаем из рассказов Василия Алексеевича, что они не раз друг для друга рисковали своей жизнью. А дружба, ребята, — это великое дело. Мы умеем ценить и уважать смелость, мужество, настойчивость. Умеем ценить дружбу, глубоко товарищеские отношения людей друг к другу. Бюро райкома комсомола оценило заслуги наших маленьких героев и премирует их часами.

Взволнованно и задорно грянула музыка. Стены, казалось, задрожали от аплодисментов. Встал секретарь райкома. У него в руке блеснули маленькие карманные часики. У Шуры перед глазами все закачалось. Лица улыбались и медленно плыли ему навстречу. В руках у него очутились часики, крышка их была холодноватой, а стрелка бегала, и циферблат улыбался. Откуда-то издалека до него донесся Павлушин голос:

— Директор школы премирует Радченко и Вязникова велосипедами.

Опять заиграла музыка, опять рассыпались аплодисменты, и Шура увидел, как на сцену, сверкая спицами при свете ламп, выкатились один за другим два велосипеда. Леня тихонько ахнул. Директор встал. Шура тоже машинально встал. Геннадий Васильевич подвел к Шуре велосипед и что-то сказал, но нельзя было ничего расслышать: кричали «ура!», гремела музыка. Директор улыбнулся и передал Шуре велосипед.

«Вот он какой!» — подумал Шура, жадно осматривая своего красавца.

— Краевой геолого-разведочный трест премирует Шуру и Леню поездкой в Артек, — донесся до слуха Шуры чей-то голос, и опять его оглушили крики, музыка, аплодисменты.

«Если бы сейчас лето было, вот бы хорошо!» — горячо дыша, думал Шура, не сводя глаз с велосипеда.

Внезапно стало тихо, очень тихо. Он поднял голову: весь зал и все, кто был на сцене, смотрели на него и Леню и ждали чего-то. Шура догадался, что ждут ответного слова. Но слов никаких на языке не было и мыслей в голове — тоже, хотя бы самых пустяковых, так-таки никаких! Он машинально покачал на ладони часики и посмотрел себе под ноги, но слова не приходили. В первом ряду кто-то сказал:

— Растерялись ребяташки.

Шуре стало немножко стыдно: «Как растерялись? Ничего подобного, ничуть!» Он оглянулся, отыскивая глазами Леню. Леня смущенно стоял на краю сцены, неловко зажав в кулаке часы, другой рукой придерживая велосипед.

«А у Лени уж зубы-то выросли», — почему-то подумал Шура, и сейчас же в голове мелькнула другая мысль: «А пожалуй, наши велосипеды лучше, чем у заврайфо!». Вспомнил, что нужно говорить, что его ждут, но слов все-таки не было. Морща лоб, он опять посмотрел под ноги, потом на потолок, обвел глазами стены. «Спасибо товарищу Сталину за счастливое детство!» — прочитал он слова лозунга, висевшего на стене. Этот лозунг он писал сам третье-

го дня, но только сейчас по-настоящему понял смысл его слов. Шура кашлянул и сказал очень тихо, но слышно было всем: в зале наступила абсолютная тишина.

— Спасибо за счастливое детство! От своего имени и от имени Ленки... Лени Вязникова, — поправился он и оглянулся на Леню: — говорю спасибо за все и Геннадию Васильевичу, и райкому комсомола, и всем. — Он неопределенно кивнул головой. — Всем спасибо и за велосипеды, и за часы, и за Артек, и за все.

Он остановился, не зная, что сказать еще. Ему казалось, что он не сказал самого главного. Вспомнил, что говорил в прошлом году, когда его премировали за отличную учебу, и поспешно добавил:

— Обещаем во второй четверти учиться на отлично!

И опять показалось, что самое главное не сказано. Но зал уже закачался от криков, музыки и аплодисментов. Хлопали очень долго.

Шура совсем оправился, он взглянул на директора и дернул Леню за рубашку.

— Пойдем!

Он покатил свой велосипед за кулисы. Леня последовал за ним.

— Смотри, какие шины, — сказал Шура и нежно погладил шину ладонью. — Когда же только лето будет! — со страстным нетерпением добавил он.

— Вы что же тут спрятались? Идите в зал, сейчас художественная часть начнется, — сказал вожатый Коля, подходя к ребятам. Они покорно пошли и хотели с собой и велосипеды тащить, но вожатый, улыбаясь, остановил их:

— Оставьте здесь, никто их не тронет.

Ребята покорились и пошли в зал. На передней скамейке им освободили места.

Погасли лампы, и занавес медленно раздвинулся. Яркий голубоватый свет залил красивую группу школьников в костюмах разных национальностей.

Василий Алексеевич взмахнул смычком, и хлынула песня:

*Широка страна моя родная,
Много в ней лесов, полей и рек!
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек!*

Звуки разливались все шире, поднимались все выше, и Шура словно поднимался вместе с ними, и сердце у него замирало. Вспомнилось горное озеро на Алтае, возле которого жили они с Леней в пещере, красивая долина, заросшая кустами багульника и яркими пестрыми цветами...

*Человек проходит, как хозяин,
Необъятной родины своей! —*

поет хор, и Шуре кажется, что это о нем, что это он проходит по стране, как хозяин, щурясь от горячего яркого солнца. Он огромный, он все видит, все знает и все может. Что-то горячее вливается в его грудь. Он смотрит на Леню, но Леня не сводит глаз с бегающей стрелки часов.

Занавес закрылся, вспыхнули лампы. Все застучали стульями, вставая с мест. Шуру и Леню окружили товарищи. Подошла Лида и, пожав им руки, как взрослым, серьезно сказала:

— Поздравляю! Это вам от меня...

Она подала кулек с шоколадными конфетами.

— Только, смотрите, не зазнавайтесь. Зазнаются только дураки.

Лида сдвинула тонкие атласные брови и погрозила пальцем.

Леня развернул конфетку, положил ее в рот, потом спохватился и, густо покраснев, протянул кулек товарищам:

— Берите, ребята!

Руки потянулись к кульку.

— Шурик, мы отдадим ребятам конфеты? У нас и так всего много. Правда? — сказал Леня.

— Правда, — ответил Шура. — Ешьте, ребята!

Ему сейчас ничего не было жалко. Если бы даже пришлось отдать часы, велосипед, он нисколько не пожалел бы.

Может быть, после пожалел бы, а сейчас — ни чуточки! Дело было не в часах, не в велосипеде, а в чем-то другом, чего он не умел назвать.

Пока товарищи делили конфеты, антракт кончился, стали занимать места. Шура сделал Лене знак, и они выскользнули в коридор. Молча добежали до своего любимого уголка в узеньком коридорчике, который вел к заколоченной двери, и сели на чистые, блестящие ступеньки. Леня чувствовал себя утомленным шумным вниманием публики. Шура был возбужден. Им хотелось побыть одним, поговорить о своих делах и поделиться впечатлениями. Оба вынули часы и стали их рассматривать.

— У папиных часов стрелки черные и точки черные, а у моих золотые. Ну-ка, у твоих какие? — спросил Леня и заглянул на Шурины часики.

— Ну-ка, у твоих крышка туго открывается? — в свою очередь спросил Шура и открыл крышку Лениных часов.

— У моих туго.

— У меня тоже туго, — сказал Леня и с удовольствием щелкнул крышкой. — А ты, Шура, поедешь в Артек?

— А как же! — живо отозвался Шура.

Закрыв глаза, он представил себе море. Оно искрилось, по нему бегали быстрые золотые змейки. Оно было немного похоже на Телецкое озеро и немного — на море из кинокартины.

— В море будем купаться, — сказал он.

Леня вздохнул.

— Уй-уй-уй! Сколько нам всего надавали, и еще в Артек!

— В Москве бываем! — сказал Шура, и ему вспомнилось стихотворение из старой растрепанной книжки:

*Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!*

— Москва — древний город, и там Сталин живет, — помолчав, сказал Шура.

Леня опять вздохнул и, заглядывая в глаза Шура, спросил:

— Шурик, а как ты думаешь, это они правильно?

— Что? — не понял Шура.

— Ну, вот, правда, что мы такие, как они про нас говорили, и правда, что стоило нас премировать? Может быть, они все это зазря, может, все преувеличили, тогда это стыдно. Правда?

Странная горячность и волнение чувствовались в голосе мальчика.

Шура посмотрел на него, приподняв брови, и ласково, как тогда на Алтае в трудную минуту, сказал:

— Леня, глупыш! Ведь мы правда нашли золото и вольфрамит, и осмистый иридий тоже, а ведь это все ценное. И нам ведь трудно было. Правда, трудно?

— Правда, — сказал Леня. — И есть было нечего, и волки чуть не разорвали, и медведь чуть не задрал, и в озере чуть не утонули, и в пещере ты чуть не погиб... Уй-уй-уй! Как трудно!..

— Ну, вот видишь, а мы не боялись.

— Я боялся, — добросовестно сознался Леня.

— Ну да, и я иногда боялся, но ведь мы не бросили все и дело довели до конца.

— Это верно, — оживился Леня. — Уй-уй-уй, до чего хорошо! Шурик, а как же теперь с экскурсией?

Шура некоторое время помолчал, и неожиданно для Лени сказал шепотом:

— Я поеду в Испанию.

— Зачем? — удивился Леня.

— Так, — коротко ответил Шура.

За последнее время он твердо решил ехать в Испанию, чтобы помочь испанцам победить фашистов. Сначала он хотел сделаться разведчиком, таким, каких еще не было ни в одной армии, неуловимым, как ящерица. Потом этого ему показалось мало. Он прочитал в одной книге, что война — самое ужасное бедствие для человечества, и если люди сумеют уничтожить войну, человечество будет счастливо. В

глубине души Шура решил, что именно он поможет людям избавиться от войны.

Он еще сам не знал, как он уничтожит войну. Может быть, он найдет тот металл, о котором мечтал в горах Алтая, и с его помощью заставит фашистов прекратить войну. Может быть, еще что-нибудь придумает... Там видно будет, а сейчас он знает твердо только одно: жить нужно для того, чтобы приносить пользу людям. Всегда, всю жизнь делать большое нужное дело — в этом заключается радость жизни. Особенно остро он это почувствовал сегодня.

— Леня, мы потом все, все обдумаем, что будем делать. Ты согласен со мной делать одно дело? — горячим шепотом спросил Шура. Леня кивнул головой.

— Пойдем, Шурик, за сцену велосипеды смотреть, — предложил он.

— Пойдем, — согласился Шура.

Они встали и, взявшись за руки, побежали к залу, откуда все громче доносились бурные, зовущие звуки музыки.

Если завтра война

Л. ВОРОНЦОВ

Рис. И. Смольникова

Война началась. Пришли в движение огромные массы людей и средств боевой техники. На полях сражений столкнулись армии воюющих сторон.

Кто одержит победу? Кто сильнее? Можно ли еще до начала вооруженной борьбы подсчитать силы противников, определить их потенциальную энергию и предугадать, быть может, исход боя?

Вообразите картину: в поле нашего зрения — участок фронта, где действуют крупные воинские части. Идет бой. В нем участвует много десятков тысяч людей.

Мы узнаем нашего врага — это германские фашисты. В бою участвует крупнейшая боевая единица — корпус регулярных войск.

Корпус — большая сила. Корпус — это многие тысячи солдат, которых поддерживают многочисленные пулеметы, тяжелая и легкая артиллерия, большие и малые танки...

Идет бой. По германскому корпусу наносят удар части корпуса Красной армии — 60 тыс. бойцов, вооруженных по последнему слову техники. Сотни тысяч одних только пуль посылают ежеминутно из своих винтовок бойцы нашего стрелкового корпуса. Прибавьте сюда залпы советских пулеметов, гранатометов, артиллерии разных калибров, пушек и пулеметов танков.

59509 килограммов металла посылает в одну минуту германский корпус в нашу сторону. В тот же промежуток времени враг получает в ответ 78932 килограмма губительного металла.

Произведите решение несложной арифметической задачи, и вы убедитесь, что общий вес минутного залпа нашего стрелкового корпуса почти на 20 тыс. килограммов превышает вес того же залпа германского стрелкового корпуса.

Нашему взору открывается еще одна картина развернувшейся войны. Мы видим военные аэродромы, на которых готовятся к вылету боевые самолеты самых различных типов — разведчики, штурмовики, бомбардировщики, истребители. На их крыльях — знак свастики. Это германская авиация.

Фашисты поставили крупную ставку на свою авиацию. С ее помощью они надеются легко выиграть войну. Опьяненные бесславными успехами в войне с народами, безоружными и отсталыми в военном отношении, фашисты тешатся несбыточными мечтами. Вот они поднимают в воздух свою авиацию, и их штурманы прокладывают курс на восток, к рубежам нашего отечества.

Но мы видим и другое. Перед нашими глазами краснозвездные самолеты. Они мчатся, как метеоры. Наша мысль едва улавливает их очертания. Скорость их потрясающая, — мы не в состоянии точно определить ее, но мы знаем, что советские истребители и даже бомбардировщики устремляются вперед со скоростью, много большей 500 километров в час.

Со всех аэродромов нашей необъятной территории взлетают самолеты. Они летят на разных высотах. Некоторые из

них идут низко, над самой землей. Это — бредущий полет. Другие устремляются ввысь — все выше и выше. Они исчезают в легкой облачной дымке. Теперь мы их не видим, но мы знаем, что советские самолеты несут свой смертоносный груз на высоте 12 — 14 километров и даже выше. А ведь одиннадцатый километр — граница земной атмосферы; выше — стратосфера...

Грозовой тучей устремляется советская авиация вперед, на врага, посмеявшегося направить свои зловеющие машины к нашим рубежам.

И мы знаем, что нет непреодолимых расстояний для советских самолетов. В нашей памяти неизгладимы впечатления о беспосадочных полетах наших героев-летчиков по тысячекилометровым трассам — Москва — Дальний Восток, Москва — Северный полюс — Северная Америка.

Советская авиация — в воздухе. Она несет на вражескую территорию свой смертоносный груз — бомбы, 6 тыс. тонн бомб! Эту чудовищную массу разрушительного металла советская авиация обрушит на врага за один только вылет.

...Так будет, если завтра вспыхнет война. Мир увидит воочию, на какой сокрушительный удар способна наша могучая Красная армия, взлелеянная советским народом, партией и любимым вождем товарищем Сталиным

Советские люди — мирные люди. Но если завтра война, пусть тогда пеняют на себя те, кто ее вызвал.

Журнал «Знание-сила», 1939 г., № 4

ВАЛЕНТИН ЛОСЕВ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Рассказ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Новелла

1

Танк без труда перевалил через препятствие и с угрожающим треском наскочил на пехоту в синих мундирах. Солдаты падали один за другим. Последний раз выстрелила пушка, и бой закончился.

Танк ударился о стенку и, поворчав немного, затих.

— Красные победили,— объявил Ластик, покидая поле сражения. Он подошел к Колесникову и доверчиво положил руку на его колено.

— Молодец, Ластик!— рассеянно сказал Колесников.— Только зря ты не вытираешь нос.

— Я белых всегда бью,— поспешно заявил мальчик, вынимая из кармана платочек.— У меня насморк. Мама за-
разила.

— Мама? — удивился Колесников. — Как же так?

— Целует! — вздохнул Ластик и развел руками.— Думает — мне приятно, и зараживает. Она сейчас придет.— Мальчик наморщил нос, как будто что-то вспоминая. — Будьте, как дома, — наконец, проговорил он, и Колесников засмеялся.

В комнату вошла Варвара Сакьян.

— Ластик, иди спать,— сказала она.

Мальчик убежал.

— Здравствуйте, мамаджан,— поднялся Колесников и вдруг испуганно отступил.— Что такое? Вы совсем седая.

Женщина улыбнулась. Можно было подумать, что она в парике.

— Вот уже месяц, как я не видал вас, — тихо сказал Колесников. — Как все это случилось?

— Сейчас расскажу...

Варя зябко куталась в белую шаль. Свет падал на нее косо, оставляя половину лица в тени. И странно: под густыми седыми волосами лицо ее казалось еще моложе.

Она начала говорить усталым и грустным голосом. Колесников молча курил.

Любила ли она Гарина? Сейчас на это, пожалуй, трудно ответить. Впрочем, конечно, любила. Ведь они жили восемь лет. Да и разве она знала...

2

Да, началось это еще в тот день, когда в газете напечатали ее портрет и статью трех инженеров «Женщина-диспетчер».

Андрея она увидела только вечером. Он вернулся с дежурства и молча швырнул на стол тяжелый портфель. Варя вздрогнула и удивленно посмотрела на него. Андрей резко повернулся и заходил по комнате,

— Ужинать будешь?

— Нет.— Он подошел к жене. — Ну, что, довольна?

— Довольна,— просто ответила она.

— Выслуживаешься перед советской властью?

— Какой вздор!

— Вздор?— переспросил он почти шепотом. — Вздор? Да ты что же, думаешь, я буду участвовать в этом карнавале? Может быть, ты воображаешь, что я буду нести твой шлейф? Не дождетесь, Варвара Павловна. Меня погремушками не прельстишь.

Он вдруг захохотал, но его смех походил на истерику.

— Клоунада! Электроинженеры — аристократы от техники — ударники, стахановцы, тянутся изо всех сил, ночи не спят, выслуживаются.

— Что ты говоришь, Андрей? Откуда это у тебя? — встревоженно спросила она. — Никогда ты еще так не говорил.

— Не говорил, потому что терпел. Я думал, что это когда-нибудь кончится, но где же конец? Ты не думаешь, что

они просчитаются? А? Инженера Гарина перевели в помощники диспетчера! Инженера Гарина, ты слышишь?

— Когда это случилось?

— Да сегодня же.

— За что?

— За аварию в Заимках.

— Установили, что ты виновен?

— Так они говорят.

— Ну, знаешь, — она поднялась и подошла к нему вплотную — ты легко отделался, Андрей. А твои настроения мне не нравятся. Слышишь? Не нравятся.

— Что? Уж не собираешься ли и ты читать мне нотации? Ты — девочка, которую я учил техническим азам.

Внезапно он обмяк и тяжело опустился в кресло.

— Я устал, Варюша. У меня нет больше никаких иллюзий. Все опротивело, я выжат, как лимон. Мое поколение, подобно факельщикам, идет за собственным гробом. Мечта превратилась в лохмотья и развеяна по ветру. Разве я живу? Я злюсь, завидую всем и даже тебе, твоей жизнерадостности. Может быть, поэтому ты не понимаешь меня, а я — я не могу понять тебя...

Она стояла у окна. Дымное ночное небо пылало заревом огней, На кремлевских башнях горели рубиновые звезды. Новые нарядные мосты с узорными чугунными решетками и матовыми фонарями походили на проспекты. Яростно вспенивая воду, неслись разноцветные речные трамваи. Беспокойно и весело шумел никогда не засыпающий город, и Варя с недоумением и обидой подумала о том, что сзади, в кресле, сидит чужой человек, обремененный ложью и враждой.

— Кто ты такой? — тоскливо спросила она. — О каком поколении ты говоришь? Почему ты не чувствуешь униженности своей лжи?

— С первого дня своего рождения человек начинает умирать, — медленно говорил Андрей, не слушая ее. — И хочется прожить эти дни, отделяющие от смерти, так, чтобы не о чем было жалеть. А дни бегут, смешиваясь четвергами

и пятницами. Жизнь подобна падающей звезде — она летит по неутвержденному маршруту. Кто я такой? — вдруг переспросил он, как будто только что услышал ее вопрос. — Когда-то я одевал свое будущее в одежды из несбыточных мечтаний. Теперь я устал и отрезвел. Меня раздражает то, что умиляет и трогает тебя. Я чужой на этом пиру, и опустел, как дом, из которого выехали жильцы. Теперь мое будущее одето в рубища.

Она слушала его с отвращением и брезгливостью.

— Ты гнилушка! — крикнула она. — И свет от тебя идет, как от гнилушки.

— Мы жили восемь лет, Варя. Разделим раскаяние пополам.

— Мне не в чем раскаиваться, — жестко отвечала она. — Тебе придется это делать в одиночку, Андрей.

— Не хочешь? — он сорвал очки, лицо его стало злым и острым. — Может быть, ты думаешь, что нет человека, который погладил бы меня по голове? Есть, Варя, есть. Мы будем бороться.

— Кто это мы? С кем вы будете бороться?

— Среди безногих и хромой кажется призовым бегуном. — Он снова надел очки и усмехнулся, но внезапно, испугавшись чего-то, закрыл лицо руками. — Варюша, пожалей меня, я лгу, я одинок и мне тяжело. Пожалей, Варя.

Ну, что же, она тогда, действительно, пожалела его, он плакал. И ведь он — Андрей Гарин — был все-таки ее мужем.

3

Нет, глупо было замазывать трещину. День ото дня она все увеличивалась, и вскоре они совсем перестали понимать друг друга. В те немногие минуты, когда они были вместе, никто не хотел прерывать молчания. Впрочем, их встречи стали редкими, и когда однажды Андрей пропадал двое суток, она почувствовала облегчение.

Так они жили вплоть до того самого дня, когда все это произошло.

Накануне вечером заболел Ластик. Он плакал и жаловался на боль в горле. Не правда ли, это было уже слишком: ведь у нее оставался только мальчик, ее сын. Она уложила его в постель, смирив температуру и долго испуганно смотрела на градусник. Мальчик хрипел, ловил обметанными губами воздух.

— Мама, ты здесь? Мамочка! — кричал он.

— Я здесь, мой мальчик, — шептала она и гладила его горячие руки.

Потом пришел доктор и, покачивая головой, сказал, что у Ластика дифтерит.

Она не спала всю ночь, сторожила его забытие. Он просыпался, вскрикивая от боли, и она молча смотрела на его сразу похудевшее лицо.

Утром, когда ее сменила няня, позвонил главный диспетчер и, глотая слова, сказал, что в высоковольтной сети большая авария. Пусть она торопится. Ее помощник Борисов уехал на линию, с ней будет дежурить Гарин.

— Кто? — спросила она.

— Гарин, Андрей Андреевич.

Через полчаса она приняла дежурство. Сменный диспетчер был бледен и жалок. Он не мог понять, как произошла авария.

— Держитесь, Сакьян, — сказал он, облизывая белые губы. — Кто-то ведет шальную игру. Прощайте!

В диспетчерскую вошел Андрей.

— Ну, дожил! — закричал он, бросая портфель на стол. — Андрей Гарин стал помощником своей жены.

Варя хотела было рассказать ему о болезни Ластика, но сдержалась. «Какое ему дело»? — с тоской подумала она и сухо сказала:

— Проверьте высоковольтную сеть.

— Слушаюсь, товарищ начальник.

— Прошу не паясничать, вы на работе.

Андрей поднял на нее глаза, но смолчал.

Гигантская система лихорадила. Авария растоптала график, безжалостно и грубо похитив десятки тысяч киловатт. Повсюду работали бригады, шел ремонт высоковольтной сети.

И как всегда в дни тревожных дежурств, Варя работала быстро и уверенно. Бессонная ночь, Ластик, Андрей отошли куда-то в глубь сознания. Станция и подстанции, сотни километров проводов, тысячи людей — все подчинялось ей в эти часы.

Диспетчерская дышала невыносимым жаром. Андрей снял пиджак и работал молча. Едкие струйки пота стекали с его лба.

Непрерывно звонил телефон. Дежурные инженеры радостно узнавали ее голос. Они любили с ней работать, ее славу признали легко, и даже сварливые разговаривали с ней весело. «Чорт возьми, хорошо, что в такой день она дежурит», — говорили они. Нет, она не растерялась. Самые жесткие распоряжения она умела отдавать так весело и непринужденно, что всем казалось, будто Сакьян не распоряжается, а советует, и никому в голову не приходило возражать.

К вечеру стали поступать сводки об окончании ремонта.

— Опросите по списку бригады, — сказала она Андрею и протянула ему листок.

Он молча взял список и рванул телефонную трубку. Варя усмехнулась, как будто только сейчас вспомнила о Гарине. Но, право же, ей некогда было думать о нем. Телефоны звонили, в трубке жаловались, негодовали, требовали, просили совета.

Андрей опрашивал бригады. И хотя он кричал, она слышала его голос точно издалека.

— Кончили? Колчинск, кончили ремонт? — надрывался он, багровея. — Да отвечайте же!

Получив ответ, он делал отметку в списке и вызывал новую бригаду.

— Все, — наконец сказал Андрей, тяжело дыша, и подал ей список. — Дал приказ повсюду снять землю. Линия готова.

Она обрадованно вздохнула, быстро пробежала глазами листок и посмотрела на часы.

— Прекрасно, — ремонт закончился на сорок минут раньше срока.

— Не забыли ни одной бригады? — все-таки спросила она.

Гарин не отвечал. Он пил большими глотками воду.

— Ну, что же, давайте приказ Волинску включить напряжение.

— Почему Волинску, а не Петровску? — раздраженно спросил Гарин, вытирая платком лицо.

— Дайте приказ Волинску, — повторила она.

— Я не солдат, а вы не фельдфебель! — вдруг закричал он. — Я хочу знать, почему не Петровску, а Волинску.

— Подчиняйтесь. Гарин, вы на дежурстве, — зло сказала она и добавила: — Со стороны Волинска более чувствительная защита. Вы — старый инженер, должны понимать.

Гарин закинул голову. Теперь его лицо казалось спокойным.

— Я не дам приказа, — сказал он.

Варя, не отвечая, сняла трубку и вызвала Волинск.

— Алло, Волинск! Я диспетчер Сакьян, Да, да. Включайте разъединители и давайте напряжение, — сказала она.

Гарин улыбался, в его глазах плескалось злорадство.

— Все равно, все равно, — бормотал он, — что Волинск, что Петровск, — ты сама отдала приказ, я здесь не при чем.

Она машинально взглянула на список и вдруг вскочила.

— Любинки! — прошептала она. — Я не слыхала, как он опрашивал Любинки. Гарин, вы Любинки опрашивали?

Он молчал.

— Да отвечайте же!

— Не помню, — улыбаясь, сказал он.

— Ты с ума сошел!! Ведь там на проводах шестьдесят человек!

— Ну, и что же?

— Андрей, ты шутишь,— умоляюще проговорила она.
— Ты, наверно, шутишь. Ведь на линии ток, если они не кончили работу...

Варя не договорила, увидев его лицо. Он улыбался.

— Мерзавец!— закричала она и кинулась к телефону. —
Волынск! Волынск!! Я диспетчер Сакьян! Напряжение дали? Уже? Снимите немедленно! Слышите? Немедленно.

Она нажала рычаг и снова отпустила его.

— Любинки! Любинки, вы здесь? Я диспетчер Сакьян. На линии бригада работает? Работает?! Берите машину, мчитесь туда, на линии ток. Ток на линии. Голубчик, скорей, да сейчас же позвоните, слышите?

Она бросила трубку и поднялась. Гарин прятал улыбку. Из открытого окна несло прохладой, и он надел пиджак. Они стояли друг против друга. Вечер падал неслышно и мягко. Город зажег ранние огни, и их далекие отблески бежали по волнам реки.

У Вари кружилась голова. Она оперлась на стол — лицо Гарина было искажено гримасой. Нет, это ей показалось. Она провела рукой по глазам.

— Кто ты такой?— спросила она, и вдруг голос ее сорвался:— Там шестьдесят человек! Ты слышишь? Шестьдесят человек!

— Ну, и что же?— Кажется, он снова улыбнулся. Тогда она бросилась к нему с поднятой рукой.

Зазвонил телефон. Варя схватила трубку. Говорил Волынск. Что случилось? Почему задерживается подача напряжения?

— На линии заминка, — отвечала она.— Ждите приказа.

Так прошел час. Наверное, в жизни каждого человека бывает такой час.

От Любинок до места работы бригады пятнадцать минут езды. Десять минут там, пятнадцать на возвращение. Через сорок минут она будет знать все.

Но прошел час.

Гарин пил большими глотками воду. Она не смотрела в его сторону. Она забыла о нем. Через открытое окно донес-

ся чей-то смех. Он показался ей чудовищным, и она резко захлопнула окно.

Через каждые пять минут Варя вызывала Любинки. Никто не откликался.

— Любинки! — кричала она с тоской и надеждой.— Нет, никто не отзывался.

И когда телефон зазвонил, она вдруг потеряла все силы, накопленные за этот час.

— Я диспетчер Сакьян,— сказала она, не узнавая своего голоса.

— Здесь Любинки!

— Любинки, говорите, не томите!

— Ремонт закончен. Можно давать напряжение.

— Как закончен?! Что с бригадой, почему вы молчите, что с людьми?

— Простите, Варенька, совсем забыл. Да не волнуйтесь, все в порядке. Вы дали напряжение с Волинска, а они тянули провод с Петровска. А когда включили напряжение, то со стороны Волинска провод был оборван и не заземлен. Все живы, все здоровы,

Она выронила трубку и поднялась.

— Гарин,— сказала она.— Ваша диверсия не удалась.

— Что?

— Ваша диверсия не удалась, Гарин,— повторила она.— Вот почему вы хотели дать напряжение с Петровска. Вы знали?— Она помолчала и добавила: — Подлец!

Гарин засуетился.

— Молчи!— крикнула она, сняла трубку и вызвала комендатуру.

— Что ты делаешь, Варя, Варенька!

— Комендатура? Я дежурный диспетчер Варвара Сакьян...

— Варя, Варя, неужели ты?..

— ... Инженер Гарин пытался во время дежурства совершить диверсию. Да. Он здесь.

Варя положила трубку и в упор посмотрела на Гарина. Взгляд ее ничего не выражал. Она смотрела так, как будто его не было.

ЛЕВ КАССИЛЬ

ЧАСЫ НА БАШНЕ

Рассказы для детей младшего возраста о Сталине.

Рисунки художника А. Брея.

ЛЕВ КАССИЛЬ

ЧАСЫ НА БАШНЕ

ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ 1940

ЛЕВ КАССИЛЬ

ЧАСЫ НА БАШНЕ

Рисунки
А. БРЕН

НА АЛЕКС
ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1966 ЛЕНИНГРАД

Часы на башне

У меня есть записная книжка. Куда бы я ни поехал, куда бы ни отправился, она у меня в кармане. Она со мной, когда я работаю, гуляю или толкую с пионерами у лагерного костра, искры которого летят к ночному небу и остаются там звездами...

С этой книжечкой я летал на самолетах, плавал на корабле в далекие страны. Три раза я терял ее и трижды находил снова. Днем я не расстаюсь с ней, а на ночь кладу под подушку, чтоб записывать хорошие сны, видеть которые я очень люблю.

Когда подходит полночь и ночь уже готова повернуть на завтра, раздается голос Москвы:

– Слушайте Красную площадь и бой часов с кремлевской башни!

И во всех краях большой нашей страны, во всем круглом мире люди, затихнув, слушают, как играют часы на башне Кремля:

Би-им, бюм-бум-бом, бэ-бам!..

Мы сверяем свои часы и тихо говорим про Москву, про звезды на башнях и про того человека в Кремле, с сердцем которого бьются в лад сердца всех добрых и смелых людей.

Вот рассказы, которые я записал в свою книжку, слушая, как бьют часы на башне.

Слова командира

Сталина не было видно, когда Борька Строков командовал своим: «Приготовиться!» и взглянул опять на мавзолей. Только легкое облачко вилось за плечом Ворошилова, там, где прежде стоял Сталин. Сквозной голубоватый дымок растворялся в жарком июльском воздухе. И Борька догадался: это курится трубка Сталина. Должно быть, он утомился и присел там, сзади, отдохнуть.

Целый месяц воображал Борька, как поведет он по Красной площади свой батальон. Грохнут барабаны, запоют трубы, качнутся знамена, «марш!» – и сам Сталин увидит его, Борьку Строкова... А сейчас, как нарочно, товарищ Сталин не смотрит.

А команда уже дана и знамена распушены – красные, голубые, зеленые. И солнце просвечивает сквозь шелк, то красное, то голубое, то зеленое солнце. Мальчики и девочки стоят, как стоят бойцы на параде, плечо к плечу. И ряды их отбрасывают тень, такую же плотную и зубчатую, как тень Кремлевской стены.

Би-им, бьюм-бум-бом, бэ-бам!.. – проиграли часы на башне. Главный капельмейстер поднял свою указку, и на весь белый свет грянул торжественный пионерский марш.

Третьим пошел батальон Бори Строкова. В эту минуту Борька заметил, как Ворошилов, обернувшись назад, потянул кого-то за руку. И у гранитного барьера тотчас появился Сталин. Он вытер платком усы. Потом он поправил обеими руками фуражку: левой рукой тронул сзади околыш, а правой – козырек. Ворошилов показывал на площадь, на ребят. Сталин закивал головой и засмеялся.

«Вот он сейчас смотрит на нас, – думает Борька, приближаясь к мавзолею, – наверно, и меня видит. Такой маленький, думает, а уже так хорошо командует! Как, интересно, его фамилия?»

Борька задрал голову, выпятил грудь что есть духу, жестоко размахивает руками, и глаза у него готовы выпрыгнуть – вот как он их растарачил! Ему кажется, что чем шире он сам раскроет глаза, тем лучше и его увидят.

Уже про всё на свете забыл Борька. Забыл, что за ним идет его батальон, что он командир, что ему...

Он опомнился только тогда, когда чуть не наступил на пятки мальчику, который шагал в последнем ряду второго батальона. Еще секунда – и Борька врезался бы в чужой батальон. Он с ужасом оглянулся и увидел, что его батальон остался далеко позади, ребята не могут поспеть за увлекшимся командиром, а командир совсем оторвался от своих, да и шагает уже не в ногу со всеми.

У Борьки вмиг нажгло уши и щеки, будто он с маху в крапиву влетел. Он разом сменил ногу, сделал шаг на месте, и батальон подтянулся к своему командиру. Но теперь уж лучше было не оглядываться назад, на мавзолей, где Сталин и Ворошилов, должно быть, всё заметили...

Большая пятиконечная тень от звезды, что на башне Кремля, прохладно касается горящих щек Борьки.

Конец парада...

Сердились после пионеры на Борю Строкова.

– Чуть ты весь парад нам не испортил! – нападали они на своего командира. – Счастье еще твое, что недалеко ускакал – спохватился!

Ничего не мог сказать Борька и пошел домой.

Вечером к нему приехал дядя Гора, командир, который готовил ребят к параду.

– Ну, герой, как?.. Да ты что это? Переживаешь всё?

– Я думал всё про него, – забормотал Борька, – и всё смотрел, смотрел и сбился нечаянно. Не знаю даже как!.. Когда наши на Хасане воевали, так они все тоже про Сталина думали. И вон как победили! А у меня по чему-то...

Борька отвернулся и больно ударил себя кулаком по колену.

И тут командир, настоящий боевой командир Красной армии, дядя Гора, объяснил Борьке, почему у него так получилось.

– Да, – промолвил дядя Гора, – наши бойцы шли в бой, думая о Сталине. Думать о Сталине – это значит помнить, что всему народу и Сталину важно, чтоб ты сделал свое дело хорошо. А ты вот как раз о деле-то своем, о командирском долге, и забыл. Вот оно и получилось.

Борька молчал. Дядя Гора положил руку ему на макушку и качнул сперва в одну сторону, потом в другую:

– Ну чего ты тут расстраиваешься? Ну, немножко сбился, потом сразу в ногу попал. Кроме нас, никто и не заметил. Славно прошли.

Гость

С утра они ждали гостя, Володя и Наташа.

Вынесли столик в сад, потащили туда соломенное кресло. Поочередно бегали то и дело на кухню и ко мне, выпрашивая то тарелку, то яблоко, то терку, то чистую бумагу. Потом оба очень долго и тщательно умывались, хотя до обеда было еще далеко. А Володька нацепил значок «Да здравствует 1 Мая!», хотя был уже июль.

Наташа заботливо осматривала столик. Всё Володино и Наташино богатство, все их заветные сокровища были выложены на стол. Взятая у меня бумага была постелена как скатерть. Лежала батарейка от карманного фонарика. Рядом с ней стояла моя старая чернильница. Из нее торчали анютины глазки. Посередине стола на чистом блюде лежало тугощекое яблоко. В открытой жестянке из-под зубного порошка сложены были шарики, скатанные из глины. Наташа суежилась около стола, а Володя беспрерывно подбегал к воротам и выглядывал на дорогу.

– Не идет? – спрашивала Наташа.

– Нет еще, – отвечал Володя. – Он обещал: как управится на Красной площади, так придет... Там еще часы не играли.

– Кого это вы ждете к себе? – поинтересовался я.

Володя и Наташа строго взглянули на меня.

– Уж знаем кого.

И оба смутились.

Мне надоело ждать гостя. Я ушел наверх работать и вдруг услышал под окном такой разговор.

– Вот, пожалуйста, садитесь в это мягкое кресло, – говорила Наташа. – Вы, наверное, устали на Красной площади... Наши дети вас прямо с утра заждались. Кушайте, кушайте пирожки... Не подгорели? Угощайтесь на здоровье... Володя, что ты сидишь, как глупый? Предложи печенье... Вот, пожалуйста, яблоко. Это – самое лучшее и ни капли не червивое. Прошу вас, кушайте и утирайтесь глаженной салфеткой.

– А после обеда можете, пожалуйста, прокатиться на моем грузовике, – услышал я голос Володи и изумился.

Никогда никому в жизни не давал Володя своего грузовичка. Должно быть, гость пришел очень уж дорогой.

Я осторожно выглянул в окно.

Солнце стояло прямо над садом. Листья осин искрились. Тяжелые яблони не могли перевести дух от жары. Всё было неподвижно. Казалось, что и листьям лень пошевелиться. Только терпеливые кузнечики стрекотали на весь сад: цы-цы-цы-цы-цы...

Володя и Наташа чинно сидели на солнце пеке за столиком, но больше там никого не было.

– Живите у нас всегда, – говорил Володя. – У нас тут очень свежо и хорошее питание. Наши дети вам жуков наловят самых прелучших, сколько хотите. Даже бронзовиков!.. Это я будто так ему говорю...

– А он говорит, что ему столько жуков наловили, что уже девать некуда, – сказала Наташа.

Я не стал мешать ребятам и только за обедом спросил, кто это у них был в гостях.

– Не говори! – сказала Наташа и замотала головой.

– Ты дразниться еще начнешь, – сказал Володя, – скажешь: чего выдумали!

Я обещал не дразниться.

– Всё равно не говори, – сказала Наташа.

– На букву С и Т, – начал Володя и поглядел на Наташу.

– И потом еще А, – шепотом подсказала Наташа.

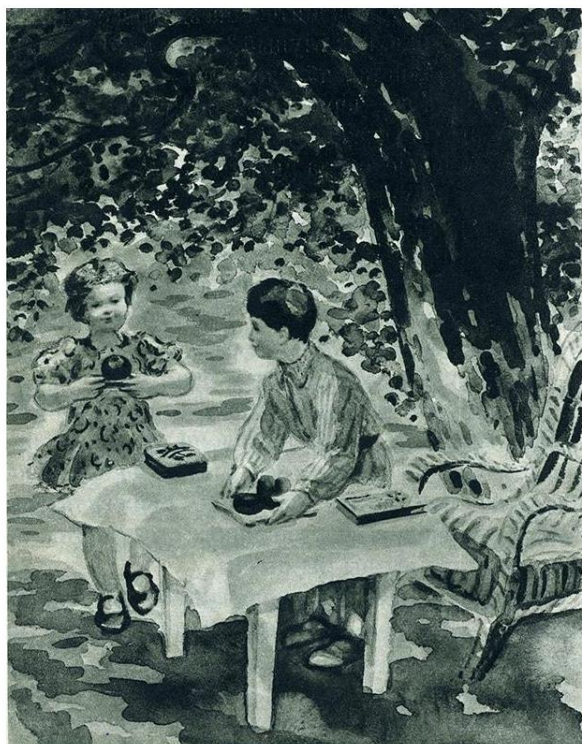
– Он нам всё рассказал, – подхватил Володя: – как он на Красной площади был, и как там красноармейцев было – целая тысяча! И он обещался, что на тот раз нас тоже возьмет на парад!

– На С, и Т, и А, – сказала Наташа. – Сам догадайся.

И я догадался. Я понял, в какого гостя играли ребята, и кому позволил Володя взять грузовичок, и кому он обещал самых лучших жуков бронзовиков.

Олеся Пружак

Уже накануне в селе стали говорить, что панам пришел конец: сам Сталин ведет Красную армию на помощь народу, и происходит великое чудо – где только ступит на землю нога красного бойца, там земля пана навсегда становится землей всех.

Шел дождь ночью, и где-то принимался бухать частый короткий гром.

Утром Олеся побежала за речку. Она поднялась на горку, прошла лесом и очутилась в ветренном поле.

На косогоре стояли танки. На переднем шевелился красный флажок.

Высунулся по пояс человек в толстом шлеме с красной звездой, весь одетый в черную блестящую кожу. Это был командир. Он увидел Олесю.

– А ну, ходи до нас, не бойсь! – крикнул он.

– Я и не боюсь совсем, – сказала Олеся и подошла к командиру, – Здравствуйте!

– Доброго здоровья! – проговорил командир. – Ты, девица-красавица, будешь из Груденева?

– Из Груденевки.

– Ну, тебя нам и надо! – воскликнул командир.

Олеся посмотрела на него с недоверием. Из других танков тоже высунулись люди в толстых шлемах.

– Дядя, вы – Красная армия? – спросила Олеся.

– Мы – Красная армия.

– А где Сталин?

– Сталин в Москве, – серьезно сказал командир. – Он тебе кланяться велел. Тебя не Стасей звать?

– Нет, Олесей.

– Вот я ж и говорю – не Стасей! Нам Стася ни к чему, нам именно Олеся и требуется.

– Так то, может, вам другую Олесю... У Балабовичей еще есть, Олеся тоже. А мы – Пружак.

– Вот-вот, именно Олеся Пружак! Она самая нам и требуется. Садись, влезай сюда! – крикнул командир и протянул Олесе руку.

– Ой, я вам наслезу: у меня ноги сырые!

Командир одной рукой поднял Олесю и посадил ее в открытую башню танка.

– Ходу! – скомандовал он.

Всё взревело кругом, задрожало, рванулось. Танки стремглав пошли к селу. Олеся сперва обмерла от эдакого грохота и разбега. Она вцепилась в скользкий кожаный рукав командира. Одной рукой он крепко обнял Олесю, другой, наклонив против ветра, держал тугое знамя.

И нипочем была для танков вязкая грязь! Машины сами на ходу подстилали себе железные половики: они без конца сбегали с обеих сторон танка вперед, на дорогу, машина мчалась по ним и забирала их с собой, швыряя глину.

Олеся скоро освоилась.

– Ох, мы вас ждали, ждали! – крикнула она в ухо командиру.

– И давно вы нас ждали? – тоже закричал командир.

– Мама говорит, двадцать лет, а я – целый день вчера...

Навстречу бежали жители Груденева. Они махали и всплескивали руками. А дети скакали и танцевали босыми ногами в лужах и завистливо кричали что-то Олесе. А когда моторы замолчали, Олеся услышала, как ее отец говорил командиру:

– Встретили бы вас, дорогие люди, с хлебом-солью – только уж второй месяц сами соли не видим.

Вечером командир приказал наладить походный радиоприемник. Боец-радист укрепил на высоком ясене большой рупор. Всполошились галки.

Народ собрался под деревом.

Радист настроил аппарат. Испуганная галка сослепу залетела в рупор и выскочила оттуда, отчаянно махая на всех крыльями.

Рупор зазвенел, и все услышали голос из Москвы.

Долго слушали люди. О дружных народах, о широкой земле, о вольном, веселом труде пела Москва. И многие еще по привычке озирались, не веря, что можно так громко говорить об этом.

Пошел дождь. Сперва слабенький, редкий, потом припустил. Но никто с места не сдвинулся.

Первый раз в жизни слушала Олеся радио. Она привстала на цыпочки и вытянула шею, словно хотела заглянуть в черное отверстие трубы, из которой выходили московские слова. Не все слова поняла Олеся. Но вот ясно разобрала:

«...Привет товарищу Сталину...»

Потом голос смолк, и раздались певучие удары:

Би-им, бюм-бум-бом, бэ-бам!..

Командир объяснил, что это бьют часы на кремлевской башне.

Часы пробили двенадцать раз. Отгремела могучая и строгая музыка.

– Ну, вот и всё на сегодня, – сказал командир.

И народ стал медленно расходиться.

Скоро никого не осталось под деревом. Луна, хоронясь за тучами, тускло освещала опустевшую улицу. Чуть поблескивали, лопааясь, пузыри на лужах. Дождь усилился.

Вдруг командир увидел, что к дереву подкралась Олеся. Она осторожно огляделась, нет ли кого поблизости. Командир стоял в тени от дома, и девочка не заметила его. Она ухватилась за мокрые ветви. Дождь стучал в стенки рупора. Девочка дотянулась до него, всунула голову в самый рас-труб. Командир услышал ее торопливый, прерывистый голос.

– И от меня ему поклон, – говорила, слегка задыхаясь, Олеся в трубу, – от меня там тоже поклон ему в Москве передайте... Скажите – от Пружак Олеси.

Спор о силе

Спорили о силе. Какая она бывает? И кто всех сильнее?

– Сильней всех Илья Муромец был, – сказал Володя. – Помнишь?

– Помню, – сказала Наташа. – Илья был Муромец, богатырь. Он был здоровый. Как махнет, так все и валятся. Даже лошади – и то!

– Мамонт бы не повалился, – заявил Володя, – Мамонт самый сильный был. Он мог слона на крышу закинуть.

– А кондор что, слабее мамонта?

– Кондор – это, как орел, птица! Он только из всех птиц сильнее. А мамонт всё равно бы и у кондора мог все крылья из хвоста вытащить.

– Теперь уж мамонты не водятся, – проговорила Наташа. – Сейчас кит всех сильнее.

– А мамонт бы и кита мог затоптать, если бы только не умер и в воду полез.

– «Если бы», «если бы»! – передразнила Наташа. – А кит всё равно сильнее всех!

– А вулкан зато сильнее еще кита! – не сдавался Володя. – Если б кит вдруг полез на гору и вдруг очутился б в вулкане... Думаешь, вулкан засорится? И вовсе нет! Кит бы весь разварился сразу, даже пригорел... А я знаю, кто всех сильнее!

– Кто? – Всех сильнее Геркулес был! Он целый великан был. Его все киты боялись. Он знаешь какой был? Волосы причесывал граблями, а зубы чистил щеткой, которой подметают... А курил знаешь как? Провертит сбоку у вулкана дырку – и давай дымить! А если вулкан потух, возьмет дом, печку затопит, а сам трубу на крыше всунет в рот и курит себе. Вот какой был силач! Его никто не мог победить. Он бы всех поборол.

– Так он ведь в сказке только был... Мало ли что!

– А он бы и вправду всех победил.

– Так бы уж и не нашелся, кто его победит?

– Никто бы не нашелся.

– Никто из людей? Ни один человек? Что ж, по-твоему, значит, его и Сталин бы не победил? – спросила Наташа и хитро посмотрела на Володю. – Сталин бы уж победил!

Володя смутился было, но потом нашелся.

– А Геркулес бы с ним не боролся, его бы Геркулес послушался, – сказал Володька. – Он бы сам за нас скорей стал да как дал бы врагам всем!

– А что бы он сейчас в жизни делал, Геркулес твой? – придиралась Натка.

– На службу ходил.

– Он бы на службе не поместился.

– Уж нашлось бы ему место, не беспокойся! – сказал Володя. – Он бы знаешь куда на службу ходил?. В самый Кремль. Он бы там у часов стоял, которые, знаешь, на башне? И за водил бы их прямо с земли... Пускай, чтоб всё время, целый день играли!

Больше спорить было не о чем. Пошли вместе чай пить.

Портрет

Есть много разных портретов Сталина. Бывают портреты маленькие, такие, что умещаются на булавочной головке. Бывают и такие, что выше семиэтажного дома.

Видел я немало портретов, нарисованных детьми. Портреты эти не были похожи один на другой.

Мальчик с Кавказа нарисовал товарища Сталина в распахнувшейся косматой бурке, в черкеске с газырями, на лихом коне. Конь мчится над кручей. Внизу облака. Наверху орел.

Девочка-китаянка нарисовала товарищу Сталину узкие глаза, немножко раскосые. Негритенок изобразил Сталина курчавым, с тугими, мелко выющимися волосами.

Каждый прибавлял портрету сходство с людьми своего народа. Каждый пририсовывал знакомые черты отца, товарища или старшего брата.

Но самый удивительный, самый неожиданный портрет показал мне раз один мальчик за границей, в чужой заморской стране.

Я остановился в большом городе и жил там в красивой гостинице. В гостинице служил мальчик – «бой». Он чистил жильцам ботинки и с самого утра до поздней ночи мотался на побегушках. Целый день он бегал с письмами и разными поручениями с первого этажа на седьмой, с седьмого – на второй, со второго – на улицу, с улицы – в переулок, а там – в магазин, куда его посылали... Он так уставал, что иногда нечаянно засыпал над нечищеным ботинком. Тогда мрачный рослый швейцар подходил к нему, брал грязную сапожную щетку и с размаху проводил ее жесткой щетиной по лицу мальчика. Бедняга вскакивал с лицом ушибленным и в ваксе.

Я однажды не вытерпел и заступился за мальчика. С этого дня мы с ним подружились. Он знал, что я приехал из Советской страны, и часто расспрашивал меня, как у нас

живут, как учатся ребята и почему у нас вакса. Встречая меня, он украдкой салютовал – подымал кулак, как это делают революционеры.

Жил он, как все бои, в грязном и душном чуланчике под черной лестницей.

Как-то раз я пришел к нему в гости. Мы сидели с ним на скрипучей узкой кровати и разговаривали. Кто-то топал над нашими головами, сбегая по лестнице. Пахло ваксой и светильным газом.

Вдруг я увидел над кроватью небольшой портрет под стеклом в самодельной рамке, старательно выпиленной лобзиком. На портрете был изображен красивый мужчина со спокойными добрыми глазами. Густая черная борода скрывала нижнюю половину лица, а на самые брови была надвинута шляпа с широкими полями.

– Кто это? – спросил я.

Мальчик лукаво посмотрел на меня, потом перевел взгляд на стену, где висел портрет.

– Би-им, бум-бум-бум, бэ-бам!.. – вдруг пропел он. – Слышали, где так часы играют на башне? Я один раз слышал по радио... На всю жизнь запомнил.

Он опять весело посмотрел на меня.

– Не узнаете? Ловко! Значит, уж действительно никто не узнает, раз вы не догадались. Сказать вам, кто это? Только смотрите не раз болтайте, а то мне будет!.. Это... – Он заговорил шепотом. – Это Сталин.

Я расхохотался.

– Это Сталин? Да что ты, милый мой! Разве Сталин такой?

– Минуточку, – спокойно сказал мальчик: – он у меня загримированный. Сейчас я вам покажу.

Мальчик подбежал к двери, высунулся, огляделся, потом прикрыл дверь и быстро снял портрет со стены. Он вынул что-то из-под стекла – и знакомое спокойное и доброе лицо Сталина вдруг глянуло на нас. Мальчик держал в руке надставную бороду и шляпу. Они были вырезаны из плотной бумаги.

– Я видел в кино, – заговорил мальчик смущенно, словно оправдываясь. – Показывали один день советскую картину. Потом ее сразу запретили у нас. Там Ленин был загримированный. Он скрывался от белых. А этот портрет мне подарил один моряк. Но картинку надо было спрятать. Отнимут ведь... А я не хотел прятать. Я хотел, чтоб он всегда был со мной, тут. Я тогда взял да и сделал вот это... Вы только, пожалуйста, не говорите никому. Меня бы живо выгнали, если б узнали, что это Сталин.

Мальчик прислушался, потом быстро засунул бумажную бороду и шляпу обратно под стекло. Вошел швейцар.

– Живо сбегай в цветочный магазин для восьмого номера, – сказал угрюмый, обшитый галунами детина, – Чем ты тут занимаешься? Не дозовешься тебя!

– Я показывал господину портрет моего дедушки, – отвечал мальчик.

– Удивительно, как у такого почтенного и аккуратного на вид человека может быть эдакий бездельник внук! – проворчал швейцар, мельком взглянув на портрет. – Уж, я думаю, он вел себя не так, как ты. Ты бы поучился у него.

– О, я стараюсь учиться у него, как только могу! – с жаром сказал мальчик, вешая портрет на место.

Со стены между низко опущенной шляпой и пышной бородой на нас смотрели спокойные и всё понимающие глаза Сталина.

Ночные заботы

В Москве есть большой дом летчиков. Там, на восьмом этаже, живет мой старый товарищ, военный летчик Григорий Васильевич. Из окна комнаты хорошо видна вся Москва. Можно разглядеть Кремль вдали. Горят на башнях красные звезды. А ночью, если ветер летит оттуда, тихо доносится бой часов на большой кремлевской башне:

Би-им, бюм-бум-бом, бэ-бам!..

Жена Григория Васильевича умерла. Осталась у него маленькая дочка Лена.

Раз летчик пришел домой после занятий очень поздно. Видит, в комнате горит свет, нянька спит, а Лена лежит с открытыми глазами. Она лежит с открытыми глазами, смотрит вверх и считает, сколько надо одной мухе шагов сделать, чтоб через весь потолок от угла до угла перелезть.

– Ты что не спишь? И свет почему? – спрашивает Григорий Васильевич.

– Я проснулась и боюсь в темноте.

– Это что за новости! Спать сейчас же!

– А разве поздно уже? – хитрит Лена.

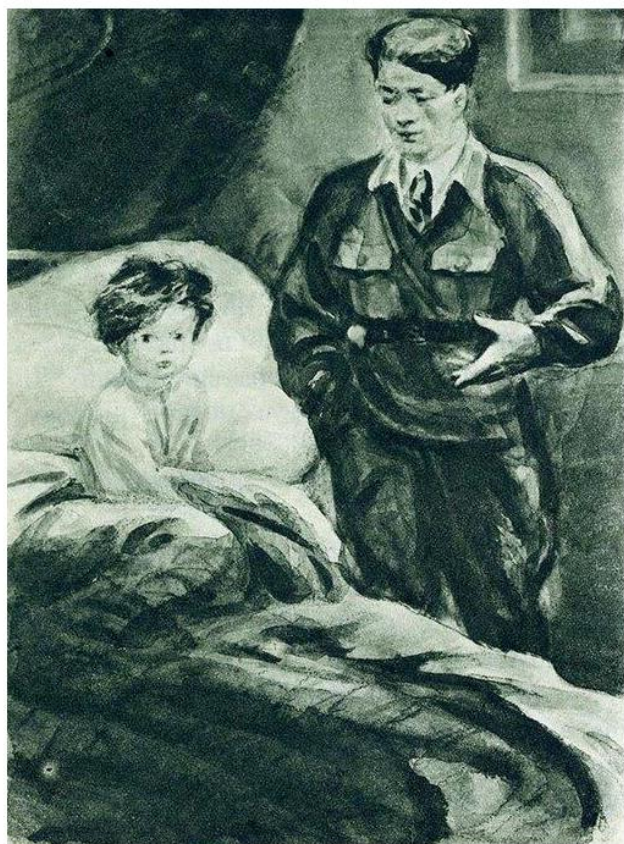
– Еще бы не поздно! Видишь, на улицах уже фонари потушили. Уже и трамваи на покой ушли. И все кондуктора спят давно. Даже под землей темно стало, в метро ток выключили. Все спят. Все!..

– И Сталин уже спит? – спрашивает вдруг Лена.

Григорий Васильевич отвечает не сразу.

– Нет, – говорит он и смотрит в окно, – Сталин, должно быть, еще не спит. У него ведь работы сколько!

– Да, – соглашается Лена, – Сталин, наверное, позже всех ложится... Папа, а когда он спит, и Ворошилов, и все тоже, кто ж тогда управляет всем?

— Не все спят ночью, — говорит летчик. — Вот сейчас часовые стали на посты. На кораблях моряки вышли на ночную вахту. В булочных пекари замесили тесто, чтоб к утру был для всех свежий хлеб. Наборщики в типографии печатают газеты, чтоб утром все узнали свежие новости. И товарищ Сталин видит: он не зря работал весь день. Часовые на страже. Моряки на местах. Тесто подходит. Печатные буквы выстраиваются в слова. А те, кому сейчас полагается спать, давно спят и видят хорошие сны. Значит, завтра у всех будут свежие головы, свежий хлеб, свежие хорошие новости. И когда товарищ Сталин увидит, что всё делается, как надо, он тоже ляжет спать. Поняла?

— Поняла.

— Вот. А у нас тут с тобой до сих пор свет не потушен. И, наверное, видно наше окно из Кремля. И там...

Он договорить не успел.

— Папа, давай потушим скорей свет! — зашушукала Лена и уже заранее закрыла глаза. — А то, может быть, правда, он там видит, что у нас всё свет, и он беспокоится, что не все спят, и сам не ложится.

И в комнате на восьмом этаже в доме летчиков погасили свет, чтобы из Кремля было видно, что всё делается, как надо, и Лена сейчас заснет.

Би-им, бюм-бум-бом, бэ-бам!..

Ба-ам-м-м!.. Ба-ам-м-м!.. Ба-ам-м-м-м!..

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПАВЕЛ КАРЕЛИН

**ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПОВЕСТИ**

Составитель А. Степанов

Печатается по изданию:
Карелин (Красник) П. С.
Таинственный остров: Повести и рассказы.
Сост. А. А. Степанов.
Подг. текста и прим. М. Фоменко.
Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. – 220 с., илл.
(Polaris: Путешествия, приключения, фантастика.
Вып. CCXXXVI).

ТАЙНА БЕЛОГО ДОМА

Фантастическая повесть

ТАЙНА БЕЛОГО ДОМА
Впервые: На чужбине (Шанхай), 1921, № 4, апрель.

Долго я не решался опубликовать эти заметки, отчасти из боязни, что мне не поверят, отчасти же из опасения, что профессор Манутин, появления которого я ждал и жду с минуты на минуту, будет недоволен оглашением его тайны.

Во всяком случае, все это так невероятно, что я минутами сомневаюсь, действительно ли это было.

И только лежащие передо мной газеты, в которых говорится об известных мне взрывах, подтверждают действительность всего случившегося...

Но начну по порядку.

Будучи тяжело раненным в дни великой разрухи нашей армии, в июле 1917 г. я был эвакуирован на южный берег Крыма, где дивный горный воздух и отличный уход Н-ского лазарета скоро поставили меня на ноги.

Раны затянулись, кровохарканье прекратилось, и я перешел в разряд выздоравливающих.

Батарея, которой я командовал на фронте, потому ли, что состав ее офицеров с первого дня революции отдавал все свободное время беседам с солдатами, разъясняя им каждый переживаемый момент, или по какой другой причине до последнего момента исполняла свой долг, как то подобает солдатам революционной армии, сознательно борющимся за свободу и родину.

С небольшой горсточкой пехоты, оставшейся верной долгу, батарея прикрывала бегущие армии, подпуская неприятеля почти вплотную и расстреливая его в упор картечью.

В один из таких моментов, отходя под давлением превосходящих масс австро-немцев, я и был ранен в грудь и в голову ружейными пулями и эвакуирован в Крым.

Лазарет, в котором я помещался, находился в горах, вдали от населенных пунктов и единственным развлечением выздоравливающих были небольшие прогулки в окрестностях.

Кругом, на расстоянии нескольких верст, за исключением пяти или шести небольших домов не было ничего. Эти дома и их хозяева были нам отлично известны, иногда мы во время прогулок заходили к ним выпить стакан воды или просто отдохнуть и всегда встречали радушный прием.

Только один дом оставался для нас загадкой. Сколько раз мы ни пытались проникнуть в него, всегда получали один и тот же ответ:

— Нельзя! Хозяин не принимает...

Слуга, отворявший дверь, старик, хромой на одну ногу, с физиономией рассерженного бульдога, так решительно при этом запирал дверь, что настаивать далее мы не решались.

Окольными путями нам удалось узнать, что фамилия хозяина дома Манутин, что он бывший профессор одного из университетов, известный в ученом мире своими работами в области электричества.

Это все, что мы узнали о таинственном соседе, причем никто из нас не мог похвастаться тем, что видел профессора.

Чем он занимался, что делал, как жил, все это было для нас загадкой.

Таинственное всегда меня привлекало, и этот странный дом как-то невольно тянул к себе своей таинственностью. Поэтому каждый раз я выбирал место для прогулок в окрестностях жилища профессора, пока, наконец, у меня не

созрело решение во что бы то ни стало проникнуть в тайну белого дома.

Всевозможные, в большинстве крайне нелепые слухи еще более укрепили мое решение, и я стал уже регулярно ходить к дому не только днем, но и по ночам.

Таинственный дом помещался в лощине, одной своей стороной примыкая к группе скал, а другой выходя на небольшую поляну. На поляне, шагах в ста от дома, находился большой деревянный сарай с не потемневшими еще досками, очевидно недавно выстроенный.

Сарай был окружен высоким бревенчатым забором и выходил широкими, как у гаража, дверями к дому.

Как-то раза два, во время прогулок, я слышал доносившиеся до меня из сарая характерные звуки вертящегося пропеллера, иногда слышал стук от ударов молотка по чему-то твердому, лязг металла...

Подойти близко к ограде, за которой помещался сарай, мне мешала большая злая собака, жившая за изгородью и поднимавшая каждый раз, при приближении кого-либо, страшный лай.

Мне казалось, что ключ к разгадке должен находиться обязательно в сарае, и я решил сдружиться с Цербером таинственного дома.

...Я подошел к таинственному дому...

На это мне понадобилась целая неделя. Вначале пес, хотя и принимал от меня приношения в виде сосисок и колбасы, но каждый раз встречал ворчанием и лаем. Потом мало-помалу, привыкая ко мне, перестал ворчать и даже позволял ласкать себя в широкую щель, проделанную мною в заборе.

Все эти упражнения я производил за группой больших кипарисов, росших позади сарая и скрывавших меня от взоров обитателей таинственного дома. Как-то на рассвете, часа в четыре утра, я проснулся и, не будучи в состоянии больше заснуть, решил пойти к таинственному дому.

Едва только я поравнялся с домом, как дверь его внезапно отворилась и я увидел высокого человека в странной накидке, без шапки, с всклокоченными седыми волосами, направляющегося по дороге, ведущей в горы. Человек этот шел медленно, не оглядываясь по сторонам, весь погруженный в себя. Казалось, что если бы кругом обрушились горы, он бы не заметил этого.

Я последовал за незнакомцем и, нагнав его, подошел вплотную. Человек продолжал идти, не замечая меня.

Минуты через две, видя, что ни покашливания, ни другие приемы обратить на себя внимание не действуют, я, взяв руку под козырек, вежливо обратился к седому господину:

— Виноват... Вы, вероятно, хозяин этого дома?..

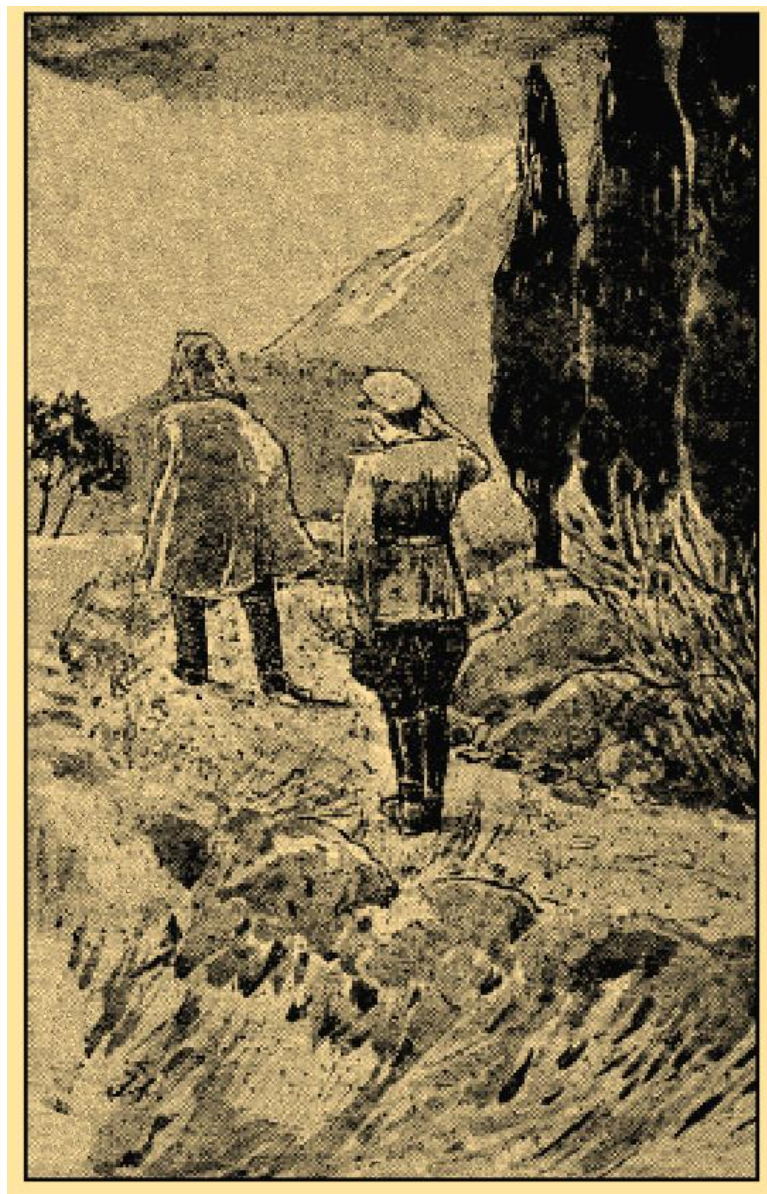
Лохматый человек вздрогнул, дико посмотрел на меня и потом, видно, отчасти сообразив, в чем дело, быстро заговорил:

— Да, да... Я хозяин... Только, извините, я занят, очень занят сейчас... — и, повернувшись, быстро, чуть не бегом, пошел обратно.

Следовать за ним я не посмел, но странности этого человека, гуляющего на рассвете по горам и ничего не замечающего вокруг себя, еще больше укрепили меня в решении разгадать тайну.

Я утащил визиты к таинственному сараю и скоро настолько подружился с собакой, что она нисколько не препятствовала мне не только ласкать ее сквозь щель в заборе, но даже перелезть через забор и осматривать издали сарай.

— Виноват... Вы, вероятно, хозяин этого дома?..

Профессора я несколько раз встречал, гуляющего по горам на рассвете. Как и в первый раз, он никого и ничего не видел, весь погруженный в какую-то мысль.

Из нескольких слов, случайно сорвавшихся с его губ, я решительно ничего не понял. Он говорил про какую-то невесомость, корабль, переменные токи и чуть ли не после каждого слова повторял:

— Да, да... Это так... Совершенно так... Иначе не может быть...

Далее следовали какие-то недосказанные формулы...

В общем, ничего нового я не вынес.

Через несколько дней, совершая послеобеденную прогулку, по обыкновению около таинственного дома, я проходил мимо ограды, за которой помещался сарай, привлеченный туда характерным звуком быстро вращающегося пропеллера. Звук внезапно замолк, как бы оборвался. Вдруг калитка ограды с шумом распахнулась, и из нее выбежал хозяин дома, еще больше лохматый, с диким видом и, размахивая руками, не замечая ничего, бросился по дороге.

Я не успел уклониться, профессор налетел на меня и, бросив на ходу — «Извините», — побежал дальше, продолжая нелепо размахивать руками, и исчез за поворотом.

Калитка осталась незатворенной, далее была видна полуоткрытая дверь сарая.

Соблазн был велик. Я не выдержал.

Подозвав собаку, которая подбежала ко мне, виляя хвостом, я быстро прошел в калитку и, почти не владея собой, вбежал в полуоткрытую дверь сарая.

Наконец-то тайна будет в моих руках! Наконец-то я узнаю, что заключается в загадочном сарае, столько времени интриговавшем меня.

Я остановился в недоумении.

Громадный сарай, типа автомобильного гаража или ангара для аэропланов, был ярко освещен большими окнами из толстого стекла, устроенными в потолке. Несколько перекладин поддерживали всю систему деревянного настила. С боков окон не было.

Но самое главное, чего я никак не мог ожидать — сарай был пуст... пуст, за исключением небольшой машины, по-видимому, электрической, помещавшейся в углу. Несколько инструментов, какие-то ключи, гайки, отвертки небрежно разбросаны на столе и на полу.

Вот и все.

Я довольно внимательно, насколько это позволяло время и страх возвращения хозяина, осмотрел машину.

Катушки Румкорфа, небольшие стеклянные диски, но ничего, напоминающего пропеллер, ничего, напоминающего какое-либо колесо, могущее воспроизводить слышанный мной шум, когда я подходил к сараю, тем более, что вся машина была величиной около полутора аршинов в длину и немного более аршина в ширину.

Едва я успел поверхностно осмотреть сарай, как вдали послышались торопливые шаги возвращающегося профессора.

Выходить за ограду было поздно, и я едва успел спрятаться за кипарисами, росшими позади сарая, как во двор вошел профессор, захлопнул калитку и быстрыми шагами направился к сараю, где и скрылся, притворив за собой дверь.

Я весь обратился в слух.

Через несколько минут раздалось потрескивание, как бы от разряда электрической искры, прерываемое возгласами профессора, затем глухой шум, напоминающий отдаленный взрыв; спустя некоторое время до моего слуха ясно донесся отчетливый свист пропеллера и движение по сараю какого-то очень громоздкого тела.

Пропеллер то работал, то замолкал, то развивал бешеную скорость, то крутился медленно. Видно, что пробовали машину, пробовали совершенно так, как летчик проверяет аэроплан перед полетом.

Игра с пропеллером продолжалась минут десять, затем послышалось легкое потрескивание, взрыв, какой-то дикий не то возглас, не то вопль профессора, и все смолкло.

Я прождал минут пять. Полная тишина.

Думая, что с профессором случилось что-нибудь неладное, я вышел из своей засады, тихо прокрался к двери сарая и осторожно, со страхом приотворил ее.

Сарай был пуст.

В углу тоскливо стояла непонятная мне электрическая машина, стол с разбросанными инструментами и больше ничего. Никакого громоздкого аппарата с пропеллером не было. Профессор исчез.

Я осмотрел пол, стены сарая. Ни намека на подземелье. Земляной пол был везде ровен и исключал возможность какого-нибудь подземного люка или чего-нибудь в этом роде.

Только посередине сарая были заметны четыре глубоких колеи, как бы от колес очень тяжелой машины.

Колеи эти шли зигзагами вперед и назад, впечатление получалось такое, что кто-то катал по сараю чудовищной величины экипаж.

Я положительно недоумевал, тем более, что раньше этих следов не было. В этом я готов был поклясться. Но если так, то куда же этот экипаж девался? Куда девался профессор?

Медленно вышел я из сарая, осмотрел его со всех сторон и, не найдя ничего существенного, вышел за ограду.

Едва я успел сделать несколько шагов, как послышался знакомый мне треск, глухой взрыв и из сарая скорыми шагами вышел профессор. Лицо его, вопреки обыкновению, сияло, и он громко разговаривал сам с собой.

Я едва успел спрятаться за камень, как профессор прошел, вернее, пробежал мимо меня и направился к дому.

Подождав, пока профессор скроется за дверями, я медленно пошел по направлению к лазарету, напрасно стараясь уяснить себе все происшедшее.

Я ясно слышал стук пропеллера, ясно слышал передвижение по сараю какого-то громоздкого предмета, около которого возился профессор. Момент, и ни профессора, ни тяжелого предмета, ни пропеллера, ничего... Куда они делись?.. Я не допускал мысли о галлюцинации: все, что я слышал, было слишком отчетливо, ясно и... столь же непонятно.

На следующий день, на рассвете, я по обыкновению направлялся к таинственному дому.

Последнее время я каждый день ходил «выслеживать» профессора, решив во что бы то ни стало разгадать его тайну.

Утро было ясное и тихое, какое только бывает в Крыму. Ни одного облачка, ни малейшего ветерка, ни одного звука. Эта тишина невольно создавала непонятную близость между природой и человеком, навевала грусть, напоминала одновременно и о жизни и о смерти...

Я тихо шел, задумавшись, как вдруг, приблизительно в версте от меня, послышался резкий звук взрыва, заставивший меня невольно вздрогнуть.

Когда дым немного рассеялся, я увидел на месте хорошо знакомой мне, отдельно стоявшей, вероятно, уже много веков скалы ровное, гладкое место.

Почти тотчас же раздался другой взрыв в полуверсте от первого, затем третий, четвертый.

Ни людей, никого не видно. Везде полная тишина, за исключением этих взрывов. Я посмотрел вверх. Небо ясное, чистое. Аэроплан, как бы он высоко ни летел, был бы виден, да и во всяком случае слышен был бы звук пропеллера, столь знакомый каждому, побывавшему на войне.

На море тоже ничего. Гладкая синева вод застыла в полном покое. Ни паруса, ни дымка, ни малейшей ряби, указывающей на присутствие подводной лодки.

Я бросился к месту ближайшего взрыва.

Большая воронка, диаметром около четырех аршин, говорила за себя. Ясно. Здесь упал снаряд. Но откуда?

Еще особенность: скалы, окружавшие воронку, были положительно измельчены силой взрыва. Два дерева, росшие саженьях в восьми от скалы, превратились в мелкие щепки. Такого действия снаряда я не мог себе представить. Это было что-то новое...

Я осмотрел места других взрывов: то же самое. То же ужасное действие какого-то неведомого, фантастически сильного взрывчатого вещества.

В одном месте я нашел осколок от бомбы, в другом два осколка. Сомнения не могло быть. Кто-то бросил бомбу, но откуда?..

Характерная подробность: сбрасывающий бомбы, очевидно, выбирал точки попадания, так как каждый взрыв происходил обязательно около какой-нибудь отдельной большой скалы.

Я на мгновение допустил было мысль, что аппарат летел на громадной высоте, настолько высоко, что его не было видно, но тотчас же откинул, так как места попадания бомб говорили о точном прицеле, а это, при большой высоте, являлось положительно невозможным.

Опять неразрешимая загадка.

В голове, помимо воли, эти взрывы связывались с таинственным сараем профессора и, не сделав никаких выводов, я решил усилить наблюдения.

В этот же день, вооружившись буравчиком, взятым на время у служащего лазарета, я перелез через забор, предварительно угостив собаку хорошей порцией колбасы, и тихо прокрался к кипарисам.

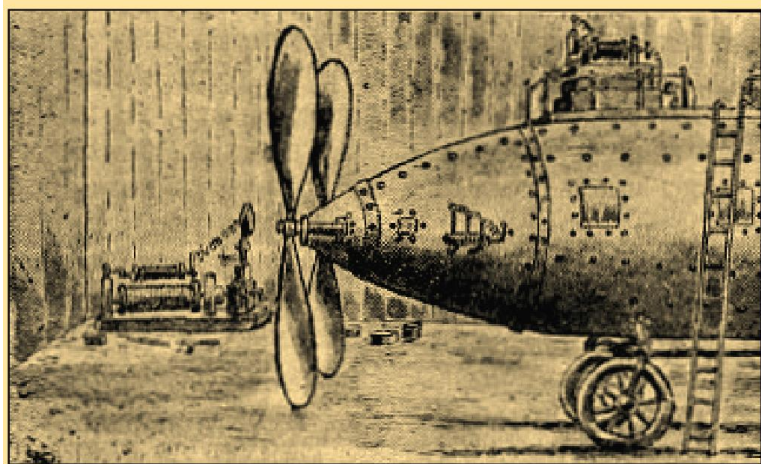
Около часа просидел я под сараем, прислушиваясь к каждому шороху, но все было тихо; очевидно, профессор или отдыхал, или работал у себя дома.

Наконец я решился и стал, соблюдая по возможности тишину, просверливать отверстие в доске сарая. Работа подвигалась успешно, и через каких-нибудь десять минут я жадно прильнул к отверстию. В поле зрения оказалась небольшая часть сарая, но и этого было достаточно.

Передо мной ярким контуром вырисовывалась машина, напоминающая какой-то, по-видимому, воздушный корабль неведомой мне дотоле конструкции.

В щель была видна только часть корабля с двумя огромными пропеллерами. По этой части я приблизительно мог судить о величине всей машины, которая занимала более чем половину сарая.

В это время вдали послышались скорые шаги. Шел профессор. Я отскочил от стены сарая и спрятался в зелени кипарисов.

*...Передо мной ярким контуром вырисовывалась машина
неведомой мне дотоле конструкции...*

Когда профессор вошел в сарай и притворил за собой дверь, я одним прыжком очутился около наблюдательного пункта. Сердце мое усиленно билось. Возможно, что я сейчас окончательно разгадаю тайну белого дома.

Фигура профессора несколько раз появлялась в поле зрения. Было видно, как профессор что-то делал около корабля.

Наконец, по-видимому, окончив работу, профессор вытер лоб платком и, не торопясь, влез на корабль, поместившись недалеко от пропеллера. Раздался знакомый уже мне треск, причем по кораблю пробежали небольшие голубоватые огоньки, звук как бы взрыва... и... корабль вместе с профессором исчез.

Я протер глаза и снова посмотрел в щель. Ни корабля, ни профессора не было.

Тут я не выдержал и, не соблюдая больше мер предосторожности, бросился в сарай. Двери были закрыты наглухо, и я с шумом распахнул их.

Сарай был пуст.

Только свежие следы от колес указывали на то, что корабль действительно существовал и несколько минут тому назад был в сарае.

Вместо разгадки еще больше необъяснимого, еще больше непонятного...

Я вышел на двор. Небо было ясно, и, как я ни приглядывался, ничего заметить не мог, ничего, за исключением двух или трех небольших облачков.

Страннее всего, что если бы корабль и улетел, то я все-таки должен бы был слышать звук вращающегося пропеллера, а между тем, с момента взрыва наступила полная тишина, как будто бы ни корабля, ни профессора никогда не существовало.

Я решил дожидаться прибытия корабля. Расширил немного отверстие, наскоро проделанное буравчиком, и спрятался в густой зелени кипарисов.

Сколько я ждал, не знаю. Мне показалось, что очень долго. Кругом царила мертвая тишина, даже собака куда-то исчезла.

Вдруг до моего слуха донесся знакомый треск. Я бросился к отверстию и едва только успел заглянуть в сарай, — раздался глухой взрыв и перед моими глазами появился корабль и профессор, стоявший на палубе недалеко от пропеллеров и готовившийся слезть с корабля по небольшой лестнице, сделанной из белого металла.

Но я ясно помню, что когда я приложил к отверстию глаз, то одно мгновение сарай был пуст и затем, внезапно, появился корабль.

В это время до моего плеча коснулась чья-то рука, и сухой надтреснутый голос грубо произнес:

— Я вас спрашиваю, чего вам тут надо? Чего вы тут делаете?..

Я вздрогнул, обернулся и увидел перед собой хромого слугу профессора.

Бульдогообразное лицо старика было искажено злобой и ненавистью. Я не мог оторвать от него взгляда. Вдруг это ли-

цо начало увеличиваться, расплываться... нервы мои не держали, я вскрикнул и последнее, что я помню, это верхушки кипарисов, ярко вырисовывавшиеся на синеве неба...

* * *

Очнулся я в незнакомой мне комнате на диване. Кто-то мочил мне голову холодной водой. Во рту чувствовался вкус чего-то острого, напоминающего спирт.

— Кажется, приходит в себя... Перемени-ка компресс, Мартын... — послышался низкий грудной голос.

— Ничего, и так очнется... Не ходи, куда не просят... — раздался в ответ скрипучий ворчливый тенор, в котором я узнал голос странного слуги профессора.

Я открыл глаза.

Чья-то сильная рука приподняла меня слегка с дивана, и я почувствовал около рта стакан. Машинально сделал глоток и тотчас же выплюнул. Коньяк с примесью каких-то капель ожег мне рот, но зато я сразу пришел в себя.

— Как вы себя чувствуете? — послышался тот же низкий грудной голос.

— Благодарю... Мне лучше... — пробормотал я. — Что со мной?

— Пустяки! Небольшой обморок... Выпейте вот глоток, все пройдет...

Я последовал совету и через пять минут, уже вполне оправившись, сидел на диване.

— Как вы попали к сараю? Что вы там делали? — внезапно изменив обращение, строгим голосом спросил профессор.

Я рассказал все без утайки... о том, как с первых же дней моего пребывания в лазарете я заинтересовался таинственным белым домом, обо всех попытках открыть тайну вплоть до последнего дня, когда голос слуги заставил меня так нелепо упасть в обморок.

Профессор выслушал молча, не перебивая.

— Вы артиллерист? — внезапно спросил он, когда я окончил свой рассказ.

Я отвечал утвердительно.

— А знакомы вам взрывчатые вещества? Устройство ручных гранат? АэропланнЫе бомбы?..

— Конечно, я над этим специально работал.

Профессор задумался.

— Ну, хорошо, — сказал он наконец. — Если уж случай дал вам возможность проникнуть в мою тайну, то — что делать?.. Приходите ко мне, мы с вами побеседуем... Часть тайны вы уже знаете, а узнать остальное зависит от вас... Только одно условие: никому ни одного слова. Полная тайна до тех пор, пока я не разрешу вам говорить... Теперь пойдите отдохните, а завтра я буду вас ждать...

На следующий день, на целый час раньше назначенного времени, я был уже у профессора.

Профессор принял меня спокойно, с достоинством, ничем не намекая о случившемся накануне, когда я, уподобясь сыщику или вору, подсматривал за ним.

Это был высокого роста старик с гладкими, на этот раз зачесанными назад волосами, с крупными энергичными чертами лица. Большой лоб, свидетельствующий о недюжинном уме, красивые, черные, еще полные жизни глаза, особая манера держаться с достоинством, — все это ничем не напоминало безумца или маньяка и всецело говорило в пользу профессора, заставляя невольно относиться к нему с уважением.

Эта разница между тем профессором, который сидел против меня и тем, которого я встретил в горах, растрепанного, с блуждающими глазами, никого и ничего не замечавшего, была настолько резка, что я невольно усомнился в тождестве этих двух лиц.

Профессор заметил мой недоумевающий и удивленный взгляд и, улыбнувшись, спросил:

— Вы, вероятно, сопоставляете нашу встречу в горах (другие встречи профессор, очевидно, не замечал) с настоящим?

Я невольно покраснел.

— Неудивляйтесь! Когда вы меня встретили, это был пе-

риод, во время которого я делал последние шаги в области тех открытий, результаты которых вы отчасти видели... Естественно, что в те минуты я ни о чем другом думать не мог... Ну, а ваше решение отгадать мою тайну не прошло еще?

— О нет! — живо отозвался я. — То что я уже узнал и чего вы не отрицаете, настолько заинтересовало меня, что я готов отдать полжизни, лишь бы узнать все остальное.

— Я отдал за это всю свою жизнь... — задумчиво сказал профессор. — Когда-нибудь, со временем, может быть, вы узнаете все... даже больше, чем предполагаете... а теперь скажите мне, слышали вы что-нибудь о четвертом измерении?

— Конечно, — отозвался я.

— А какого вы мнения?.. Что вы думаете об области этого измерения?..

— Я думаю, — ответил я, — что четвертое измерение — это фантазия, фантазия предположений, не имеющая под собой твердой почвы... Насколько мне известно, нет никаких серьезных данных, подтверждающих существование этого измерения...

— Неправда, — снисходительно улыбнулся профессор. — Сразу видно, что вы никогда не вникали в сущность вопроса... Прежде всего, если бы существование четвертого измерения было бы столь неправдоподобным, им не занимались бы такие умы, как Цельнер, Гаус, Гельмгольц, Риман, эти корифеи математической науки... Наш гениальный Лобачевский, великий Кант и другие... Вспомните их работы в области, родственной с учением о четвертом измерении... Я уже не говорю о трудах по этому вопросу ученых последних дней... Такой солидный научный американский журнал, как «Scientific American», предложил даже в 1909 году премию в тысячу долларов за лучшее сочинение о четвертом измерении... Из всего этого видно, что вопрос о четвертом измерении не так уж фантастичен... Есть даже реальные доказательства. Возьмите, например, ясновидение... Чем вы объясните, что человек мысленно переносится

за сотни и тысячи верст, как будто для него не существует пространства. Он все видит, слышит, понимает... Чем вы это объясните?.. Да, ясно! Он перешагнул границы мира трех измерений, и то, что для вас кажется чудом, для него так просто, естественно... Правда, он переносится в область четвертого измерения бессознательно, под влиянием того или другого обстоятельства, независимо от своей воли, но важен сам факт, факт, удостоверяющий существование четвертого измерения, указывающий на то, что это измерение где-то есть... А раз есть, значит, его надо искать, значит, его можно найти...

На этом оборвалась наша беседа. В следующий раз, едва только я вошел в комнату, профессор первым начал разговор о себе.

— Вас интересуют мои работы? Ну, а если бы я производил изыскания в области четвертого измерения, вам бы это показалось нелепым? Не правда ли?

— Нисколько... — неуверенно ответил я. — Наука может преподносить такие сюрпризы... То, что вчера казалось явно абсурдным, сегодня истина...

— Вот, вот, — обрадовался профессор. — Именно... Если несколько сотен лет тому назад вам сказали бы, что вы будете переговариваться с вашими знакомыми, находящимися на расстоянии многих верст, вы поверили бы?.. Или за несколько десятков лет до настоящего момента вы поверили бы в возможность телеграфа без проводов?.. Ведь нет?..

Я согласился.

— Да и что такое четвертое измерение? — продолжал, оживляясь, профессор. — Представьте себе следующее. Наш мир и все живущее в нем измеряется тремя мерами: длиной, шириной и высотой... Теперь вообразите, что в наш мир трех измерений каким-либо образом перенесся бы клочок другого мира двух измерений. Жители этого мира не были бы в состоянии представить себе третье измерение, и все, что граничило бы с этим, казалось бы им чудом. Их здания состояли бы, очевидно, из одних линий, нанесенных на плоскости, так как ни верха, ни низа для жителей ми-

ра двух измерений не существовало бы. Представьте, вы бы явились в такой мир. Для того, чтобы войти в дом, вы свободно перешагнули бы через линию стены... Это так просто, а обитателям казалось бы, что вы проникли сквозь стены. Немного приподняв голову, вы бы увидели все, что делается в домах, так как верха, а, следовательно, крыш, в домах не существовало бы. Опять впечатление, что вы видите сквозь стены...

— Действительно... Это так, — подтвердил я.

— Теперь представьте себе, что вы бы взяли и осторожно приподняли кого-либо из жителей этого мира: каков был бы эффект?.. Его впечатления обсуждали бы ученые, печатали бы газеты, о них говорили бы всюду и в конце концов решили бы, что этого не могло быть, это показалось, плод расстроенного воображения и т. п., чем всегда объясняют ученые непонятное для них. Вы спросите, а почему кому-нибудь из жителей мира двух измерений не попытаться приподнять немного голову и этим небольшим, чисто механическим актом не очутиться сразу в области трех измерений? Ведь кажется, так просто!.. Слегка приподнялся и только... Да просто потому, что это слишком просто!.. Понимаете?.. Вот так же и область четырех измерений. Мы знаем, что такая область существует, что есть люди, переносящиеся в эту область, например ясновидящие, факиры, а попытки перенестись туда самим называем бессмысленностью... Где же тут логика?..

Профессор замолчал. Я, подавленный простотой доказательств профессора, не знал, что возразить. Так прошло минут пять.

— Вы артиллерист? — внезапно обратился ко мне профессор каким-то особенным голосом, забывая, что этот вопрос он мне уже задавал раньше.

— Да, артиллерист.

— Вам знакомы взрывчатые вещества, ручные гранаты, бомбы?..

— Это моя специальность. Я долго работал на заводе... еще до войны...

— Отлично, отлично!.. — перебил профессор. — Знаете, что я вам предложу?... Хотите быть моим сотрудником? Мне нужен человек, хорошо знающий взрывчатые вещества... Слушайте... Я посвящу вас в мои работы... Вот уже много лет я работаю над разрешением проблемы четвертого измерения... Путем ряда опытов я пришел к тому заключению, что для перемещения какого-либо тела в область четвертого измерения достаточно чисто механического толчка, но этот толчок должен быть дан не только телу, но и каждому атому его. Вы знаете, что каждое тело состоит из мельчайших атомов, от быстроты вращения которых, между прочим, зависит твердость тела. Некоторые насильственные изменения во вращении этих атомов и приводят к тому, что тело переносится в мир четырех измерений. Надо было только найти этот механический способ, этот толчок, равномерный для всех атомов предмета, и я нашел этот способ.

Я весь обратился в слух.

— Путем долгих размышлений я пришел к выводу, что единственная сила, могущая дать желаемый толчок, это электричество. И вот, после шестнадцати лет упорных трудов в этой области, мне удалось наконец найти. Это был великий день моей жизни... Вы, помните, мне говорили, что как-то случайно, заинтересовавшись шумом в сарае, вы подошли к нему и сквозь щель увидели очертания какого-то не то воздушного корабля, не то подводной лодки, которая внезапно исчезла из ваших глаз. Я вам до сих пор ничего положительного не сказал об этом... На самом же деле вы правы, вы действительно видели воздушный корабль моей конструкции, который я мгновенно, одним нажатием кнопки, перенес в область четырех измерений и сделал его невидимым для глаз обыкновенного смертного... Впрочем... лучше пойдемте, я покажу вам все... но только прежде еще раз дайте мне честное слово, что вы никому не откроете моего секрета до тех пор, пока я не разрешу вам сделать это.

Крайне заинтересованный словами профессора, я не задумываясь дал требуемое слово и, сгорая от любопытства, последовал за профессором в сарай.

В сарае ничего не было, кроме знакомой уже мне электрической машины.

— Где же корабль? — невольно вырвалось у меня.

— Он здесь, перед вами... посредине сарая... но вы его не только не видите, но можете проходить сквозь него, совершенно не замечая его существования, так как он в области четвертого измерения.

— Но каким же образом вы его переводите в наш мир?..

— Видите эту машину, стоящую в углу? Над ней я работал долгих шестнадцать лет. Это результат всей моей жизни. Ток этой машины заставляет атомы предмета, сквозь который пропущен ток, изменить свое движение и предмет почти мгновенно переносится в область четвертого измерения. Вот глядите, я поворачиваю кнопку...

Сердце мое усиленно забилося...

Внезапно послышался треск, голубоватые искры забегали по сараю. Сильный звук, похожий на взрыв, и перед моими глазами, вдруг, как бы мановением волшебного жезла, очутился громадный корабль, напоминающий своим видом скорее подводную лодку, чем воздухоплавательный аппарат.

Я не мог произнести ни слова.

— Но откуда... он взялся?.. — наконец нашел в себе силы спросить я.

— Из области четвертого измерения... — спокойно улыбаясь, ответил профессор. — Вы поражены? Не правда ли?.. Вот так же был бы поражен и обитатель мира двух измерений, если бы его приподняли с земли... Теперь слушайте главное: видите, я люблю родину так, как должен любить ее каждый русский, и, видя ее истекающей кровью под ударами жестокого Вильгельма, я с первых же дней войны решил все свои силы приложить для изобретения чего-нибудь такого, что бы дало перевес на нашу сторону и тем заставило бы зарвавшихся немцев быстрее заключить с нами мир. И вот, делая изыскания в области четвертого измерения, я, когда увидел, что моя работа приходит к благоприятному концу, стал думать, как бы применить добытые

мною данные к войне, и в один прекрасный день у меня блеснула мысль построить воздушный корабль, который, будучи перенесенным за грани мира трех измерений, делался бы невидимым для глаз людей.

Я слушал, пораженный.

— Развивая далее эту мысль, мне пришло в голову изобрести такие бомбы, которые, будучи брошенными с невидимого корабля, под влиянием тех или других обстоятельств самостоятельно переходили бы в мир трех измерений и при этом взрывались. Видите вот эту бомбу, — продолжал профессор, доставая с корабля небольшой снаряд весом немногим более полупуда, — она начинена особым веществом, изобретенным мною. Действие этого вещества ужасно... Впрочем, вы сами могли убедиться в этом, рассматривая следы взрыва таких бомб на скалах, как вы рассказывали...

— И недоумевал, — докончил я, — так как такого действия снарядов я не мог себе представить.

— Теперь видите вы эту герметически закрытую крышку? Если вы ее отвинтите, то кислород воздуха, проникая сквозь отверстия, действует на состав, находящийся внутри бомбы в особом аппарате, возбуждая ток, подобный тому, какой получается от работы вот этой машины в углу; атомы бомбы изменяют свое вращательное движение, и бомба, под действием тока, в момент взрыва переходит в наш мир... Для материализации ее действуют, следовательно, два начала: ток изменяет вращательное движение атомов, и взрыв, дающий телу окончательный толчок... Вам понятно действие этих бомб?..

— Да, конечно!.. Ну, а какая роль корабля на фронте?..

— Громадная! — ответил профессор. — Помимо разведывательной службы, корабль будет выполнять чисто боевые задачи. Находясь в области четырех измерений, аппарат свободно может проходить сквозь стены зданий, так как препятствий для него не существует, и разбрасывать бомбы внутри зданий. Взрывы всевозможных складов, взрывы поездов, паровозов, мостов, порча путей сообщений, — вот

главные задачи корабля, и, я думаю, что две-три таких машины на фронте могли бы быстро решить судьбу кампании...

Зная теперь приблизительно все, я спрошу вас, желаете ли вы быть моим помощником, помощником здесь в гараже и лаборатории и помощником на фронте, где мы с вами, в течение какого-нибудь месяца, вызовем такую панику у врагов, что они принуждены будут просить мира на каких бы то ни было условиях?

— Конечно, конечно! — с восторгом согласился я. — Располагайте мной, как хотите!.. Я весь ваш!..

— Видите, мне давно необходим интеллигентный помощник, обладающий кое-какими знаниями. До настоящего времени, погруженный в свои опыты, я положительно не имел времени ни искать, ни выбирать... Случай натолкнул вас на меня... Пусть же так и будет...

— Какую же роль предназначите вы мне теперь?.. Что я буду делать?..

— Вам я поручу работу в сфере, более или менее вам знакомой. Пока вы будете готовить бомбы, первое время, конечно, под моим наблюдением. Я вам дам рецепт взрывчатого вещества, оболочки, покажу способ набивки. Работа чисто механическая... Когда вы усвоите и начнете работать самостоятельно, я займусь устранением главного и очень важного дефекта моего аппарата. Видите, я от вас не скрываю ничего... Дефект этот состоит в том, что, будучи перенесенным в область четвертого измерения, корабль со всеми и всем находящимся на нем может вернуться в наш мир только при помощи вот этой машины, стоящей в углу.

— Но почему же вам не взять машину с собой на корабль? — поинтересовался я.

— А, видите, перенесенный в мир четырех измерений, ток, вырабатываемый машиной, изменяется и не производит желаемого действия на атомы. Я теперь и хочу изобрести какой-нибудь способ, который бы избавил меня от необходимости... от зависимости каждый раз прибегать к аппарату, находящемуся в другом месте. Короче, я хочу найти

возможность материализоваться там, где мне захочется, и когда я этого пожелаю. Без этого корабль не будет совершенен, да и кроме того, будет зависеть от ряда случайностей. Представьте, пожар или какая-либо порча машины...

Я невольно задрожал.

— Ну, а разве нельзя сделать несколько таких машин?... В случае порчи одной, другая могла бы заменить ее.

— Возможно, но для этого надо время... Я употребил четырнадцать лет для того, чтобы добыть то количество вещества, из которого сделана главная пластинка — коллектор машины... Ждать столько времени я не могу, так как война требует моего вмешательства... Подумайте, столько жертв стоит каждый день войны, каждый день, отсроченный нами для выполнения задачи, возложенной на нас судьбой...

Прошло несколько дней.

Мало-помалу профессор посвятил меня в детали своего изобретения, так что, в конце концов, я узнал устройство корабля не хуже самого профессора, за исключением, правда, способа переносить машину в область четвертого измерения.

Эту тайну профессор Манутин ревниво берег и, как я ни старался навести его на разговор об этом предмете, иногда, сознаюсь, даже слишком настойчиво, Манутин ни разу не проговорился. Один раз, когда я был слишком уж настойчив, профессор просто сказал:

— Приняв вас в свои сотрудники и открыв вам свою тайну, я тем самым связал свою судьбу с вашей и, если я вам не открываю это последнее звено в цепи, то поверьте, не потому, что я не доверяю вам... нет... А просто я дал себе клятву до конца войны никому, положительно никому не открывать то, что могло бы дать так много шансов на победу в руки врагов, если бы они узнали мою тайну... Время, когда процветали Мясоедовы, Штюрмеры, Сухомлиновы и другие при прежнем, слава Богу, канувшем в Лету, самодержавном строе, слишком еще близко... Я знал в Ялте, — продолжал профессор, — одного ученого, открывшего

способ отклонять траекторию летящего снаряда путем создания особого электрического магнитного поля. Ученый подал заявление с приложением объяснения и чертежей лично бывшему военному министру Сухомлинову — и что же?.. Через семь или восемь месяцев он прочитал в русском журнале подробное описание своего изобретения с примечанием, что это новое изобретение немцев, которое случайно удалось перехватить французам при наступлении союзных армий... Вот поэтому я и решил никому, положительно никому, не доверять секрета своего изобретения... по пословице, — улыбаясь, закончил Манутин, — старой, избитой, но правдивой пословице: «Если знают двое, то это уж не тайна»... А вот что, — переменял он тему разговора, — не хотите ли завтра сделать со мной пробный полет... в область четвертого измерения?

Я отвечал утвердительно, хотя сердце у меня забилося сильнее, и на лбу выступил холодный пот.

До этой минуты я как-то не представлял себе, что мне придется совершить полет в эту таинственную область, уйти из этого мира... в какой-то другой, неведомый... пережить смерть, будучи живым...

Я задрожал.

— Да вы не бойтесь! Это вовсе не так страшно! — сказал профессор, заметив мое волнение. — Ведь я же совершил несколько полетов и, как видите, жив и здоров.

Это меня несколько успокоило, хотя в лазарете я всю ночь не мог уснуть. Мне мерещились какие-то тени, привидения, чудовища, ужасы...

Полет был назначен утром и, едва только взошло солнце, как я, несколько не отдохнув после бессонной ночи, направился к белому дому.

По дороге, независимо от моей воли, я все время замедлял шаги, стараясь оттянуть минуту перехода в другой мир.

Когда я постучался, профессор был уже готов, и мы тотчас же направились к сараю, захватив с собой какие-то странные инструменты, часть которых профессор заставил меня нести.

Собака встретила нас веселым лаем, который как похоронный звон отозвался в моей душе и напомнил мне, что через несколько минут я буду где-то далеко, в неизвестности...

Утро было великолепное. Мир казался таким прекрасным. Я с грустью взглянул последний раз на небо, на горы, на группу кипарисов и решительно перешагнул порог сарая, плотно притворив за собой дверь.

Корабль величественно возвышался посредине сарая и профессор возился около, прилаживая на корме принесенные с собой предметы. Окончив свою работу, профессор взял у меня ящик, который я нес и, вынув из него какой-то инструмент, показал его мне. Инструмент имел форму усеченного конуса, внутри которого был виден небольшой величины круглый диск, слегка фосфоресцирующий, из странного голубоватого металла.

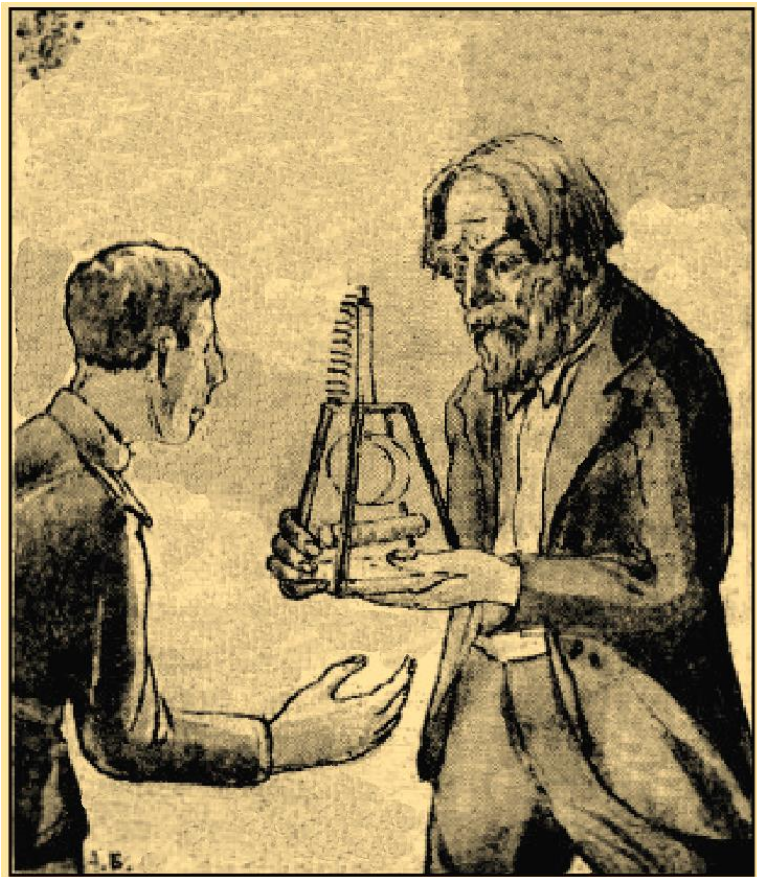
— Видите этот голубой диск? — обратился ко мне профессор. — Это коллектор, собирающий и перерабатывающий токи машины, которая стоит в углу. Для получения куска металла, из которого сделан этот коллектор, мне пришлось работать четырнадцать лет. Это душа нашего корабля... душа, которая поможет нам перешагнуть через границу, отделяющую наш мир от другого, до сих пор неизвестного нам, мира четырех измерений...

Говоря так, Манутин быстро прикрепил коллектор к машине и взошел на корабль, предлагая мне следовать за ним.

Волей-неволей пришлось и мне последовать его примеру, хотя, сознаюсь, несколько раз у меня мелькала мысль бросить все и уйти в свой лазарет... но самолюбие побороло и я остался.

— Ну-с, все готово, — заявил профессор, когда я взобрался на площадку корабля.

Я со страхом посмотрел на маленькую машину, ища провод, соединявший ее с кораблем, эту последнюю нить, связывающую нас с жизнью в этом мире, но как я ни приглядывался, провода не было.

— Видите этот голубоватый диск? — обратился ко мне профессор. — Это душа моего корабля...

Я спросил Манутина.

— Вы задаете нелогичные вопросы, мой друг, — ответил тот. — Если бы мы переносились в другой мир и возвращались в наш посредством провода, то туда бы мы еще могли перенестись, но оттуда?... Каким образом вы бы нематериальный конец провода с корабля соединили бы с мате-

риальным от машины? Это было бы совершенно невозможно... Вы видите вот здесь, около пропеллера, небольшую машину? Она добывает электрический переменный ток, который, как в беспроводном телеграфе, действует на приемник в машине, возбуждая в свою очередь ток в аппарате. Коллектор собирает ток, перерабатывает... Боковой приемник корабля принимает новый ток и... когда я нажму вот эту кнопку... вот так...

Мгновенно в глазах моих потемнело, кровь прилила к вискам... Где-то, как будто вдали, я услышал заглушенный шум взрыва... Красные круги заходили предо мной... Я чувствовал, что лечу в пропасть... какие-то темные лапы тянут меня вниз, стараются удержать, но огромным усилием воли я вырываюсь... Затем ощущение легкости, какой-то особенной легкости, как будто тела моего не существовало и чувство радости... бессознательное чувство радости человека, сбросившего со своих плеч тяжесть материального тела, которую он носил столько лет...

Мрак заменился мягким ровным светом, успокаивающе действовавшим на нервы... Возбуждение первого момента прошло. Меня охватило чувство блаженного покоя. Земная жизнь, с ее мелочами и тревожениями, осталась где-то далеко позади, казалось чужой, далекой...

Я понемногу стал приходить в себя.

Кругом, как будто подернутые легким туманом, виднелись стены сарая, но странно — стены были прозрачны: я ясно видел сквозь них... Вот группа кипарисов, дача профессора... далее — знакомые скалы, из-за которых ярким пятном вырисовывалась, вся облитая лучами восходящего солнца, красная крыша нашего лазарета.

Я с грустью подумал о своей комнате, стараясь представить ее, и... вдруг увидел... ясно, отчетливо увидел свою комнату... Вот сбоку, неприбранная еще после ночи, кровать, умывальник, письменный стол, на котором лежит недописанное письмо, начатое еще третьего дня.

Странное ощущение. Я чувствовал, что нахожусь на корабле, видел его, и в то же время видел свою комнату в ла-

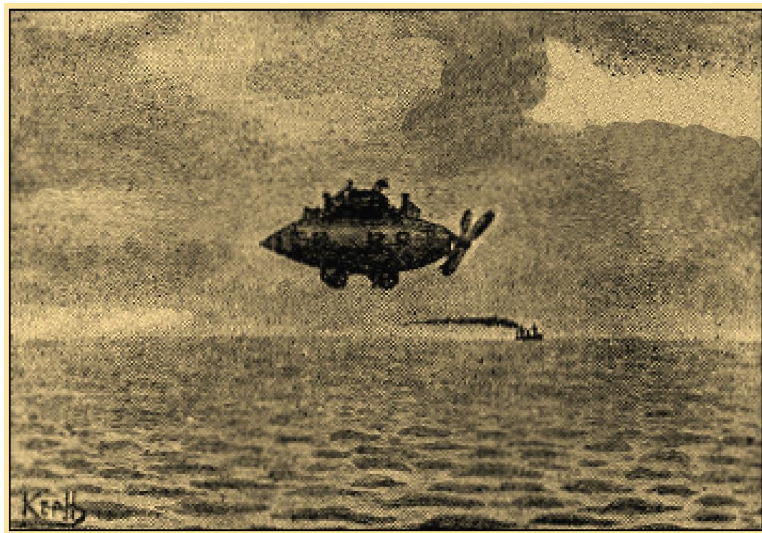
зарете... Эта двойственность впечатления была так необычайна...

— Мы двигаемся, — перебил мои мысли или, вернее, переживания профессор. — Смотрите!..

Бесшумно, как тень, корабль двинулся с места, прошел сквозь стену сарая и направился в самую гущу кипарисов. Я инстинктивно зажмурился, ожидая толчка, но ничего... Корабль прошел сквозь кипарисы, которые даже не шелохнулись, и стал медленно подниматься кверху.

Ощущения полета трудно передать... Чувство какой-то обособленности, независимости, неведомости... Я смотрел на землю и она казалась мне чужой, далекой... И чем дольше продолжался полет, тем связь с землей становилась все меньше... тем больше я начинал чувствовать себя обитателем совершенно другого, ничем не связанного с землей мира.

Профессор молча управлял кораблем, направляя его в разные стороны. Быстрота полета была изумительная. В несколько минут мы пролетели, по моим расчетам, более ста верст, сделав громадный круг.

...Далее простиралось открытое море...

Внизу, как в калейдоскопе, мелькнули Гурзуф, Ялта, Алупка... Вот форты Севастополя, далее гладкая равнина моря...

Профессор нажал на руль. Машина плавно повернула и бесшумно понеслась обратно, опускаясь все ниже и ниже...

Перед нами гряда скал. Корабль проходит сквозь скалы, не замедляя хода, проносится мимо лазарета, минует белый дом и опускается в сарае.

Легкий треск электрического разряда, взрыв, ощущение головокружения, близкое к потере сознания, и я снова на земле...

Пораженный всем пережитым, я без движения стоял на палубе корабля, пока голос профессора не заставил меня очнуться:

— Слезайте! Для вас есть работа.

Я послушно сошел на пол сарая.

— Видите, вон в углу сарая стоит ящик. Его только вчера привезли. Это пустые оболочки двадцати бомб. Вы должны завтра к вечеру их набить. Взрывчатое вещество, с действием которого вы уже знакомы, возьмете у меня в кабинете. Там его достаточное количество...

— А аппарат, возбуждающий ток и производящий взрыв?

— Это все я сделаю сам... — ответил профессор. — Вы только набейте оболочки... Но завтра к вечеру обязательно все должно быть готово, так как послезавтра мы с вами совершим первую боевую экспедицию на турецкий фронт. Я уже наметил ряд пунктов, где мы произведем взрывы, а теперь за работу.

К вечеру одиннадцать бомб были закончены. Профессор лично ввинтил в каждую бомбу по небольшой металлической коробке, герметически закрытой посредством навинтованной крышки из того же белого металла.

— Для того, чтобы произвести взрыв, — сказал, между прочим, профессор, помогая мне перетаскивать вполне уже готовые бомбы на палубу корабля, — достаточно только слегка отвинтить эту крышку, чтобы туда проник воздух.

Я покосился на крышку бомбы, которую нес...

На следующий день... О, этот следующий день!.. Пока жив, никогда я его не забуду, так отчетливо и резко он врезался в мою память...

С утра я занялся набивкой бомб и, когда уже заканчивал работу, вошел профессор, неся с собой несколько аппаратов, которые он ввинчивал в бомбы для производства взрывов.

На пороге профессор споткнулся, один аппарат вырвался из его рук, с треском ударился о металлический стержень, лежащий на полу, и покатился к моим ногам.

— Какая досада!.. — воскликнул профессор. — Если коробка попортилась, ее нечем заменить, так как больше готовых аппаратов у меня в данное время нет...

Я поднял аппарат и передал профессору. Коробка была цела, только трубка немного погнулась.

— Как жаль, что нечем заменить, — вздохнул Манутин. — Ну, да нечего делать, давайте приделаем эту машинку к бомбе... Авось сойдет...

Мы провозились минут сорок, так как согнутая трубка не хотела входить в отверстие, прорезанное для этой цели в бомбе, и только после нескольких ударов молотка, сделанных профессором, встала на свое место.

— Ну! вы теперь идите домой, — сказал профессор, когда мы окончили возиться с бомбой, — а я, пока еще не совсем стемнело, сделаю небольшой полет, последний перед экспедицией... а завтра в путь...

И, пожав мне руку, профессор начал взбираться на корабль.

— Плотнее закрывайте дверь... — крикнул он мне вслед, когда я выходил из сарая.

Это были последние слова профессора Манутина, которые я от него слышал.

Едва только я вышел из ограды, за которой помещался сарай, послышался треск, глухой взрыв и все замолкло.

— Счастливого пути и скорого возвращения, — не удержался я, махая рукой невидимому профессору.

Но тут сердце мое внезапно сжалось, что-то подкатило к горлу, и я вдруг почувствовал, что профессора я больше уже никогда не увижу...

— Ну, что может случиться?.. — успокаивал я себя и, поборов охватившее предчувствие, закурил папиросу и быстрыми шагами направился к лазарету.

Пройдя больше половины расстояния, я оглянулся и в этот момент увидел громадный столб огня и черного дыма над сараем таинственного дома.

Еще момент, оглушительный гром взрыва и вихрь свалили меня с ног...

Когда я пришел в себя, первым моим побуждением было броситься к дому профессора.

Но ни дома, ни сарая не было...

На поляне, где возвышался когда-то таинственный белый дом, было гладкое ровное место...

...Ни дома, ни сарая не было...

Чудовищная сила взрыва уничтожила все, не оставив ни малейшего следа. Таинственный белый дом не существовал больше, и с ним погибла тайна величайшего изобретения, тайна, которая сделала бы переворот в науке и доставила бы нам легкую и быструю победу над наседающим на нас врагом...

Где теперь профессор?... Часто я задаю себе этот вопрос, и глубокая уверенность живет во мне, что великое открытие не пропало, что профессор в конце концов найдет способ вернуться в этот мир, и я снова увижу его.

И я жду этого момента, глубоко уверенный, что когда-нибудь он наступит...

* * *

Спустя две недели я узнал из газет, что на турецком фронте в один день в разных местах наблюдались одиннадцать грандиозных взрывов, уничтоживших некоторые важные сооружения в ближайшем тылу противника.

Одиннадцать... По числу бомб, сооруженных мной и находившихся на корабле в момент отправления профессора в его последнее путешествие...

Только я один в целом мире знал причину этих взрывов...

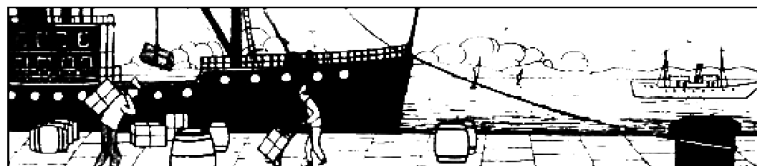

ИНДУС

Фантастическая повесть

ИНДУС
Впервые: журнал «На чужбине» (Шанхай), 1921, № 2,
январь.

I

Вступление

То, что я хочу здесь рассказать, до того странно и необычайно, что я никогда не решился бы напечатать эти мои заметки, если бы не свидетельство сэра Артура Невилля, в словах которого никто не может усомниться.

Он живет в Лондоне на Беккер-стрит и всегда может подтвердить изложенное здесь.

Само собой разумеется, я изменил имена, так как семья distinguished профессора Перкинса до сих пор жива и младшая дочь его недавно вышла замуж за известного спортсмена Генри Стройта, которому была бы неприятна вся эта история, тем более что он, как истый англичанин, от всей души презирает все, что нельзя назвать английским... а тем более индусов, не считая их даже за людей... И если огласить эту историю, то он, пожалуй, готов бы был развестись со своей женой, хотя, насколько мне известно, они живут очень дружно и он ее сильно любит.

Постараюсь не пропустить ни одной мелочи, в достоверности которых ручаемся как я, так и уважаемый Артур Невилль, а его слово, уж во всяком случае, имеет цену, тем более что, в сущности говоря, в природе много еще неразгаданного и туманного, до которого ум человеческий только еще пытается дойти.

II

Встреча с индусом

Итак, постараюсь припомнить все по возможности лучше.

В одно солнечное весеннее утро я сидел у себя в столовой за стаканом кофе, перелистывая газету, когда горничная подала мне на подносе пакет с казенным штемпелем.

В коротких официальных выражениях министр предлагал мне немедленно ехать в Индию вместе с сэром Артуром Невиллем для исследования флоры полуострова, причем нам предлагалось сделать попытки акклиматизации некоторых полезных растений в Европе, предварительно изучив их культуру на месте.

В денежном отношении командировка была очень выгодна, к Лондону меня ничто не привязывало, так как я был в то время холост и одинок, и я, не задумываясь, согласился, тем более, что общество сэра Невилля, кроме удовольствия, ничего не могло доставить.

Наскоро допив кофе, я взял шляпу и отправился сначала к сэру Артуру Невиллю, а затем с ним в министерство, где мы и получили подробные инструкции и деньги.

Помню, мы еще немного поспорили с Невиллем из-за того, какие вещи нам были необходимы.

Я настаивал, чтобы все инструменты и вообще необходимые нам вещи приобрести в Лондоне, Невилль же советовал брать только самое необходимое, говоря, что в Индии мы достанем все и та разница в цене, которую нам придется переплачивать, не окупит всех хлопот и возни, сопряженных с покупкой, упаковкой и перевозкой вещей.

В конце концов, ко взаимному удовольствию, решили кое-что купить в Лондоне, кое-какие покупки отложить до приезда на место назначения.

Зайдя по дороге в контору, мы узнали, что пароход отходит из Гавра через три дня.

Это был великолепный океанский гигант «Виктория», на котором мы и решили ехать, тем более что следующий пароход одного типа с «Викторией» отправлялся только через десять дней.

Наскоро устроив свои дела, мы к концу третьего дня были в Гавре, где тотчас же заняли отдельную каюту первого класса.

До отправления оставалось часов семь, так как пароход отходил только ночью, и мы использовали время, блуждая по Гавру, этому величайшему порту мира.

Тысячи судов всех национальностей, целый лес мачт, запах просмоленных канатов, разношерстная толпа, говорящая на всевозможных наречиях, — все это после Лондона, хотя и шумного, но все-таки прилизанного европейского города, давало массу новых впечатлений и мы без устали бродили по набережной, наблюдая, восхищаясь и с наслаждением вдыхая свежий морской воздух.

Внезапно, на повороте одной из улиц, нам навстречу показался индус, невольно заставивший обратить на себя внимание. Одет он был в восточный костюм с тюрбаном на голове. Ничем особенным он не отличался, казалось бы, от сотен других индусов, переполнявших город, если бы не вид особенной величавости, скрытой мысли, силы, достоинства, что проявлялось в каждом его жесте, в каждом движении, особенно же во взгляде его черных глаз, которые сверкали, как раскаленные угли, под густыми седыми бровями.

Сэр Артур даже остановился:

— Вот библейская фигура!.. Такого величественного старца мне никогда не приходилось видеть, — сказал он, поправляя на носу золотое пенсне. — Наверное, какая-нибудь важная особа индусского мира... Посмотрите, с каким уважением его встречают индусы.

И, действительно, встречные индусы провожали старца низкими поклонами, касаясь рукой земли с выражением особенного почтения и страха.

Индус скрылся за поворотом улицы и через минуту мы забыли о нем, заинтересовавшись подходящим судном.

— Вот библейская фигура!.. — сказал сэр Невиль...

К вечеру, нагуляв хороший аппетит и такую же усталость, мы вернулись на корабль и первое, что нам бросилось в глаза, это знакомая величественная фигура индуса, который стоял, облокотившись о борт, и задумчиво смотрел в даль. Казалось, он никого и ничего не видел.

— Посмотрите, наш патриарх!.. — заметил сэр Артур, немного приотнавиваясь. — Кажется, он едет с нами... Ну, надеюсь, это не отобьет у вас аппетит?..

— Наоборот! скорее возбудит, — ответил я в тон Невиллю, — в доказательство чего пойдем обедать!

Но за обедом, хотя и съеденном нами с аппетитом, разговор все время вертелся около индуса, заинтересовавшего нас той особой манерой, полной достоинства, с которой он держался.

Едва только мы успели выпить послеобеденную чашку кофе, как беготня наверху, крики и дрожание судна показали, что мы отчаливаем.

Мы вышли наверх. Индус стоял на прежнем месте. Его высокая белая фигура ярко обрисовывалась на фоне сумерек и была полна какой-то таинственности.

Незаметно для себя, с уважением обойдя индуса подалее, чтобы не задеть его и не помешать размышлениям, мы прошли мимо и смешались с толпой пассажиров.

Последний свисток. Пароход, пеня воду мощными винтами, грузно, как бы нехотя, оторвался от пристани, связывающей его с землей и, постепенно ускоряя ход, устремился вдаль, оставляя за собой Гавр, залитый миллионами огоньков бесчисленных фонарей на судах и на берегу. Огоньки становились все меньше и меньше, пока не слились с темнотой наступившей ночи.

Пароход вышел в открытое море.

Возвращаясь в каюту, мы индуса уже не встретили.

III

Профессор Перкинс

На следующий день за обедом мы были приятно удивлены, встретив нашего общего знакомого профессора Перкинса, живого подвижного старика лет шестидесяти, пользовавшегося общей любовью за свой открытый, веселый характер.

Проведя почти всю свою жизнь в путешествиях, исследованиях и изысканиях, он, несмотря на свои годы, был еще очень крепок. Во время частых странствований ему не раз приходилось бороться с врагами и со стихиями, благодаря чему профессор был отличный стрелок, великолепный пловец, мог без отдыха провести сутки верхом. Таким мы его, по крайней мере, знали, хотя в последнее время он жаловался, что годы дают все-таки себя чувствовать и что силы и здоровье уже не те.

Несмотря на все это, профессор выглядел еще вполне молодцом и ехал вместе с нами в Индию для каких-то изысканий, заинтересовавшись в последнее время оккультными науками.

— Индия, — говорил он, — это единственная страна, где оккультные науки стоят высоко. В Египте мы находили только памятники, напоминающие о прежнем величии страны, о высоком умственном развитии жрецов, об их таинственной науке, граничащей с божественностью... Индусы восприняли от египтян эту тайную науку, сохранили, разработали, и всю добытую веками мудрость держат в тайне от чужих взоров, сосредоточив в руках нескольких избранных и отмеченных природой людей. Посмотрите, какими знаниями обладают даже низшие факиры, я не говорю уже о высших. В их руках сосредоточилась вся мудрость мира... Представители нашей европейской науки, в большинстве случаев засушенные педанты, отрицают все то, чего не могут понять... Разработка всевозможных таинствен-

ных явлений, которые они называют или фантазией, или плодом больного воображения, дала бы массу ценных вкладов в науку... Но они умышленно закрывают глаза и идут не тем путем, по которому бы им следовало идти, предпочитая дорогу, правда, более легкую, но такую, которая никогда их не приведет к цели...

Говоря все это, профессор горячился и волновался, как будто вопрос касался главным образом его самого и он был виновником недалёковидности всех ученых Европы.

Таинственный индус, о котором мы рассказали профессору при первой же встрече, сильно заинтересовал его и профессор делал неоднократные попытки познакомиться с факиром, но индус каждый раз, хотя и вежливо, но сухо и холодно отклонял такие попытки, так что к вечеру пятнадцатого дня сближение профессора с индусом не подвинулось ни на шаг.

Всегда замкнутый, холодно вежливый, он с таким достоинством и тактом избегал разговоров и сближения с пассажирами, что сердиться на него не было возможности. Глядя на величественную фигуру индуса, чувствовалось, что этот человек неизмеримо выше каждого из присутствующих, что в нем есть искра того, чего нет в других.

Пассажиры чувствовали, по-видимому, то же самое и после ряда бесплодных попыток сблизиться с индусом оставили его в покое, продолжая относиться к нему с полным уважением, и даже за глаза не отзывались о нем хоть сколько-нибудь легкомысленно.

IV

На судне

На шестнадцатый день благополучного плавания, спасаясь от жары, мы сидели в каюте за бокалами лимонада со льдом и лениво вспоминали общих знакомых в Лондоне.

Сюртуки наши лежали вместе рядом и мы, несмотря на легкость одежды, поминутно обтирали лица полотенцами, смоченными в одеколоне, чтобы хоть немного освежить себя. Было нестерпимо жарко. Воздух, тяжелый и раскаленный, миллионами горячих иголок впивался в поры кожи.

Профессор Перкинс лениво потягивал свой лимонад, изредка вставляя два-три слова, пока разговор не коснулся Индии.

Тут он оживился:

— Господа! Вы не знаете, что такое Индия и индусы... Вам знакомы по географии главные города Индии, ее население, ее флора и фауна... Вы знаете местоположение Индии на земном шаре и только. Но вы не знаете той таинственной, ревниво скрытой от посторонних глаз Индии, у которой многому следовало бы поучиться Европе... Вам покажется странным, если я скажу, что Индия — это хранилища культуры, культуры не внешней, показной, которая только портит человека, расслабляет его волю и отдаляет его от идеала, а культуры мысли, познания самого себя, умения управлять своим «я», к чему, в конце концов, все мы должны стремиться... В Индии есть как бы маленькое государство в государстве — государство посвященных, которое, в сущности, самое сильное и могущественное в мире... Эта группа посвященных управляется, по мнению одних, четверьмя, по мнению других, семью владыками, которые живут вечно... понятно, не тело их, а мысль... Каким образом сохраняют они физическую оболочку, меняют ли ее или обновляют, это одна из тех тайн, какими полна Индия. Эти люди, живя где-то в горах Тибета, отдают приказания своим подчиненным, рассеянными по всему земному шару,

не пользуясь ни телеграфом, ни телефоном, ни почтой, а исключительно напряжением воли, которая им заменяет все наши изобретения и усовершенствования. Они могут почти мгновенно переносить свое астральное тело на любое расстояние или вызывать к себе астрал нужного лица, говорить с ним, отдавать распоряжения, приказания...

Мы внимательно слушали.

— Их подчиненные, — продолжал профессор, — делятся на несколько категорий в зависимости от совершенства их духа и воли, причем низшую ступень составляют факиры, опытам которых ученые Европы удивляются и, не находя объяснения, с апломбом заявляют, что это фокусы или повторяют пошлую избитую фразу, что в природе есть еще много такого и так далее... не стараясь разгадать эту природу... В тайниках, принадлежащих посвященным, хранятся летописи человечества за все время его эволюции в течение пятисот пятидесяти шести веков и в то время, когда культура то шла вперед, то регрессировала, у посвященных Индии, отказавшихся от всякой другой культуры, кроме культуры мысли, культуры своего «я», эта культура безостановочно шла вперед заранее определенными шагами... Эта группа посвященных, это маленькое государство сильных волей и духом, сильных познанием природы, могло бы в одно мгновение уничтожить весь мир, но они выше этого, так как их идеал — стремление к самоусовершенствованию, стремление к Богу, и они на верном пути. К стыду нашему мы, европейцы, мнящие себя самыми культурными в мире, отстали от Индии на несколько десятков веков... Вот, разгадать хоть отчасти эти тайны, подсмотреть хотя бы сквозь щелку двери, открывающейся только для избранных, я и еду в Индию, господа! — продолжал профессор. — Но на многое, конечно, я не рассчитываю, так как, сравнительно с самым последним из посвященных, я еще ребенок...

В этот момент слова профессора были заглушены топотом и шумом, поднявшимся наверху.

Думая, что случилось какое-либо несчастье, мы, наскоро накинув сюртуки, бросились на палубу.

V

Буря

Капитан стоял на мостике, отдавая громким, несколько тревожным голосом приказания.

Матросы, как муравьи, расползлись по всей палубе, подвязывая кое-где, закрепляя и подтягивая брезент. Работали лихорадочно, суетливо.

Море было гладкое, как зеркало. Небо заволокло свинцовыми тучами, и несмотря на то, что солнца не было видно, воздух был тяжел и горяч, как в печи.

Все предвещало бурю.

С трудом вдыхая раскаленный воздух, мы прошли вперед. Пассажиры волновались, суетились, бегая без толку по палубе. Только один индус по-прежнему величественно и спокойно стоял на своем излюбленном месте, и, казалось, не замечал приближения шквала.

Невольно, подчиняясь уверенному спокойствию индуса, мы придвинулись поближе к нему, как бы ища у него защиты.

Море, до того времени неподвижное, слегка покрылось рябью и легкий освежающий ветерок пронесся по палубе. Мы с наслаждением стали вдыхать прохладный воздух.

В это время среди пассажиров появился помощник капитана.

— Попрошу всех пассажиров вниз! Поскорей, господа, пожалуйста!.. Сейчас начнется шквал, опасности нет никакой... Поскорей, господа!..

Не успели еще пассажиры уйти, как внезапно, словно по волшебству, пронесся первый порыв ветра, чуть не сбивший нас с ног. Мы инстинктивно схватились покрепче за что попало. За порывом последовала минута затишья, и затем ветер, как бы радуясь свободе после долгого заточения, загудел с силой, понятной только тем, кто сам видел и испытал бурю в южных водах.

От бешеного напора воздуха мачты гнулись, как тростинки. Канаты лопались; собственного голоса не было слышно от шума и воя, напоминавшего пальбу тысячи орудий.

Волны, сначала маленькие, начали увеличиваться и вскоре превратились в горы, среди которых громадная «Виктория» казалась небольшой шлюпкой.

Море кипело, как в котле.

Вдруг мимо моего уха просвистел конец оторванного ветром каната, и, описав полукруг, захлестнул не терявшего ни на минуту спокойствия индуса.

Я ясно видел, как конец веревки, обкрутившись вокруг старика, сильно ударил его по голове и тот сначала грузно опустился на палубу, а затем, подхваченный новым порывом, перекинулся через борт и исчез в пене высокой волны, залившей палубу.

В ту же минуту я скорее почувствовал, чем увидел, как что-то промелькнуло около меня и исчезло в водовороте недалеко от того места, где скрылся ушибленный канатом индус.

В тот же момент на палубе раздался крик, повторенный десятками голосов:

— Человек за бортом!.. Человек за бортом!..

И тотчас же несколько спасательных кругов промелькнули в воздухе.

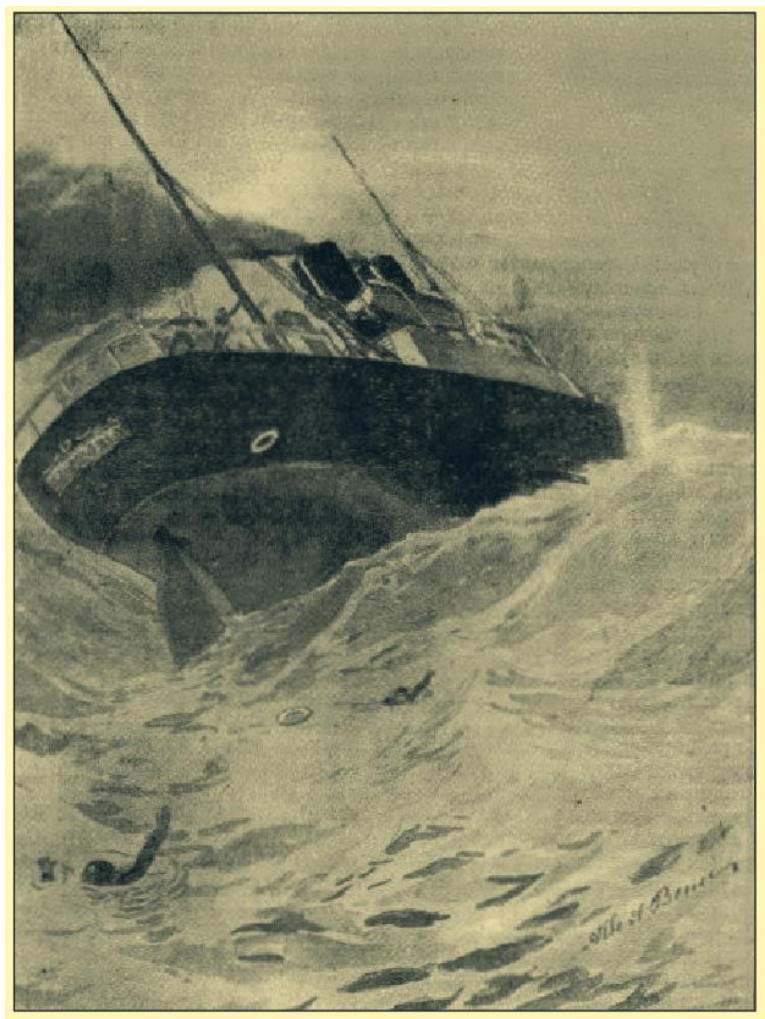
Мне было видно, как один из кругов упал около того места, где скрылся упавший индус и кто-то, бросившийся ему на помощь.

Очнувшись от первого момента неожиданности, я оглянулся. Сэр Артур Невилль стоял около меня, судорожно схватившись за перила. Профессора же не было.

— Где профессор? — закричал я, стараясь перекрыть рев бури.

Невилль молча указал мне рукой на море...

Этот порыв ветра, ужасный по своей силе, был последним и шквал, налетевший так внезапно, столь же быстро стал утихать.

...И в ту же минуту раздался крик: — Человек за бортом!..

В южных морях такие шквалы никогда не бывают продолжительными и длятся иногда всего несколько минут.

Пароход застопорил машину и, сделав поворот, направился по вздымавшимся еще горами волнам назад.

На носу послышался радостный возглас сигнального матроса:

— Человек справа!.. Два человека!.. — и через несколько минут полубесчувственный Перкинс и бесчувственный индус очутились на палубе.

У индуса голова была окровавлена. Конец каната рассек ему кожу, к счастью, не раздробив костей, и судовой врач после перевязки заявил, что опасности нет никакой.

Профессор, быстро оправившийся после принятой им ванны, был в восторге, узнав, что спасенный им индус жив.

На следующий день индус, не вполне еще оправившийся от пережитого, на палубе не показывался. Профессор же сделался предметом поклонения всех пассажиров, громко восхищавшихся его геройским поступком к величайшему неудовольствию ученого, бывшего от природы очень скромным.

Но купанье в холодной воде не прошло даром слишком понадеявшемуся на свои силы профессору. Он заболел крупозным воспалением легких и, когда мы подходили к Калькутте, врач печально покачивал головой, говоря:

— Конечно, все может быть, но в такие годы... нервное потрясение и простуда... все вместе... Ручаться ни за что нельзя...

VI

В Бенаресе

В Бенарес, конечную цель нашего путешествия, профессор прибыл настолько слабым, что сам уже ходить не мог, и его пришлось перенести с большими предосторожностями в английский военный госпиталь, где уход за больными и вообще постановка всего дела были лучше, нежели в других госпиталях.

После тщательного осмотра врачом персоналом, профессора поместили в комнату для «безнадежных» и это лучше всяких слов указывало на положение нашего друга.

Тяжелое состояние больного требовало покоя и, с грустью попрощавшись с ним, мы вышли из госпиталя, сразу очутившись в водовороте уличной жизни, которая невольно захватила нас, заставив на время забыть обо всем другом.

Бенарес — это Париж Индии. В нем странно смешались и европейская цивилизация, и загадочная таинственная Индия, где наравне с высокой культурой у посвященных, ютятся дикость, невежество и нищета...

Роскошные автомобили, тысячные рысаки, запряженные в легкие коляски и кэбы и рядом громадный неуклюжий слон, нагруженный содержимым чуть ли ни целой шаланды, худой мул с полуголым грязным погонщиком-индусом... Изящные костюмы английских леди и джентльменов чередуются с почти полным отсутствием одежды индусских кули. Нагие, словно вычищенные ваксой ребятишки снуют по берегу, выпрашивая у проходящих мелкие монеты.

Город расположен амфитеатром на левом берегу священной реки Ганга и спускается к ней террасами, как бы уходя в реку. Улицы к ней залиты зеленью тамариндов, пальм и араукарий, среди которых яркими пятнами выделяются индусские храмы и дворцы раджей, словно сотканые из кружев.

Массивный храм бога Шивы, храмы Дурга, на ступенях и карнизах которых ютятся сотни кривляющихся обезьян,

магометанская твердыня Ауренг Зеба тяжелыми контурами вырисовываются на синеве безоблачного неба.

В Бенаресе можно видеть всю Индию. Тут и важные ленивые магометане и маленькие, но мускулистые шикари, охотники с Голубых гор, и черные худые рыбаки из устья Годовери. Наряду с таинственной величавой фигурой посвященного йога, жалкая, робко пробирающаяся вдоль стены тень чандала, прикосновение к которому для индуса считается осквернением.

Низшие факиры с аскетическими одухотворенными лицами, неперменные всюду заклинатели змей с корзинами на плечах, где хранятся ядовитые гады, богатые костюмы приехавших из провинции, на роскошно убранных слонах, индусов-помещиков, цилиндры и смокинги европейцев, мундиры военных, все это, залитое яркими лучами тропического солнца, составляет пеструю красочную толпу, необычайную по своей контрастности.

Круглые сутки по городу к реке тянутся паломники, пришедшие сюда за сотни верст, чтобы смыть грехи в священных водах Ганга. Их лица, ярко выражающие религиозный восторг, резко отличаются от лиц постоянных жителей города, давно уже утративших всякое почтение к священному месту.

Фокусники из племени Куру-Бару, которых новички-европейцы часто принимают за факиров и, таким образом, составляют ошибочное мнение о посвященных, окруженные толпой, показывают фокусы, которые все давно уже видели, но на которые смотрят, потому что больше нечего делать.

Берег реки полон купающимися паломниками, с благоговением совершающими священное омовение. Несколько дальше целая флотилия всевозможных лодок и судов самых разнообразных конструкций и форм. Тут и китайские джонки, и моторные лодки, и небольшие стройные яхты спортивного клуба, и суда из Индокитая, неуклюжие и некрасивые на вид, но быстрые на ходу, и лодки с низовьев Ганга и из Бенгалии, отличающиеся особыми оригинальными формами.

До позднего времени бродили мы с Невиллем по улицам города, восторгаясь и восхищаясь новизной впечатлений, пока наступившая темнота не принудила нас вернуться в гостиницу, где впервые после долгого путешествия мы заснули крепким сном людей, которым завтра не надо ехать. Было как-то странно сознавать себя на суше и чувствовать под собой твердую почву, а не колеблющееся изменчивое море.

VII

Бред умирающего

Профессор был совсем плох. Годы, волнения и холодная ванна не прошли даром и больного с трудом перенесли в госпиталь, находившийся недалеко от пристани.

Доктор предсказывал, что если он и оправится от крупозного воспаления легких, то все равно погибнет от скоротечной чахотки. Дни несчастного были сочтены.

Пожалев об умиравшем профессоре, с которым мы так сдружились во время длинного путешествия и скучного переезда из Англии в Индию, я решил, что засиживаться долго в Бенаресе нам нет никакого смысла, и назначил отъезд через неделю. За эти дни мы очень часто посещали Перкинса, который, хоть и был слаб, но принимал нас с видимым удовольствием.

— Что же делать?! — говорил он. — Прожил я достаточно, видел много, пора и уйти... Жалко только оставлять семью... да... уйти, не приподняв хоть края той занавеси, за которою скрыты тайны посвященных... ради чего я приехал сюда...

Мы утешали, как могли, хотя видели, что профессор прав и что те остатки жизни, которые еще теплились в нем, были слишком недостаточны, чтобы снова разжечь факел.

Накануне отъезда в глубь страны я и Артур Невилль зашли к профессору в последний раз, попрощаться, и застали его сильно возбужденным.

— Знаете, — задыхаясь и кашляя, взволнованно заговорил Перкинс при виде нас, — сегодня ночью у меня был индус, тот таинственный индус, которого мне удалось спасти тогда на пароходе... Но главное не это, а его странное появление... Слушайте, я вам расскажу по порядку... Часов около двенадцати я проснулся как бы от какого-то толчка и первое, что мне бросилось в глаза — это высокая фигура индуса, спокойно сидевшая около меня в кресле. Он долго говорил со мной, много рассказав мне интересного про

жизнь посвященных, их обычаи, законы, и в заключение перед уходом или, вернее, исчезновением, сказал:

— Ты погибаешь, потому что спас меня, но я тебе оставляю жизнь... Оставляю жизнь не из благодарности за сделанное тобой, потому что мы выше этого... Но ты силен духом и стремишься к истине... Я за тобой невидимо следил все время и знаю, чего ты достиг... Ты не умрешь... Ты будешь жить для истины... Я скоро вернусь за тобой, чтобы дать тебе жизнь... Прощай...

После этих слов индус сразу исчез. Я не видел, как он поднялся с кресла, прошел до двери, открыл ее... Нет!.. Этого не было... Я бы не мог не увидеть!.. Он просто исчез, как бы испарился так же внезапно, как и пришел. И страннее всего то, что никто из прислуги не видел его... А вы знаете, что сюда, особенно ночью, прийти невозможно, совершенно невозможно... Вот вам одна из тайн Индии. Одна из многих тайн... Но я доволен. Индус обещал мне прийти. И, может быть, перед смертью я узнаю что-нибудь о том, к чему так стремится мой ум...

Профессор закашлялся, и на углах губ его появились пятна крови.

Мы с Невиллем грустно покачали головами, считая все это бредом умирающего и, не желая далее беспокоить профессора, тепло попрощались с ним и вышли из комнаты.

Госпитальный врач, лечивший сэра Перкинса, подтвердил наше предположение, сказав, улыбаясь с бесчувственностью человека, привыкшего постоянно видеть смерть:

— Вы сами видите... Я считаю положение больного безнадежным... В последнее время ему все мерещится какой-то индус... Температура повышена... Бред... Долго не протянет...

На следующий день мы с Невиллем уехали и только через пять месяцев, по окончании командировки, нагруженные всевозможными заметками и записками, вернулись в Бенарес, где первым делом зашли в госпиталь.

— Представьте, — сообщил нам доктор, узнав нас, — ваш профессор — чужак какой-то! Где он и что с ним, я ниче-

го не знаю. Через несколько дней после вашего последнего посещения к профессору явился какой-то индус и он уехал вместе с ним. Куда — ничего не знаю. Как я ни уговаривал сэра Перкинса, ничего не помогло... По моему глубокому убеждению, он после отъезда более трех-четырёх дней прожить не мог, так как у него не было почти обоих легких и туберкулез прогрессировал быстрыми шагами. А в таком положении приостановить развитие болезни или прекратить ее могло бы только чудо...

Пожалев профессора, мы, грустно настроенные, вышли из госпиталя.

— Бедный Перкинс! — сказал сэр Невилль. — Он так хотел изучить эту страну с ее загадочными явлениями, и... вместо тайн Индии, узнал тайну... смерти...

Я, вздохнув, молча кивнул головой в знак согласия.

В Бенаресе мы долго не задерживались и с первым отходившим пароходом уехали в Англию, где мелочи повседневной жизни окончательно вычеркнули из нашей памяти случай с профессором Перкинсом.

VIII

Опять в Индии

Спустя недолгое время после возвращения в Лондон, сэръ Невилль снова уехал в Индию, получив там выгодное место, я же остался в Лондоне, рассчитывая до конца своих дней прожить там.

Но... человек предполагает, а Бог располагает.

Лет через шесть мне предложили опять командировку в Индию, и я принял ее, так как, помимо материальных выгод, командировка была почетная и не могла затянуться надолго.

Очутившись на пароходе в Гавре, я невольно припомнил свое первое путешествие, индуса, профессора Перкинса, о котором за все это время не поступило никаких сведений, и не было даже наверное известно, умер ли он, в чем я, однако, не сомневался, веря диагнозу такого уважаемого и опытного врача, каким был госпитальный доктор.

До Бенареса доехал я вполне благополучно и прежде всего зашел в госпиталь, где после первых приветствий врач, лечивший профессора, сообщил мне, что сэръ Перкинс так и пропал без вести. Было сообщено властям, которые приняли все меры для того, чтобы разыскать исчезнувшего, но безрезультатно. Профессор как в воду канул, не оставив никаких следов.

— Без всякого сомнения, — закончил доктор, — профессор умер через несколько дней после оставления им госпиталя, так как дни его были сочтены, а чудес, как вы знаете, в мире не бывает...

В Бенаресе я жил недолго.

Все дела, связанные с командировкой я, при помощи сэра Невилля, имевшего большие связи в местном обществе, закончил менее чем в месяц и задержался на несколько дней, во-первых, из-за того, что сэръ Невилль, решивший ехать вместе со мной в Англию по личным делам, не мог выехать раньше этого срока, а во-вторых: через неделю отходила «Виктория», с которой я был уже знаком по первой

поездке и которая по комфорту и удобствам не оставляла желать ничего лучшего.

Оставшуюся в моем распоряжении неделю я провел или осматривая город, или ничего не делая в роскошной вилле сэра Невилля, но, как все приходит к концу, так и пришла к концу и эта неделя и я, вместе с Невиллем, после последних «прости» Бенаресу, отплыл в далекую родную Англию, вверяя себя всем случайностям капризного океана.

IX

Молодой индус

На пристани во время погрузки я заметил молодого, красивого, одетого по-европейски индуса, который долго и пристально смотрел на меня, забыв даже следить за погрузкой своих вещей на пароход, так что я невольно обратил на него внимание.

На вид он был очень молод, хотя его большие черные глаза, смотревшие грустно и выразительно, говорили о мыслях и о уравновешенности более солидных лет.

С первого же дня индус стал молча преследовать меня.

Часто за столом или на палубе я, быстро оборачиваясь, встречал его пристальный взгляд, грустно устремленный на меня или на сэра Невилля.

В конце концов, индус меня заинтересовал, и я почувствовал к нему невольную симпатию. Но, несмотря на все наши попытки заговорить с ним, это никак не удавалось. Индус, хотя и отвечал вежливо, но при первой возможности отходил, продолжая в то же время откуда-нибудь издалека фиксировать нас своим взглядом.

Обращал он внимание только на меня и сэра Невилля, не замечая никого из остальных.

В общий разговор в кают-компании молодой индус вмешивался редко и один только раз, когда мы с сэром Невиллем заспорили о каком-то научном вопросе из области естествознания, он вмешался в разговор, причем высказал такие знания и такую научную подготовку, что мы были положительно ошеломлены.

В другой раз разговор коснулся икс-лучей, и индус долго прислушивался к нашим спорам, пока, наконец, одной или двумя фразами разрешил вопрос, разбив, что называется, наголову все доводы, как мои, так и сэра Артура.

Такое всестороннее развитие и солидные знания, высказанные молодым индусом, глубоко поразили нас и, оставшись одни в каюте, мы невольно заговорили о нашем новом знакомом.

...Я заметил молодого, красивого, одетого по-европейски индуса...

— Знаете, — сказал Невилль, — меня поражают в индусе его ученость в столь молодые годы и такие громадные энциклопедические знания. И кроме того... не напоминает

ли его манера спорить и доказывать — манеру покойного профессора Перкинса?.. Это построение фраз, этот внезапный логический вывод... Мне сегодня казалось, что я слушаю нашего покойного друга...

— Действительно! — согласился я. — Удивительно похоже!.. А знаете, Индия ведь страна чудес. Помните библейского индуса, спасенного Перкинсом? Возможно, он, в благодарность за свое спасение, отдалил одному только ему известными средствами момент перехода в другой мир старого профессора и этот юноша его ученик... Давайте завтра спросим его. Слишком уж своей манерой спорить он напоминает нашего старого друга...

— Ну что же, спросим... — согласился Невилль, поворачиваясь на другой бок и натягивая на себя одеяло.

На следующий день, встретив индуса на палубе, я подошел к нему и сказал:

— Знаете, наш юный друг, ваши познания и научная подготовка поразили меня. Я до сих пор не могу понять, как в такие молодые годы вы могли быть столь сведущи... и тем более в таких серьезных вопросах, отдавая которым многие годы неустанного труда, люди приобретают знания гораздо меньше ваших... Кроме того, ваша манера спорить и доказывать странно напоминает мне одного моего друга, о судьбе которого я не имею никаких сведений... Возможно, вы были его учеником... Я говорю о профессоре Перкинсе. Вы не знали его?..

Едва только я произнес фамилию профессора, как молодой индус сначала побледнел или, вернее, посерел, как умеют сереть только индусы, потом внезапно кровь бросилась ему в лицо и он, прошептав что-то дрожащим голосом, поспешно отошел от меня и спустился вниз.

Я был крайне удивлен его поступком, но за обедом индус, подойдя ко мне, с изысканной вежливостью просил извинения за столь внезапный его уход, ссылаясь на головокружение и незначительное недомогание. Профессора Перкинса, по его словам, он не знал и никогда даже не слышал такого имени.

Х

Тайна профессора Перкинса

Несколько дней индус старательно избегал нас и мы уже потеряли всякую надежду сойтись ближе с ним, когда он сам, без всякого повода с нашей стороны, зашел ко мне в каюту, видимо, сильно взволнованный чем-то.

— Я вам не помешаю? Может быть, вы заняты?.. — вежливо справился индус, хотя было видно, что он думает совсем о другом.

— Нисколько! Мы очень рады!.. Садитесь!.. — ответил сэр Невилль за себя и за меня и индус, тяжело опустившись в кресло, медленно заговорил, волнуясь и подыскивая слова:

— Нет... Так больше продолжаться не может... Я должен рассказать вам все, хотя боюсь, что вы не поверите... То, что я переживаю... Эта двойственность... Да, поверить трудно, но все-таки я расскажу. Вы спрашивали меня, знали я профессора Перкинса? Еще бы!.. Я сам... Но лучше я начну с того момента, когда профессор Перкинс исчез из госпиталя в сопровождении индуса...

Мы с сэром Невиллем слушали, сильно заинтересованные.

— Покинув Бенарес, профессор Перкинс и индус направились в горы и через четыре дня прибыли в одно место, известное только индусу, место, где собирались «посвященные» высших рангов. Перкинс уже умирал и, если бы не лекарство, которое ему давал индус, он бы ни в каком случае не выдержал бы дороги. По приезде на место, дав небольшой отдых профессору, индус вошел к нему в комнату, сел на стул, стоявший около кровати и, внимательно осмотрев Перкинса, проговорил:

— Профессор Перкинс, вам осталось жить не более двух дней. Скоротечная чахотка ведет по пути смерти... Но вы мне спасли жизнь на пароходе и я не хочу оставаться в долгу... Вы знаете, мы, посвященные, обладаем такими знани-

ями, о которых вы, европейцы, не имеете понятия... Я спрашивал совет посвященных и получил согласие... Я могу дать вам новую жизнь...

Перкинс, вполне понимавший свое положение, радостно вздрогнул.

— Но, — продолжал индус, — сохранить ваше внешнее, физическое «я» я не берусь. Это выше даже моих знаний... Согласны ли вы сохранить жизнь, то есть главное в жизни — мысль и знания, переменив внешнюю, ничего не значащую оболочку?..

Профессор не пытался даже вникнуть в смысл слов индуса. Возможно, что причиной этого было отчасти изнуренное состояние после дороги... близость неизбежной смерти... Одна только фраза ярко врезалась в его ослабевший мозг — это то, что он будет жить, снова увидит своих близких, снова будет работать у себя в кабинете, окончит начатый труд, приобретет новые знания... И профессор, не задумываясь, дал согласие.

— Откладывать нельзя, — сказал индус, — вы можете умереть каждую минуту... Сегодня же вечером произведем опыт.

Что пережил профессор после ухода индуса, мне кажется, понятно всякому. То же, что испытал бы человек, приговоренный к смертной казни, ожидающий каждую минуту выполнения приговора и получивший вдруг полное помилование... Едва начало смеркаться, в комнату вошел старый факир в сопровождении молодого, хорошо сложенного индуса, почти мальчика и, получив утвердительный ответ на вопрос — «Вы готовы?» — тотчас же приступил к опыту.

Последнее, что помнит профессор — это руку индуса, положенную ему на голову... Затем все смешалось, спуталось... Темная стена надвинулась на сознание Перкинса. Сначала он почти ничего не создавал, но потом мало-помалу ощущения страшной боли, мучительного напряжения стали заполнять его... Страдания не физические — тело было бесчувственно, — а страдания воли... как будто кто-то пытался вырвать его сознание, а он употреблял все усилия,

чтобы удержать... Сколько времени продолжалось такое состояние, Перкинс определить не мог, но в конце концов чужая воля победила и профессор, почувствовав, как что-то как будто оборвалось внутри, отделилось от его «я», окончательно потерял сознание.

Очнулся Перкинс у себя на кровати. Солнце ярко освещало комнату, весело играя на цветном ковре. Воздух наполнял аромат тропических цветов, густой волной несшийся из открытого окна. Профессор по привычке поднял руку к бороде, желая расправить ее, и... испуганно отдернул руку.

Подбородок был чист, без каких-либо признаков растительности... Осторожным движением, чтобы не вызвать кашля, он приподнялся и сел на кровати. Но тут внезапно почувствовал непривычную бодрость и силу... Дышалось легко и свободно... Позыва кашля не было... Профессор еще раз потрогал себя за подбородок, машинально взглянул на руку и громко вскрикнул от изумления... Это была не его рука, а полудетская, бронзового цвета... рука индусского мальчика... Не думая больше ни о чем, Перкинс соскочил с постели и бросился к зеркалу, висящему в противоположном углу комнаты. Зеркало отразило стройного индусского мальчика, того самого, который вошел в комнату вместе со старым индусом перед началом опыта. Не веря своим глазам, профессор Перкинс зажмурился, сдвинул голову руками, как бы желая отогнать видение, и взглянул вторично. Изображение индусского мальчика не пропадало. Пораженный профессор машинально отошел от зеркала и тяжело опустился в кресло. По старой привычке он стал размышлять, анализируя свои ощущения. Тут ему внезапно припомнились слова старого индуса:

— Я сохраню вам главное в жизни — мысль и знания, но сохранить внешнюю оболочку — это выше даже моих знаний...

Новая мысль, как молния, прорезала напряженный мозг Перкинса: старый индус сдержал свое слово... Он сохранил жизнь, но... изменил внешнюю оболочку, переместив «я» профессора в здоровое тело мальчика...

Индус замолчал, нервно вытирая крупные капли пота, выступившие у него на лбу.

— Ну, а дальше?.. Что же дальше?.. — взволнованно спросил сэр Невилль.

— Шесть лет, — продолжал, немного передохнув, индус, — прожил профессор среди посвященных, изучая их тайны... шесть долгих лет... Он много узнал, многому научился, но... в конце концов его потянуло на родину... Увидеть семью, детей, которые за это время, вероятно, уже стали взрослыми... И он не выдержал... Господа! Профессор Перкинс — это я!.. — закончил дрожащим, прерывающимся от волнения голосом индус.

Мы, пораженные, молчали, не зная, верить ли или не верить.

Сознание говорило — «нет»... Трудно в молодом, цветущем, полном сил юноше признать нашего старого, обремененного годами друга... а между тем, его манера говорить, его глубокие познания в различных областях науки, все это заставляло верить, что мы видим перед собой воскресшего профессора Перкинса. Именно воскресшего, потому что в смерти его до сего времени мы не сомневались.

Первым очнулся сэр Артур Невилль.

Он приподнялся, протянул индусу руку и, крепко пожимая ее, проговорил:

— Хотя все это очень невероятно, но... я верю, что это так... и от души рад за вас... рад приветствовать вас, дорогой профессор...

Я поспешил присоединиться к сэру Невиллю.

Индус вздрогнул и на лице его показались слезы радости, но почти тотчас же он снова сделался грустным.

— Спасибо, господа, что вы, вопреки здравому смыслу, поверили мне... Но... — продолжал он, тяжело вздохнув, — меня больше всего мучает то, признает ли меня, как вы, моя семья!.. И как я в оболочке индуса войду к себе в дом на правах отца и мужа... Моя жена... Дети... О, Боже! Лучше было бы, кажется, умереть тогда!..

И, поднявшись с кресла, профессор молча вышел из комнаты.

После признания профессора мы ежедневно виделись с ним и в конце концов у нас не осталось ни малейшего сомнения в его личности. Перкинс припомнил наши прежние встречи, разговоры, наше первое путешествие со всеми мелочами и подробностями, какие посторонний, желавший нас мистифицировать, не мог бы знать.

Но, оживляясь минутами, профессор большую часть времени был задумчив и грустен. Его неотвязно преследовала мысль о семье и о том, каким образом он войдет в нее.

Это не давало ему покоя, и часто, проходя ночью мимо каюты, занимаемой Перкинсом, мы слышали заглушенные стоны и вздохи возвращенного к жизни, но потерявшего ее путеводные нити нашего старого и вместе с тем молодого друга...

До Англии мы доехали благополучно и, расставаясь с профессором, горячо просили его приехать при первой возможности к нам в Лондон.

Профессор обещал, грустно качая головой, и мы расстались, причем сэр Невилль поехал к себе на дачу, а я отправился в министерство с докладом о результатах командировки.

* * *

Через несколько дней, читая утреннюю газету, я случайно наткнулся на заметку, в которой говорилось, что на пороге дома пропавшего без вести профессора Перкинса был найден труп молодого индуса с огнестрельной раной в области сердца.

При нем найдена записка, в которой он просит никого не винить в его смерти...

Я не сомневался, кто был этот молодой индус...

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Фантастическая повесть

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ
Журнал «На чужбине» (Шанхай), 1921, № 3, март.

Стояла дивная погода, когда небольшая винтовая шхуна Нью-Йоркского общества пароходства и торговли «Дельфин», пронзительно свистя, отходила от пристани гостеприимного Гавра, чтобы переплыть океан.

Шхуна была грузовая и нас, пассажиров, принятых капитаном скорее из любезности, чем из интереса, было немного: старый отставной моряк, ехавший по каким-то торговым делам в Америку вместе с дочерью, прелестной блондинкой, едва только вышедшей из детского возраста, какой-то неопределенный господин, как впоследствии оказалось, техник, ехавший на заработки в Новый Свет, и я. Что касается меня, то я был командирован в Америку фирмой, в которой я служил. Это была первая моя командировка и, несмотря на то, что я очень гордился этим, все же из желания отложить какую-нибудь сумму решил ехать на грузовом судне, проезд на котором обходился раза в три или четыре дешевле, нежели на пассажирских гигантах, где пассажирам доставляют всевозможные удобства, без которых отлично можно было бы обойтись, беря за это всевозможные добавочные доллары.

С первого же дня в кают-компании воцарилось полное согласие. Капитан Готкинс и его два офицера, ирландец Брэд-

ди и американец Нордсон, были очень милые люди и сразу же стали относиться к нам с той простотой и искренностью, который отличают американцев от жителей Старого Света.

Моряки вели нескончаемые разговоры о течениях, ветрах, приливах, островах... Техник или читал что-нибудь, или, мрачно замкнувшись в себе, сидел насупившись, не произнося ни слова. Я же, пользуясь и тем, что моряки заняты серьезными разговорами, совершенно меня не интересовавшими в то время, и тем, что мне всего двадцать четыре года, когда так хочется жить, любить, наслаждаться, когда жизнь кажется такой прекрасной, обещающей, усиленно ухаживал за маленькой блондинкой, которая с каждым днем начинала мне нравиться все больше и больше...

Как-то вечером, засидевшись в кают-компании за стаканом грога, капитан навел тему разговора на таинственные и странные случаи, происходившие в море.

— Господа журналисты, — начал он, — смеются над рассказами о таинственных чудовищах и морских змеях, живущих на больших глубинах и изредка появляющихся под влиянием каких-либо обстоятельств на поверхности моря... А между тем, они существуют... Это вам говорю я, старый морской волк, который знает океан лучше, чем журналист свою газету. И почему бы им не существовать?.. А что их редко видят, это естественно. Их организм привык к страшному давлению нескольких тысяч метров воды, он приспособился к этому и меньшее давление причиняет чудовищу неприятное ощущение и, возможно, даже физическую боль, так как ему приходится бессознательно употреблять страшные усилия, чтобы сдерживать мускулы, привыкшие к постоянному сопротивлению давящего столба воды. Поэтому чудовища так редко показываются на поверхности воды, выброшенные со дна или сильным извержением, или какой-либо другой причиной, не зависящей от их воли... Да вот я вам расскажу... Я сам видел однажды такое чудовище...

Капитан закурил потухшую трубку и начал.

...И вдруг в белой пене мы увидели голову чудовища...

— Мы плыли в южных морях, я тогда еще служил на «Весталке», небольшой грузовой шхуне нашего же общества. Погода стояла великолепная, море было как бы подернуто маслом, ветра никакого, на небе ни облачка. Вдруг впереди нас, милях в трех, со страшным ревом и треском поднялся огромный столб воды. Небо сразу заволочилось не то тучами, не то дымом и огромная волна понеслась на нас. Все кругом стало темно и тут мы в первый раз услышали его голос... Когда большая волна была приблизительно в миле, внезапно до нас донесся резкий, пронзительный, полный страдания и ужаса крик... Не знаю, с чем бы сравнить его... Что-то среднее между звуком сирены и воплем умирающего человека, увеличенным в тысячу раз. Я никогда этого не забуду... Нас охватило и чувство ужаса перед чем-то таинственным, неизвестным и чувство жалости, сильной томящей жалости, как будто кричало не животное, а погибающий человек... Мы в страхе, растерянные, смотрели сквозь мрак на надвигающуюся волну и вдруг в белой пене увидели голову чудовища, огромную страшную голову с

белыми, ничего не видящими глазами, бессмысленно смотревшими на нас.

Но тут мрак окутал корабль и мы услышали совсем поблизости еще раз его отчаянный рев... Когда тьма рассеялась, по морю ходили небольшие волны, но ничего больше не было. Стена воды, вызванная, по всей вероятности, подводным извержением, унеслась к югу, увлекая за собой и подводное чудовище, которое все мы и вся команда видели и слышали. У меня до сих пор служит боцманом Джон, который был со мной на «Весталке». Тогда он был еще простым матросом. Он всегда может подтвердить мой рассказ...

— Так, так... — одобрительно закивал головой старый отставной моряк. — Бывает... Это только люди, описывающие морские приключения и никогда не видевшие даже корабля, могут говорить что-нибудь другое... Я плаваю уже пятый десяток лет и тоже кое-что видел...

Моряк налил себе стакан грога и выпил его залпом.

— Лет пятнадцать тому назад я командовал грузовым судном «Ливерпуль» и мы плыли по Саргассову морю, когда нас застигла ужасная буря. Вы знаете, что такое буря на Саргассовом море... Каждую минуту боишься наткнуться либо на скалу, либо на мель, волны хлещут со всех сторон, не знаешь, какого направления держаться... Мы потеряли руль, винт сломался, машина попортилась. «Ливерпуль», вероятно бы, погиб, если бы не наткнулся на громадное поле, покрытое густой и плотной массой морских водорослей, среди которых он и застрял. Когда буря утихла и мгла рассеялась, мы с одной стороны в нескольких десятках ярдов от себя увидели полосу свободного моря, с другой же стороны, насколько хватал глаз, все было покрыто густым ковром водорослей, прорезанных местами небольшими пятнами воды. Поломки были настолько значительны, что нам пришлось простоять десять дней, прежде чем судно могло пуститься в путь. Вот за эти десять-то дней мы и натерпелись страху... В первую же ночь вдали в водорослях слышались какие-то странные звуки, как будто кто-то плакал,

кричал, стонал... Никто из нас всю ночь не сомкнул глаз, не зная, кому или чему приписать эти звуки. На следующий вечер слышались те же звуки, и кто-то приближался к кораблю, пытаясь влезть на него. Наутро мы увидели большую якорную цепь, разорванную пополам, и на местах разрыва ясно отпечатались зубы неведомого чудовища. Так мы прожили в страхе восемь дней, работая с утра до ночи, чтобы поскорее уйти из этого места. На девятый день, живя все время под угрозой нападения неведомых страшилищ, мы поставили запасной винт и приладили кое-как руль, рассчитывая тотчас же выйти из зарослей и окончить починку на море, но пока возились, наступила темнота, и отъезд пришлось отложить до утра. Я, радуясь окончанию работ, забрался к себе в каюту и, почитав на ночь какую-то книгу, стал уже засыпать, как вдруг меня разбудила сильная качка. Шхуна качалась во все стороны, как при самом сильном шторме, перегородки трескали, вещи падали на пол. Я поднялся, ничего не понимая, так как ни шума бури, ни воя ветра не было слышно. Внезапно под самым моим ухом раздался шипящий свист, как будто от тысячи котлов, из которых вырвался пар. Я бросился наверх. По дороге на меня налетел, чуть не сбив с ног, перепуганный вахтенный с дико блуждающими глазами:

— Капитан, — задыхаясь от ужаса, кричал на ходу матрос. — Она здесь... Она схватила корабль и держит его...

— Да кто «она»?..

— Не знаю... Она... Змея... Она обвилась вокруг корабля... Хочет его разбить...

Признаюсь, страх матроса передался и мне. Я таки перетрусил, но все же вернулся в каюту, снял со стены карабин, зарядил его разрывной пулей, взял большой фонарь и вышел на палубу в сопровождении матроса. Когда я осветил палубу, мне прежде всего бросилось в глаза какое-то тело грязно-молочного цвета, лежащее поперек корабля и свешивающееся обоими концами в море. Вдруг тело задвигалось, натянулось и корабль, треща по всем швам, закачался во все стороны...

— Что это?.. — непроизвольно вырвалось у меня.

— Змея... — заплетающимся от ужаса голосом зашептал матрос. — Змея... Она хочет потопить шхуну...

Я направил фонарь за борт. Прямо перед собой я увидел страшную голову животного: лошадиная морда с отвисшей нижней губой, открывавшей ряд острых выдающихся вперед клыков, приплюснутый нос, сбоку что-то вроде небольших рогов, на голове спутанная, перемешанная с водорослями грива...

Голова была величиной с хороший концертный рояль и ее глаза, ослепленные светом фонаря, яростно смотрели, как мне показалось, на меня. Ничего не соображая, я поднял карабин, выстрелил и в ту же минуту слетел с ног, сбитый, как мне потом рассказали, чудовищным хвостом животного. Последнее, что я слышал, это громкое шипение, перешедшее в пронзительный вопль. Оглушенный всем этим, я потерял на минуту сознание и, когда очнулся, чудовища уже не было. Едва только рассвело, мы двинулись в море и свободно вздохнули только тогда, когда заросли скрылись из наших глаз...

— Да, — вздохнул старший помощник капитана, — много говорят о Саргассовом море, но все же больше загадочного в южных морях... Матросы, вернувшиеся из плаванья по этим морям, рассказывают массу странных вещей... От одного старого морского волка я слышал, что на самом юге, среди льдов, живет огромное белое чудовище величиною, чуть ли не с гору, которое топит зашедшие туда случайно корабли...

— Ну, это, вероятно, сказки, — ответил капитан. — Поверять-то любителей много... А вот что действительно существуют морские змеи и чудовища, это так же верно, как то, что мы сидим здесь и разговариваем...

Анна слушала эти рассказы, широко раскрыв глаза и стараясь не пропустить ни одного слова. Я в такие минуты тоже, должен сознаться, даже забывал об уходе и невольно переживал страхи и ужасы вместе с рассказчиком... и все же мне до безумия хотелось увидеть какое-

нибудь чудовище, чтобы, вернувшись в Лондон, было бы что порассказать.

* * *

Старый отставной моряк, хотя, по-видимому, и очень любил дочь, но обращал на нее мало внимания, проводя почти все время в кают-компании за стаканом грога или за партией в шахматы с капитаном, который был страстный любитель игры.

Техник держался как-то в стороне, и мы с Анной все время волей-неволей проводили вместе, чем я, впрочем, не особенно огорчился, так как, помимо привлекательной наружности, Анна обладала острым умом и твердым характером, унаследованным от отца. Несмотря на юные годы, она имела определенные взгляды на жизнь и на вещи, сбить с которых ее было не так-то легко. Это была девушка серьезная и, несмотря на то, что плавание продолжалось уже месяц, между нами не было сказано ни слова о любви. Я делал несколько попыток завязать флирт, начинал разговоры на эту тему, но девушка каждый раз ловко меняла разговор и я оставался ни с чем.

Отношения наши мало-помалу окрепли, перешли в самую искреннюю, самую теплую дружбу. Каждую свободную минуту мы старались проводить вместе, поверяя друг другу все мысли, желания, мечты...

О том, чтобы начать флирт, я скоро перестал думать, с каждым днем привязываясь все больше и больше к этой девушке, которая, будучи еще полуребенком, была положительное и серьезнее многих взрослых женщин.

С ужасом я думал о той минуте, когда, по приезде в Америку, нам придется расстаться и мне хотелось, чтобы это плавание продолжалось вечно.

* * *

В начале второго месяца мы достигли мыса Доброй Надежды. Все шло хорошо, и капитан несколько раз гово-

рил, что никогда он еще так благополучно не совершал переезда, как в этот раз.

Однажды утром, выйдя на палубу, я застал капитана внимательно рассматривающим в бинокль небо.

Утро было великолепное, море гладко как зеркало, небо чистое, за исключением двух-трех небольших облачков. В природе как бы все замерло и спало глубоким непробудным сном.

Отняв бинокль от глаз, капитан еще раз внимательно посмотрел на небо, потом покачал головой и, не замечая меня, мрачно проговорил:

— Плохо...

— В чем дело, капитан? — спросил я. — Что плохо?

— Буря большая будет... свирепая, и не дольше, как через час или полтора...

— Но почему вы знаете?.. Небо чистое, море спокойно.

— Чистое, да не совсем... Вон, посмотрите, маленькое серое облачко на горизонте — это буря идет.

Я недоверчиво отошел от капитана. Слишком уж все кругом было покойно, чтобы ждать бури... и так скоро. Но облачко быстро росло и скоро заполнило весь горизонт. Воздух стал тяжелым, густым, дышать было нечем. Я несколько раз ходил в кают-компанию пить воду со льдом, но это помогало немного.

Не прошло и часа, как разросшееся облако покрыло уже все небо и легкие порывы ветра поддернули рябью до того времени спокойную гладь воды. Порывы постепенно все усиливались и, как бы оборвавшись, прекратились. Наступила полная тишина. Дым из трубы шел прямо кверху. Так прошло минуты четыре. Вдруг, сразу, без каких-либо признаков со свистом и воем налетела буря. Все заплясало в неистовой пляске расходившейся стихии, мачты согнулись под неудержимым напором воздуха и шхуна, подхваченная вихрем, бешено понеслась по все увеличивающимся волнам к югу.

Все кругом трещало, свистело, выло... голоса не было слышно. Капитан молча, почти ползком, добрался до меня и

повелительно указал на кают-компанию. Я не осмелился возражать и тотчас же спустился вниз, где застал отставного моряка, спокойно потягивающего из стакана грог, и его дочь, сидевшую рядом и испуганно прислушивающуюся к реву бури.

Весь день бушевала буря. К вечеру порывы как будто даже усилились, стоять на палубе было невозможно. Судно, казалось, каждую минуту готово было перевернуться. Мы, с беспокойством ожидая рассвета, не спали всю ночь. На заре капитан вошел в кают-компанию и, подойдя к буфету, вынул бутылку рома, налил большой стакан и залпом выпил.

— Сорвало руль... — бросил он мимоходом, выходя наверх.

Три дня и три ночи были мы игрушкой волн, которые нас несли с бешеной скоростью к югу. Неуправляемое судно со сломанным рулем могло каждую минуту погибнуть в этом хаосе ветра, воды и пены, но каким-то чудом мы избегали опасности.

Измученный двумя бессонными ночами, проведенными около Анны, с которой мы каждый момент ожидали смерти, я на третьи сутки заснул одетый на диване в кают-компании. Анна сидела около меня и поправляла мне голову, когда она от качки соскальзывала с подушки...

Вдруг раздался страшный треск. Весь корпус судна вздрогнул, рванулся в сторону и на мгновение замер. Я вскочил, как под действием электрического тока. Спросонок мне казалось, что судно рассыпалось на массу кусков. Все, испуганные, в ужасе выскочили на палубу... Даже старый моряк потерял на время свое обычное хладнокровие.

— Что случилось?.. В чем дело?.. — обратился он к капитану, выскочив бегом на палубу.

— Налетели на разбитый корабль... Кажется, тонем... — ответил спокойно капитан. — Сейчас Нордсон смотрит повреждение... Пока еще не знаю...

Буря как будто только и ждала столкновения, чтобы утихнуть. Ветер так же внезапно стих, как и поднялся. Небо начало понемногу проясняться и, хотя громадные валы еще

ходили по морю, но по всему видно было, что утомленные стихии утомонились.

Нордсон, бледный, с красными от ветра и бессонных ночей глазами, подошел к капитану:

— Большая пробоина сбоку... Починить невозможно... Вода заполняет трюм...

— Как много воды?.. Сколько времени продержимся?.. — отрывисто спросил капитан.

— Не знаю... Часа два... Не больше...

— Распорядитесь тотчас же наложить парусиновый пластырь. Я пойду осмотреть пробоину...

Капитан быстрыми шагами спустился вниз, а старший помощник позвал матросов и, вытащив с помощью их большой парус из трюма, стал прилаживать его для пластыря.

Пластырь заключается в том, что парусину сворачивают в несколько раз и накладывают снаружи на пробоину. Самое трудное — удачно подвести пластырь к пробоине. Давлением воды материя прижимается к отверстию и герметически закрывает его.

Несколько раз пластырь срывался, пока, наконец, не удалось подвести его к пробоине и закрыть ее. Несмотря на героические усилия офицеров и команды, делавших нечеловеческие попытки, чтобы спасти корабль, вода в трюме все время прибывала, и стало ясно, что через несколько часов шхуна все равно должна пойти ко дну. От трехдневной бури и удара при столкновении обшивка корабля разошлась и пропускала воду, которая быстро наполняла трюм.

С болью в сердце капитан отдал распоряжение готовить шлюпки, приказав положить в них теплую одежду, оружие, пищу и запас воды.

Когда все было готово, капитан в последний раз окинул судно грустным взглядом и обратился к Нордсону:

— Вы, как старший помощник, будете командовать вельботом... С вами поедет вся команда, за исключением боцмана и двух матросов, которые будут со мной... Я поеду на моторной лодке с пассажирами... Прикажете спускать.

Через десять минут две лодки, прыгая по все еще большим волнам, отчалили от погибающего судна, чтобы затеряться в беспредельном пространстве океана.

До темноты лодки шли вместе, одна в виду другой, но, когда стемнело, невозможно было ориентироваться, особенно благодаря громадным волнам не утомившегося еще моря, и на рассвете мы уже не видели около себя вельбота и не знали, что с ним случилось.

Как оказалось впоследствии, на восьмой день Нордсон встретил китобойное судно, случайно занесенное бурей в эти моря, которое подобрало людей и доставило их в Америку.

* * *

Нас в моторной лодке было всего девять человек: капитан, его второй помощник ирландец Брэдди, боцман, два матроса, старый отставной моряк с дочерью, техник и я.

Провизии на две недели, бочонок воды, бензин, теплая одежда, оружие до краев наполнили небольшую лодку. Анна поместилась на корме рядом со мной, устроив себе подобие гнезда из свертков с теплой одеждой. Капитан, Брэдди и отец Анны по очереди дежурили около руля, держа направление по компасу на юг, где капитан рассчитывал встретить китобойные судна.

Определить местоположение лодки капитан не мог, так как во время столкновения все инструменты поломались и даже хронометр капитана, упав со стола каюты, не шел.

Так мы плыли неизвестно куда, изредка перекидываясь незначительными фразами и жадно всматриваясь в горизонт в надежде увидеть далекую точку корабля или туманную линию берега.

* * *

На четвертый день утром техник, до того времени упорно молчавший и только мрачно озиравшийся беспрестанно по сторонам, вдруг ни с того ни с сего разразился громким хохотом, и потом затянул во все горло песню. Рассудок бед-

няги не выдержал пережитых волнений. Целый день, сидя неподвижно на одном месте, он безумным голосом распевал одну и ту же песню, никого не трогая и не обращая ни на кого внимания. Его оставили в покое.

К вечеру поднялся легкий ветер и капитан поставил парус, желая сохранить запас бензина, которого было и без того немного.

Лодка весело подпрыгивала на небольших волнах и, укаченный ее ритмическим движением, я заснул беспокойным сном человека, не знающего, что будет с ним завтра.

Ночью я был внезапно разбужен сильным шумом борьбы и энергичными ругательствами матросов. Оказалось, техник в припадке сумасшествия открыл кран от бочонка с водой и начал выбрасывать за борт запасы провизии. Схватенный матросами, он смеялся страшным, безумным смехом и повторял:

— Все равно погибнем... Лучше скорей... Вон, глядите, глядите... плывет чудовище с лошадиной головой... Оно нас поглотит... Вот оно... Вот оно... близко... Пустите!..

И внезапным движением, вырвавшись из рук державших его матросов, техник одним прыжком перескочил через борт и исчез в пучине моря.

Лодку тотчас же повернули, но все усилия отыскать утопавшего были напрасны. Так мы потеряли одного из девяти и боцман мрачно, ни к кому не обращаясь, проговорил, смотря в сторону:

— Первый... За кем теперь очередь?

* * *

Воды в бочонке оставалось едва три-четыре литра, и мы были осуждены испытывать мучения жажды. Капитан отдал распоряжение сократить порцию воды до одной чашки в сутки на человека. Это было тем мучительнее, что после бури дни стояли особенно жаркие.

Со следующего же дня к мучениям неизвестности присоединились мучения жажды. Во рту пересохло, губы поло-

пались, голова горела. Минутами сознание заволакивалось темной пеленой и тяжелый кошмар начинал надвигаться, как тисками сжимал воспаленную голову... Фантазия перемешивалась со слышанными рассказами, мерещились чудовища гигантской величины, молочно-грязного цвета, с лошадиными головами, огромные змеи надвигались, сдавливали, неведомые фантастические животные окружали, щелкая зубами и плотоядно раскрывая пасть... когда сознание возвращалось, — та же беспредельная синева океана, то же чувство полного одиночества, полной обособленности от мира, от всего живущего.

* * *

На седьмой день плавания ночью выпал небольшой дождь и матросы, разостлав на лодке всю парусину, какая только была, собрали некоторое количество воды.

Два-три глотка живительной влаги освежили нас и мы не так уже мрачно смотрели на будущее. Надежда встретить корабль или землю явилась с новой силой и капитан, подчиняясь общему настроению, приказал налить в бак часть оставшегося бензина, который он берег на всякий случай, и пустил лодку полным ходом.

Так мы шли часа два, когда внезапно на горизонте увидели большую волну с белым пенистым гребнем, бешено мчавшуюся мимо нас, милях в двух. Но странно: когда белый пенистый гребень приблизился настолько, что его можно было ясно различать, мы увидели, что это была не волна, а просто столб воды высотой в двенадцать-пятнадцать метров, мчащийся с фантастической скоростью по гладкой поверхности океана и отбрасывающий от себя большие волны во все стороны.

Если бы не поразительная скорость, можно бы подумать, что это подводная лодка какой-нибудь особой конструкции, идя полным ходом и разрезая носом воду, образует смерч от слишком быстрого движения.

Непонятное явление продолжалось минуты две и столб воды, поднятый чем-то гигантским, сильным, быстро промелькнув мимо нас, скрылся на горизонте.

Капитан долго смотрел вслед исчезнувшему смерчу и в конце концов, покачив головой, проговорил:

— Что бы это могло быть?..

— Пятьдесят лет плаваю на воде, — отозвался отставной моряк, — а такого явления ни разу не видел...

— Уж не морской ли это змей... — испуганно вставила Анна, до того времени довольно спокойно наблюдавшая загадочный смерч.

Все невольно вздрогнули, но в это время волны, возбужденные смерчем, достигли лодки, которую сильно закачало.

* * *

Ночью поднялся туман, и мы плыли, ничего не видя в двух шагах, держась направления по компасу.

Часов около девяти вечера все собрались поплотнее в кружок на корме, и капитан, чтобы скоротать время, принялся рассказывать какую-то историю. Только что он начал говорить, как вдруг приостановился и стал прислушиваться. Насторожились и мы. Из темноты до нас отчетливо донесся сначала слабый, потом все усиливающийся звук сирены.

— Корабль... — радостно вырвалось у Брэдди. — Корабль...

Но звук все рос, ширился, креп, пока, наконец, не заполнил весь окружающий нас воздух. Дойдя до высокой резкой ноты, звук на мгновение оборвался и перешел в вопль, полный горя и страдания, вопль мучившегося в предсмертной агонии человека... Мы слушали, как зачарованные, не смея шевельнуться.

— Капитан, — вдруг прервал наше молчание боцман странным голосом. — Это оно... Помните... Тогда, в южных морях...

Капитан вздрогнул и заметно побледнел:

— Глупости говоришь, Джон... Этого не может быть... — не совсем уверенно возразил он.

— Оно! Оно!.. — настаивал боцман. — Я никогда не забуду этого воя... Помните, как мы все напугались тогда...

Капитан промолчал и разговор оборвался. Каждый погружился в невеселые размышления и только Анна крепче прижалась к моему плечу, как бы ища у меня защиты.

* * *

На восьмой день в обед вахтенный матрос на носу лодки заметил какой-то большой темный предмет, плывший впереди нас, почти что на пути нашего следования.

Капитан, немного поколебавшись под влиянием таинственных звуков, слышанных накануне, приказал повернуть лодку.

Когда мы подошли вплотную к темному предмету, то увидели останки огромного кита, начавшего уже разлагаться. Это был не труп целого кита, а именно, останки животного. Хвост и часть туловища были оторваны, а на оставшемся корпусе виднелась глубокая борозда шириной в поларшина. Впечатление получалось, будто бы кто-то ударил кита гигантской лапой, разорвал его пополам и коготь этой фантастической лапы оставил на туловище след.

— Кто бы мог его так разделать?.. — спросил Брэдди. — Таковую махину не так-то легко разорвать...

— Это... Оно... — мрачным голосом ответил боцман.

— Будет тебе вздор-то болтать, — сердито перебил капитан. — На кита или наскочило судно, или он попал в подводное извержение... Во всяком случае, он уже достаточно протух и нам пользы не принесет. Будем двигаться дальше.

Говоря так, капитан с беспокойством озирался кругом, внимательно осматривая горизонт, и было заметно, что если он и возражает боцману, то далеко не с обычной уверенностью в своей правоте.

* * *

К вечеру мучения жажды усилились. Особенно страдала Анна. Бессильно склонив свою милую головку ко мне на плечо, она, как ребенок, бессознательно шептала:

— Пить... Пить...

Чего бы я не отдал в этот момент за стакан воды, чтобы не слышать ее душераздирающего просящего шепота, шепота страдающего ребенка.

Мы все мучились ужасно. Кругом было много воды, целый океан, а мы страдали от жажды... Это еще больше усиливало мучения, так как каждый момент напоминало о воде.

Капитан сидел, мрачно насупившись, а старый отставной моряк поминутно бросал взгляды, полные страдания и жалости, на дочь. Привыкший за свою полную приключений жизнь ко всевозможным лишениям, он страдал гораздо больше за Анну, чем от недостатка воды.

Эта кошмарная ночь тянулась особенно долго. Казалось, ей конца не будет. На минутку я забывался в полусне, но тотчас же просыпался, и жажда с удвоенной силой начинала мучить меня. В короткие минуты забытья я видел реки, окаймленные полосой яркой зелени, озера и массу воды, воды, которую я пил без конца, погружался в нее, разбрызгивал руками...

Анна лежала бессознательно на моем плече, которое отекло, но я боялся шевельнуться, чтобы не разбудить девушку и не заставить ее переживать то, что переживали мы.

Так прошла ночь...

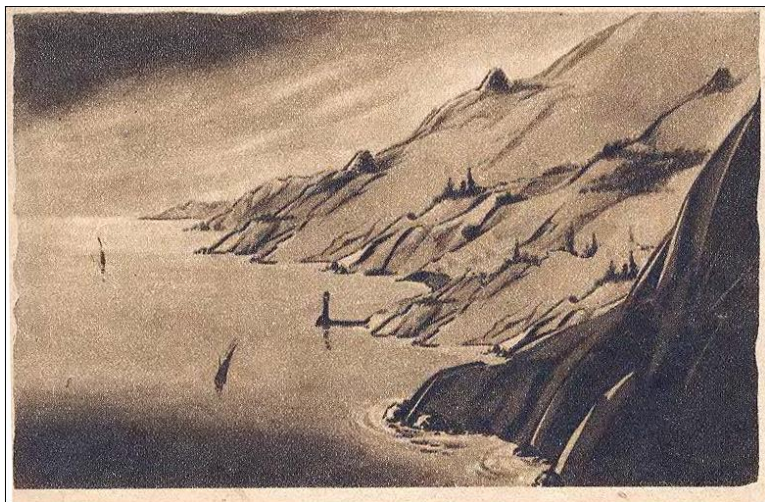
* * *

Едва только на горизонте появилась светлая полоса зарождающегося дня, как вахтенный матрос громко, радостным голосом закричал, сразу разбудив всех:

— Земля! Земля!..

Все вскочили на ноги, едва не опрокинув лодку, и с замиранием сердца смотрели на темную линию на горизонте, едва заметную в полумраке рассвета. Даже Анна приподнялась, несмотря на слабость. Но сомнения не могло быть. Перед нами была земля, земля, где мы найдем воду, утолим жажду, будем пить, пить без конца... Это первое, что пришло нам в голову.

— Бензина... Давайте бензина... — громко закричал капитан.

Через минуту лодка, мерно отсчитывая удары, быстро неслась к неизвестной земле, на которую мы смотрели взором, полным надежды, как на нашу спасительницу.

— А вдруг там нет воды... — заметил один из матросов.

— А, чтоб тебя... — со злостью выругался боцман. — Сидел бы лучше да молчал...

Мы все невольно вздрогнули. А вдруг, действительно, там нет воды?... Но земля была впереди, а в ней была надежда.

Через час лодка подошла настолько близко, что мы могли уже видеть в бинокль на вершинах гор отдельные деревья.

— Раз есть растительность, есть и вода... — сказал капитан и все облегченно вздохнули, как будто с плеч спала громадная гнетущая тяжесть.

Жадными глазами глядели мы на приближающуюся землю и не могли дожидаться минуты ступить на твердую почву, напиться, отдохнуть после девятидневного странствования на утлой, хрупкой, могущей ежеминутно пойти ко дну лодке.

Приблизившись, мы прежде всего увидели груды нагроможденных друг на друга скал, о которые с шумом и пеной разбивались волны прилива. Пристать было негде и мы разочарованно поникли головами, сердясь на эту новую задержку.

Капитан направил лодку вдоль западного берега. Прошло полчаса. Те же скалы, тот же хаос из камней, пены и воды. Мы начали уже терять надежду, как вдруг капитан заметил небольшой проход между двух нависших скал и направил туда лодку, которая, проскользнув в узкое отверстие, очутилась в небольшой естественной бухте, отгороженной от моря грядой в беспорядке разбросанных скал и камней.

Перед нашими глазами расстилалась песчаная отмель около полуверсты шириной, далее были видны высокие, кажущиеся недоступными горы, покрытые скудной растительностью. Посредине отмели, причудливо изгибаясь, протекал небольшой ручей, к которому капитан тотчас же направил лодку.

Едва только лодка подошла к берегу, все бросились к пресной воде и пили, пили без конца.

Я никогда еще не испытывал такого наслаждения, как в эти минуты, захватывая полные пригоршни воды, набирая ее полный рот, обливая себе голову, лицо, шею...

Утолив жажду, я вспомнил об Анне. Девушка была так слаба, что не могла выйти из лодки и молча смотрела на нас жадными глазами. Мне стало стыдно, что животная потребность поскорее напиться самому заглушила во мне чувство человечности и, быстро вернувшись к лодке, я взял большую кружку, наполнил ее водой и отнес девушке, которая благодарно, со слезами на глазах смотрела на меня.

Напившись воды и вытащив лодку на берег, мы внезапно почувствовали такую усталость, что тотчас же, завернувшись в одеяла, легли спать и проспали, как убитые, целый день и всю ночь до следующего утра.

Было как-то странно после томительного девятидневного пребывания на лодке чувствовать под собой твердую

почву, и я с наслаждением потягивался на мягком прибрежном песке.

* * *

Утром меня разбудили горячие лучи солнца, и я вскочил, протирая глаза, не веря себе, что я уже не на море, а на твердой земле, что мне не угрожает ежеминутная опасность попасть на обед рыбам.

Едва только я успел умыться, привести в порядок туалет и напиться холодной воды, которую я пил с особым наслаждением, как редкий напиток, ко мне подошел Брэдди, вставший раньше меня, и предложил пройтись по берегу поискать чего-либо съестного. Я охотно согласился, тем более что и меня самого интересовало поближе познакомиться с островом, куда нас занесла судьба и где мы должны будем провести неизвестно сколько времени, возможно, всю жизнь...

Пробираясь между скал и рискуя ежеминутно сломать ноги, мы направились вдоль песчаной полосы, держа направление к югу. В скором времени мы вышли на небольшую площадку, свободную от скал, покрытую мелким морским песком, на котором были разбросаны в беспорядке несколько больших темных камней. При нашем приближении камни эти задвигались в разные стороны. Я отскочил в ужасе...

— Черепахи!.. — радостно воскликнул Брэдди. — Живой черепаховый суп... Помогите-ка перевернуть.

Соединенными усилиями мы перевернули сопротивляющуюся черепаху на спину, потом другую, третью.

— Ну, довольно! — остановил Брэдди. — Пока хватит.

Оставив черепах, которые сами без посторонней помощи не могли перевернуться и уйти, довольные удачной охотой, мы свернули к горам, отстоявшим от нас в полумиле.

С трудом преодолев препятствия в виде беспорядочно нагроможденных скал и камней, мы наконец добрались до подошвы горы и увидели, что она не так недоступна, как это казалось издали. Подъем был возможен, хотя, правда, с

большим трудом, так как гора была очень крута и нависшие скалы грозили каждую минуту оборваться.

Пока мы стояли и рассуждали, каким способом удобнее подняться на вершину, по ту сторону горы слышался сильный шум, гул и треск, продолжавшийся минут пять, потом раздался сильный плеск волны и все стихло.

— Обвал, — сказал Брэдли. — Видите, как опасно взбираться на эти горы... А все-таки попытаться надо... когда отдохнем получше.

— Попробуем... — ответил я. — Да и интересно, что находится за этими горами...

Мы вернулись в лагерь и застали всех уже вставшими.

Черепашовый суп доставил всем огромное удовольствие, особенно же когда узнали, что черепах много и, следовательно, вопрос о продовольствии на время отпадает.

За обедом решили, прежде чем начать осмотр острова, отдохнуть несколько дней и набраться сил после перенесенных волнений.

* * *

Весь вечер я провел с Анной, гуляя по прибрежной полосе и ведя бесконечные, ничего не значащие разговоры. Анна, еще не совсем оправившаяся от болезни, опиралась о мою руку и мне было особенно приятно чувствовать ее молодое горячее тело около себя, особенно в такой обстановке, где я мог быть ее защитником и спорой.

Выспавшись накануне, нам не хотелось уходить в пещеру, служившую нам спальней, и после ужина, отойдя от лагерь, мы сели на камне у самого моря, наслаждаясь и дивным теплым вечером и тем, что мы находимся на твердой земле. В лагере все уже легли спать, когда вдруг до моего слуха донесся с той стороны горы отдаленный плеск воды.

Мало-помалу плеск становился все отчетливее, пока наконец не перешел в один сплошной гул разбрызгиваемой какой-то чудовищной силой воды. И вдруг до нас ясно донесся звук довольного пофыркивания какого-то гигантского животного. Звук этот на мгновение заполнил воздух, затем

послышался шум от падающих камней, продолжавшийся несколько минут, и все смолкло.

В ужасе мы сидели, прижавшись друг к другу, не зная, чем объяснить слышанное, не зная, что предпринять, пока наконец дрожащая от страха Анна не встала и повлекла меня за собой к лагерю, где все уже спали и никто не слышал странных звуков.

* * *

Ночь я спал беспокойно, просыпаясь каждые полчаса и подолгу прислушиваясь, не повторится ли слышанный мною звук, пока, наконец, не наступил рассвет.

Едва только стало достаточно светло, я разбудил Брэдди и предложил ему пройтись. Жизнерадостный ирландец быстро вскочил и, кое-как наскоро умывшись, последовал за мной. По дороге я рассказал ему все происшедшее накануне и Брэдди сомнительно покачал головой:

— Мне думается, — сказал он, — что вам все это помешалось... просто напряженные нервы после...

Но он не успел договорить: сильный шум от падавших по ту сторону горы камней перебил его. Затем, как и накануне, послышался мощный плеск волны, все усиливающийся, среди которого мы ясно услышали повторенное несколько раз довольное пофыркивание. Затем все смолкло.

По силе звука можно было судить о величине животного, которое должно было быть огромных, невиданных размеров.

— Что за чертовщина?.. — воскликнул Брэдди. — Что это может быть?..

— Оно... — сорвалось у меня, вспоминая слова боцмана.

Про охоту мы забыли и молча вернулись к лагерю, не зная, что делать.

После обеда я отозвал капитана и рассказал ему все, не пропуская ни одной подробности. Капитан молча выслушал рассказ и, ничего не ответив, вернулся на свое место. Брэдди не удержался и посвятил всех в тайну горы, как

он окрестил загадочные звуки. Вечером никто не хотел ложиться спать и все, сидя у костра, ждали событий.

* * *

Спустя приблизительно час после того, как стемнело, до наших ушей донесся сильный плеск воды, затем гул от падающих скал. Гул все приближался к нам, и вдруг масса камней и земли покатилась на нашу сторону. Внезапно какой-то тяжелый предмет со свистом пронесся в воздухе и грузно упал в нескольких шагах от костра. Еще некоторое время слышался шум, уже по ту сторону горы, и затем наступила тишина.

Брэдди первым опомнился и бросился к упавшему предмету, осветив его горящей головней.

Это была небольшая дикая коза, еще трепетавшая в предсмертных конвульсиях.

Какая нечеловеческая сила сбросила ее с горы, заставив пролететь в воздухе такое расстояние?

Новая необъяснимая загадка...

Козочка, сделав несколько конвульсивных движений, вытянулась и замерла, и капитан, подойдя, поднял ее и стал разглядывать.

— Это какой-то мешок с костями... — ворчал он, ощупывая животное. — Ни одной целой кости... Все разбито вдребезги...

В этот же день, несмотря на страх, мы отлично поужинали свежим мясом козы, которое оказалось великолепным.

Брэдди весь вечер был серьезен и, против обыкновения, не проронил ни слова. После ужина он обратился к капитану:

— Разрешите, капитан, мне завтра утром подняться на гору... Так жить под вечным страхом неизвестного положительно невозможно... Лучше уж что-либо одно...

Капитан вначале ни за что не хотел отпустить Брэдди, но потом согласился, поставив ему условие не идти дальше вершины горы.

Я заикнулся было сопутствовать ирландцу, но капитан решительно отклонил мою просьбу:

— Нас и так мало, — сказал он. — Если уж рисковать, то пусть рискует один... Кроме того, одному легче спрятаться в случае опасности...

Я не стал возражать и украдкой взглянул на Анну, глаза которой сияли радостью, видя, что капитан отказал мне в разрешении сопутствовать Брэдди в его экспедиции.

* * *

Когда на следующий день я проснулся, Брэдди уже не было. Очевидно, он ушел еще ночью, чтобы к рассвету начать уже подъем.

Взобравшись на высокую скалу около лагеря, я не спускал глаз с линии гор, и одно мгновение мне показалось, что на неясном еще фоне неба мелькнула фигура лейтенанта.

Так я просидел более часа, когда до моего слуха донесся знакомый грохот осыпающихся камней и в то же время прозвучали, один за другим, два выстрела. В воздухе пронесся резкий яростный рев, заставивший всех спавших в лагере в страхе вскочить на ноги. Некоторое время раздавался сильный грохот, как бы от разбрасываемых во все стороны камней, затем плеск воды, после чего, как всегда, наступила тишина. Только легкий шорох от продолжавшей осыпаться земли еще долго был слышен в тишине наступавшего утра.

* * *

Напрасно прождали мы Брэдди к обеду, напрасно прождали весь вечер, — ирландец не возвращался. Утром на следующий день, взволнованный больше, чем хотел это показать, капитан предложил мне сопутствовать ему вместе с боцманом и одним матросом для розысков пропавшего лейтенанта.

Когда солнце взошло, и мы услышали хорошо знакомый нам всплеск воды, отряд двинулся к горам, подниматься на

которые оказалось значительно легче, чем это можно было предполагать. Правда, местами приходилось взбираться по почти отвесным скалам, но все же часа через полтора мы достигли вершины и остановились, с восторгом любуясь открывшейся панорамой.

Горы, на которых мы стояли, представляли из себя гряду высоких скал, слегка загибающуюся к востоку и отделяющую отмель, где мы помещались, от остальной части острова. Под нашими ногами расстилалась длинная песчаная отмель с открытым выходом в море, не загороженным скалами. Далее, подернутый легким туманом, ярким пятном расстилался густой лес, тянувшийся верст на шесть, затем груды скал и далее беспредельная синева моря.

Как и предполагали, мы находились на острове, но на каком, где, в какой части света?.. В продолжение трех дней буря нас несла неизвестно куда, потом девятидневное странствование почти наугад на моторной лодке. Определить местоположение острова за отсутствием инструментов было невозможно и капитан, тяжело вздохнув, провел рукой по мокрому лбу, как бы отгоняя какую-то мысль, и решительно проговорил:

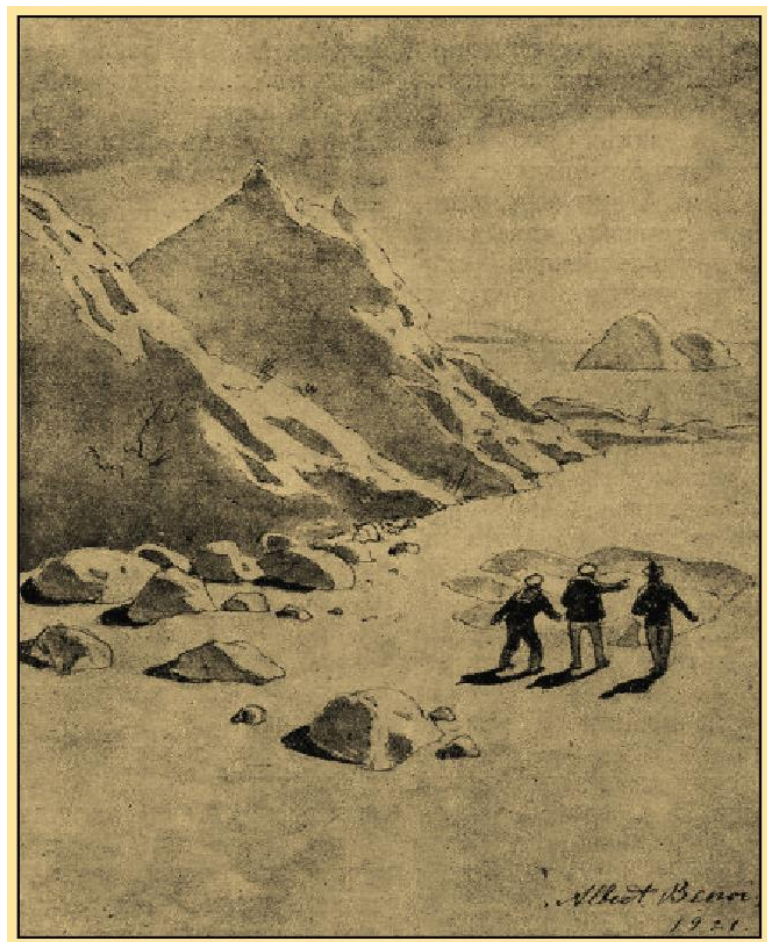
— Брэдди надо найти, во что бы то ни стало... живого или мертвого. Давайте спускаться. Чудовище, если оно действительно существует, по-видимому, на день уплывает в море, так что непосредственной опасности нет... Кто не согласен идти, тот может вернуться в лагерь.

Все, конечно, согласилось, тем более, что Брэдди был общий любимец за свой веселый, никогда не унывающий характер.

Разделившись на две группы для удобства поисков, мы стали осторожно спускаться к отмели, боязливо оглядываясь во все стороны. Спускаться было гораздо легче, чем подниматься, так как с этой стороны гора была очень покатая, и мы без труда через какие-нибудь полчаса достигли подошвы.

Отмель была ровная, гладкая, как паркет. Мелкий морской песок казался утрамбованным, небольшие камни были

вдавлены в землю и только несколько больших скал живописными группами раскинулись на белом ковре площадки. Укатанный песок был настолько тверд, что ноги совершенно не вязли, и мы легко шли, как по асфальту.

— Посмотрите на форму ямы... Это след! Это оно!..

Пройдя несколько сот шагов и завернув за большую скалу, капитан, шедший впереди, чуть не упал в глубокую яму метров семь длиной и около пяти шириной. Яма была, очевидно, недавнего происхождения, так как на дне ее находился влажный песок, хотя дождей давно уже не было.

— Кто бы это мог выкопать?.. — проговорил капитан, ни к кому не обращаясь. — Одно только ясно, что выкопана яма недавно. Посмотрите, на дне еще сохранились следы подпочвенной влаги... Песок совершенно мокрый...

— Поглядите, капитан... — вдруг с ужасом в голосе воскликнул старый боцман, — посмотрите на форму ямы... Это след... Это оно...

Одного общего взгляда на контур ямы было достаточно, чтобы убедить нас в правдивости предположения боцмана. Яма имела резко очерченную форму гигантской лапы и даже следы от громадных когтей ясно отпечатывались на одной из ее сторон.

— Это или удивительная игра природы, — серьезно сказал капитан, окончив осмотр ямы, — или след животного чудовищного, поражающего размера...

* * *

Мы двинулись дальше, переходя от скалы к скале, чтобы иметь возможность укрыться в случае опасности.

Внезапный громкий крик матроса, зашедшего за одну из скал, остановил нас и мы бросились к кричавшему, думая, что он подвергается опасности. Матрос стоял над какой-то бесформенной кровавой массой и жестами звал нас подойти.

Это был труп человека, но Боже, в каком виде... Туловище было вдавлено в песок и совершенно расплюснуто, представляя из себя лепешку из мяса, костей, крови и обрывков одежды. Вместо головы кровавое пятно.

— Брэдди... — воскликнул капитан, поднимая лежащую поблизости морскую фуражку. — А вот и его ружье... — и капитан, взволнованный, со слезами на глазах, снял фуражку.

Все последовали его примеру.

* * *

Похоронив останки ирландца, погибшего столь трагической смертью, с тяжестью в душе и в страхе от ежеминутно грозящей неизвестной опасности, мы двинулись к лесу, желая использовать остаток времени, чтобы осмотреть его хоть поверхностно. Дойдя до леса, мы пошли вдоль опушки и вдруг остановились, пораженные странным зрелищем: перед нами открывалась большая поляна, врезающаяся в лес метров на пятьсот и так же гладко утрамбованная, как и отмель.

Громадные вековые деревья, вывороченные с корнем, были втоптаны в землю; сучья, ветки, все представляло один ровный твердый настил, по которому так же было удобно и ловко ходить, как по паркету.

Осматривая поляну, мы недоумевали, какая чудовищная сила могла сделать такую колоссальную работу, на которую понадобились бы месяцы при тысяче рабочих с усовершенствованными инструментами...

Когда окончили осмотр поляны, солнце стояло уже высоко, и капитан решил двигаться обратно.

Взобравшись на гребень горы без всяких приключений, мы долго стояли, напряженно всматриваясь в горизонт в надежде увидеть какой-нибудь корабль, который бы увез нас из этого проклятого места.

— Не устроить ли нам здесь дневную вахту? — спросил боцман, обращаясь к капитану. — Возможно, что вдали будет проходить корабль, можно зажечь костры...

— А что же, это мысль... Днем здесь стоять безопасно.

На том порешили, и на следующий день, после обычного обвала и всплеска, матросы по очереди взбирались на гору и наблюдали горизонт до тех пор, пока не начинало темнеть.

Напуганный загадочной смертью Брэдди, капитан строго воспретил кому-либо спускаться с горы на ту сторону и мы жили в вечном страхе, так и не зная, что за чудовище обитает на утрамбованной северо-восточной отмели острова.

Прошло две недели. Положение наше не изменилось ни к худшему, ни к лучшему. Единственное, что утешало нас, это обилие воды и пищи: черепах было много, кроме того, матросы устроили удочки и ежедневно приносили несколько десятков больших рыб, которых было очень много в бухте.

На двадцать четвертый день нашего пребывания на острове, внезапно утром с вершины горы раздался выстрел и в тот же момент к небу взвился столб дыма от подожженного на горе костра.

Огромная груда сухих веток и хворост еще заранее по приказанию капитана были сложены на вершине горы и должны были быть подожжены в случае появления на горизонте корабля.

Мы все бросились на гору, и даже Анна, уже оправившаяся от потрясений, следовала за нами. Ее отец, несмотря на свои годы, также не отставал от всех.

Едва только мы добрались до вершины, как до нас донесся радостный крик дежурного матроса, показывающего рукой на горизонт...

— Корабль! Корабль!..

Вдали на гладкой поверхности моря едва заметной темной точкой вырисовывался неясный корпус корабля и длинная полоса черного дыма тянулась далеко за ним по горизонту.

Мы с замиранием сердца следили за приближающимся кораблем, несущим нам надежду на спасение. Вдруг он изменит курс, не обратит внимания или не заметит нашего сигнала... Анна, вся трепещущая, прижалась ко мне и ее маленькая ручка бессознательно пожимала мою руку, ободряла меня и подавая мне надежду.

Корабль становился все яснее, и мы уже могли различать его оснастку. Вдруг на корабле показалось белое облако дыма, и до нашего слуха донесся звук выстрела. Нас заметили.

Громким «ура!» мы приветствовали этот сигнал, которым мы снова связывались с отрезанным от нас миром.

Восторг охватил всех, мы радовались, смеялись, кричали, бегали, как дети. Один только боцман стоял, мрачно насупившись, и пристально смотрел вдаль.

— Оно... — вдруг отчаянным воплем вырвалось у старика. — Оно...

Вдали на горизонте появился высокий смерч, окруженный белой пеной, с невероятной быстротой несущийся к острову. Пройдя полпути в течение какой-нибудь минуты, смерч свернул в сторону и направился к кораблю. Мы с замиранием сердца следили за происходившим, не смея вздохнуть, боясь шевельнуться.

Но вот смерч, не изменяя скорости, долетел до корабля, окутал его белой пеной и брызгами, совершенно скрыв от наших глаз. Гигантский черный хвост, имеющий вид огромной змеи, внезапно взвился высоко в воздухе и с шумом, слышимым за десятки верст, ударился о воду, поднимая громадные волны и вздымая столб пены. Все закружилось в каком-то страшном кошмарном хаосе чего-то сверхъестественного, фантастического, жуткого...

Когда немного успокоилось, на месте корабля мы увидели груды обломков и только... Смерч исчез, как будто рассыпавшись при столкновении с кораблем.

* * *

Что это было? Смерч воды, вызванный какой-либо естественной причиной, или кошмарное легендарное чудовище фантастической величины, ломающее корабли, как щепки?.. Мы не могли дать себе отчета, тем более, что виденный нами в хаосе воды хвост чудовища мог просто померещиться или быть подброшенной сверху сломанной мачтой корабля... Первой нашей мыслью было идти на помощь погибавшим, постараться спасти оставшихся в живых, если таковые были.

Вылив в бак остаток бензина, капитан, двое матросов, боцман и я сели в лодку и, поставив мотор на полный ход, понеслись к разбитому кораблю. Но спасти не удалось нико-

го. Все живое погибло при столкновении, сметенное вихрем воды, и только груды обломков да остаток кузова, темной бесформенной массой плавающие на воде, напоминали о когда-то стройном корабле с высокими мачтами, гордо закинутыми назад, корабле, в котором мы видели надежду и спасение.

Прежде чем вернуться обратно, капитан решил осмотреть разбитый остов корабля, рассчитывая найти в нем что-либо полезное для нас, а может быть, и кого-нибудь оставшегося в живых. По свешивающейся веревке сначала капитан, а потом остальные взобрались на палубу, оставив одного матроса стеречь лодку, и начали осмотр.

Первое, что нам бросилось в глаза — это был, судя по одежде, труп матроса, совершенно расплющенный так же, как и Брэдди. Вид окровавленных останков за несколько минут перед тем живого, полного жизни человека был ужасен и мы, обойдя кругом, прошли дальше.

Корма у корабля была совершенно сорвана, нос сильно поврежден, мачты, рубка, все находящееся на палубе как бы сметено гигантской метлой. Сравнительно уцелела только средняя часть корабля, который держался на воде каким-то чудом.

Что это был за корабль, какой национальности, определить не представлялось возможности, так как часть кают-компаний была сорвана вместе с кормой, оставшаяся же часть была залита водой и проникнуть туда было нельзя.

Проходя по палубе, капитан заметил полуоткрытую крышку трюма и решил осмотреть его. Я тотчас же последовал за капитаном. Трюм был почти сух и, едва только я сделал несколько шагов, как, поскользнувшись, упал, попав рукой во что-то липкое. Подойдя к отверстию, при свете дня я увидел, что мои руки все в крови.

— Капитан, здесь весь пол в крови... — крикнул я.

Один из матросов засветил огонь и при свете фонаря мы увидели недалеко от лестницы труп человека в форме морского офицера, плавающий в луже крови, о которую я поскользнулся.

Голова с шеей и рукой были начисто срезаны и остаток туловища бесформенной массой лежал на полу. Около трупа валялся объемистый бумажник, весь испачканный в крови. Капитан поднял его, обтер о брезент, висевший на стене, и спрятал со словами:

— По крайней мере, узнаем, что это за корабль... хотя... в этом маленькое утешение...

Осмотрев трюм, мы нашли несколько ящиков с консервами, которые тотчас же перетащили в лодку. Дальнейшему осмотру помешало начавшееся колебание и капитан, видя, что разрушенный остов судна готов пойти ко дну, хотел уже покинуть трюм, как вдруг взор его случайно упал на несколько металлических бочек в углу трюма.

— Бензин!.. — радостно воскликнул он. — Заберем хотя бы одну бочку... Ну-ка, наляжем...

С трудом перетащив две тяжелые бочки с бензином, мы оттолкнули лодку от корабля и поплыли к острову. Когда лодка подходила к скалам, послышался сильный треск. Перегородки трюма, не выдержав напора воды, лопнули и корабль, повернувшись на бок, медленно, как бы нехотя, стал погружаться в воду.

Капитан и матросы, сняв шапки, набожно перекрестились, с грустью смотря на постепенно исчезающие в глубине моря остатки шхуны.

В бумажнике, кроме денег, ничего не оказалось, никакого клочка бумаги, могущего пролить свет на происхождение корабля, и капитан, после долгого размышления, решил поделить поровну между всеми найденную сумму, которая оказалась очень значительной, более пятидесяти тысяч долларов. Но этот случайный приз нас не радовал: мы бы охотно отдали и эти деньги и все, что имели, лишь бы очутиться на палубе какого-нибудь корабля, который вез бы нас куда угодно, лишь бы только покинуть остров с его загадочным хозяином.

* * *

Уже несколько дней в моей голове вертелась неотвязная мысль во что бы то ни стало увидеть таинственное чудовище. В том, что по ту сторону обитает чудовище, я ни минуты не сомневался, хотя никто из нас за все время пребывания на острове ни разу не видел его.

В тот же день вечером я подговорил одного молодого матроса, Боткинса, и на следующее утро, не говоря никому ни слова, мы взяли с собой винтовки, перебрались через горы и спустились на отмель.

План наш был прост: до вечера мы охотимся в лесу, где и переночуем, а на рассвете подойдем крадучись к опушке и будем наблюдать. Таким образом мы убьем двух зайцев: и увидим чудовище и пополним запасы свежей провизией.

Солнце едва только взошло, и скорого возвращения чудовища ждать было нельзя; поэтому мы сравнительно спокойно углубились в лес в надежде встретить какую-нибудь дичь.

...Лес, очень густой вначале, вскоре стал редеть...

Лес, очень густой вначале, вскоре стал редеть и мы вышли на большую поляну, окруженную со всех сторон вековыми деревьями. На поляне мирно паслись штук десять-двенадцать диких коз.

Боткинс приложился и выстрелил, убив наповал ближайшую козу, которая, высоко подпрыгнув, неподвижно растянулась на земле. Оставшиеся животные даже не повернули головы, продолжая щипать сочную траву. Очевидно, звук выстрела им не был знаком, к шуму же и грохоту, ежедневно производимому чудовищем, они привыкли. Я, в свою очередь, не торопясь приложился, выбрав мишенью молодую козу, которая упала, как подкошенная. В это время матрос случайно ступил на сухую ветку, которая с треском сломалась и все стадо в одно мгновение исчезло с поляны.

Незнакомый, не слышанный еще звук выстрела не испугал пугливых животных, знакомое же хрустение ветки, обозначающее приближение врага, сразу разбудило инстинкт самосохранения.

Зная, что теперь стадо настороже, мы не продолжали охоту, но, подобрав убитых коз, расположились под большими деревьями и принялись готовить себе обед.

Плотно пообедав мясом дикой козы, которое после консервов и черепахового супа показалось нам особенно вкусным, мы, отяжелев от обильной пищи, легли спать и проснулись только перед вечером, когда начало уже темнеть.

Быстро добравшись до опушки, в полной уверенности, что чудовища еще нет, мы, громко разговаривая, вышли на отмель и, сделав по ней несколько шагов, остановились как вкопанные, замерев от ужаса. Волосы на голове поднялись дыбом и мы стояли в полубесчувственном состоянии, не зная, что делать. Прямо перед нами громадной скалой повисла ужасная голова чудовища. Туловище и хвост заняли почти всю отмель, а громадная лапа его лежала всего в нескольких шагах от нас. Не смея шевельнуться, мы, как зачарованные, смотрели на кошмарную фантастическую голову, которая была ужасна.

...Боткинс вскинул винтовку, заряженную разрывной пулей и, прицелившись в глаз чудовища, спустил курок...

Громадная открытая пасть с отвисшими губами, из-за которых вырисовывался ряд клыков величиной с бивни взрослого слона, издавала смрадное дыхание, окутывавшее одуряющей волной; большие красные глаза, налитые кровью, яростно глядели на нас, осмелившихся нарушить покой этого фантастического властителя морей. Густая спутанная грива, как у лошади, свешивалась по обе стороны длинной шеи чудовища, придавая ему еще более кошмарный вид, а торчащие из гривы не то уши, не то рога напоминали облик дьявола. За шеей шло массивное темное туловище, постепенно переходя в длинный, как у ящерицы, хвост, которым животное яростно било по отмели, вздымая целые горы песка. В общем чудовище напоминало громадную, неслыханных до того размеров, ящерицу и только гривой и отчасти формой головы отличалось от последней.

Боткин, не будучи в состоянии дальше выносить зрелище, вскинул винтовку, заряженную разрывной пулей и, прицелившись в глаз чудовища, спустил курок.

Я ясно видел, как от действия разрывной пули лопнула роговая оболочка и чудовище, испуская яростные крики, занесло над нами лапу. Я машинально отскочил в сторону и бросился к лесу. Сзади до меня донесся ужасный вопль матроса и, когда я оглянулся на ходу, то увидел, как гигантская лапа чудовища, опустившись на матроса, постепенно двигается, раздавливая его так, как давят клопа на стене.

Как я добежал до поляны, не помню. Помню только, что, выйдя на открытое место, я свалился на траву, не будучи в состоянии двинуться от ужаса пережитого...

Так я пролежал в полузабытьи до рассвета и до моего слуха все время доносился страшный грохот с отмели, где пришедшее в ярость от боли чудовище било и ломало все. Я слышал глухой треск от падавших вековых деревьев, сбитых мощным хвостом морского великана. Глыбы земли и камней с плеском падали в воду. Наконец, когда начало уже светать, послышался громкий продолжительный всплеск, и наступила тишина.

Пользуясь отсутствием чудовища, я бросился к опушке, желая пробраться к лагерю. Но Боже, что сделалось с отмелью! Я ее не узнал. Песок был взрыт, образуя целые горы, громадные деревья в беспорядке раскинуты, всюду целый хаос из камней, скал, деревьев и земли...

* * *

Как я добрался до лагеря, не помню и только через несколько часов, придя в себя, сумел рассказать все. Капитан слегка побранил меня, но тотчас же, видя мое возбужденное состояние, переменял тон и стал успокаивать. Анна, дрожа всем телом, слушала мой рассказ и крупные слезы текли по ее щекам, когда я передавал о тех опасностях, которым подвергался. Даже старый моряк в волнении ходил взад и вперед с давно уже погасшей трубкой, а боцман беспрестанно повторял:

— Это оно... Оно... То самое чудовище, которое мы видели пятнадцать лет тому назад в этих морях...

Поздно ночью вернулось чудовище на остров и в ярости от не прошедшей еще боли стало крушить лес, думая, по всей вероятности, найти там причинившее ему боль существо.

Мы слышали гулкие тяжелые удары исполинского хвоста, треск ломающихся деревьев, яростное ворчание и вой. Потом чудовище взобралось на вершину горы и, заметив огонь от костра, пришло еще в большую ярость. Громадные скалы летели вниз под мощными ударами обезумевшего исполина. Его огромный контур кошмарным пятном вырисовывался на фоне неба. Чудовище делало попытки спуститься вниз, но, очевидно, не решалось или благодаря крутизне горы или по каким-либо другим, неведомым нам соображениям. Мы поспешили загасить огонь и через некоторое время животное успокоилось.

Наутро мы увидели следы разрушения. Часть горы была как бы сметена и осыпавшееся скалы и земля образовали довольно пологий скат, по которому чудовище уже свободно могло спуститься вниз.

Со страхом мы ждали вечера.

Анна все время в ужасе повторяла:

— Господи, что будет... Что будет... Лучше смерть!..

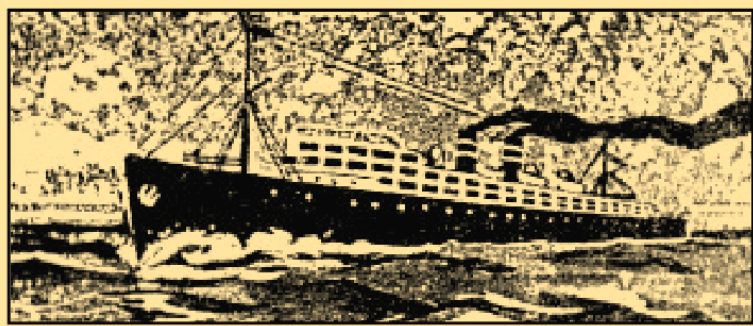
А я готов был отдать последнюю каплю крови, чтобы только избавить ее от опасности... Но что я мог сделать...

* * *

Вечером, едва только стемнело, чудовище опять появилось на скалах и с удвоенной яростью стало сбрасывать вниз скалы, камни и груды земли. Тяжелые удары могучих лап и хвоста болезненно отзывались в наших сердцах, и всем было ясно, что животное крушит гору не в бессознательной ярости, а готовит себе спуск к отмели, чтобы уничтожить всех нас. Огромные камни докатывались до лагеря, и мы принуждены были спрятаться за скалами, чтобы не быть раздавленными, а чудовище безостановочно продолжало свою разрушительную работу.

Небо было светлое и мы отчетливо видели высоко вздымавшийся могучий хвост ящера, ритмически разбивающий гору, и с каждым его ударом нам казалось, что смерть, ужасная, кошмарная смерть, все ближе и ближе подвигается к нам и ее холодное дыхание уже проникает в наши души и леденит нашу кровь.

Проработав некоторое время, чудовище сделало попытку спуститься вниз, но не решилось и ушло к себе.

Когда все замолкло, мы, не сговариваясь, бросились к лодке, наскоро погрузили в нее все наше несложное имущество, не позабыв захватить с собой два бочонка с водой, и с замиранием сердца, чтобы не разбудить чудовище стуком мотора, отплыли, держа направление на восток, и дали лодке полный ход.

На шестые сутки мы встретили судно, которое нас подлобало и доставило в Америку.

Рассказывая за стаканом грога в кают-компании наши приключения, капитан говорил, пытаясь объяснить существование подводного исполина на поверхности:

— Чудовище, которое мы видели на острове, я уже встречал один раз в южных морях, и мне думается, что, выкинутое извержением из недр моря, животное было так сильно ранено, некоторые части его туловища были настолько повреждены, что оно навсегда потеряло способность жить в глубине морей, где мускулы должны были быть все время в страшном напряжении, чтобы выдерживать колоссальное давление столба воды. Поэтому оно принуждено было остаться на поверхности, выбрав себе пристанищем этот необитаемый остров, лежащий в стороне от пути следования кораблей. Что же касается козы, сброшенной к нам сверху, то она, по всей вероятности, случайно попала под удар страшного хвоста чудовища... Другого объяснения я не нахожу...

* * *

Устроив в несколько дней дела фирмы, по которым я был послан в Америку, и сговорившись заранее с отставным моряком, с которым мы условились ехать обратно вместе, я наконец, купив себе место на большом пассажирском пароходе, отплыл в Англию, куда и прибыл благополучно, без всяких приключений.

Едва только я успел приехать, как меня обступили со всех сторон корреспонденты и одна солидная фирма предложила мне уступить ей мои заметки, которые я вел на острове.

Я согласился и получил за тетрадь пять тысяч долларов, что вместе с имевшимися у меня семью тысячами — моей долей из денег, найденных на разбитом корабле и экономией от командировки, — составило ровно тринадцать тысяч долларов. Кроме того, директора фирмы, в которой я служил, подкупленные тем, что несмотря на пережитые приключения, я все же вполне добросовестно исполнил возложенное на меня поручение, предложили мне место заведующего отделением с очень приличным окладом.

Поэтому я решился просить у старого отставного моряка руки его дочери, со стороны которой, я рассчитываю, не встретится особенных препятствий. По крайней мере, она мне так сказала, когда мы стояли на палубе корабля, подходившего к Гавру, и я крепко обнимал ее за талию...

О чудевище я буду вспоминать с чувством ужаса и вместе с тем с благодарностью, так как, главным образом, благодаря ему мне удалось приобрести любимую жену, мою дорогую маленькую Анну.

КОЛЬЦО ИЗИДЫ

Фантастическая повесть

КОЛЬЦО ИЗИДЫ
Журнал «На чужбине» (Шанхай), 1921, № 5, ноябрь;
№ 6, декабрь.

Странные приключения Мюри Ворта до того невероятны, что я бы никогда не осмелился предложить их читателям, если бы, в-первых, не то полное доверие, какое я питаю к Мюри, а во вторых, эта рана, полученная им, которую, уж во всяком случае, Мюри сам себе не стал бы наносить только для того, чтобы поверили его истории.

Потом, это странное золотое украшение с изображением змеи, какие делались только в Египте, этот уреус, символ права на жизнь и смерть, носить который могли только члены семьи фараона...

Этот уреус, вычеканенный из золота и расцвеченный яркой цветной эмалью, не оставлял сомнений в своем происхождении. Такие предметы, особенно же покрытые неизвестным нам до сих пор способом эмалью, изготавливались только в древнем Египте. Кроме того, вещь была совершенно новая, по-видимому, только недавно вышедшая из рук мастера... Да и Мюри Ворт вовсе не был настолько богат,

чтобы купить такую драгоценность. Другим же способом уреус попасть к нему не мог, так как в честности и порядочности Мюри я ни минуты не сомневаюсь.

Да и другие мелочи, на которые я раньше не обращал внимания, все это говорит за то, что с Мюри действительно произошла эта таинственная непонятная история, объяснить которую я, во всяком случае, не берусь.

Что же касается фактов, известных мне частью со слов Мюри, частью же из личных наблюдений, то за достоверность их я могу вполне поручиться.

Кроме того, Мюри до сих пор здоровствует и может всегда подтвердить изложенное здесь...

* * *

Мюри Ворт окончил Оксфордский университет по классу химии одним из первых и, за неимением ничего лучшего, поступил в магазин золотых вещей Пеккерса в Беккер-стрите. Пеккерс в то время увлекался цветным золотом, и Ворту путем ряда опытов удалось получить несколько сплавов, один из которых, нежного голубоватого цвета, даже был известен под названием «золото Ворта».

Мюри был высокого роста, без малого шести футов, красивый блондин с большими серыми задумчивыми глазами, удивительно пропорционально сложенный. В университете он много занимался спортом и взял несколько призов во время состязаний, устраиваемых Лондонским спортивным обществом.

Характера он был покладистого, уживчивого, хотя было видно, что под этим кажущимся добродушием скрывается железная сила воли и любовь властвовать.

Должность, которую занимал Мюри Ворт, при его остром уме и недюжинных способностях, конечно, его не удовлетворяла и он служил у Пеккерса только потому, что, не имея никаких посторонних средств, должен был что-нибудь делать, чтобы не умереть с голода. У Пеккерса он служил всего месяцев семь, когда случилась эта история.

Как-то раз Мюри, поставив в лаборатории на огонь несколько кусков золота, чтобы его расплавить, зашел в магазин повидать хозяина по какому-то делу, кажется, насколько помню, просить разрешения съездить в Гавр по делам или что-то в этом роде.

Он собирался уже изложить патрону свою просьбу, как дверь в магазин отворилась и вошел странный господин в потрепанной крылатке, с большими темными очками на носу, совершенно скрывавшими его глаза.

... Вошел странный
господин в крылатке...

— Вы хозяин? — обратился он к Пеккерсу скрипучим хриплым голосом и на утвердительный ответ заторопился высказать свое дело:

— Видите, у меня есть кольцо, очень дорогое, то есть не дорогое, но... но воспоминаниям... Выпал один камень, так надо его вставить... Только чтобы кольцо не подменили как-нибудь... или камень... — подозрительно закончил незнакомец.

— Помилуйте... — возмутился Пеккерс. — Наша фирма существует столько лет, и... если вы не доверяете, то лучше отнесите в другое место...

— Нет, нет... — начал извиняться странный господин.

— Я доверяю, вполне доверяю... Поэтому я и пришел к вам... Но это кольцо мне дорого и я бы не хотел потерять его...

Говоря так, он вынул из бокового кармана небольшой футляр, завернутый в цветной носовой платок, и подал хозяину. Пеккерс осторожно развернул футляр и открыл крышку. Стоявший рядом Мюри, заинтересованный предыдущим разговором, заглянул через плечо.

В футляре находилось массивное золотое кольцо, состоящее из двух переплетенных змей, расцвеченных сильно потертой, когда-то яркой эмалью. Посредине искусного сплетения змей было видно гнездо от выпавшего камня.

— А вот и камень... — произнес господин в очках, вынимая из кошелька небольшой изумруд удивительно чистой воды, покрытый таинственными знаками.

Пеккерс с видом знатока долго рассматривал кольцо.

— Отличная работа... Великолепная работа... — повторял он. — Это кольцо очень древнее... очень...

— Да, это кольцо очень древнее... — согласился незнакомец. — Еще времен величия Египта... Поэтому я им так и дорожу...

— О, теперь это вполне понятно, — отозвался Пеккерс.

— Так вам надо вставить камень? Отлично! Господин Ворт, будьте так добры, вам по дороге, занесите кольцо в мастерскую, передайте Куртису и предупредите, чтобы он по-

внимательнее отнесся к работе... Такое кольцо требует особого уважения... — улыбнулся патрон, передавая кольцо Ворту.

Мюри тотчас же вышел из магазина и по дороге надел кольцо на палец, любуясь художественными изгибами золотых змей.

Проходя мимо лаборатории, он услышал шум горна, и, забыв все на свете, боясь, чтобы поставленная им на огонь смесь для получения цветного золота не испортилась, бросился к печке.

Смесь уже совсем расплавилась, и необходимо было тотчас же всыпать порошок, дающий определенный цвет золоту. Мюри достал небольшую металлическую трубку и, стоя над огнем, стал открывать ее, взяв для этого с полки большую отвертку. Крышка не поддавалась. Мюри сделал усилие.

Вдруг отвертка соскочила с края трубки и с силой ударилась о кольцо. Раздался треск, похожий на щелканье пружины, и одна половина змеи открылась. В то же время Мюри увидел, как из открывшегося отверстия высыпался серый порошок на расплавленное золото.

Раздался сильный взрыв, густое удушливое облако с каким-то специфическим запахом, напоминающим не то ладан, не то затхлую сырость подвала, пахнуло в лицо Мюри и он, широко взмахнув руками, повалился без чувств около горна.

Когда Мюри очнулся, огонь в горне уже погас и на дне чашки лежал небольшой комок сероватого металла. Очистив кусок от нагара, Мюри увидел сплав серого оттенка, переливающийся то зелеными, то розовыми цветами. Эти переливы были до того нежны, до того неуловимы, что Ворт более часа стоял, любуясь на полученный металл, пока, наконец, не вспомнил про кольцо, и тотчас же, испугавшись, как бы кольцо не попало в чашку с расплавленным золотом, стал искать его.

Через несколько минут бесплодных поисков он увидел кольцо, лежащее в углу. Изумрудные глаза переплетенных

змей смотрели на него так живо, с такой злобой, что Мюри невольно отдернул руку, но тотчас же, улыбнувшись, взял кольцо и стал рассматривать.

Странно. Отверстие, заключавшее в себе порошок и случайно открывшееся от удара отвертки, захлопнулось, и как Мюри ни искал, ни выстукивал, ни исследовал при помощи лупы, он не мог найти ни малейшего следа.

Отнеся кольцо к Куртису и передав ему поручение хозяйина, Мюри вернулся в лабораторию и принялся снова рассматривать кусок сплава.

*...Мюри почувствовал сильную слабость,
голова закружилась...*

Нежные переливы были так красивы, что Мюри охватило желание оставить его себе. Эта боль при мысли лишиться куска оригинального золота, это ноющее, щемящее чувство разрасталось все больше и охватывало Мюри всего... Чем дольше он держал сплав в руке,

тем сильнее, острее чувствовалась боль от возможности потерять его. Голова начинала слегка кружиться, в глазах заходили круги, почувствовался едва уловимый запах ладана и сырого подвала, тело стало цепенеть, кошмарные образы проносились перед глазами...

Металл жег руки, но бросить его не хватало сил...

Внезапно, страшным усилием воли Мюри стряхнул с себя оцепенение... И тут у него созрело решение ни за что не отдавать полученный сплав хозяину, а заплатить его стоимостью и оставить себе.

Едва только Мюри принял такое решение, как сразу успокоился, как будто с его плеч свалилась громадная тяжесть.

Положив металл в ящик стола, Мюри пошел в магазин, где хозяин без всяких возражений разрешил ему уплатить стоимость истраченного золота.

Вернувшись к себе, Ворт вынул из ящика кусок сплава и, любуясь его переливами, стал думать, что бы из него сделать, и, в конце концов, остановился на кольце. Решив окончательно, Мюри отправился в мастерскую. В две минуты поладив с Куртисом, он запер лабораторию и пошел домой, унося с собой столь удивительным образом полученный сплав, который завтра должен был превратиться в красивое кольцо.

Вышел он бодрым, довольным, веселым, но чем дальше шел, тем все сильнее слабость охватывала его, ноги отказывались служить, голова начинала кружиться. Несколько раз Мюри останавливался, чтобы собраться с силами, пока, наконец, с большим трудом, едва волоча ноги, поднялся к себе на четвертый этаж.

Вынув кусок сплава, он положил его на стол и тотчас же почувствовал облегчение. Не придавая всему этому значения, Мюри с аппетитом пообедал и, взяв золото, прилег на кушетку.

Слабость на этот раз гораздо быстрее охватила его. Воля, утомленная предыдущей борьбой, все меньше оказывала сопротивление. Голова кружилась... В глазах появились круги, сначала незаметные, потом все ярче и отчетливее и, наконец, все закружилось в ярком зеленом цвете, цвете изумрудных глаз переплетенных змей. Неясные кошмарные образы стали вырисовываться из тумана... Вдруг Мюри отчетливо увидел страшное лицо старика в странном маскарадном головном уборе.

Лицо было искажено злобой. Острый крючковатый нос с изгибом к нижней губе напоминал клюв хищной птицы. Глаза с ненавистью устремлены на Ворту...

Понемногу лицо стало расплываться, пока не исчезло совсем. Знакомый запах ладана усилился и стал преобладающим. Внезапно в облаке тумана вырисовалось прелестное лицо молодой девушки. Большие черные глаза, словно выто-

ченные из мрамора черты лица, полные, чувственные, цвета
спелой вишни губы и красивые волны слегка выующихся ис-
синя-черных волос...

...Он увидел голову прелестной женщины...

Видение было до того прекрасно, да того соблазнительно, что Мюри, не будучи в состоянии далее владеть собой, вскочил с кушетки и с простертыми вперед руками бросился навстречу к красавице. От порывистого движения кусок, зажатый в руке у Ворта, выскользнул и с тихим звоном, напоминающим стон, последний стон умирающего человека, покатился на середину комнаты.

Звук болезненно отозвался в сердце Ворта, но зато заставил его очнуться. Видение исчезло и Мюри, окончательно пришедший в себя, провел рукой по волосам:

— Что за чушь... Уж не болен ли я... Что со мной? Какой странный сон.

Пройдясь несколько раз по комнате, Мюри выпил стакан воды и снова лег на кушетку, но заснуть не мог. Образ прелестной женщины, явившейся в тумане, преследовал Мюри.

— Откуда могло мне пригрезиться?.. Что это за лицо?.. — задавал он себе вопросы, стараясь припомнить среди знакомых лицо, похожее на виденный им среди тумана образ.

Но сколько ни припоминал Ворт, среди всех, кого он знал, не было ни одной женщины, хоть немного похожей на эту красавицу.

Часа через два Мюри немного успокоился и заснул тяжелым лихорадочным сном...

На следующий день, одевшись и позавтракав, Ворт вышел из квартиры, захватив с собой кусок сплава для того, чтобы передать его Куртису.

По дороге повторилось во всех деталях то же ощущение слабости и Мюри едва смог дойти до магазина и принужден был долго отдыхать, прежде чем отнести металл к Куртису в мастерскую.

Условившись относительно формы кольца, Ворт прошел в лабораторию и спокойно принялся за работу, не ощущая больше ни слабости, ни головокружения.

Окончив занятия, перед тем как уйти домой, Мюри зашел к Куртису и застал его бледным, с каплями пота на лице, работающим над кольцом Ворта.

— Ну и металл вы получили, господин Ворт... — встретил его Куртис. — Какое-то дьявольское наваждение... Как только возьмешь его в руки, голова начинает кружиться и от слабости не знаешь, что делать...

— Ну, да вы его уж как-нибудь окончите... — заволновался Мюри.

— Помилуйте... Как возьмешь в руки, голова начинает идти кругом и в глазах начинает мерещиться всякая чертовщина... Если бы это было не ваше кольцо, господин Ворт, я бы давно бросил эту проклятую работу... Ну, да уж только для вас как-нибудь окончу...

На следующий день Мюри, зайдя к Куртису, застал его растерянным и недоумевающим...

— Как хотите, господин Ворт, — начал тот, когда Мюри вошел в мастерскую, — здесь дело нечисто. Это прямо какая-то дьявольщина... Я хочу придать кольцу одну форму, а выходит совсем другое... Прямо, хоть брось... Сорок лет работаю и ничего подобного не видел... Вот, смотрите...

Мюри взял в руки намеченное вчерне кольцо и вместо заказанного рисунка увидел неясные контуры двух переплетенных змей. Чем больше он рассматривал, тем очертания змей делались яснее. Вдруг Мюри показалось, что змеи шевелятся, правда, очень медленно, почти незаметно, но шевелятся, принимая все более резкие очертания.

Мюри протер глаза, посмотрел еще раз и с уверенностью, что ему это показалось, передал кольцо Куртису.

— Что за колдовство?.. — воскликнул тот, взглянув на кольцо. — Поглядите, пожалуйста... Кольцо, как побывало у вас в руках, изменилось... Клянусь вам, что этих змей не было. Они сами явились каким-то непонятным, необъяснимым образом...

Мюри задумался.

— Ну, делайте, что выйдет... — наконец сказал он. — Только поскорей...

Через час Куртис зашел к нему в лабораторию:

— Удивительно... Это кольцо, положительно, заколдовано... Я не знаю, чем и объяснить... Как только я начал делать

змей, они как будто сами вырастали. Вот, поглядите... В другое время над такой работой я просидел бы дня два, а теперь я ее окончил в какой-нибудь час...

Мюри взял кольцо. Это была точная копия того кольца, которое принес в магазин странный господин в очках, за исключением изумрудных глаз у змей и камня посредине. Работа была удивительно тонкая и отчетливая. Переплетенные змеи казались живыми и готовыми броситься, чтобы ужалить.

Объяснив себе все происшедшее с Куртисом тем, что, починяя кольцо, принесенное в магазин странным господином, он слишком запомнил форму составляющих его змей и на память сделал копию, что ему блестяще удалось, Мюри, поблагодарив Куртиса, спрятал кольцо в ящик и принялся за работу.

Вечером, немного позднее обыкновенного, Ворт, окончив свои сплавы и заперев лабораторию, с кольцом в боковом кармане тужурки вышел на улицу.

Первую половину дороги Мюри прошел довольно благополучно, за исключением легких приступов головокружения и слабости, зато оставшийся конец он еле-еле брел в полубессознательном состоянии, останавливаясь и отдыхая каждые пять-шесть шагов. И чем дальше он шел, тем все тяжелее ему становилось, слабость усиливалась, глаза начинали ничего не видеть, кольцо жгло грудь и давило с тяжестью стопудовой гири...

С трудом дойдя до своей квартиры, запыхавшийся и измученный Ворт быстро скинул тужурку и хотел лечь на кушетку, но едва только тужурка с лежащим в кармане кольцом покинула плечи Мюри, он почувствовал сразу облегчение, и энергия с удвоенной силой вернулась к нему.

Тогда только впервые Ворт подумал о кольце, как о причине его странной болезни и, подозрительно вынув его из кармана, развернул и стал рассматривать... Переливы всех цветов радуги с преобладающими тонами зеленовато-розового и нежного зеленого цвета были до того красивы, до того ласкали и очаровывали зрение, что Мюри бессознательно надел кольцо на палец.

Внезапно все поплыло перед его глазами. В густом, кровавом тяжелом тумане появились сначала неясные, потом все более резкие образы, среди которых Ворт ясно различал страшную голову старика и прелестное лицо девушки, виденное им раньше...

Кольцо, как расплавленный металл, жгло палец и Мюри, напрягая остаток воли, хотел было его снять, но был уже не в силах... Воля перестала сопротивляться, и Ворт почувствовал, что летит в какую-то бездонную темную пропасть. Еще одно последнее усилие сделал Ворт, чтобы вырваться из окружающего его мрака и тут ясно почувствовал, как внутри его борются два начала, два «я», одно из которых неудержимо тянет его в пропасть, другое же старается сопротивляться всеми силами...

Но вот сопротивление делается все слабее и слабее и, наконец, Мюри в хаосе переживаний ясно ощутил, как что-то как будто порвалось в нем... последнее звено, связывающее его с миром, разбилось и он, уже не удерживаемый ничем, с головокружительной быстротой полетел в пропасть, не думая ни о чем и только радуясь концу этой мучительной борьбы его двух «я»...

Сначала перед Вортом мелькали какие-то видения, образы, лица, средневековые строения, замки... потом развалины, которые он как будто где-то видел раньше... Далее перед глазами начали проноситься храмы, строения древней архитектуры, люди в странных одеяниях...

Мало-помалу видения заволакивались туманом... туман сгустился, принимая неясные расплывчатые контуры головы ужасного старика, который, казалось, хотел броситься на Мюри...

Все перепуталось, перемешалось в дикой неудержимой пляске... и Мюри окончательно потерял сознание.

Очнулся Мюри Ворт на берегу большой широкой реки и с удивлением огляделся кругом.

С одной стороны большая, теряющаяся вдали, полоса раскаленного солнцем песка, с другой — широкая река, по берегам которой густо разросся высокий тростник. Кое-где вы-

высились несколько пальм вперемешку с олеандрами и гранатами, от которых веяло тонким ароматом, как благоухание курильниц.

Время близилось к закату и прозрачная синева реки горела в лучах заходящего солнца. Легкая розовая дымка над водой казалась дыханием богов.

На отмели в небрежных позах лежали несколько крокодилов. Ближе к берегу среди лотосов и водяных лилий стояли фламинго, внимательно поглядывая по сторонам. Один из них расправил свои розовые крылья, поднялся на воздух, на мгновение как бы замер и затем быстро полетел вдоль реки.

Машинально следя за полетом птицы, Мюри слегка приподнялся. Мозг лихорадочно работал, стараясь разобраться в ощущениях. «Я» как-то странно двоилось. Мюри ясно сознавал, что он Мюри Ворт, бывший студент Оксфордского университета, служивший в магазине Пеккерса на Беккер-стрит, и, в то же время, он чувствовал себя кем-то иным.

Берега реки, около которой он лежал, были ему хорошо знакомы. Вот этот выступ с большой пальмой, островок, покрытый густым тростником, лилии, цветы лотоса... Сколько раз он их видел!.. А между тем, лондонский Мюри никогда не выезжал за пределы Англии.

Мюри чувствовал, что он переживает нечто таинственное, странное, не поддающееся анализу человеческого ума, и эта невозможность понять случившееся, отнестись критически к совершающемуся заставляла его болезненно напрягать мозг, стараясь найти выход из тупика невероятности...

Еще несколько мгновений, как ему казалось, тому назад, он был в своей небольшой уютной комнате в Лондоне и, вдруг, пустыня, река, тропическая растительность, крокодилы...

Своим вторым я Мюри «знал», что он находится на берегу древнего Нила, что перед ним вдали высятся строения таинственного Египта, где он живет, но его первое «я», «я» лондонского Ворты, не хотело мириться с этим.

Поборов сильным напряжением воли слабость, Мюри приподнялся с песчаного бугра, на котором лежал. На мгновение его взгляд удивленно остановился на широкой белой одежде, в которую он был одет, но тотчас же привычным жестом, как будто он всю жизнь носил только такое одеяние, Мюри запахнул висевший конец плаща и поднялся на ноги. Машинально он провел рукой по голове и его уже не удивили длинные волосы, ниспадавшие на плечи.

Мюри подошел к реке и, зачерпнув в пригоршню воды, помочил себе лоб и виски.

С противоположного берега поднялись два фламинго и, мощно рассекая воздух розовыми крыльями, понеслись вдаль. Несколько дальше взлетели еще три или четыре птицы.

— Фламинго начинают перелетать, — подумал Мюри, — скоро стемнеет... — но тотчас же в голове его мелькнула неясная мысль, что он до настоящего момента никогда не видел фламинго и совершенно не интересовался их привычками.

Холодная вода Нила освежила разгоряченную голову Мюри. Он сделал несколько шагов по берегу и приостановился, вспоминая все случившееся с ним.

Странно. Чем больше к нему возвращались силы, тем меньше он начинал чувствовать себя прежним Вортом. И то, что раньше казалось ему диким, абсурдным, начинало казаться вполне естественным.

Уже с некоторым напряжением он вспомнил свою комнату в Лондоне, таинственного заказчика в очках, кольцо, приступы слабости. Наконец, видения старика, молодой девушки...

При мысли о девушке горячая волна пробежала по жилам Мюри, окутала мозг, на мгновение затуманила его и так же мгновенно отхлынула прочь.

— Аменорис!.. Аменорис!.. — громко воскликнул Мюри, забывая все случившееся с ним. — Аменорис!.. Она ждет меня с наступлением сумерек у входа в храм Изиды... Уже темнеет, а я еще здесь.

Силы как бы вдруг вернулись к Мюри и, поправив сдвинувшийся в сторону короткий меч, он завернулся в плащ и быстро зашагал от берега к городу.

Скоро, миновав предместье, Мюри достиг центральной части города, когда богиня ночи уже собиралась накинуть свой темный покров на готовящуюся к отдыху землю. Кое-где начинали зажигаться огни. Из некоторых домов доносились звуки флейт и арф.

— Аменорис!.. — прошептал он, падая на колени. — Аменорис! Моя Аменорис!..

Миновав дворец Фараона, Мюри достиг, наконец, великолепного храма Изиы, стоявшего на небольшой площади, и взбежал по мраморным ступеням лестницы к колоннаде храма.

Из темноты показалась фигура женщины в легком одеянии и сделала несколько шагов по направлению к Мюри.

— Аменорис!.. — прошептал он, падая на колени. — Аменорис! Моя Аменорис!..

Девушка тихо приблизилась к нему, протягивая руки...

Мюри жадно схватил протянутые к нему маленькие руки Аменорис и страстно прижал их к своему лицу.

— Мой Гору, — печально сказала девушка и Мюри понял, что это относилось к нему. — Мой Гору, сегодня я спрашивала Химеру и она ответила мне, что ветви наших жизней расходятся...

Мюри вскочил на ноги.

— Ты знаешь, — горячо заговорил он, — Химера коварна и лжива!.. Когда-то, много тысяч лет тому назад, когда впервые были изобретены письмена, Василиск обратился к Химере с просьбой научить его искусству читать. Химера согласилась с условием, чтобы Василиск раньше открыл ей тайну познавать мысли людей. Василиск согласился и, когда Химера узнала то, что ей нужно было, она ударила Василиска под ребро и убила его... И с тех пор она всегда обманывает... так как посредством лжи она узнала тайну Василиска...

— Нет, — возразила Аменорис. — Нет, мой Гору! Химера не солгала — я ее заклала страшным словом Изиы и она сказала правду... Она не посмела бы солгать... Великая Гатор, богиня любви, во власти которой находятся людские сердца, бессильна...

Аменорис закрыла лицо руками.

— Но если наше счастье в руках Изиы, — возразил Мюри, — то в ее власти дать его нам. Что значим мы, незаметные песчинки земли, для богини? Не все ли равно ей, соединим ли мы ветви наших жизней в одно, или эти ветви разойдутся в разные стороны...

— Это так... — грустно ответила Аменорис. — Но планы Изида нам неизвестны. А как мы можем изменить predetermined ею?

— Аменорис! — воскликнул Мюри. — В тебе течет кровь фараонов Египта. Ты обладаешь тайнами жрецов. Пойдем к Изиде. Скажи страшное слово и, когда богиня явится, мы вымолим у нее наше счастье... Создавшая жизнь мудра. Она поймет, что нельзя разорвать два сердца, когда они питаются одними соками жизни... Нельзя обрубить корни и сохранить жизнь ветвям... Пойдем!

— Но как же я скажу это слово! — отрицательно покачала головой Аменорис. — Нельзя смертным безнаказанно вызывать богиню... для личных дел...

...Аменорис вдруг решительно выпрямилась.

— Богиня простит нас, — возразил Мюри. — Она поймет, что не мы, а наша любовь взывает к ней, сотворившей и Любовь и нас, и вложившей в наши души чувство, которое сильнее смерти...

— Я боюсь, Гору, — воскликнула Аменорис. — Богиня справедлива, но страшен ее гнев...

Мюри сильно сжал руку Аменорис, пытливо смотря ей в глаза.

— Так, значит... — медленно заговорил он глухим голосом. — Ты, Аменорис, ты подчиняешься решению, переданному тебе лживой Химерой?.. Ты отступаешь, не испробовав все средства, какие во власти смертных?.. Ты боишься гнева богини?.. Так что же? Разве для нас ее гнев страшнее разлуки?.. Ты не любишь меня, Аменорис?.. Богиня Гатор не коснулась лепестками лотоса твоего сердца...

Аменорис вдруг решительно выпрямилась.

— Нет, Гору, нет! — с внезапной энергией заговорила она. — Я не могу отказаться от тебя... Ты прав, гнев богини менее страшен, чем вечная разлука... Пойдем!..

И схватив своими тонкими, словно высеченными из мрамора, руками сильную руку Мюри, она повлекла его к входу в храм.

Пройдя колоннаду, они вошли в большой зал храма, высеченный из белого мрамора с рельефными изображениями на потолке и стенах; посредине возвышалась громадная статуя богини Изиды с большими золотыми рогами на голове, между которыми искрилось тысячами огней искусно сделанное солнце с лучами, расходящимися во все стороны. По бокам изображения курились благовония на двух треножниках, тускло освещавших лицо богини.

Дойдя до изображения Изиды, Мюри приостановился, и ему показалось, что брови Изиды сердито сдвинулись, а в глазах, устремленных на него, блеснул гневный огонек...

Но Аменорис повлекла его дальше и, обойдя громадную фигуру Изиды, подвела к стене позади статуи.

— Мой Гору, — быстро зашептала она, — мы пойдем в подземный храм, куда открыт доступ только жрецам и лю-

дям, в жилах которых течет кровь фараонов. Только там можно вызвать богиню и только там она показывается людям, ищущим ее мудрости... Но ты, мой Гору, не имеешь права войти в скрытый от глаз смертных, храм... пока не сделаешься мужем дочери фараона... Вот, возьми этот уреус, символ власти над жизнью и смертью... Перед лицом богини ты мой муж. Ты взял мое сердце, возьми же и власть, данную мне моим рождением. Теперь ты можешь войти, так как ты муж дочери фараона и будущий фараон Египта.

Мюри, взволнованный словами Аменорис, почтительно взял золотой уреус, поднес его ко лбу и спрятал на груди.

Тогда Аменорис прикоснулась к стене, и часть ее раздвинулась, открыв небольшой скрытый проход, ведущий в тайный храм, доступный только посвященным. Затхлостью и сыростью веков пахнуло из открывшегося отверстия.

Следуя за девушкой, державшей его за руку, Мюри некоторое время шел по узкому коридору, высеченному из камня.

Аменорис в полной темноте уверенно шла вперед, ни разу не останавливаясь и не замедляя хода.

— Осторожней, Гору! — приостановилась она наконец. — Здесь начинается лестница.

Мюри сделал неуверенный шаг и почувствовал под ногами ступени, узкие, скользкие, покрытые мокрой плесенью. Придерживаясь за стену, он начал спускаться вниз.

Один раз из-под ног его выпрыгнула большая жаба и, звонко ударившись о каменные плиты лестницы, исчезла во мраке. Мюри вздрогнул, и невольная дрожь пробежала по его телу. Наконец, вдали показался едва заметный свет.

— Мы приближаемся, — прошептала Аменорис. — Собери все свое мужество, Гору, так как ты сейчас увидишь то, что недоступно уму смертного...

Свет становился все сильнее. Отливаясь голубоватым тоном, он причудливо играл на мокрых камнях лестницы, создавая таинственное, жуткое настроение.

Лестница окончилась.

Следуя за Аменорис, Мюри вошел в большую комнату, высеченную из огромных каменных плит, на которых были художественно изображены сцены из жизни Изиды.

Прямо напротив входа высилась большая статуя богини, удивительно искусно сделанная из белого мрамора и украшенная золотом и драгоценностями. По бокам на треножниках курились благовония, дым от которых мелкими струйками поднимался вверх и окружал голову Изиды как бы легким и прозрачным облаком.

Аменорис подвела Мюри к статуе и распростерлась ниц перед ней. Затем, встав, она подошла к подножию и, надавив какую-то пружину, открыла скрытый в мраморной глыбе ящик, вынула из него небольшую коробку и высыпала содержимое на золотые треножники, на которых курились благовония.

Тотчас же густой белый дым поднялся кверху и окутал фигуру Изиды, сделав ее невидимой.

Резкий запах, немного напоминавший запах ладана, распространился по храму. Голова у Мюри слегка закружилась, и в глазах замелькали зеленые круги.

— Мужайся, Гору! — вдруг услышал он прерывающийся голос Аменорис. — Сейчас я скажу страшное слово...

Мюри вздрогнул.

Как ни сильна была его любовь к девушке, как ни настаивал он на вызове богини, но в этот момент он готов был от всего отказаться, только бы выйти на воздух. Страшным усилием воли победив охватившую его слабость, он ответил Аменорис:

— Я готов, произноси заклинание.

Аменорис сделала несколько шагов вперед, подошла к фигуре богини, и подняв руки кверху, заговорила каким-то странным глухим голосом, не похожим на тот голос, каким она говорила с Мюри:

— Великая Изида, создавшая все живущее! Именем любви нашей, внушенной нам богиней Гатор по твоему повелению, именем права, данного мне при рождении, именем великих тайн жизни, заклинаю тебя: приди сюда и удели

нам от твоей великой мудрости... Атомом вечного начала всех начал, заложенным во мне тобою же, атомом, который начался в жизни вместе с тобою, атомом, который так же бессмертен и могуществен, как и ты, ибо он составляет часть тебя, ибо его даже ты, великая богиня, не можешь уничтожить, я заклинаю тебя: Приди!.. Страшным словом вечности вечного Начала требую я: Приди!..

...Аменорис продолжала стоять неподвижно, подняв руки вверх и слегка изогнув стан...

Громко произнеся, скорее выкрикнув, последние слова, Аменорис продолжала стоять неподвижно, подняв руки вверх и слегка изогнув стан, похожая на изваяние талантливого скульптора, желавшего создать шедевр красоты и грации. Тело было неподвижно, но чувствовалось, что духовные силы девушки напряжены до последней степени.

Эти силы как бы исходили от Аменорис невидимыми, но ясно ощущаемыми лучами и, наполняя храм, уносились в неведомую даль к первоисточнику, от которого «я» девушки черпало жизнь...

Вдруг по храму пронеслось легкое дуновение ветерка, легкое, едва заметное, но действие его на сознание было настолько велико, что Мюри упал на колени, едва смея смотреть вокруг себя.

Аменорис продолжала стоять на прежнем месте, напрягая всю волю, чтобы невидимыми нитями связаться с богиней.

Легкое дуновение пронеслось и исчезло, как небольшой порыв теплого вечернего ветра. Затем под куполом храма показалось небольшое голубоватое облако, быстро перебежавшее с места на место.

Облако постепенно увеличивалось, сгущалось. Голубоватый свет, исходящий от него, становился ярче. Станный аромат наполнил храм и слегка кружил голову, в ушах звучали аккорды таинственной непонятной музыки. Моментами казалось, что аккорды страшно мощны, как раскаленным молотом бьют по сознанию, заставляя страдать, моментами же казалось, что это просто движение воздуха.

Голубое облако сгустилось в плотную светящуюся массу и остановилось над головой изваяния Изиды. По временам из облака отделялись небольшие голубоватые лучи, похожие на молнии и, прорезывая темноту храма, освещали его каменные стены со следами сырости и плесени.

Так продолжалось несколько минут. Наконец, облако опустилось на статую богини и окутало ее, скрыв от глаз дрожащих Аменорис и Гору.

Одновременно какая-то волна пробежала по храму.

Ничего не случилось, но Мюри стало ясно, что что-то могущественное, сильное, таинственное, стоящее намного выше его понимания, произошло здесь.

Аменорис упала на землю лицом к изображению богини, окутанному облаком, и лишь слабо вздрагивающие плечи показывали, что она жива...

... Аменорис упала на землю лицом к изображению богини...

Мюри казалось, что все это он видит во сне...

Внезапно из облака послышался тихий мелодичный голос, едва слышный, но каждое слово его врезалось огненными буквами в воспаленный мозг людей, осмелившихся заглянуть в вечность.

— Зачем звали вы меня, созданные мною люди? Разве для того, чтобы просить меня изменить предопределение? Слушайте! Если в длинной железной цепи, натянутой машинами, разбить одно звено, то что сделается с цепью? Она разорвется, и понадобится все начинать сначала, чтобы снова натянуть цепь... В великой вечной цепи эволюции каждый из вас — это звено, назначенное заранее, чтобы укрепить натянутую жизнью цепь. И если такое звено не выполнит заранее Великим Началом предназначенную ему работу, то цепь разорвется и погибнет вековая работа мира... Как же вы хотите, чтобы я помешала предопределению? Чтобы нарушила гармонию созидания ради вас, атомов, служащих одной великой цели непрерывного движения вперед по лестнице мировой эволюции... Изменить предопределенное я не могу, но скажу вам, что спустя много веков вы увидите для того, чтобы опять расстаться и только при следующей встрече, последующей через тысячелетия, ветви ваших жизней, может быть, соединятся в одно дерево, питающееся одним соком. Ждите этой встречи и надейтесь!..

Раздался сильный удар грома, помещение храма наполнилось огненными стрелами, облако, скрывавшее изображение богини Изида, как бы разорвалось пополам и осветило строгие черты лица статуи сильным голубоватым светом.

В глазах Мюри заходили голубые круги, сознание помутилось, и он почувствовал, что безудержно летит в пропасть, не будучи в силах остановить стремительность полета.

Внезапно ощущение изменилось. Мюри стало казаться, что он выбирается из какого-то хаоса страшного, непонятного; напрягает всю силу, но что-то сдерживает его, не пускает... Наконец, сделав последнее усилие, Мюри открыл глаза.

Наклонившись над ним, стояла Аменорис и держала его голову в своих руках. Статуя богини Изиды стояла неподвижно, тускло освещенная огнем светильников, от которых тонкими струйками поднимался дым курений, теряясь в высоте храма.

— Что это?.. Сон?.. — проговорил Мюри, немного приподнимаясь с пола.

— Нет, мой Гору, — грустно ответила Аменорис, — это... откровение... откровение, которому мы должны подчиниться, ибо изменить предопределенное свыше не во власти смертных. Ты слышал слова Изиды? Она сказала: «Ждите и надейтесь»... Будем же надеяться, Гору, так как большего сделать мы не можем...

И, не в силах больше сдерживаться, Аменорис громко зарыдала, припав к плечу Мюри.

Нежно обняв девушку, Мюри поднял ее с пола и повел к выходу, желая поскорее выйти на воздух, так как благовония курильниц кружили ему голову.

Быстро поднявшись по лестнице, они вышли в коридор и ощупью добрались до стены, в которой находилась скрытая дверь.

Аменорис, оставив Мюри, быстро подошла к стене и надавила пружину, но стена оставалась неподвижной. Она надавила вторично — с таким же результатом.

— Что-то случилось, Гору, — прошептала она, — а другого выхода я не знаю...

— Покажи мне, где пружина? — ответил Мюри. — Я посмотрю...

Мюри подошел к стене.

Но в это время камень бесшумно скользнул в сторону и в образовавшемся проходе Мюри увидел толпу жрецов с факелами в руках. Впереди стоял верховный жрец богини Изиды в высоком головном уборе, с золотым жезлом в руках. Худой, сморщенный, но еще сильный старик с ястребиным носом, маленькими злыми глазами, казалось, взглядом хотел проникнуть в душу стоявших перед ним людей.

В уме Мюри смутно мелькнуло воспоминание, что он ви-

дел этого человека еще в Лондоне в своей квартире, когда переживал странное состояние, вызванное кольцом.

— Кто вы, осмелившиеся нарушить покой великой Изиды? — глухим голосом спросил жрец, холодным взглядом смотря на Мюри. И казалось, что нет той силы, которая могла бы пробудить в нем чувство жалости или сострадания.

Девушка выступила вперед.

— Это я, дочь фараона!.. Разве ты не узнал меня, Ма-Ка-Ра?.. По праву рождения пришла я в тайный храм, чтобы спросить совета богини Изиды. А это, — гордо выпрямившись, добавила она, указывая на Мюри, — мой муж. Я сегодня передала ему золотой уреус, а с ним вместе право на власть и на титул фараона Египта.

— Ты забываешь, девушка, — холодно возразил жрец, — что без согласия жрецов ты не можешь передать власть никому... Этого человека, как твоего мужа, мы не знаем, а как смертный, проникший в храм вечной мудрости, он заслуживает смерти.

Аменорис бросилась к Мюри и обхватила его руками, как бы желая укрыть от жрецов...

— Слушай, Ма-Ка-Ра, — быстро заговорила она, — этот человек дорог мне, дороже жизни и, если хоть один волос упадет с его головы, я умру, и ты будешь виновен в смерти дочери фараона...

— Великая богиня выше всех Смертных и даже фараонов... Ее веления должны исполняться беспрекословно. Не только он, вошедший не по праву в подземный храм, заслуживает смерти, но и ты, нарушившая сознательно известный тебе закон... Покорись и не препятствуй исполнить волю богини.

Главный жрец сделал жест и несколько жрецов кинулись к Мюри, желая схватить его.

Быстро отстранив Аменорис, Мюри бросился на нападавших, и несколькими сильными ударами раскидал их в разные стороны.

Затем он обернулся к девушке, со страхом наблюдавшей сцену.

Но в эту минуту один из жрецов приподнялся с пола и с силой бросил копье, которое вонзилось в бок Мюри.

Мюри со стоном упал на пол.

С радостными возгласами снова бросились жрецы вперед и схватили девушку. В отчаянии Аменорис громко закричала, призывая Мюри на помощь.

Услышав крик девушки, Мюри, как бы под влиянием электрического тока, вскочил с каменного пола, вырвал копье из раны и снова бросился на нападавших, в испуге попятившихся к выходу.

Залитый кровью, с дико блуждающими глазами, Мюри был страшен, а сознание, что Аменорис грозит опасность, удесятерило его силы.

Большим прыжком подскочил он к ближайшему жрецу и, схватив его за руку, вывернул ее и вырвал из ослабшей руки тяжелую дубину, окованную медью. Затем, сделав два шага назад, как бы для разбега, он с громким криком бросился на столпившихся в узком проходе жрецов, которые в страхе, не выдержав стремительности натиска, отступили в храм.

— Скорей, Гору, скорей! вниз! — крикнула девушка, увлекая за собой Мюри.

Пробежав коридор, они спустились по лестнице и вошли в храм, где Аменорис, поднявшись на подножие статуи, прижалась к ней, держа Мюри за руку, как бы отдавая себя и своего мужа под ее покровительство.

Почти тотчас же в храм ворвалась толпа жрецов, потрясая копьями и мечами.

Мюри в изнеможении опустился на мраморные плиты, прижав руку к ране и сдерживая лившуюся из нее кровь.

— Остановитесь, жрецы! — послышался повелительный голос Аменорис. — Остановитесь! Это приказываю вам я, дочь фараона... Вы знаете, что лишать жизни отдавшихся под покровительство Создавшей жизнь, нельзя. Берегитесь же гнева богини...

В голосе Аменорис, привыкшей повелевать, послышались металлические нотки и жрецы неуверенно остано-

лись, окружив статую Изиы со скрывшимися около нее Мюри и Аменорис.

Аменорис напряженно ждала на высоком пьедестале.

— Ты права, Аменорис! — послышался сухой голос верховного жреца, показавшегося в проходе. — Ты права. Закон богини священной для нас... Но сойди вниз, дочь фараона, и расскажи нам, что произошло здесь.

Ничего не подозревая, Аменорис спустилась по ступенькам вниз и подошла к старому жрецу.

Тотчас же несколько жрецов бросились на нее и крепко схватили.

Мюри хотел было кинуться на помощь к Аменорис, но та громко крикнула ему, заглушая шум борьбы:

— Остановись, Гору! Меня, дочь фараона, они не тронут, ты же рискуешь смертью...

Сделавший уже несколько шагов Мюри остановился и напряженно ждал, что будет дальше.

Верховный жрец вышел вперед и, обращаясь к Мюри, заговорил:

— Слушай, чужестранец, ты, прибывший к нам издалека, из тумана веков... Ты хочешь взять ту, которую отделяет от тебя смерть... Ты хочешь пройти сквозь рождение и смерть, хочешь вырвать у богини Изиы ее тайну, тайну воплощения, тайну бессмертия, которая только доступна богам... Нет, чужестранец, этого не должно быть. Аменорис в наших руках. Отдай же нам это кольцо, надетое у тебя на палец и изображающее двух переплетенных змей... Отдай и Аменорис будет свободна...

— Не слушай его, Гору... — закричала девушка, отбиваясь от державших ее жрецов. — Не слушай! Береги кольцо, ибо, лишившись его, ты лишишься и...

Аменорис не договорила, так как Ма-Ка-Ра, сдернув с плеч тяжелый плащ, накинул его на голову девушки, заглушив ее последние слова.

— Слушай, Гору, — продолжал жрец. — Как дочь фараона, мы не имеем права судить Аменорис, но, как нарушившая клятву и приведшая тебя в храм, она заслуживает смер-

ти... Кроме того, кто узнает о случившемся здесь? Торопись же, Гору, торопись, или ты увидишь кровь той, которую любишь.

Не сознавая, что делает, Мюри снял с пальца кольцо.

Ма-Ка-Ра вынул короткий меч.

— Бросай же, Гору, бросай скорее кольцо, если не хочешь, чтобы меч коснулся тела дочери фараона.

Если бы Мюри был спокойнее, возможно, он заметил бы некоторую искусственность в тоне Ма-Ка-Ра, но мысль, что Аменорис угрожает опасность, мешала ему спокойно рассуждать и, подняв кольцо над головой, он бросил его к ногам верховного жреца.

В ту же минуту по знаку Ма-Ка-Ра жрец сдернул с головы Аменорис тяжелый плащ.

Мюри, как в тумане, увидел верховного жреца, наклонившегося за кольцом, затем прелестное личико Аменорис, смотрящее на него глазами, полными отчаяния.

...Мюри, как в тумане... увидел прелестное личико Аменорис, смотрящее на него глазами, полными отчаяния.

Как сквозь сон, донеслись до него ее последние слова:

— Надейся, Гору...

Далее все перепуталось, смешалось в хаосе тумана и огненных искр, пока темная пелена не надвинулась на сознание Мюри...

Когда Мюри пришел в себя, первое, что бросилось ему в глаза, это стена и висящие на ней портреты матери и сестры. Далее письменный стол с большим удобным креслом, этажерка с книгами...

— Аменорис... — беззвучно прошептал он, стараясь понять случившееся с ним, но слабость снова овладела Мюри и он несколько минут лежал неподвижно, не думая ни о чем.

Наконец, усилием воли стряхнув с себя оцепенение, он немного приподнялся с кровати и огляделся кругом.

Он лежал в своей комнате в Лондоне. В окно слабо струился тусклый свет туманного лондонского утра, моросил мелкий дождик.

Мюри попытался было встать с кушетки, на которой лежал, но со стоном упал назад, схватившись рукой за бок.

— Что это?.. — воскликнул Мюри, с недоумением рассматривая руки, покрытые кровью. — Эта рана!.. Жрецы!.. Храм Изиды!.. Аменорис!.. Какой странный сон!..

При воспоминании об Аменорис сердце его болезненно сжалось и он прижал руку к груди, но тут почувствовал какой-то твердый предмет, больно уколотивший его. Опустив руку, Мюри вынул золотой уреус тонкой работы, покрытый художественной эмалью, совершенно новый.

— Уреус!.. — вспомнил он сцену в верхнем храме. — Так неужели же это все действительно случилось со мной?.. — Мюри задумался.

— А где же мое кольцо?.. Кольцо Изиды?... — вдруг вспомнил он, посмотрев на руки.

Кольца не было, только узкая полоска на пальце обозначала то место, где оно было надето.

Мюри огляделся кругом. Ни на кушетке, ни на полу кольца не было видно. С трудом поднявшись, он подошел к двери и увидел, что она заперта на замок и ключ находился в скважине. Следовательно, никто войти в комнату не мог.

Сделанные усилия вызвали у Мюри сильную боль, не замеченную им сгоряча, и он, с трудом добравшись до кушетки, поспешил вызвать по телефону врача, который констатировал у Мюри хотя глубокую, но не опасную для жизни рану, нанесенную каким-то колющим оружием.

Через три недели Мюри окончательно оправился от раны в бок, что же касается другой раны, сердечной, то она оказалась гораздо опаснее и Мюри из веселого и жизнерадостного сделался задумчивым, угрюмым, мрачным...

Часто по целым часам он стоит в одной позе, и губы его беззвучно повторяют:

— Аменорис... Аменорис...

Он глубоко уверен, что когда-нибудь, может быть в этой, а может быть, в будущей жизни, он снова встретит прелестную египтянку и тогда уже не расстанется с нею, так как он верит богине Изиде, которая сказала:

— Ждите и надейтесь...

ПРИЛОЖЕНИЕ

II

МИХАИЛ СКУРАТОВ

КОТЕЛ

Рассказ

Присказка

У каждого своя манера сказывать. Давно и я уже удумал поболтать о том, что мне виделось, что мне слышалось на моем небольшом веку. Вот и сейчас к слову. Было одно такое дело. На стороне. Давненько уже, пожалуй. Такое, что трудно поверить. Скажут, что сказка... Да мне врать не для чего. Было...

Есть на берегу Байкальского моря-озера селение одно — Култук. Гиблое место, считали ранее, да и теперь, пожалуй.

Стоит Култук-село между скал, в щели. Щель эта узкая и длинная, что твоя водосточная труба. Справа — один косяк высоченных гор, слева — другой в поднебесье упирается. Оттого и щель. До самой Монголии тянется, проклятая. У Култука она упирается прямехонько в Байкал. Похоже на то, что стеганул мужик саврасых, а саврасые-то кони расперли так шибко, что натянул мужик вожжи, да изо всей силы уперся в передок телеги... Да и Байкал-то тоже щель ладная. Только ранее она посуху шла, а тут по воде куролесит. Вся и разнища.

И дуют ветры непогожие, ходуном ходят вокруг Култука, — то со степи свищат, то с моря задувают.

Да вдобавок по бокам скалы щека-щекой висят, да тайга дремотная щетина-щетиной стелется. Если б не железная дорога, что село насквозь прошла по самой по середине, да не кочевой удобный тракт в Монголию, по самой щели распластавшийся, не бывать бы Култуку! Дико и гибло, да зато красивее места трудно найти.

1.

Жили-были себе мужики Култукские...

И вот не ждали-не гадали ни девки, ни парни, ни сами мужики с бабьями, — только все шиворот-навыворот поехало. Дым коромыслом пошел.

— Кутерьма поднялась, не приведи господи! — старухи горевали. — Так было, дело-то, сынок. Стреляли, стреляли, а хто их знает, не разберешь. Только к вечеру зашли в село не русские люди. Шапочки малюсеньки, набекрень; посредине — разрез махонький, ну, пирожок-пирожком, а на шапочке — ленточка, одна половина белая, другая — красная...

Говорили еще мне старухи, что рубашки на чужих людях были русские, сукно защитное, да хорошее, ремни кожаные — замечательные, штаны — бутылочкой, галифэ называются, а вместо сапог — обмотки сукна зеленого.

Сами-то гладкие и лопочут чудно, а порой слова два-три как будто на русские смахивают.

Утром бабы шепчут уже, — окаянные:

— Чеки и слобаки пришли... Загранишны... Иркутчк-то взяли, таперча из Иркутчкa прут; наших перестреляли, не приведи господь!

К полудню мальчишки бегали по задворкам и заливхватски разносили новости:

— Чеки и слобаки по избам селятся. Водокачку сожгли, а станцию комендант ихний занял...

Отцы издали показывали детишкам монгольские плетки. Ребята — врассыпную. К дедушке Маркелу забежал с перепугу внук Миколка.

— Чо бегашь? От отец-то задаст тебе. Будешь езозить. Каки люди-то пришли?

— Чеки да слобаки, дедушка!

Мальчонка осмелел, лихо сплюнул сквозь зубы, и осклабившись добавил:

— Наши ребята их не так ишшо зовут...

— Ну-ко-сь, как? — дед поглядел через плечо. В дверь входил отец Миколки. В руках бич. Миколка отца не видит и очень даже бойко кричит. На лице задор.

— Черти да собаки пришли, дедушка!

Плохо пришлось отважному парню за такие собачьи слова. Долго ходил по его спине бич, из Монголии вывезенный.

— Лешав чорт, — бурчал отец, — из-за тебя ишло головы не снесешь... Долго-ль до беды? — покачал головой.

— Расстреляют... В тако время танк баловство. Ты чо, парень, сдурел, чо-ли?

Мужик Михайло Непомнящих (это и был он самый) — мужик толковый. Не знаю, за что зовут его поулично: «поселенькою кишкой» (хоть он и старожил). Как пришли чехи да словаки, все и думал думу, как бы голову снести и хозяйство соблюсти. Ночью-то с женой что было нужного, да не дешево купленное, — все попрятал... С собаками не отыщешь. Что под землю, что в колодец упихал, что в хлевах да клетях рассовал, а что и в самый Байкал умудрился утопить на веревочке неглубоко... Дошлый мужик! Все попрятал, что прятать можно было. Коней, да коров раньше в степи угнал, благо таврены.

Одно беда, — котел артельный некуда деть! Еще от дедов по наследству дан ему. Когда артели крестьянские рыбачили, либо трахты чинили, то завсегда этот котел за собой возили. Всю артель один обслуживал.

Ши, да кашу в нем варили, а то и штаны в нем стирали и полоскали. Целого быка в нем утопить можно было... Да и большой, проклятуший!

Чугуна одного пудов... чорт его знает, сколько будет! Так лежит на дворе, в землю зарылся. Ни скovyрнуть его, ни поднять одному. Думал-думал Михайло. Как быть? Руками развел... Решил:

— Да ну его к лешему. Пусть валятца. Кому он нужен, этакой чугунище?.. а возьмут — пусть берут... Таперча артели маненьки стали... На кой он?..

Постучал пальцем по чугуну... хорош... Аж гудит, что твой колокол в Иркутском монастыре.

— Оно, конечно, в хозяйстве всяка вещь дорога, продать бы можно за добру цену, да чо сделаешь?.. авось не возьмут...

Так и валялся котел в навозе до поры-до времени.

Было под осень. Мужики по ночам Байкал слушали, благо на берегу обжились, да обстроились...

Байкал не то, чтобы очень любили, но иначе, как морем не называли. По ночам море в самую тихую погоду ревело-ревмя, так что спросонья мужики думали:

— Опять, поди быков из Монголии: гонят... Гуртов де-сять, без малого... Ишь, орут...

Байкал под осень всегда орет истошно. Вода — чернее смолы, пены — видимо-невидимо... Горы да скалы круто-ярые тоже нахохлились. Сердитые, страсть! Тучи по ним ползут злющие, хотя дождя еще нет. Ветры задувают — вырви глаз, тошно смотреть на белый свет! Столбы телеграфные ноют, чисто над покойником бабы голосят.

Чехо-словаков в Култуке не убавилось. Жили хорошо, мужики сказывали. Жрали здорово, спали еще здоровей. Баб и девок култуцких мало трогали, должно быть, не нравились. На рыло не вышли... Ну, а мужикам и лучше!

Култуцкие девки — ядреные. Щеки — арбузы целые, груди — сами собою кофты распарывали. Вот девки! Ну, а на лицо, пожалуй, для кого и не вышли. На буряток смахивали.

— Ладно, что на мурло-то неказисты... Всех бы девок загранишны испохабили... — говаривал дед Маркел.

— Ладно тебе уж, — огрызался Михайло, — еще услышат... На што им наши девки?.. Срамота одна. У них эвон своих сколько, городских...

— Все одно, русски...

— Дуры, бабы... и русски-то... Тьфу!..

Чехи расселились по избам, часть по вагонам расположилась. Навезли с собою жен немало, русских все более. В Сибири обзавелись. Почему не обзаводиться было, коли сами на шею кидались?

Убитых своих чехи хоронили на сельском кладбище. Музыка была такая — горы грохотали. Эхо семь перекатов делало по горам по байкальским... Потом стрелять начали,

холостыми из винтовок да из пушек... троекраты... Жару задали такого, что до сих пор в Култукке помнят это дело...

Пригласили чехи мастеров своих, да памятник соорудили на диво. Камень достали серый, чесали его, кололи, шлифовали и сварганили столб остроконечный. Вокруг столба из камня серого изгородь да тумбы наделали, да разные фигуры с надписями высекли, а наверху орла каменного посадили... Так-то браво вышло.

Дивились мужики, а еще больше тому, что поп култукский, о. Иоанн, отпевал покойников вместе с попом нерусским и проповедь говорил, благо в Култук на ту пору приехали русские казаки, офицеры и прочие господа.

И-и, красно же говорил о. Иоанн, как никогда не говорил ранее, ни на Пасху, ни на Рождество! Мало поняли мужики, да кое-что укумекали в головах своих нехитрущих.

— Чехи — это наши братья славяне, освободители... Скажу вам, православные, что угнетали их пятьсот лет истонные враги веры православной и русского: народа,— немцы, те самые немцы, которые хотели и нашу Русь святую к своим рукам прибрать, да господь-бог не допустил нас до греха этого... Но неисповедимы пути господни, дорогие братья и сестры, послал он новое испытание... пришли большевики...

Батюшка говорил немало. Речь его переливалась и журчала, как волны байкальские по песчаной косе и по галькам.

— Ай, и краснобай! — шептали мужики.

Говорил о. Иоанн, что чехи-де наши спасители, что это-де герои, которые и себя освободили от немецкого ига страшного, и Русь святую от большевистской заразы и смуты. И под конец сравнил большевистскую армию с Голиафом, а чехо-словацкую — с Давидом, что вот, мол-де маленький, маленький Давид, а победил этакого силача — Голиафа.

Не забыл о. Иоанн и мужиков. Заговорил о Давиде с Голиафом, да и спросил в ту сторону, где мужичье толпилось.

— Так ли я, чадо, говорю? Пастырь ваш, пастырь стада, вверенного господом-богом нашим, и не в руце ли божией

дано было дать победу юному Давиду над свирепым Голиафом?

Мужики переглянулись и переступили с ноги на ногу. Так-то-так, да что сказать? А не сказать нельзя, плохо, да и неловко. Выручил таки Михайло, мужик смышленный и толковый.

— Чо и говорить тут, отец! Мал золотник, да дорог. Без бога не до порога... — о. Иоанн блаженно ухмыльнулся. Улыбнулись и господа образованные, улыбнулись и чехисловаки, как улыбаются глупому дите-несмышленочку.

Мужики ожили, затормошились, заговорили скопом и впопад и невпопад.

— Чо тут говорить, о. Иван... Извесно... сила соломинку ломит... Куды ты, туды и мы... Чо ты, святой отец, то и мы... Мы народ крестьянский... наше дело сторона... Нас не шевелят, и мы смирно сидим. Конешно, где же Давидке с Гольяфом сладить, коли не господь...

О. Иоанн слушал, немного склонив голову набок,— пристойно, скромно и тихо. От радости он перебирал цепочку... Ему было очень лестно перед таким блестящим сборищем; где и офицеры, и генералы, и графья даже есть, слушать беспорядочные слова своей паствы. С виду-то кажется, что мужики култукские в нем души не чают, как в истинном пастыре Христовом.

— Куды ты, туды и мы, мол...

Еще долго бы гуторили и тарабарили мужики, да грянули жерла музыкальных труб и заглушили ненужный мужичий шум.

Похоронили Давиды своих Давидов, ружья — на плечо, кругом — марш! — и айда по домам. Мужики тоже, головой покачивая, да Михайлу Непомнящего похваливая.

— Кабы не ты... конхуз-был, паря...

Слава о Михайле по всему селу пронеслась, — дошла она и до самых чехов. Изба у Михайлы большая и светлая, места в ней много, жена у Михайлы — хозяйка добрая и опрятная, и нет лучше помещения для командира какого или для другого чина подходящего.

Дело к зиме подходило. Еще на Байкале берега не запахнулись в ледяные коросты, еще черные волны с белыми гребнями ходуном-ходили на приволье, но на скалах захребетных, на острогрудом Хамар-Дабане — горе знаменитой, — на верхушках сибирских кедров, на статных лиственницах уже порошил снежок.

Ветер был злей и привередливее, и телеграфные столбы гудели жалостливее.

— Эка, погода кака, — думал Михайло, тоскливо установившись в окно. Видел: море пучилось; вдали и вблизи лопалось на части, бросалось на скалы, кусало их и по отмелям рассыпалось с грохотом. Близкие горы слезились туманами, дождями и снегами. Острогрудый Хамар-Дабан уже спрятал макушку в тучи, будто шапку нахлобучил до отказа.

На дворе валялся все тот же чугунный котел... Сирота-сиротой.

— Чорт, надо бы под навес стащить, ла силы кет. Продать бы... Денег стоит, а то ишшо на пушку перельют.

Михайле становилось не по себе.

— Фу ты, херовина кака!.. Не догадался я его в назем спрятать. Вечером же целый воз на него опрокину, пока не заприметили...

К вечеру мужик лопатой, граблями, да вилами: ковырял в хлевах, под навесом, в телятнике у себя.

Вдруг шелк-шелк... Кто-то стучал в ворота. Паршивый пес Мухорко сипло залаял.

— Каки ишшо таки гости? Как нарошно, холера вас тут носит... — Калитку приоткрыл легонько... Думал, свои...

— Тьфу ты, язва вас, — подумал мельком и отшатнулся: перед ним, не сгибаясь, из-под земли выросли три чешских офицера. Один шагнул вперед, звякнул шпорами и приложил руку к козырьку огромной фуражки, похожей на кастрюлю с ручкой.

— Наздар...

Михайло оторопел, попятился назад. Слышит давно всем, надоевшее и осмеянное.

— Я чэшский комендант... могу просить вас дать комнаты господину доктору...

Неловко Михайло сам приложил руку к изодранной шапчонке (под ложечкой что-то заныло).

— Сюды, милости просим, восподин дохтур... сюды пожалте...

Доктор был сухощавый и пожилой. На прямом носу очки большущие ладно сидели — в черепаховой оправе.

В избу вошел, губами пожевал, головой одобрительно покачал. Покорный Михайло отвел нарядную горницу сухому чужестранцу.

— Хорошо, мол, здесь... Лучше места где, мол, найти?

К ночи доктор переселился на новоселье. Натаскали ему денщики всякой всячины. Книг одних сколько, банок, склянок, инструментов разных, — уйма! Доктор был из шибко ученых. Ночью Михайло шептал сыну Миколке.

— Ты у меня, стервец, не вздумай в горницу к нему забраться. Мотри у меня... Убью... — Миколка проворно прижался в угол и вспомнил монгольский бич.

На дворе косые дожди со снегом полоскали чугунный котел. Проклятый чех помешал мужику засыпать котел навозом... То-то ладно было!..

4.

Утром прояснело. Гуси весело гоготали на море, всю ночь проспав на воде. На земле было холодно, а в воде гусю привольно и тепло. Солнце пригрело — и горластая птица зепала на весь околородок.

Военный доктор кашлянул и проснулся. Распахнул двери из горницы в избу.

— Цо это громко так? — спросил.

— Это гуси, восподин-пан, — откликнулся Михайло.

— Гусы? Я понымаю... Вы говорит, что это громко, як сам Ян-Гус, — нескладно пошутил доктор.

— Точно так, восподин-пан... Это и есть сам гусь, — по-своему поддакивал Михайло.

На этом разговор замкнулся. Доктор оделся, долго копошился в горнице и, глядя в окно, говорил:

— Это очень добре, очень красота... Сибيريا и Байкаль... Это будет историческое место...

Было еще сыро, когда доктор уносил свое тощее тело и длинные ноги из избы. Михайло старался не глядеть на красивый офицерский костюм.

Миколка-сынок успел улизнуть на двор, спрятался за котел чугунный, и долго смотрел на чудные докторовы сапоги с застежками, на ремень с медными бляхами, а еще больше на большущие очки в черных ободках.

Доктор осторожно спускал ноги с покосившегося крыльца.

— Журавель, — посмеялся Миколка.

Дальше ему было не до смеха. Доктор потянул носом воздух, огляделся вокруг; и медленно прошел по двору. Он делал моцион. Миколка таращил глаза на чужого человека и хотел уже бежать.

Чужой человек, дойдя до котла, остановился, расставил ноги и удивленно нагнулся.

Потом постучал хлыстом о чугун. Шершавый котел жалобно прозвенел.

— Пюсто... — промычал чех, и, увидев сопливого Миколку, полуласково, полубрезгливо спросил:

— Маленький мюжик, цо тако?

— Котел это... Щи в нем тятка варил...

— Цо?... Котел... такой великий...

Чех покрутил головой, и к изумлению мальчугана закончил:

— Спасибо... До свиданья...

Он еще раз покачал полулысой головой и медленно, будто, боялся упасть в грязь, вышел за калитку. Там его ждал небольшой автомобиль.

Миколка растопырил пальцы и угрюмо пролепетал вслед диковинному человеку.

— На здоровье, дяденька... Ничего не стоит на спасибо-то... — Почесал под мышкой...

— Тятка-то не видал... Не скажу, избыет ишшо.

К полудню Михайло исполнил заветную мечту. На место котла чугунного прела большая куча навоза, как и во многих дворах крестьянских. Едкий пар подымался струйками и снова стлался по земле.

— Ты, паршивец, не смей разгребать назем, — предупредил сынка повеселевший Михайло. Сынок ничего не сказал, только нетерпеливо сжал губы с видом человека, знающего очень и очень много, больше, чем сам тятка, да не скажет ему ничего, потому только, что он больно дерется монгольским бичом.

5.

Чехи смаковали победу. Разбитая горсть красногвардейцев разбежалась на первых порах по тайге и по горам. Пришлось им поневоле бродягами слыть...

В тайге летом приволья много. Одной ягодой можно жить.

К зиме стало туго. Пищи не стало, ягоды и те позамерзли. Изодрались, изголодались люди. Шли из трущоб кедровых, из расщелин горных, поближе к деревням да к улусам бурятским.

Кто под счастливой звездой ходил, тот жив остался, кому фарту не было — всех перестреляли.

— Ага, большевик... Давай его, растудыт-туды такого...

Случилось так, что вблизи Култука как-то утром поймали чехи в горах бродягу, да не простого, — красногвардейца. Живо его потащили в штаб на суд-расправу. Вели по деревне до самой станции, так что бабам довелось одним глазком поглядеть на варнака.

Варнак был здоровенным парнюгой, и в кость и в рост вышел. Лицо хоть и не мыто было, пожалуй, недели три кряду, да очень понравилось бабам.

Волосы у парня — из кольца в колец, глаза серые — во, какие! Со столовую ложку, не меньше. Размякли бабы сердца и мозги.

— Несчастненький... Подтощал-то как... бедненький...
Убьют ведь его, хворобы-то...

На пленном трепыхалось тряпье, — одна штанина держалась на ниточке, — на одной ноге шлепала какая-то опорка, другая, совсем босая, истрескалась в кровь.

Военные суды короче воробьиного носа. Раз, два и готово...

Не знаю, какой стих нашел на чешское командование... Мужики култукские и то диву дались. Пойманному большевику чехи дали помилование. То ли работник им лишний понадобился, то ли стрелять не было охоты, только варнак, то бишь, большевик, остался жив и был на конюшню отправлен.

Одним глазком бабы досмотрели: на варнаке рубаха новая сидит и штаны хорошие даны. Ходит-охлаживает вокруг саврасых да вороных, чешет их, моет их, кормит овсом ядреным, заплетает им гривы косматые в косы по-девичьи, да хвосты завязывает в узлы упругие.

Сам-то как будто повеселел, и на щеках заиграла у парня заря-макова, на что култукские девки падки, как мухи на мед. Издали ему, исподтишка, руками махали и шутливо манили к себе...

— Иди, мол, погуляем... ишь, какой сдобный...

Он с опаской, будто нехотя, глядел в их сторону; губы вздрагивали, и широкая улыбка раскалывала его лицо, так что зубы сверкали острее и чище Саянских белков.

— Ничего, мол, дескать, живем помаленьку, ожидаем лучшего...

Узнали девки и бабы (народ — пройдоха!), что большевик полоненный из Иркутских земель родом, и зовут его Иваном.

— Ну, Ванча, скоро, поди, освободят тебя, да к приходи тогда к нам, — кричала какая-нибудь задора.

Ванча издали кивал головой, но ему кричать все-таки нельзя было.

Все-таки близко стоял часовой, все-таки был он, Ванча, в плену, и судьба его не совсем радовала.

Если он не подох еще от пули вражьего стрелка, если в тайге дремучей не загрызли медведи и волки, — то будет ли он жив и впредь, — это еще вилами по воде писано, это еще бабушка надвое сказала...

6.

Навесы во дворе у Михайлы Непомнящего большие. Крышу ни дожди, ни снег не берет... сеновал тоже ладный, коновязей наделано много, колод для болтушки коням целых три стоят.

Заприметили иностранные гости и это. Скоро нагнали во двор Михайлы целый табун кровных рысаков, а ухаживать за ними приставили Ванчу-пленного.

Хотел было Михайло разговор завести с парнем, да часовой под навесом зорко глазел во все стороны... и отпала у Михайлы всякая охота разговаривать.

Ванча скреб рысаков, трепал их по загривкам, сыпал в глубокие колоды целые меры овса.

В глазах его билась еще не подстреленная надежда. Да и Михайло-мужик думал:

— Авось не тронут... Жаль парня-то... работник добрый, видать...

Военный доктор у Михайлы обжился в углу, как паук-крестовик. Звенел медицинской посудой, шелестел листами мудреных книг, и что хуже всего — варил разные снадобья и в какие-то стекла смотрел на человеческие костяшки, да на черепа разные, — даже омерзение вчуже брало.

В открытую дверь, из кухни, Михайло как-то ненароком увидел череп. Глазные впадины напомнили ему ямы, что охотники в тайге на зверя роют, а улыбка костлявая — волчью пасть, которая того и гляди залязгает страшными зубами.

— Лешав чорт, чем заниматца! — боязливо подумал про себя Михайло. — Ишшо приснится на ночь этака хвороба...

Вечером доктор уставал и нередко разговор заводил с хозяином. Расспрашивал о том, какие звери, рыба и трава

растет в тайге, на горах и в Байкале, как живут мужики култукские и чем промышляют.

Михайло из вежливости вел разумную беседу.

— Живем ладно, кабыть... До сей поры жили, слава, богу, господин-пан... Весной да летом пахали, да сеяли, да рыбешку лавливали... Осенью — ягоды мы кулупали... Ну, а зимой, стало быть... ой, да чой это я... осенью же орех кедровый промышляли. Култукский орех ядреный и масляный... ну, таперча, что зимой делали? А то и делали, что в извоз до Иркутцова брались, то мясо, то другу кладь какую везли. Мало ли чо было? — омулей, да селенги-рыбы, господин-пан, бочки целые накатывали, и всякой-всячины не боялись везти. Коли извоза не было, на охоту шли. Лесов у нас — приволье... зверья—тучи целые... На медведей, на козуль, на сохатых и на протчего зверя ходили, а более всего белку долбили. Белковать мужикам прибыльнее... Вот так и жили, господин-пан...

7.

В непогожий полдень ветер бился о крыльцо... Ванча-большевик, ростом с сибирский кедр вековой, опять под навесом с жеребцами возился.

— Но-о, милые, не шали...

Военный доктор тихо спустил себя с озлизлого крыльца... В зубах у него пыхтел, как паровоз на под'еме, чубук немецкой работы.

Сухопарый ученый чех — тощая жердь на ветру... Нелегкая его занесла под навес... Смотрел на кровных лошадушек, шупал за крутые зады и шеи...

Взглянул ученый сухо — суше степных ковылей — на Ванчу. Очки в черепаховом ободке легонько пощупали парня... Еще и еще щипнули раз... Доктор остановился, ноги расставил ходулями, на лбу у него залегла свежая дума. Даже чубук вынул из зубных клещей.

— Не к добру, ой, не к добру приглядыватца он к парню,— подумал Михайло, проходя мимо навеса.

Ученый чех изогнулся в три погибели. Быстро — быстрее непогожего ветру — подлетел он к Ванче. Ванча тускло, как этот сиротский полдень, взглянул на него. Потом вытянулся, пятки — вместе, носки — врозь: что, мол, прикажете? Жеребца подать... мы это можем...

Но господину чеху не до чего до этого не было дела. У него было дело до самого Ванчи...

Молча он подошел к парню, которого уродили морозы сибирские и земли пшеничные... Потрогал плечи — целые косяки избяные, постучал в грудь — гудит. Из такой груди можно наковальню сделать, по такой груди можно кувалдой бить...

Ощупал Ванчу сухопарый человек, благо Ванча стоял, не моргнув глазом, — отошел два шага назад — и круто повернувшись, быстро зашагал... назад.

К чему бы это?

8.

После полудня в горнице у доктора много сидело начальства... Говорили по-своему, спорили, а пуще всех доктор. Он перелистывал книги, что-то читал из них порывисто и захлебывался. Можно было догадаться, что он убеждал кого-то. Михайло — от греха подале — вышел за ворота.

— Не иначе, как о Ванче разговор. Наверно, дохтур затеивает чо-то, чорт лысый!

Чужеземные разговоры в избе кончались, как потухающий пожар в тайге. Последние огоньки-слова сыпались мелко из докторовых уст. Михайло догадался. Доктор настоял на своем — победа на его стороне.

Зазвенели шпоры, хлопнула дверь. Дворовая калитка выбросила на улицу стройную офицерскую свиту. В середине путался доктор. На его лице в первый раз заметил Михайло — блуждала радость. Очки — вспотели.

Офицеры чокнули каблуками. Все жали ученому руки, как будто обнадеживая его. Доктор раскланивался в свою очередь и пытался еще убеждать.

— Ну, дела... Опять не иначе, как будет суд над Ванчой. Таперча Ванче капут. Не сдобровать парню, — строил догадки Михайло.

9.

Поздно вечером Байкал озверел, — и смыл с берега мужика Ерохина баню, проглотил в мокрую пасть пару поросят дьяконовых, и вдобавок за Култуком сердитые волны откусили целую гранитную скалу.

— Ну, седни чо-то море взбеленилось, — судачили мужики...

Поздно вечером Ванчу сняли с работы. Три конвоира увели его на станцию. Курчавая голова Ванчина немного намокла, и думы ее сгибали вниз.

— Ведут... апять... — шептали девки.

Доктор пришел ночью. Михайло еще не спал, починяя бродни. Неожиданно доктор подсел к нему... Михайло неловко отодвинулся, как от липучки...

— Чо он седни, холера, ластится ко всем... сглазит ишшо...

Доктор нескладно по-русски рассказал мужику, — на ночь что-ли глядя, — страшное. Он говорил, что он — человек ученый, и заграницей его — доктора — знают и уважают. Он много учился, много знает и много работает.

— Это пользительно — учение-то... Грамота — она ведь завсегда пользительна, — поддакивал Михайло.

Дальше мужик слышал, что ученому доктору нужно много книг, инструментов, лекарств и особенно денег.

— Деньги кому не нужны... деньги и нам не мешат иметь поболее...

Еще дальше Михайло слышал, что такому большому доктору надо много больных, много черепов и надо иметь скелет... В Сибири же скелетов не продают... Михайло трепыхнулся. Ясно почувствовал, что его больно укололи.

— Чево вы изволите говорить? — и поперхнулся. — Шкелеты, говорите, надо вам... На чо?

Доктор закивал головой.

— Да, да, ради наук мне надо иметь... скелет...

Собеседники разошлись.

Когда ученый заснул, избу придушила тишина... Михайло не спал, не раздевался. Его бросало то в жар, то в озноб... Он смутно догадывался:

— Доктору шкелет надоть... Ой, не иначе Ванчу стрелять будут... для шкелета, да может ли быть это? Это что за люди таки... вот так дохтур... пропади ты пропадом. Зарезать бы таку стерву...

10.

В полночь Михайло вышел на улицу. Ветер делал воронки перед избами, хватался за тощие березки и пригибал их к земле. Дождь, а то и снег, собирался опрокинуться на Култук.

Море гулко охало, как будто перекатывало по дну Байкальские горные кряжи.

Михайло шел к попу. Он не мог спать, ему надо было иметь совет, как в жаркую погоду человеку надобно испить кваску.

Поп еще не спал, но Михайлу впустил в дом нехотя...

До петухов засиделся у попа мужик. Лохматый батя слушал горячую речь Михайлы о завтрашнем расстреле Ванчи, качал рыжими космами и расспрашивал:

— Да как же это?.. может ли быть?.. Ты не ошибся, Михайло?.. Чехи не позволят... народ культурный... ну, подумай, как может образованный человек ради скелета живого человека губить, хотя бы большевика...

— Да нет же, батюшка! Вот крест тебе... голову на отсечение... Шкелет доктору надо... Чо же делать-то? А?

— Да ты что, Михайло, рехнулся, что ли? Да если ему скелет нужен, так разве мало убитых и умерших на поле брани?

— Да нет же... те скалечены... Да и сейчас их где достанешь? Доктор сам хочет приготовить себе... шкелетину... Вот те крест, что хочет...

Батя растопырил руки.

— Другое тут дело, по-моему... Уму непостижима такая мысль... Никогда не слышал о таких вещах... Подумаем до утра...

Но ничего не придумали для спасения души человеческой ни поп, ни мужик. Провожая Михайлу, о. Иоанн добавил:

— Не отчаивайся, Михайло. Дело в руках Божьих...

Мужик уже не слышал его и бежал, подгоняемый ветром, домой...

11.

Ночь прошелестела ветрами колючими, орала в щели и на море до самого рассвета, костляво стучала в оконные ставни,

Был день праздничный, но праздника никто не заметил. Разве что ни дождя, ни снега не было, только стихнувший ветер скулил в точь-точь паршивый пес Мухорко, запрокинув голову на небо.

Вечером — позавчера еще — Михайло цыкал на Мухорку, на пса паршивого.

— Цыц, лешава родова... Чо развылся по покойнишны...

Сегодня воет не пес Мухорко один, воет ветер затихающий, воют девки и бабы... Вся деревня знает, что седня Ванчу ни за что, ни про что расстреляют.

— Шкелет очкастому надобить, — шептала коренастая бабенка, — дохтуру четырехглазому... они рази люди, чехито? Чо на них рази крест есть? Имя человека убить, чо плюнуть, поди. Вчера судили, а сегодня утром-то осудили... Стрелять будут... Ведь вот холера их забери, антихристов, — батюшке и то нельзя к ним приступить. О. Иван хотел было просить за большевика, да рази можно у таких извергов... Загубят душу человечесью.

Михайло ходил, как в воду опущенный. На доктора смотреть не мог, даже тошнило, а с утра еще во рту маковой росинки не было...

— Дохтур, хрен заморский, а не дохтур. Худобина этака... Сам шкелет шкелетом, а ишшо ему давай шкелет. Ишь, выдумал... на чужой-то земле все можно, поди, стерва.

Сплюнул, добавил:

— Как это жалости нисколько нет? Ровно быка убивают, либо собаку каку... а ишшо ученый, много знает... жадоба этака...

Насторожил Михайло уши. Опять щеколда — звяк-звяк.

— Кого несет в этаку рань?

Пошел, открыл ворота, опять — чехи.

— Повадились, — подумал с сердцов мужик.

На бедного Макара все шишки валятся. Чех-офицер угрюмо поясняет Михайле, что есть-де у него котел великий, что этот котел доктор видел, и что котел этот доктору надо для научных целей ненадолго. Михайло остолбенел.

В голове мелькнуло, как молния сверкая:

— Котел?! как же это?.. отколь узнали-то? Хто рази доказал... Не Миколка ли сболтнул...

Однако, вслух он говорил, запинаясь и покорно кивая головой, хотя в глазах — туман ходуном ходил:

— Котел, говорите, господин полковник... Как же это?.. котел у меня есть... Щи я в нем варю, а сейчас я его; в навоз... закопал, кабыть... не заржавел он... Есть у меня котел... как же... есть... Щи варю в нем...

Чех об'яснил, что котел скоро возвратят и даже из двора не вывезут, но ставил одно условие на вид... Котел нужен доктору в качестве медикамента, а он, Михайло, и другие мужики помогут доктору кое в чем.

— Ну, дак чо! Мы рази возражаем... По нас хоть што. Котел у меня добрый, варить чо угодно можно, только бы не испоганить...

Подошел и доктор сам. Чубуком пыхтит — пых, пых. На лице у доктора тихо. Не лицо, а камень. Михайлу бедного тошнило. Он нехотя — матерно выругавшись про себя — повел господ-панов до котла. Взял грабли, сгреб навоз чуточку; котел показал шершавое днище. Доктор одобрительно закивал головой.

— Хорош, хорош...

— Чо тут говорить, господин-пан... Котел добрый... Щи в нем варю... Добрый чугу́н, только бы не испоганить его...

— Ничего, ничего... Я не хо́чу обижа́йт вас.

12.

Через час Михайло и добрый десяток мужиков, по приказанью начальства, принялись за работу. Приказано во дворе котел, обмыть дочиста, налить в него воды чистой и вскипятить. Михайло качался на ногах.

— Не пьяный, кажись, а ноги дрожат... Жалко котел... Испортят... У-у, рожи. Ванчу-то, поди, испугили, теперь за котел принялись, а там и за меня...

Мужики молча, как будто в рот воды набрали, перевернули котел вверх дном.

— Чижолый, — прошептал один.

— Пошто чижолому не быть, — огрызнулся Михайло, — на всю артель щи варили. Бык утонет с хвостом и с рогами в таком котле.

— Артельный котел, чо и говорить, паря. В прежны годы таки делали. Нынче не делают таких.

Котел покачался взад-вперед и грузно придавил сырую землю. Мужики взялись за топоры, настрогали кольев острых, забивали колья в землю, смастерили из кольев круглый таган и присели курнуть. Достали кисеты с огнивом и с листовым табаком да трубки корявые самодельные.

— Кури, да поживей, а то ишшо взгреют.

— Без курева рази можно? Где видано?

— Где видано? Загранишным закон не писан на нашей земле.

Сев на корточки, мужики закурили. Все уставились в землю и думали думу.

— Поди, расстреляли парня-то... жаль...

— Как не расстреляли, поди... ишшо ночью, пожалуй.

— Да нет, бабы говорят, ишшо на станции седни видели, живой быдто...

— Ну, а коли так, стало быть, живой. Авось обойдется.

— Держи карман шире. Чо-то мне кажется, добра не жди... Эх, жизнья русска!..

Покурили мужики и всем огулом стали поднимать котел на самодельный таган. Железные трезубцы, на которые котел ставился, еще при дедах потерялись. Пришлось самодельные мастерить.

— А ну еще берем, а ну еще берем...

— Чорт, здоровенный какой. На чо им понадобился такой?

— А хрен их знат...

Миколка-сынок привез бочку воды. Почти всю ее проглотило чугунное пузо котла. Под чугуном зашипел костер. Кедровые и сосновые сучья шибко трескались.

— Подкладывай, дядя Михайло, где наша не пропадала...

Огонь на ветру жадно сушил отяжелевшую землю и шершавое днище котла. Прелая сырость на чугуне корчилась, пучилась над костром, шипела, как яичница на сковороде, покамест огонь сухим языком своим не слизывал ее дочиста.

Дым завивался в трубки, катился по двору, и остро залезал в глаза, хотя его никто и не просил залезать туда.

Михайло угрюмо глядел на котел. Вода — цвета еловой хвои — та вода, что Миколка черпал на заре из Байкал-моря, не могла и в котле спокойно лежать. Еще не успели огни облизать верхушки котла, а она уже глухо бурчала в чугунном кузове. Пузыри шибко вылетали наверх и со свистом лопались. Поверхность дрожала, как студень, и по ней ползал мутный-премутный пар, как осенью туманы в Байкале-море.

— Закипат, паря...

— И верно.

Вода через пять минут уже не была водой. Горячая расплавленная жижа хлестала через край, если попадала в огонь — огонь обиженно шипел и пригибался ниже, если брызгала на лицо — лицо опухало, кожа лыбилась и сползала тонкими тряпицами.

— Берегись, ошпарит, не вода — железо кипит.

— Чево доброго, можно рельсы накалишь добела в этом кипятке.

— Ну, чо-же стоять-то, парни? Надоть чехам говорить, готово, мол. Кипит!.. — Михайло пошуровал в золе лопатой.

— Чичас скажу... — придушенно он мычит.

Навстречу Миколка-сын. Бежит, — глазенки выпучены, белесые волосы припотели к вискам.

— Чо тебя носит тут... Не до тебя ишшо..

— Тятя, а тять... Ванчу чичас стрелять будут... за станцией... туды повели. Мы со Стенькой видели.

— Цыц, щенок! — сквозь зубы крикнул Михайло, — чо орешь? Не глухой, поди, слышу. Где ты видел?

— За станцией.

— Ковды стрелять-то будут?

— Вот чичас будут... Без штанов Ванча-то, совсем нагишом, — захлебывался Миколка.

Михайло поводил глазами.

— Так-с, мать вашу за ногу, господа образованны... загранишны... Догадался я, на чо вам Ванча понадобился, а таперча догадался, на чо мой котел надо было... Ах, курвы!

Мужик совсем взбеленился. Остальные устави́ли головы вниз: — Не ладно.

13.

За станцией гулко охнули винтовки, словно полнеба на части лопнуло.

Горы ответили трикраты.

— Распрощалась душа с телом белым.

Бабы шептались печально. Скоро до села дошли вести страшные со станции.

— Сгубили Ванчу... Говорят, не плакал и не просил ни-чо. Знал, поди, все одно не поймут.

— Глазками-то, бедный, большими все на чехов-то глядел. Поставили его они к сосне, да как пальнут. Он и вскрикнуть не успел.

— Восподи, бедный какой. Вот участь, не приведи, Боже!

На деревне стало тише. С косогора от станции показались дроги. На дрогах лежал человек голый. Теплые струйки крови медленно текли по белому телу, капали на дроги, с дрог — на дорогу.

— Ванчу везут. Нагишом. Ой, мамоньки, страсти какие. Совсем, как есть нагишом.

— Ой-ой-ой, мамоньки мои, мамоньки, — дико завизжали бабы и девки.

Подняв праздничные подолы, они с остановившимися от испуга глазами бежали на другой конец села. Цветные юбки издали походили на вечерний закат, переливаясь белыми, то синими, то алыми пятнами.

Передохнув, бабы и девки сели на завалинки. Многие плакали, другие придушенно причитали. Одна, построже других, доканчивала свой рассказ, потворствуя бабьей привычке договаривать до конца и щадя любопытство товарок.

— Расстреляли, милые. Командир по-своему как крикнет, так они сразу из всех ружьев — трах!

— Ой, мама... ну, а дальше што?

— Што дальше... Говорить страшно. Ванча стоит, губы сжал, да нагишом, — срамота какая, — ни слова, а на глазах слезы. Как трахнули — он руками взмахнул и упал. Хотел это крикнуть, а зубы-то как чавкнут, да по языку... Язык-то тут же отвалился, на землю... Красный...

— Да ты видела, чо-ли?

— Чо, с ума я спятила, чо-ли... Близко не подходила. Сторож станционный говорил.

14.

Дроги остановились у Михайлиной избы. Мужик совсем оторопел. Видит, доктор распоряжается один. Четыре здоровенных чеха снимали Ванчу с дрог.

Доктор забегает вперед, чубуком пыхтит, калитку сам отворяет, бежит легонько к котлу.

— Готово? Карашо... Спасибо.

Чехи понесли Ванчу. Миколка, глазевший из подворотни, с испугу убежал в телятник.

Длинное тело Ванчи изгибалось. Голова моталась из стороны в сторону. Двое несли за руки, двое за ноги.

— Дохтур, тоже, носилок даже нет, — думал Михайло. В затылке у него — он чувствовал—лежал свинец.

Чехи поднесли упокойника к самому костру. Мужики отвернулись легонько, — на всех лица нет. Один Михайло глядит, не спуская глаз.

Ванчино лицо побелело изрядно. Кудри запеклись в сгустках, из груди бежали тонкие струйки крови.

— Раз, два — командует доктор, указывая пальцем в самую середину котла и что-то поясняя. Вода клокотала пуще прежнего. Чехи приподымали тело и тихо раскачивали над котлом.

— Три! — кричит доктор, взмахнув руками, и даже подпрыгнул.

Михайло охнул и зажмурил глаза. Чехи, раскачав Ванчу, погрузили его в кипяток, посадив на задницу. Так с головой бедный парень и ушел. Жадная вода забултыхала и заверещала.

— Буль-буль-буль, — слышит Михайло.

Шершавый котел засосал молодое тело. Кипяток отди-
рал уже сам собой белую кожу от костей и вместе с кожей волосы ошпаренные, из кольца в колец завитые.

— Подкладывай огня, — слышат приказ мужики.

Нечего делать. Стараясь не глядеть ни на доктора, ни на котел, мужики, пыхтя и сопя, кладут смолевые поленья в костер. В котле шипит, как в самоварах, сразу. В самом котле четыре чеха что-то мешают страшное особыми жезлами.

Ученый доктор изредка помогает. Он успел сбегать домой, одел белый халат с красным крестом на груди, и глаз не спускает с котла.

Мужики стараются не глядеть. Но глаз сам видит, от глаза ничего не укроешь.

— Ужаси каки. С ума спятить можно.

Белое мясо человеческое в кипятке тает, как воск. Целые куски сами собой отваливаются от костей. И уже в котле не тело, а каша.

— Сварил себе щи, доктор ученый, такие щи, каких не варили в Култуке ни деды, ни прадеды.

— Ох, батюшки! — не выдерживает сосед Михайлы и падает на колени. — Отпустите душу на покаяние, ваше благородие. Больше нестерпим.

Доктор удивленно глядит на мужика:

— Какой, мол, варвар. Не может понять, что это ради всего человечества делается!.. — Вслух утешает, как можно вежливее.

— Ничего, ничего, пожалуйста. Это все пройдет, ничего...

— Да как можно, господин дохтур, — жалуется мужик, — покойника этак с волосьями и с потрохами шпарить. С ума сойти в пору.

Доктор сухо молчит. Его глаза как будто привязаны невидимыми веревками к котлу.

Мужики подбрасывают поленья в Костер. Затыкают носы. Запах удивительный запах хороших щей, — залезает им, кажется, и в нос, и в рот, и в глаза, вместе с дымом и паром.

— Ох, — падает другой мужик, — вот так щи мы наварили тебе в котле, дядя Михайло.

— Ничего, это ни-че-во, — с большим спокойствием уговаривал доктор. — Это примитив, но у меня нету другого медикамента.

— А вы, — он круто повернулся к Михайле, — хозяин, вы можете ходить гулять. Вам спасибо.

— Ничего не стоит, — чуть не плача, рычит Михайло.

— Готово. Огонь надо, чтобы потух, — слышит он за собой ненавистный голос доктора.

— Чтоб ты сдох. Тебе бы в котел-то, живьем бы, долго-вязую стерву...

Неделю целую не был дома Михайло. Не помня себя, он уехал в Тункинские степи, к знакомым бурятам в гости. Каждую ночь в улусе снился ему Ванча в котле.

Высунет голову курчавую из котла, чистый, как поросенок, и смеется.

— Вот, дядя Михайло, и здорово же я помылся. Тебе бы так. Всю грязь как рукой сняло!

А то снится Михайле, как мясо человеческое тает в кипятке, ровно воск, и как пахнут удивительные щи:

— Ой, — кричит во сне Михайло, — ой, батюшки, ух, спасите... Шкелет...

Знакомый бурят будит Михайлу.

— Ты чо, паря, карчит шибко этак. Какой такой сон пропаший?

— Не говори, хаба. Не дай бог, дружок, никому. Шкелет я, хаба, во сне вижу, а то человека в кипятке живьем варю.

— Э-э, дурной сон, шибко дурной. Шайтан близко ходит. Надо шамана звать, паря.

Через неделю хозяйство сманило опять Михайлу домой. Испуганный Миколка-сын, что есть мочи, ухватился за рукав тяткин и вопит:

— Тя-я-тька, в избе ночевать страшны... У доктора в комнате шкелетина зубы скалит. Мамка к бабушке со мной на ночь уходит.

— Не плачь, сынок, на заимку уедем зимой.

Доктор приветливо встретил хозяина.

— Наздар. Вы куда уезжал?

Самое худшее—доктор повел Михайлу к себе в горницу показать свое новое приобретение, чем он весьма, видимо, гордился.

Михайло упирался, как бык перед убоем.

— Увольте, господин-пан... христом-богом малю... Вы ишшо и меня так-то сварите... Уважьте... не могу.

— Э-э, какой есть трус. Цо так можно? Россия — храбра, Россия — не боится смерти, а это только скэлет... Он не кусайт...

— Нет, не могу, увольте... Боюсь.

Как не упирался хозяин, доктор настоял на своем.

— Вы меня обижает.

Михайло вошел, зажмурив глаза, в дверь. Он упирался, а зади его легонько и добродушно подталкивал доктор. Наконец, бедный мужик ввалился в горницу, не открывая глаз, трясась, как банный лист.

— Откройте очи. Это не будет страшно.

Михайло, после долгих упрашиваний, сразу открыл глаза и сразу же закрыл их.

— Ой, умираю. Да неужели это Ванча? Ой, смерть моя!

Доктор поддерживал его. В углу стоял большой торжествующий скелет на подставке. Череп смеялся, как ни один из черепов на столе (а их было много). Длинные руки вытянулись по костлявым швам, но впадины глазели грустно, как будто что-то живое сидело в них.

— Ну, как? — спросил доктор, довольный произведенным эффектом. — Это науке будет давать великую пользу... Ну, как это?

Михайло упорно молчал. У него отнялся язык...

Вечером он слег в постель. Услужливый доктор хлопотал у изголовья одуревшего мужика.

Остаточная присказка.

Проскакали деньки и года бывалые. Стоит себе Култук село, постаивает в щели, и на Байкал глядит — не наглядится. Вода насквозь видна, и волны у берегов шуршат, как кот на печи натопленной.

Все прошло. И дни и годы. И чехов нет давно в помине в Култукском селе. Нет их и по остальной Сибири.

Живет еще до сих пор мужик Михайло. В бывалые дни и он ходил партизаном, насмотревшись на муку-мученическую, на горе да на слезы на родные, а теперь — землероб, как и все.

Как вспомнит один воскресный день, кровь холодеет в сердце, и в глазах круги за кругами заплещут.

— Ну, — скажет, — и были времена, ну, — скажет, — и кутерьма была.

Дым коромыслом стоял...

Так эту горькую годину до сих пор мужики поминают. Спросишь, что было у вас, мужики, в 1918 году?

— А чо, паря, было... Дым коромыслом стоял...

Мужик Михайло живет в старой избе. Куда ее денешь? Только страшную горницу Михайло наглухо забил, заколотил, замазал ее глиной, а хозяйка Михайлина перед тем с о. Иоанном святой водой ее окропила, да в великий четверток крестов на двери, на потолке и на окнах наставила вдоволь.

— От навождения, — поясняла.

Опальный котел был целой деревней свезен под откос у железной дороги, на самый берег Байкальского моря. Целуют его ветры осенние да весенние, бури зимние и холодные, лижут его волны зеленые, и тянут за собою на дно морское.

Так понемногу сползает он в пресную воду великого сибирского моря.

— Продать бы его, да рази такую пакость можно продавать, — думал Михайло. — Грех один, да и деньги впрок не пойдут.

Так до сих пор артельный котел чугунный валяется в кустах под откосом.

Скоро Байкал слижет совсем его с берега в бездонные недра свои.

П. ЯРОВОЙ

СМЕНА

(Сон под Новый год)

Фантастический рассказ

5

А. ТЮЛЬМИН

МАРС, СТАРШИЙ БРАТ ЗЕМЛИ

Отрывки

11

ЛЕВ НИКУЛИН

КОШАЧЬЕ СЧАСТЬЕ

Фантастический рассказ

17

ИВАН СЕРП

КАК БУДЕТ

Фантастический рассказ

27

Г. В.

СТАЛЬНЫЕ ПТИЦЫ

Фантастический очерк

37

БОРИС РЕНЦ

С ТОГО СВЕТА

Фантастическая юмореска

45

ЮРИЙ МАРК

АВИАСТРАНА

Фантастический очерк

53

БОРИС ЖИТКОВ

ЧУДАКИ

Фантастический очерк

67

БУДУЩЕЕ

Фантастические эссе («анкеты») писателей 20-х годов.

91

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

ТАК БУДЕТ

Рассказ из жизни будущих людей

109

ЯКОВ ШКЛОВСКИЙ

ПОИМКА ФАШИСТА, ИЛИ ГИБЕЛЬ НАДЕЖДЫ

Рассказ

119

СВЭН (КРЕМЛЕВ)

НА МАРС!

Фантастический рассказ-пародия

127

АНДРЕЙ КРУЧИНА

КОНЕК-ЛЕТУНОК: СИБАЭРОСКАЗКА

Фантастическая поэма

137

ЮРИЙ БЕССОНОВ

ЦВЕТOK ПАПОРOTНИКА

Приключенческий рассказ

171

СЕРГЕЙ БУДИНОВ

АЛМАЗОИСКАТЕЛЬ КУНДА

Приключенческий рассказ

197

ЛЕОНИД МАРТЫНОВ

ЛЕТАЮЩИЙ СУНДУК

Рассказ

233

М. ФРИШМАН

В ЭКСПРЕССЕ БУДУЩЕГО

Фантастический очерк

247

М. МАЛКОВ

ИСТРЕБИТЕЛЬ-ТАРАН

Фантастический очерк

255

К. СОЛОВЬЕВ

ДОРОЖНЫЙ ГИГАНТ

Фантастический очерк

263

Ю. ДОЛМАТОВСКИЙ

АВТОСФЕРА «ЗИС-1001»

Фантастический очерк

267

АННА КИСЕЛЕВА

АЛТАЙСКИЕ РОБИНЗОНЫ

Приключенческая повесть

275

Л. ВОРОНЦОВ

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

Фантастический очерк

390

ВАЛЕНТИН ЛОСЕВ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Рассказ

393

ЛЕВ КАССИЛЬ

ЧАСЫ НА БАШНЕ

Рассказы для детей младшего возраста о Сталине.

405

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПАВЕЛ КАРЕЛИН

Фантастические повести

443

ТАЙНА БЕЛОГО ДОМА

Фантастическая повесть

445

ИНДУС

Фантастическая повесть

479

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Фантастическая повесть

511

КОЛЬЦО ИЗИДЫ

Фантастическая повесть

553

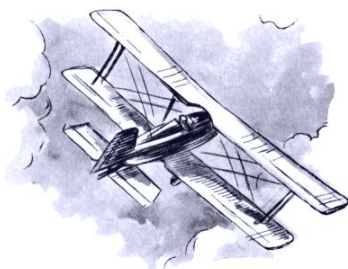
П Р И Л О Ж Е Н И Е II

МИХАИЛ СКУРАТОВ

КОТЕЛ

Рассказ

587

Литературно-художественное издание

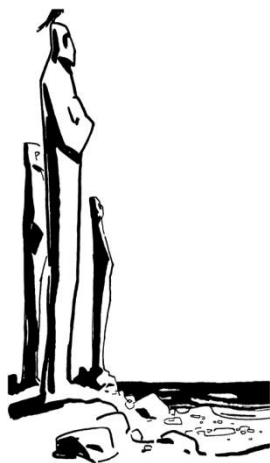
БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
Для среднего и старшего возраста

СТАЛЬНЫЕ ПТИЦЫ

*Антология
фантастических и приключенческих
произведений советских авторов
20-х — 30-х годов XX века*

Издательство «СПУТНИК^{ТМ}»
Дзуреченск, ул. Славная, 88

Подписано в печать 02.08.2021
Ответственный редактор А. Невструев
Генеральный директор издательства
所有的爱-人

Отпечатано в полном соответствии с
качеством представленного электронно-
го оригинал-макета в типографии ООО
«Шер-Хан», субсегмент Энлиль, пр. Гол-
конды Таврической, 177

